

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами курс лекций «Введение в языкознание» — одной из базовых дисциплин, в которых раскрываются исходные понятия, категории, основополагающие для современной филологии, соответственно для высшего университетского филологического образования.

Языкознание занимает центральное место в сложившемся к нашему времени цикле филологических наук (это четко и наглядно показано в лекции 3 настоящей книги «Лингвистика в кругу филологических наук»).

«Введение в языкознание» — пропедевтический курс, призванный подготовить будущего специалиста к профессионально грамотной, научно объективированной деятельности, во-первых, в области исследования языка как коммуникативной семиотической системы и конкретных языков, во-вторых, в сфере прикладного применения результатов лингвистических разысканий прежде всего в лингводидактических целях (обучение конкретному языку, родному и неродному), а также в аспектах перевода (обучение переводу, практика и теория перевода), работы над текстом (своим и чужим), в интересах других научных дисциплин (филологических и нефилологических).

В связи с такими задачами университетский курс «Введение в языкознание» рассматривает общие понятия, категории естественного языка с целью изучения характеристических черт языковой структуры, ее единиц, категорий (в их взаимном соотношении и взаимодействии), основные закономерности функционирования языка как общественного явления и конкретных языков в речевой коммуникации с учетом культурно-исторических и социокультурных обстоятельств общественно-речевой практики использования конкретного языка.

Как очевидно, и преподавание родного/неродного языка, и научное изучение конкретных языков, языка как феномена духовной жизни человека и как общественного явления предполагает прочное усвоение в систематизированном виде той совокупности понятий и терминов, без которых не обходится обучение конкретному языку и которые являются отправными в любом лингвистическом исследовании. Это в равной мере относится как к живым, так и к мертвым языкам.

Предлежащая книга характеризуется четкой практическо-методической направленностью. «Данный курс лекций ставит задачу помочь студентам овладеть языками практически» (разрядка моя. — Ю. Б.).

Именно эта установка и профессиональное знание «изнутри» вопросов и самого процесса преподавания иностранного языка определяет целенаправленный, методически обоснованный отбор проблем, актуальных для пропедевтического курса «Введение в языкознание», адресованного студентам, изучающим иностранные языки.

Вместе с тем последнее обстоятельство отнюдь не сужает адресную базу данного исследования, поскольку в нем обсуждаются проблемы, темы, понятия, столь же актуальные для аналитического и теоретического лингвистического исследования.

Акцент на методическую направленность данного курса важен с точки зрения более четкого определения предмета учебной дисциплины «Введение в языкознание», ее границ.

Отбор проблем, тем, понятий, целесообразных для такого курса, произведенный в настоящей книге, имеет генерализующий характер, поскольку лингводидактика теснейшим образом связана с теоретическими и аналитическими исследованиями языка, целиком опирается на них. Вот почему в книге подчеркивается, что данный курс «служит для отбора и истолкования лингвистических понятий, связывающих между собой все языковедческие дисциплины», в том числе и практические курсы по изучению конкретных языков (добавим от себя).

В предлагаемом читателям курсе лекций привлекает внимание одна деталь обучающего материала, имеющая принципиальное значение. Речь идет об обращенности изложения основ науки о языке не только к истории человечества (в ее некоторых наиболее общих процессах и событиях, определивших развитие мировой культуры, цивилизации, таких как возникновение и развитие письма, книгопечатания) и к истории лингвистики (см., например: лекцию 1, § 6, 8; лекцию 2, § 1, 2; лекции 14, 16), но и к культурно значимым явлениям, процессам глобального характера, симптоматичным для современной цивилизации, которые оказывают серьезное воздействие именно в XX в. (особенно отчетливо со второй его половины) на язык, на его функционирование в новой культурно-исторической ситуации, во многом обуславливаемой (наряду и вместе с влиятельнейшими тенденциями интернационализации хозяйственной деятельности и духовной жизни человечества) научно-техническим прогрессом, развитием массовой коммуникации, вообще средств коммуникации, в условиях бурно протекающей информатизации современного общества (см., например: лекцию 1, § 7; лекцию 2, § 2; лекцию 3, § 2; лекцию 14, § 6).

Этот аспект тем более необходимо отметить, что освещение новых культурно-исторических обстоятельств функционирования конкретных языков подготавливает будущего филолога к научному, теоретическому, исторически взвешенному осмысливанию и интерпретации речевых новаций и — что особенно существенно — влияния этих новаций, самих причин их появления и функционирования в современных языках на язык как основное средство общения в человеческом социуме, как продукт культуры и важнейший фактор ее дальнейшего развития.

Изложение основных вопросов учебной дисциплины «Введение в языкознание» в данной книге организуется общим, единым методологическим подходом к лингвистической проблематике. Это проявляется, с одной стороны, в последовательной реализации идей лингвофилософской концепции антропоцентризма, с другой — в рассмотрении лингвистических проблем с позиций, разработанных Ю. В. Рождественским, основ философии языка в новых для конкретных языков социокультурных ситуациях их функционирования, в связи с интенсивным развитием в XX в. средств коммуникации и компьютерных технологий.

Новаторская концепция философии языка, предложенная Ю. В. Рождественским, генетически восходит к лингвофилософскому направлению антропоцентризма; она восприняла идеи, развиваемые отечественной филологической и философской мыслью первой половины XX в. в трудах Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, М. М. Бахтина, Н. И. Конрада, в целом российской школы востоковедения (культурovedческой по своей сути), П. А. Флоренского, А. Ф. Лосева и других русских филологов и философов, плодотворные идеи функционализма, диалектического единства языка как создания духовной жизни человека и как общественного явления, целостности языка во всех его коммуникативных реализациях, глубокой взаимосвязи, взаимодействия языка и культуры народа — его носителя. Так, Ю. В. Рождественского в научном творчестве его учителей Н. И. Конрада и В. В. Виноградова привлекало больше всего то, что «они оба питались единой культурно-исторической идеей: развитие языка есть культурная полнота и насыщенность, есть не предмет только исследования культуры общества, но и источник общественного прогресса»¹.

В рамках философии языка (в трактовке Ю. В. Рождественского) культура (понимаемая им как «деятельность, служащая обеспечению устойчиво-продуктивной жизни общества за счет отбора, систематизации, хранения, изучения и организации использования правил и принципов деятельности») органично и много-

¹ Рождественский Ю. В. Н. И. Конрад и В. В. Виноградов // Русские подвижники. — М., 1996. — С. 369.

аспектно сопряжена с языком. Язык, с одной стороны, выступает как средство фиксации, сохранения культуры, орудие ее истолкования и понимания («...языковая деятельность ... обеспечивает назначение, истолкование и понимание всех неязыковых знаков и знаковых систем... Особенно важна языковая технология для фиксации культуры»). С другой стороны, «язык... является частью культуры», он — «явление культуры», один из основных факторов ее существования (язык является «ключом к культуре как совокупности достижений человечества»). И культура, находя свое воплощение в языке («Язык как данность — это вся словесность»), выступает как важнейший фактор его бытования в конкретной социокультурной обстановке.

Концептуально настоящая книга базируется на фундаментальных корреляциях философии языка с развитием видов словесности и их отражением в структуре учебного предмета. Учебный предмет строится на языке, а язык есть, в определенной своей части, сбор и систематизация культурных сведений.

Именно благодаря генерализирующему подходу новой концепции философии языка к лингвистической проблематике (этой концепцией охватывается широкий круг вопросов — от философского и культурно-исторического осмысления языка до проблем целесообразности организации управления обществом, от каллиграфии до школьного образования) в настоящей книге впервые за вековую историю преподавания «Введение в языкознание» вопросы культуры столь обоснованно и последовательно в соответствии с определенной концепцией включаются в проблематику этой учебной дисциплины.

В рамках данного курса культуроведческая проблематика органически сопрягается с проблематикой лингвистической как в ходе анализа фактического материала, так и при рассмотрении вопросов теории языка, особенно проблем лингвистической эволюции. Вполне закономерно, что в обращении «От авторов» отмечается непосредственная (по однородной соположенности известной части понятийно-категориального аппарата предметов обучения) связь «Введение в языкознание» с курсом «Культурология» (наряду с очевидной соотнесенностью пропедевтического курса с такими общетеоретическими дисциплинами, как «Общее языкознание», «Теория языка»). Симптоматично, что в своем «Введении в культуроведение» (2-е изд. — М., 1999) Ю. В. Рождественский включает язык в систему понятийно-категориального аппарата культурологии.

Представленный на суд читателей курс лекций «Введение в языкознание» выходит в знаменательное для этой дисциплины время, поскольку «Введение в языковедение» (как тогда назывался новый предмет университетского курса) вводится в программу высшего филологического образования в конце XIX — начале XX в.

В таком культурном контексте данное издание представляется во многом этапным в истории преподавания «Введение в языкознание» как в методическом отношении, так и в общеметодологическом освещении проблем науки о языке, составляющих фундамент лингвистических, в целом — филологических знаний.

*Ю. А. Бельчиков,
доктор филологических наук, профессор*

ЛЕКЦИЯ 1

ЯЗЫК

ПОНЯТИЕ «ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК»

Понятие «естественный язык» означает средство общения с помощью членораздельной звуковой речи и письменное общение с помощью буквенной ее записи. Буквенная запись сохраняет членораздельность звуковой речи: она может быть прочитана и переведена в звуковую форму.

Понятие «естественный язык» означает также, что человек для создания членораздельной речи пользуется своими природными телесными возможностями и создает разнообразия звуков. Эти разнообразия могут нести смысл, передаваемый другим людям, и отличаются от разнообразия звуков, издаваемых животными (кошками, волками, лягушками, попугаями и др.), тем, что животные используют звуковые сигналы с целью отстоять территорию, показать половые и возрастные различия и наладить семейную жизнь, дать команду к нападению или бегству. Но сигналы животных не называют предметов, т.е. не содержат имен. Естественный язык человека, в отличие от сигналов животных, основан на названиях вещей и предметов и представляет собой имена, в том числе и имена внутренних состояний и команд.

Выражение *естественный язык* служит для того, чтобы отделять объект исследования языкоznания от метафорического использования слова *язык* в выражениях типа *язык музыки*, *язык танца*, *язык костюма* и даже... *язык волос* (у парикмахеров) и т.д. Подобные метафорические обороты речи показывают, что 'языком' в широком смысле слова называют любое средство общения: музыку, танец, моделирование одежды и даже искусство прически. Эти метафоры подчеркивают роль естественного языка — служить средством общения.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЯЗЫКОВ

Естественных языков много. Их, по разным подсчетам, насчитывается несколько тысяч. Поскольку язык служит средством общения, то границей, разделяющей разные языки, является понимание высказываний на одном определенном языке.

ОТ АВТОРОВ

Данный курс лекций ставит задачу — помочь студентам овладеть языками практически. В этом смысле курс является пропедевтическим: он «вводит» слушателей в состав проблем, которые в последующие годы обучения обобщаются в курсах «Общее языкоznание», «Теория языка», «Культурология».

В традиционных курсах языковая система представляется просто как одна из разновидностей систем знаков; акты речи рассматриваются вне их культурной значимости.

В предлагаемом курсе *языкоznание* определяется как часть науки о языковой деятельности. При этом особо подчеркивается, что эта деятельность является историко-культурным объектом. Ее назначение состоит в том, чтобы фиксировать и хранить достижения культуры, служить объединению всех форм культуры, обучать ей. При таком понимании язык предстает: во-первых, как хранилище знаний и норм социальной жизни; во-вторых, как средство создания новых знаний и новых норм; в-третьих, как средство общения.

Поэтому понятие «языковая коммуникация» интерпретируется прежде всего как передача содержательной информации и творческое использование возможностей языка. Таким образом, курс создает условия для того, чтобы учащиеся активно входили в языковую практику как носители личного стиля, чтобы они правильно пользовались культурой страны изучаемого языка, в том числе ее речевой культурой.

При этом, разумеется, сохранена традиционная для всех курсов «Введение в языкоznание» установка на ознакомление студентов с системой понятий и терминов, которыми пользуется любая языковедная дисциплина.

Сферой приложения этого материала является практика и теория обучения конкретным языкам в их разнообразии.

Русский человек говорит: «Он — студент», китаец выразит то же содержание словами: «Та ши сюэшэн». Обращение к китайцу, не изучавшему специально русский язык, со словами: «Он — студент» вызовет непонимание, и китаец ответит: «Во бу минбай» («Я не понимаю»). Это непонимание есть указание на то, что два языка — русский и китайский — различны. Один язык родной (русский для русского, китайский для китайского), а другой — иностранный (китайский для русского и наоборот).

Понимание как критерий границ языка нуждается в пояснении. Можно не понять высказывание на родном языке, если говорящий обсуждает специальную тему, с которой не знаком слушающий, и при этом использует специальные термины, которых слушающий не знает. Например: «Имеется связь между кажущимся увеличением размера небесных тел близ горизонта и формой небесного свода». Осознанно понять эту фразу можно только тогда, когда человек осведомлен о характере оптических явлений, наблюдаемых непосредственно с поверхности Земли.

Точно так же человек, привыкший объясняться на русском литературном языке, не поймет фразу: «Я от него тащусь, в натуре». Для этого надо знать вульгарную манеру выражаться.

Однако специальная лексика и синтаксис или лексика и синтаксис особых социальных слоев общества не отменяют того, что основа языка — это язык семьи, которым мы овладеваем как первым средством общения; родной язык является общим для любых способов построения специальных и даже нелитературных выражений.

Идентичность и различие языков определяются по родным языкам. Это хорошо видно тогда, когда человек владеет не одним родным языком, а двумя: так бывает, если в семье говорят на двух и более языках. Подобные случаи не редки, но и не так уж редки. Двуязычный человек в определенном смысле контрастирует с однозычными людьми, составляющими основную массу общества. Однозычным людям приходится изучать другой язык как иностранный на фоне родного.

Отождествление и разграничение родных и неродных языков хорошо видно у отдельного человека, но в социальном масштабе, когда приходится определять языковое поведение не одного, а многих людей, это задача непростая. Ее решением занимаются три научные дисциплины. **Лингвогеография** картирует языковое поведение людей на определенной территории, большой или малой. **Геолингвистика** изучает язык в одной конкретной точке географического пространства (например, языки, представленные в городе Москве). **Социолингвистика** выявляет социальные различия в языковом поведении людей и социальные типы речевого общения.

Итоговые наблюдения этих трех наук, взятые вместе, позволяют идентифицировать и разделять языки.

ЗНАКОВОСТЬ ЯЗЫКА

Из материала предыдущего раздела видно, что определение и идентификация языка практически опираются на языковое обучение и воспитание. Любому языку — родному, иностранному, специальному — научаются. Языковая принадлежность человека определяется тем, какому языку он научился и в какой степени владеет им.

Для того чтобы научиться считать до пяти по-турецки: *bir, iki, üç, dört, beş* ('один, два, три, четыре, пять'), — нужно запомнить, что *bir* значит 'один', *iki* значит 'два' и т.д. Запомнить это можно после того, как нам скажут или покажут значения турецких числительных: сами звучания этих слов еще не объясняют числа предметов. Мы принимаем по условию, что 'один' по-турецки — *bir*, по-английски — *one*, по-латински — *unus*, по-китайски — *一*. Сами звуки не дают понимания того, что они символизируют число и какое именно.

Это значит, что сами по себе звуки языка не могут изобразить число как понятие и количество как вещь. Из обучения мы принимаем по условию связь определенных звучаний с определенным значением. Таким образом, естественный язык — это знаки.

Знаком называется любая взятая из природы или специально изготовленная вещь, которая по условию наделяется значением.

Из знаков составляется, например, книга. Сама бумага, переплет, склейка — это не знаки, а материалы знака, т.е. текста книги, ее содержания, которое представлено буквами и их расположением. Когда мы читаем книгу, нас интересует ее содержание и художественное оформление: не работа изготовителя бумаги, наборщика, верстальщика, печатника, а только работа автора текста и художника. Первые создают лишь материал, вторые наделяют материал содержанием.

Знаками является все то, что организует общественную (а не биологическую) жизнь, например: деньги, чертежи, схемы, сигналы светофора и т.д.

От знаков следует отличать признаки или симптомы. Признаки или симптомы суть наблюдаемые и фиксируемые свойства вещей. Например, вес, размер, магнитные линии Земли и т.п. Симптомы лежат в основании поведения животных и биологического поведения людей. Так, кот, пробираясь через траву, различает признаки своего пути: ибо привычные маршруты он метил особыми выделениями. Эти метки служат сигналом для других котов, извещая, что данная территория занята.

Для кота и признаки, и сигналы играют равную роль. Сигналы суть такие же признаки, как высота травы и местные приметы кошачьего маршрута. Это объективная данность.

Люди тоже находят и различают признаки вещей. И для них знание — это установление признаков вещей и их анализ. Подобно животным, люди склонны оставлять метки: скажем, привычное размещение вещей в квартире есть метка, указывающая, что порядок не нарушен.

Но люди как общественные существа сумели превратить такие метки в условные знаки для передачи социальной семантической информации. В фильме «Семнадцать мгновений весны» профессор Плейшнер не обратил внимания на поданный ему знак — цветок, поставленный на окне, и погиб. А цветок не просто указывал на нарушение порядка — он был знаком, по условию указывающим на то, что квартира контролируется фашистами.

С помощью знаков передается социальная семантическая информация, например: указатели уличного и дорожного движения, обрядовые действия, сигнальный выстрел стартера к началу соревнования и другое подобное.

Знаки, создаваемые и назначаемые людьми, бывают окказиональными, профессиональными и общими.

Под *окказиональными* знаками мы понимаем знаки, установленные на определенный конкретный случай. Так, на Кавказе дым костров, замеченный сторожевыми заставами, давал знать наблюдателям на сторожевых башнях, что приближается враг, и селение начинало готовиться к обороне.

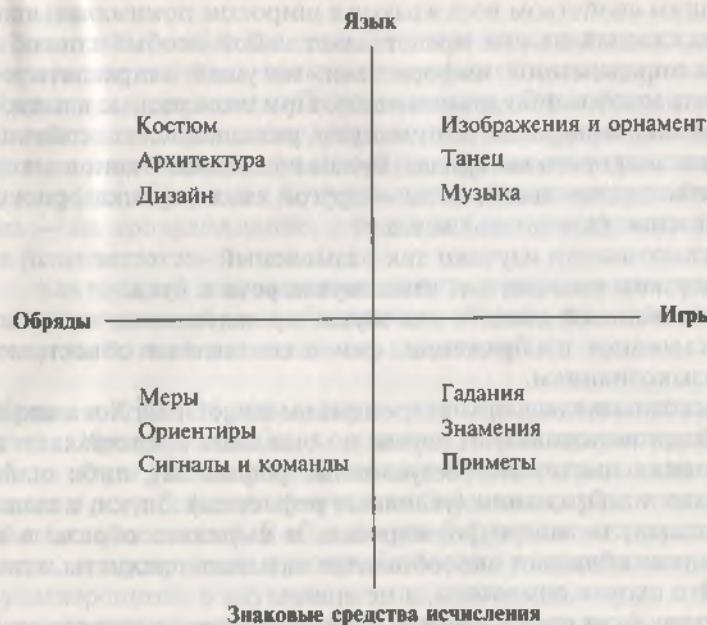
На железной дороге применяются *профессиональные* знаки. Например, опасное место ограждается хлопушками-петардами, устанавливаемыми на рельсах. Машинист, когда слышит три хлопка петард, попавших под колеса локомотива, предпринимает экстренное торможение. О значении взрывов петард знает машинист, но не пассажиры поезда.

Общие знаки известны и понятны всем членам общества — это, например, средства измерения, картины, условия игры. И главными из них являются слова языка и языковые выражения.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Полезно оценить особенности языка как семиотической системы. Семиотические системы развиваются и усложняются, но границы между ними сохраняются с момента становления всего их комплекса. Становление комплекса семиотических систем означает и становление самого общества. Наиболее простой стадией их развития является такое состояние семиотических систем и также состояние общества, при котором люди располагают только устной речью. Совокупность семиотических систем до появления письменности и письменного языка можно изобразить в виде следующей схемы 1.

Семиотические системы дописьменного общества

Семиотические системы подразделяются на *интегральные* и *специальные*.

К *интегральным* системам относятся язык, обряды, игры и средства исчисления. Основное их свойство заключается в том, что ими пользуются все члены общества равным образом, т. е. все члены общества являются создателями и получателями этих знаков. Например, все люди могут говорить и слушать; у всех людей есть имя, даваемое и закрепляемое по обряду; все так или иначе участвуют в играх и, наконец, все пользуются исчислением, обращаясь для этого к самым разнообразным средствам (скажем, собственным пальцам).

Рассмотрим последовательно интегральные семиотические системы.

Язык. Слово язык многозначно, мы говорим: язык живописи, язык музыки, язык математики, язык животных, русский язык и т. д. В этом принципиально бесконечном ряду 'язык' просто противополагается вещам, созданным человеком ради материальных потребностей. При таком широком понимании язык есть, фактически, все то, что не имеет природного происхождения, но охватывает все области деятельности человека.

Наряду с этим существует и узкое (школьное и научное лингвистическое) понимание 'языка', к которому приложимо понятие народности (русский язык, китайский язык и т. д.).

Общим свойством всех языков в широком понимании является то, что каждый из них представляет собой особый способ сообщения определенной информации, могущей направлять и регулировать какую-либо деятельность. При этом разные языки, охваченные таким широким пониманием, различаются способами организации знакового материала: буквы воплощают один язык (письменный естественный), ноты — другой язык (музыка), рисунок — третий язык (живопись) и т. д.

В языкоznании изучают так называемый «естественный язык»: язык в узком смысле, т. е. **язык звуков речи и букв**.

Естественный язык — это звуки, произносимые человеком, и их письменное изображение; они и составляют объект, изучаемый языкоznанием.

Языкоznание не занимается языком животных. Хотя животные для общения используют звуки, но они либо представляют собой проявления инстинкта (безусловные рефлексы), либо основаны на опыте и подражании (условные рефлексы). Звуки, издаваемые животными, не могут формировать и выражать образы и понятия, они не обладают способностью называть предметы или явления. Это скорее симптомы, а не знаки.

В отличие от языка животных язык человека построен на основе членораздельной речи. Развитие членораздельной речи позволило впоследствии перейти к графическому языку, к построению звукобуквенных соотношений, когда определенному звучанию соответствует определенное графическое изображение на письме. Язык, воплощенный в членораздельной речи, — это и есть тот феномен, который изучает языкоznание. Благодаря членораздельной речи происходит создание имен, т. е. появляется возможность называть вещи или явления, что связано со способностью выражать образы и понятия.

Эта особенность предопределяет особые, специфические отношения естественного языка со всеми остальными знаковыми (семиотическими) системами. Особенность языка заключается в том, что он является как бы средством обслуживания других знаковых систем, он «назначает» их знаки: математическая задача вводится в словесной форме; учебник музыки не может быть написан одними лишь нотами: необходимы слова; точно так же и учебник по живописи невозможен лишь в виде набора рисунков; даже хореография — этот своеобразный язык жестов и мимики не может обойтись без словесных терминов и формулировок.

Дело в том, что все прочие знаковые системы не приспособлены к самоописанию. Именно язык называет все другие знаки и этим соединяет их. Это свойство и предопределило ведущее положение языка среди других семиотических систем. Средством назначения и истолкования знаков всех остальных классов является членораздельная речь, составленная из слов — знаков естественного языка.

Помимо этого, обладая способностью описывать все смежные семиотические системы, только язык может описывать и сам себя, т. е. назначать, определять и истолковывать свои собственные знаки. Наглядно это продемонстрировано, в частности, в словарях: в орфоэпических словарях указывается правильное произношение слов, в орфографических — правильное их написание, в исторических — их происхождение, в толковых — их значение и т. д.

Как предмет лингвистики язык есть словесное самоописание членораздельной речи, обладающее образно-понятийным содержанием во всей сложности его структуры.

Обряды и игры. Обряды и игры — это средства воспитания поколений. Обряды (свадьбы, коронации, календарные праздники, молебны и т. п.) в большинстве своем обязательны для членов общества и осуществляются вне зависимости от субъективных желаний отдельных людей. В обрядах как бы разделяются душа и тело человека, и происходит пре осуществление личности: переход из неодухотворенного в одухотворенное состояние.

Игры (детские, атлетические, интеллектуальные), напротив, совершаются по желанию участников, они устраиваются не в связи с определенным временем или событием (как обряды), а по соглашению. Из всех существующих семиотических систем только играм присущ азарт как особое состояние души.

Средства исчисления. Средства исчисления представляют собой разнообразные единицы измерения: времени, расстояния, веса, объема и т. п. Они могут быть как естественными (один миг, пядь, шаг, локоть), так и искусственными (линейка, гиря, мерная кружка) и позволяют вести счет. Средства исчисления служат для оценки объектов и для оценки деятельности: прошлой, настоящей или будущей.

Специальные семиотические системы создаются, как правило, профессиональными специалистами — мастерами своего дела; не все члены общества обязательно пользуются этими системами. (Скажем, рисовать может каждый, но все же в обществе существует профессиональные художники, которые являются хранителями и продолжателями лучших традиций и навыков в этой профессии, обучают этому искусству других.)

Специальные семиотические системы подразделяются на четыре основных разряда. Рассмотрим это на семиотических системах дописьменного общества.

I. Системы прогностики — приметы, знамения, гадания.

Здесь представлены обычно объекты природы, которые интерпретируются как некие образы будущего, содержащие знание, которое можно использовать для предсказания и толкования грядущих событий.

Приметы указывают на определенную взаимосвязь регулярно повторяющихся природных явлений, но ожидаемую без объяснения этой связи. Например: «Ласточки летают низко — к дождю». Собрание примет, будучи записанным, дает картину жизни природы и далее развивается в классификацию природных явлений, опытных наук и научных знаний.

Знамения объясняют экстраординарные явления, выходящие за пределы циклически повторяющихся событий, и указывают на причинно-следственную связь между ними: «Солнечное затмение перед началом военного похода — к поражению, так как нарушается естественный ход вещей». Знамения развиваются в пророческие действия и в философские системы, оказывающие влияние на формирование стиля жизни.

Гадания представляют собой определенные манипуляции с избранными (гадательными) предметами: явлениями природы или специально созданными объектами (например, гадальными кубиками), направленные по предварительно установленным правилам на раскрытие какой-либо тайны и определение правильной (или выгодной) линии поведения. Это уже не наблюдение над природой (как в приметах), а как бы постановка опыта.

Системы прогнозики составляют основу планирующей деятельности человека.

II. Системы неприкладных искусств — музыка, танец, изображения и орнамент.

В этих системах выражается абстрактная модель отношений людей с окружающим миром и друг с другом, реализуется образная мысль человека.

Музыка предназначена для гармонизации упорядочения отношений между миром и человеком, она представляет в образах картину динамики жизни: в музыке мир движется как внутри, так и вне человека.

Танец всегда обращен к нравственности человека, он символизирует отрицание дурного, безобразного и утверждение прекрасного в отношениях между людьми (в первую очередь любовь во всех ее проявлениях): в танце изображается и движение, и статика взаимоотношений между людей.

Изображения и орнамент представляют мир, и человека в статике — на определенный зафиксированный момент времени движение мира как бы остановлено. Этот вид искусств аналитичен, он дает возможность внимательно рассмотреть ситуацию, представленную в статике, и определиться в выборе должного и прекрасного: здесь мир и человек как бы обездвижены.

III. Системы прикладных искусств — костюм, архитектура, дизайн.

Прикладные искусства создают искусственный мир вещей, окружающих человека, составляющих его среду обитания. Вещи, становясь предметами прикладных искусств, обретают знаковый смысл.

Следует различать понятия «одежда» и «костюм». Понятие «одежда» включает в себя представление о свойствах ткани, кожи и других подобных материалов, в которые облекается тело человека, чтобы защитить его от воздействия внешней среды. Понятие «костюм» подразумевает эстетические и социальные характеристики того, как выглядит человек в одежде, обуви, головном уборе и аксессуарах.

Костюм есть признак социальности личности: с его помощью человек представляет себя другим людям, по костюму судят о характере и общественном положении того, кто его носит; в соответствии с этим костюм может быть бытовым, спортивным, рабочим, униформой и т. п. В таком смысле костюм становится как бы самоназванием человека. Фольклорный костюм даже дает своеобразную «привязку к местности»: в разных регионах существуют свои правила построения такого костюма.

Архитектура формирует образную искусственную среду обитания человека и воплощает его (и общества в целом) эстетические вкусы. Объекты архитектуры обозначают функциональные назначения зданий и сооружений, «рассказывают» об их создателях, о времени их создания, а также сообщают сведения о владельцах; таким образом, они обращены и к истории общества, и к его будущему.

Дизайн есть приданье, нахождение эстетичной формы для движимого имущества, которым пользуется человек, — посуды, мебели, инструментов, оружия и т. п. Их оформление подсказывает, кто сделал данную вещь, зачем она сделана, как связана со стилем времени. В дизайне собраны воедино все эти компоненты смысла, причем отнюдь не в ущерб утилитарным свойствам вещей.

В объектах прикладных искусств материализуется идеальное представление о прекрасном мире вещей.

IV. Системы управления — меры, ориентиры, сигналы и команды.

Знаки этих систем определяют деятельность людей (как индивидуальную, так и коллективную) через сложные процессы организации и управления, существующие в обществе.

Меры указывают на определенные ограничения при реализации деятельности: стоимость, качество, параметры объектов и т. д. Они используются как при планировании предстоящих действий, так и при оценке сделанного. Примитивные народные меры на

протяжении столетий развиваются в себе принципы золотых сечений и пропорций, образуя правила внутренней соразмерности, а затем приходят к установлению и определению эталонов, служащих для измерений.

Ориентиры предупреждают о разрешенном и запрещенном при осуществлении деятельности. Знаки этой системы уведомляют о том, что, например, условия деятельности изменились, в силу чего следует принять решение о продолжении, прекращении или изменении характера действий по реализации задуманного. Ориентиры направляют действия людей на путях сообщения, на местности и в трудовых процессах.

Сигналы и команды представляют собой прямое указание на какой-то конкретный поступок. Они пред назначаются и отдаются для того, чтобы было исполнено или, наоборот, оставлено предписанное иной командой действие. При этом исполнитель освобождается от ответственности за последствия и не должен обсуждать ее целесообразность. Сигналы и команды служат базой для создания систем автоматизации управления.

Следует иметь в виду, что если ориентиры апеллируют к собственному творчеству исполнителя той или иной деятельности, который должен самостоятельно принять решение о порядке действий в пределах обозначенного ориентирами, то команды прямо предписывают единственно допустимый вариант действий.

Семиотические системы демонстрируют возможности общества по организации коллективной работы в условиях разделения труда: системы прогностики представляют замысел образа, системы неприкладных искусств — его одухотворение, системы прикладных искусств — его материализацию (в виде вещи), системы управления организуют действия с этой вещью.

Всеми этими знаковыми системами заведует язык, и вместе с тем, сам будучи знаковой системой, он обладает особыми свойствами.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКА

Язык выделяется из всех семиотических систем вследствие того, что он назначает знаки. Все неязыковые знаки условны по своей внутренней сущности. Их условность состоит в том, что лишь с помощью языковых высказываний может быть истолковано содержание, правила и условия использования.

Так, приметы, сами по себе будучи явлениями природы, становятся собственно приметами только после того, как к ним будет применена словесная формула приметы: «Чайки на песок садятся — быть буре». Знамения как явления природы могут быть поняты только после их истолкования: «Затмение солнца — к несчастью». Гадание по крику и линии полета птиц требует, чтобы

авгур (жрец, прорицатель) сказал, будет ли благоприятным результат от реализации замысла.

Обучение прикладным и неприкладным искусствам осуществляется благодаря слову мастера-учителя. Элементы танца, музыки, живописи также имеют свои названия. После того как произведение искусства состоялось, оно подвергается истолкованию. И произведения прикладных искусств имеют названия — индивидуальные, родовые; они подвергаются оценке в суждениях их создателей, в высказываниях пользователей.

Меры назначаются с помощью слов языка (пядь, дюйм), и также определяются правила пользования эталонами измерения. Скажем, ориентиры, обозначающие направление движения по зарубкам на деревьях, сообщаются людям, идущим в лес, для того, чтобы они могли определять свое местонахождение. Сигнал, подаваемый дымом от костра, понятен видящим его только в том случае, если средствами языка обозначено его значение.

Таким образом, язык обеспечивает существование всех неязыковых знаков.

Язык является единственной знаковой системой, которая сама назначает свои знаки и обладает способностью к самоописанию. Примером этому, в частности, могут служить, как уже говорилось, объяснения значений слов в словарях, определения их значений в текстах разных видов, слова-синонимы и перифразы (например, *автор Ильиады* вместо *Гомер*).

Способность назначать все другие знаки делает язык средством контакта между всеми знаковыми системами. Поэтому от развитости языка зависит эффективность таких контактов и возможность творчества во всех знаковых системах.

Для установления контактов между всеми знаковыми системами язык должен иметь соответствующее строение. Содержанием знаков в неязыковых знаковых системах являются образы. Язык, в силу его связующей роли, помимо образов должен иметь понятия — абстракции от разных образов.

Поскольку совокупность знаковых систем, интегральных и профессиональных, обеспечивает подготовку людей к деятельности и сами процессы деятельности (прогноз, общие образы, образы конкретных рукотворных вещей, коллективная деятельность на основе разделения труда), поскольку язык воплощает в образах и понятиях как подготовку людей, так и процессы деятельности: он охватывает целиком содержание всех знаковых систем. Такой всеобъемлющий охват предполагает понятийное обобщение и ясно выраженное отношение к каждому этапу деятельности, т.е. изображения времени, действователя и отношения действователя к миру. Все эти значения только в языке находят средства отдельного знакообозначения в словах, формах слов и конструкциях предложений.

Для этого язык обладает уникальной структурой — линейностью во времени, построенной из комбинаций ограниченного числа элементов. Эта комбинаторность — особое свойство языка, позволяющее ему выполнять логические функции, наряду с образными, не поддающимися логической организации.

Поскольку знаки служат людям не одного, а многих разных поколений, постольку язык хранит историю общества и историю семиотики и является ключом к культуре как совокупности достижений человечества. Благодаря языку удается получать сведения обо всех фактах культуры.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА

Языкоизнание как часть филологии изучает языки, обращаясь к истории их функционирования в различных типах обществ, существовавших на разных этапах становления цивилизации. Каждый такой этап характеризуется, в частности, особым видом языка, обслуживающим общество. Эти языковые виды обобщены в культурно-исторической классификации.

Схема 2 иллюстрирует поэтапную историю культурного развития языка.

Первый этап — зарождение устного языка человека (УЯ), он формируется в эпоху становления социума, в первобытно-общинном строе. Коммуникация здесь могла осуществляться только голосом. Всякое коллективное действие требовало соответствующего голосового сигнала, обозначающего его начало или конец: число таких действий должно было совпадать с числом сигналов. В ходе развития сигналы преобразовывались в словесно-знаковые элементы, и коммуникация обретала характер членораздельной речи. Устные языки не имели письменной фиксации, поэтому число людей, пользующихся ими, было ограничено связями родства и соседства: родившись, человек включался в кровнородствен-

Схема 2

Языковый материал		Языковые средства			
Средства массовой коммуникации				МЯ	
Книгопечатание			ЛЯ		ЛЯ
Письмо		ПЯ	ПЯ		ПЯ
Устная речь	УЯ	УЯ	УЯ		УЯ
	Устные языки	Устно-письменные языки	Литературные национальные языки	Межнациональные языки	

ный коллектив и овладевал языком этого коллектива. Поэтому отношения кровного родства оказывались как бы тождественными отношениям языкового родства.

Второй этап — создание письменного языка (ПЯ). Появление первых государственных образований почти совпадает со временем формирования языков древних цивилизаций — египетского, шумерского, персидского, греческого, латинского и т. д. Это письменные языки и связь между кровным и языковым родством здесь уже фактически не представлена. Люди делятся на цивилизованных, владеющих письменными языками, и варваров, не знающих письменности. Языки античных цивилизаций обслуживаются рабовладельческое и феодальное общества, т. е. такие, где уже есть государство, но еще нет нации. Это письменные и литературные национальные языки.

Появление письменных языков расширило границы коммуникации, позволяя, в частности, организовывать управление государственными и общественными структурами вне пределов видимости, сообщать информацию неограниченно большой аудитории.

В письменном языке фиксируются нормы культуры, регулирующие социальную деятельность людей. Устно-письменные языки изучаются в том числе и людьми, которые не состоят между собой в родстве и при семейном обучении и воспитании получили знание разных, взаимно непонятных языков своих родов и семей. Эти устно-письменные языки, на которых специально учатся говорить и писать, в результате этого становятся основой для возникновения того, что впоследствии будет названо литературой. И именно литература будет побуждать людей к изучению новых языков в их устной и письменной формах.

Следует различать устно-письменные рукописные литературные языки. Есть рукописные языки, в которых литература представлена либо очень ограниченно, либо не представлена вовсе, следствием чего оказывается отсутствие стимула для их изучения, так как они передают лишь текущие сведения, не имеющие временной ценности.

Так, например, древний шумерский язык являлся в основном языком письменности, а на древнегреческом создана большая литература. Поэтому классический древнегреческий язык изучали и египтяне, и евреи, и сирийцы: этот язык охватывал многие народности, каждая из которых имела свой племенной устный «домашний» язык.

Третий этап — становление первых национальных литературных языков (ЛЯ). В Европе он начинается примерно с XIII в. и развертывается на протяжении нескольких столетий. Важнейшую роль в развитии национальных языков сыграло изобретение книгопечатания, открывшее новые возможности в становлении ком-

муникации и культуры: тиражирование учебных текстов позволило стандартизировать школьное обучение, распространить пропаганду на широкие социальные слои, сформировать научную, журнальную и художественную литературу на национальных языках Европы.

Национальные языки с полным правом являются языками пропаганды и самосознания нации. Они скрепляют нацию в пределах одного государственного единства, становятся движущей силой научно-технического прогресса и экономического развития наций.

Четвертый этап — формирование межнациональных языков (МЯ), т.е. выдвижение некоторых национальных языков на уровень средств межнационального общения. Межнациональные языки охватывают и обслуживают ряд наций, обладающих своими национальными языками. Их лингвистические системы примерно совпадают с системами тех национальных языков, от которых они образованы (современные английский, французский, немецкий, испанский, арабский, русский, китайский и др.). Главной особенностью межнациональных языков является то, что они в полном объеме используются массовой коммуникацией (МК).

Данный этап характеризуется интенсивным развитием текстов массовой коммуникации, служащих главным образом нуждам общественного управления и связанных с развертыванием, регулированием и устройством современного массового производства и массового потребления. Появление массовой информации означает создание новых материалов и новых устройств в технике ведения речи: наряду с печатным словом возникают слова и тексты, специфически предназначенные для радио, кино, телевидения, компьютеров, разнообразных реклам. Именно массовая информация, фактически охватившая все общество, формирует у национальных языков их межнациональные качества. Начало этого этапа относится к 20-м гг. XX в.

ЯЗЫК КАК КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ

С филологической точки зрения язык, как и другие знаковые системы, является частью культуры. Культура развивается, подчиняясь следующим основным закономерностям.

1. Всякое, прежде возникшее явление культуры не может быть заменено вновь образованным явлением культуры. Вновь образованное явление культуры существует с образованным ранее.

2. Вновь образованные явления культуры развивают предшествующие явления культуры, дают им возможность образовать в себе новые области содержания.

Эти две главные закономерности в полной мере относятся и к языку.

Скажем, если бы в обществе не было устной речи, то не было бы и письменной; если не будет печатных текстов, то не будет и текстов массовой коммуникации. Если в каком-то языке появляются тексты массовой коммуникации, то это значит, что в данном языке наличествуют все исторически предшествующие классы текстов — как устных, так и письменных. Вновь созданные новые виды текстов сохраняют и развиваются все предыдущие виды текстов. Создавая массовую информацию на младописьменном языке, необходимо одновременно создавать все прочие разновидности текстов на этом языке: в противном случае будет нарушен закон культурного развития, и массовая информация на этом языке станет нежизнеспособной.

Закон культурного развития относится не только к языковым текстам. Какое бы мы ни взяли общественное явление — экономическое, историческое, любую сферу социального бытия, — в нем всегда представлены эти закономерности: всякое новое образование в культуре не уничтожает предшествующие, а, напротив, расширяет и развертывает их.

Предложенная схема культурного развития языка показывает, что появление новых технических средств создания текстов рождает новые виды языков с новыми правилами речевой коммуникации. Однако появление этих новых правил не имеет следствием отмену старых, уже установившихся ранее правил — они непременно сохраняются. Новые языки в этом смысле представляют собой своеобразное развитие старых, данное через их техническое осложнение. Таким образом, языковое развитие предстает как непрерывный процесс, в ходе которого прежние языковые действия и организующие их правила соединяются с новыми, создавая качественно иной вид языка.

Это значит, что всякое предшествующее состояние языка не уничтожается в ходе развития, но сохраняется, видоизменяясь и усложняясь в своих объемах и формах.

КУЛЬТУРА ЯЗЫКА

Язык как явление культуры обладает средствами культурной самоорганизации, которые служат для налаживания правильного языкового общения.

В устных языках действуют фольклорные правила речевого общения, сформулированные достаточно однородным образом у всех народов в пословицах о речи. Следование этим правилам обеспечивает развитие устного речевого общения.

В устно-письменных языках дополнительно к фольклорным правилам речевого общения развивается грамматика — учение о формах слов и предложений и риторико-стилистические правила использования речи. Эти правила регулируют письменную и литературную речь.

В литературных национальных языках дополнительно создаются правила орфографии и орфоэпии, а также законы о печати и авторском праве.

В международных языках действуют законы о рекламе, журналистике, деятельности информационных систем.

Все эти средства упорядочения языковой деятельности составными элементами вливаются в структуру самого языка и обеспечивают культуру общения.

ЛЕКЦИЯ 2

РЕЧЬ, ЯЗЫК, ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

СИСТЕМА РЕЧИ

Языком занимается очень много разных наук: психология, педагогика, логика, история, философия, литературоведение и многие другие. Практически невозможно дать исчерпывающий перечень всех научных областей, интересы которых направлены на язык.

Основной наукой о естественном языке является филология. Она не только теоретически исследует язык, но имеет также и практическую направленность: филология упорядочивает язык, обучает языку, хранит произведения человеческого духа, выраженные в языковой форме.

Важнейшее понятие филологии — «произведение словесности».

Произведением словесности называется устный или письменный текст, от начала до конца представленный и завершенный, когда автор текста (неважно, один это человек или целый коллектив людей) реализовал свое намерение по его созданию, объединив мысль с материалом речи при помощи орудий речи. Такой текст, в отличие от его отрывка или бессмысленного сочетания слов или букв, является произведением словесности.

Материалами речи называются предметы, несущие на себе словесный текст, — воздух (если это устный текст), глиняная или восковая табличка, папирус, пергамент, бумага, электромагнитная лента и т. п.

Текст на этих материалах создается орудиями речи — это органы артикуляции, письменные принадлежности, печатное оборудование, электронные устройства и т. п.

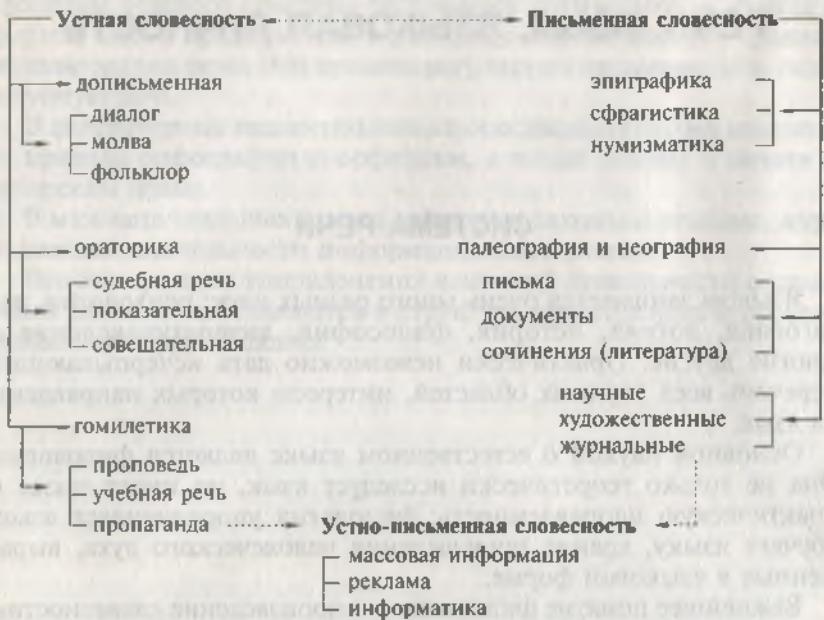
Соединение материалов и орудий речи образует **фактуру речи**, т. е. обработанный определенными орудиями определенный материал речи.

Совокупность всех цельных завершенных текстовых произведений: устных, письменных, печатных — составляет суть словесности, т. е. творчества, выраженного в устном и письменном слове.

Все произведения словесности, подразделяются на определенные классы, роды, виды и разновидности.

Роды словесности определяются по материалу и способам физического создания текстов, т. е. по фактуре речи. Виды словесно-

Схема 3

сти — по отношению к другим видам и разновидностям знаковых систем (см. лекцию 1). Разновидности словесности — по отношению текстов к самим себе, т.е. по способам и правилам их воспроизведения (или копирования).

Представленность классов произведений словесности на определенном языке свидетельствует о том, насколько данный язык развит. Вынести суждение о развитости языка можно путем соотнесения его словесности с общей классификацией произведений словесности¹.

Общая классификация произведений словесности может быть представлена в виде схемы 3.

¹ Если сравнить языки разных народов, то окажется, что у некоторых из них большая и богатая словесность, а у других небольшая и бедная. Не в последнюю очередь это зависит от числа людей, которые пользуются тем или иным языком.

Четвертую часть населения Земли составляют китайцы. Вполне понятно, что уже по этому признаку китайская словесность самая большая в мире. А если учесть, что словесность на китайском языке существует непрерывно более трех тысяч лет, то можно представить, сколь много этот большой народ сказал и написал за время своего существования.

С другой стороны, енисейские кеты, народ малочисленный, не имеет письменности и никогда ее не имел. Ясно, что у кетов словесность маленькая: текстов как произведений словесности у них было создано немного, и лишь крайне малая их часть была записана приезжими учеными. Таким образом, в зависимости от объема словесности бывают большие и малые языки.

Наиболее объемлющим и вместе с тем простым классом, разделяющим самые большие категории произведений словесности, является **род словесности**. Как уже было сказано, род словесности определяется фактурой речи — *устной, письменной, устно-письменной*.

Первая существует в виде колебаний частиц воздуха, которые улавливаются органами слуха и воспринимаются как речевой сигнал; эти колебания порождает артикуляционный аппарат человека. Если записать речь со слуха, то необходимо использовать другой материал — бумагу или иной писчий материал: в таком виде текст переходит в разряд письменной словесности. Если при записи использовать магнитофон, то звучащая речь будет автоматически фиксироваться на его магнитной пленке, и таким образом будет создан текст массовой коммуникации.

Изобрести новую фактуру речи очень трудно: человечество медленно и с большим трудом создавало уже имеющиеся. Прошли многие тысячелетия, прежде чем люди научились писать и образовалась письменная словесность. И только в XX в. с появлением радио, кино, магнитофонов, телевизоров, компьютеров сложилась новая сложная фактура устно-письменной речи, формирующая массовую коммуникацию.

Разные роды словесности обладают различными возможностями выражения смысла. Устная, будучи произнесенной, исчезает: она живет только в момент произнесения и в этом качестве неотделима от человека. Поэтому возможность сохранения текста устной речи зависит только от памяти.

Произведения письменной словесности могут быть отделены от человека пишущего и читающего и долгое время сохраняться вне человека; их достаточно просто хранить как любую вещь и читать при необходимости, но их не обязательно запоминать. Нередко в письменной словесности встречаются тексты, которые вообще не поддаются обычному прочтению, их приходится расшифровывать (рисуночное и иероглифическое письмо некоторых древних языков). В произведениях массовой коммуникации сочетается возможность быстрого оперативного использования (как в устной речи) и бесконечно долгого хранения (как в письменной речи).

Если текст сохраняется, это означает, что его содержание может оказаться важным и значимым в разные периоды жизни людей. Текст, не подлежащий хранению, пригоден только в данный момент времени: он, как правило, содержит частные высказывания в связи с конкретными случаями.

Такое различие очень важно для культуры, ибо в нее входят лишь те произведения словесности, которые обладают вечной значимостью.

Каждый род образован из нескольких видов словесности. Например, устная словесность формируется из дописьменной сло-

весности (диалог, молва, фольклор) и литературной устной словесности (ораторика и гомилемтика). Литературная словесность соотнесена с письменной речью, т.е. может быть записана (не обязательно записывается) и прочитана. Тексты дописьменной словесности, напротив, на письме не фиксируются, так как согласно правилам человеческого общежития не каждый текст может быть записан. В принципе, чисто технически записан может быть любой устный текст, но в определенных случаях общество не разрешает этого делать. Не записываются частные диалоги, молва и фольклорные тексты (последние, впрочем, фиксируются фольклористами в научных целях).

Виды устной словесности представляют **устно-речевую культуру общества**.

У общественной памяти разное отношение к диалогу, молве и фольклору как разновидностям дописьменной словесности.

Возьмем для примера **фольклорное высказывание**, пословицу: «Дурака и в церкви бьют». Здесь в иносказательной форме выражена вечная истина — похвала знанию. Вечные истины, содержащиеся в фольклорных творениях, предназначены для частого воспроизведения по памяти: таковы сказки, пословицы, былины, народные песни, басни, скороговорки и т.п. Их могут многократно повторять перед одной и той же аудиторией, и слушающие не возражают, не отказываются еще раз прослушать народную мудрость, даже хорошо зная ее. Фольклорные тексты обязательно как бы суммируют общие суждения, в них нельзя говорить о конкретном человеке. Это значит, что фольклор как бы суммирует знания, которые потенциально всегда нужны каждому человеку. Фольклор — это культура общества.

В **молве** текст передается по цепочке — от одного человека к другому, т.е. каждый раз воспроизводится перед новой аудиторией. Поэтому воспринимать такой текст полагается только один раз, два раза повторять молву одному и тому же человеку не следует. Содержание молвы всегда обращено на проблемы (ситуации) данного отрезка времени, здесь нет вечных истин, а есть лишь актуальная текущая информация, которая забывается, когда в ней минует надобность: молва умирает, по цепочке дойдя до границ говорящего коллектива. Молва не относится к культуре общества.

В **диалоге** закладываются и созревают замыслы будущих действий. Тексты диалогов принципиально не воспроизводятся, оставаясь достоянием непосредственных их участников: не приглашенные к разговору не должны их слушать. Таким образом, диалог предполагает наличие определенного круга общения, за пределы которого его содержание не должно выходить, оно не должно разглашаться. Некоторые диалоги могут входить в арсенал личной культуры.

С возникновением письменности появляется и устная публичная литературная речь. Главные ее виды — ораторика и гомилемтика.

Ораторика (от лат. *oratio* 'публичная речь') — речь, обращенная к данной аудитории, не посвященная определенной теме, звучащая только один раз. Иными словами, ее содержание аудитория согласна прослушать лишь единожды. Ораторика как вид литературной словесности представлена тремя разновидностями: речи судебные, показательные (эпидейктические) и совещательные.

Судебная речь — в ней всегда обсуждается прошлое: момент речи никогда не совпадает с моментом события, о котором говорят. Это речь, в которой предпринимается разгадывание прошлого, которое уже ушло и которого больше нет.

В **показательной речи**, наоборот, представлена связь прошлого с будущим. Это — описание прошлого, в связи с которым делается пожелание на будущее. Такая речь обычно произносится на каком-либо торжественном мероприятии, когда в чей-то адрес произносится похвала, порицание, тост, здравица и т.п.: это либо возвышенное прославление объекта речи, либо гневное его осуждение.

Совещательная речь — в большинстве своем обращена в будущее. Если неопытный оратор на собрании вместо того, чтобы говорить о будущем, о делах или событиях, которые еще предстоят, начнет рассуждать о том, что осталось в прошлом, то тем самым он нарушит законы жанра публичной речи и обратит совещательную речь в судебную. Люди совещаются о том, что им надо сделать в будущем, и судят о том, что было сделано (или произошло) в прошлом.

Гомилемтика (от греч. *общительный, обходительный*, *беседа, учение*) — это вид речи, когда оратор многократно выступает с одной большой темой перед одной и той же аудиторией. В гомилемтике представлены следующие разновидности словесности: проповедь, учебная речь и пропаганда.

Проповедь — разновидность публичной речи, ориентированная на напоминание об уже существующих знаниях, на их возобновление и укрепление. Проповедник должен объяснить и шире раскрыть истины, заранее известные аудитории. Поэтому проповеди не содержат ничего принципиально нового, а служат для того, чтобы сформировать на базе прежних знаний духовное единство слушающих, объединить людей общей идеей.

Учебная речь обязательно должно предъявлять слушателям новые знания. Примером может служить, в частности, лекция, когда преподаватель (лектор) последовательно раскрывает учащимся содержание своего предмета.

Проповедь и учебная речь говорят о строении мира или принципах поведения в мире, т.е. формируют абстрактное вневременное знание.

Пропаганда, напротив, обращена к конкретным текущим событиям и точно определенному моменту времени. Поэтому если в проповеди или учебной речи излагаемые положения могут быть вполне условными, то в пропаганде они всегда фактографичны: это реально происходившие события и комментарии к ним. Пропаганда сообщает аудитории неизвестные ей факты (в определенном смысле это объединяет ее с учебной речью) и по-новому обобщает их (что объединяет пропаганду с проповедью).

Генеральное различие между обоими видами ораторского искусства — ораторикой и гомилетикой — в том, что первая дает непосредственные знания о той или иной ситуации и действиях в этой ситуации, а вторая служит развитию способностей к действиям. По своей смысловой направленности ораторика объективна: она решает дела, она обращена к разуму, — а гомилетика субъективна: она формирует личность, апеллирует к душе.

Ораторика и гомилетика могут войти в культуру при двух условиях. Во-первых, тексты речей должны быть переведены в письменную форму, т.е. записаны, и, во-вторых — их запись должна быть воспроизведена, т.е. стать литературой.

В письменной речи как роде словесности представлены следующие виды: эпиграфика, сфрагистика, нумизматика, палеография (и неография).

Эпиграфика, сфрагистика и нумизматика привязаны к определенным материальным вещам и как бы обслуживают их: это предметы материальной культуры, документы, деньги. Палеография — это надписи на писчих материалах, не связанные с вещами и имеющие независимое от них содержание. Тексты эпиграфики и палеографии пишутся последовательно по буквам; в сфрагистике и нумизматике надпись делается чеканом сразу вся целиком.

Эпиграфика (греч. ἐπιγραφή ‘надпись’). Эпиграфические тексты представляют собой надписи на неписчих материалах (вещах), имеющих обычно незнаковое назначение: каменные плиты, металлические изделия, глиняные поверхности и т. п. В этих надписях могут указываться: изготовитель вещи, ее владелец, способ использования, иногда добавляются надписи, связанные с рекомендацией или запрещением определенных действий, и т. п.

Сфрагистика (греч. σφραγίς ‘печать’) — письменная речь здесь является одним из компонентов в верительных личных знаков: печатей и штампов, прикладываемых к документам. Текст называет юридическое лицо и тем самым удостоверяет, что подписанный документ действительно принадлежит этому лицу и им подписан.

Нумизматика (греч. νομίσμα, лат. *numisma* ‘монета’). В нумизматике письменный текст является компонентом знаков стоимости и регалий: это надписи на денежных знаках, медалях, жетонах и

т. д. Тексты нумизматики всегда стандартизированы и указывают меру стоимости, содержат какой-нибудь девиз или лозунг, запрещают подделку и т. п.

Палеография (греч. παλαιός ‘древний’ + γράφω ‘пишу’) — наука, изучающая знаки письменности в их исторической эволюции, формулирующая правила прочтения рукописных текстов и тем самым способствующая верной интерпретации содержания и формы письменных источников. Палеографическими называются тексты, выполненные орудиями письма на писчих материалах, т.е. все виды рукописей. По способам воспроизведения в палеографии различаются следующие разновидности словесности: письма (эпистолы), документы и сочинения (литература).

После его создания письменный текст как бы обособляется от своего автора и далее существует самостоятельно. Обладатель текста может поступить с произведением письменности двояким образом:

- а) принять его как вещь и не читать, т.е. не знакомиться с его содержанием;
- б) принять текст и прочитать его.

По отношению к получателю текста все произведения письменности могут быть обязательными или необязательными для получения, обязательными или необязательными для прочтения. Оба эти принципа действий можно комбинировать. В частности, получатель может переписать полученный и прочитанный текст, создав копию. Копия может быть сделана с целью передачи текста и его хранения. В первом случае она создается для отсылки. В результате несколько лиц становятся обладателями одного и того же по содержанию текста. Во втором — если копия не отсылается, а хранится переписчиком, она создана с целью накопления текстов для развития знаний.

Таким образом, произведения письменной словесности делятся на воспроизводимые и невоспроизводимые; а воспроизводимые, в свою очередь, различаются на воспроизводимые с целью отсылки и воспроизводимые с целью хранения.

Разные цели копирования произведений словесности связаны с характером получения и прочтения текста. Если текст воспроизводится для отсылки, это означает, что он обязателен для получения и прочтения. Если с целью хранения (скажем, в библиотеке или архиве), то для получения и прочтения не обязателен.

Документы. В практике канцелярского копирования различаются три способа исполнения документа: отпуск, копия и дубликат.

- Отпуск — это экземпляр, оставляемый для контроля в месте исполнения документа; он не подписывается и не заверяется.
- Копия — собственно юридический документ, заверенный, подписанный и отправленный адресату.

• Дубликат — это экземпляр, выдаваемый по специальному решению взамен утраченной копии адресатом.

Документы непосредственно управляют человеческими действиями, поэтому, чтобы не повредить им, подлинники существуют только в одном экземпляре.

Документы, хранимые в архиве, относятся к области культуры.

Письма — эта разновидность словесности является письменным аналогом устных отношений людей в диалоге. Тематически эти отношения исчисляются в письмовниках. Скажем, в бытовых письмовниках есть рубрики: «Просьба денег»; «Поздравления»; «Сватовство»; «Любовные письма» и т. п. В этой тематической рубрикации отражена схема частной человеческой жизни. Публичная деятельность и общественные отношения рубрицируются деловыми письмовниками и оформляются по стандарту.

Письма недокументального характера обычно не копируются. Редкие случаи их копирования объясняются разными целями: превращением их либо в документ, либо в сочинение.

Личное письмо следует принять, но читать или не читать его — зависит от намерений адресата. Непринятие письма означает отказ адресата выслушать обращенную к нему речь, т. е. желание прервать речевые отношения. Письма входят в культуру лишь когда попадают в архив; случается это редко.

Сочинения — в текстах литературных сочинений представлена жизнь человеческой души, они управляют умом и волей человека. Это — свободно копируемые тексты. Сочинения берутся из хранилищ для чтения выборочно по усмотрению человека, после прочтения некоторые из них переписываются (например, в виде конспекта).

Печатная словесность. Когда появляются средства печати, возникает **неография** (греч. νεος 'новый' + γραφω 'пишу'). Под неографией понимаются рукописи, с которых потенциально может быть сделан наборный экземпляр: это тексты, подвергающиеся печатному воспроизведению и массовому тиражированию. Все то, что печатается, относится к сочинениям, так как создание экземпляров текста на печатном станке есть свободное копирование.

Иногда печатному воспроизведению подвергаются документы. Например, когда издают свод законов, но такое издание является не документом, а только печатным свидетельством о его наличии. Закон с этим содержанием существует как документ лишь в одном экземпляре. Случается, что издание текста документа не повторяет полностью или даже искажает подлинник. В таких случаях издание документа происходит по правилам издания сочинений. Идентификация содержания и формы документа и его печатного воспроизведения — одна из задач неографии как науки.

Научная, художественная и журнальная разновидности сочинений печатной словесности характеризуются, в частности, раз-

ным отношением к цитированию. Цитирование — это включение в некоторый новый авторский текст фрагмента текста другого автора с указанием источника, из которого взят данный фрагмент. Частным видом цитирования является пересказ, т. е. вольное изложение основного содержания какого-то текста, не допускающее, однако, искажения его смысла.

По отношению к цитированию и пересказу выделяются три главные разновидности печатной словесности:

1) тексты, где цитирование и пересказ невозможны и текст воспроизводится всегда (полностью или сокращенно) как целое печатное произведение, — это художественная литература;

2) тексты, где цитирование возможно и необходимо, т. е. другие печатные (иногда рукописные) произведения воспроизводятся в новом тексте по фрагментам в виде цитат, — это научная литература;

3) тексты, где возможно как фрагментарное цитирование, так и целое воспроизведение, — это журналистика.

Сегодня в практике изучения литературы исследуются почти исключительно художественные сочинения. Литературоведение научных сочинений практически отсутствует, и тем самым не рассматривается значительная часть отображеной в речи духовной жизни. Этот недостаток частично восполняется науковедением и историей науки, а также риторикой¹.

Из всего объема печатной литературы только часть произведений отбирается в культуру.

Массовая коммуникация. Тексты массовой коммуникации преимущественно служат нуждам общественного управления современным массовым производством, а также сферой потребления; они создаются и распространяются новейшими техническими средствами: это мощные множительные машины и звукозаписывающие устройства, телевидение, радио, кино, компьютеры и т. п. Массовая коммуникация доводит до получателя необходимые для его деятельности смысловые части других видов текстов, т. е. делает общедоступным самое важное для общества в содержании документов, литературы, сведения о происходящих событиях и т. д.

Важно отметить при этом, что если устная речь обращена только к слуху, а рукописная и печатная — только к зрению, то в массовой информации используется зримое печатное слово в сочетании со словом произносимым и показанным. Это значит, что массовая информация представляет собой соединение звучащей и видимой речи.

¹ **Риторика** — наука о прозе — анализирует не только художественную речь, но и все виды нехудожественной, которая отражает не воображаемую, а реальную жизнь людей. Основой художественного творчества является вымысел, тогда как наша речь в самых своих эмоциональных формах прежде всего речь предметная и практическая.

Таким образом, тексты массовой коммуникации характеризуются устно-письменной фактурой речи. Этот род словесности подразделяется на следующие виды: массовая информация, реклама, информатика.

Массовая информация. Массовыми эти тексты оказываются потому, что обращены практически к неограниченно большому числу потребителей; информацией они являются в силу того, что их главная цель — сообщать сведения о текущих событиях: новостях.

Кроме того, массовая информация может создавать развлекательные тексты, которые предназначены для ориентации публики в тех произведениях визуального и музыкального искусства, которые массовая информация в данное время считает образцовыми.

Этот вид словесности формируется благодаря появлению новых материалов и орудий речи — кино, телевидения, радио, телеграфных и телефонных сообщений и т. д.; абсолютное большинство таких текстов достигает потребителя благодаря техническим средствам, которые выступают промежуточным звеном между создателем сообщения и его получателем.

В эту систему входят также ежедневные газеты, которые по своему смысловому содержанию связаны с текстами радио, кино и телевидения. Газетный текст имеет «текущий» характер, так как представляет собой повременное информирование читателя, зрителя и, слушателя.

Создатели массовой информации — редакции ежедневных газет, бригады радио- и телевыпусков, кино- и видеохроники — имеют общее наименование «средства массовой информации» (СМИ).

Новости, сообщаемые СМИ, обязаны быть доступными для понимания и не должны дезориентировать публику. Поэтому в них используются материалы информационных агентств, собирающих и передающих новости (сами агентства также входят в систему СМИ).

Массовая информация практически охватывает все общество, так как ее тексты сочетаются со всеми иными видами текстов.

Вся совокупность текстов массовой информации принципиально не восстановима и не воспроизводима в виде копий: получатель не хранит ее; она, подобно устной молве, действует только тогда, когда воспроизводится и воспринимается. Хранению могут подлежать отдельные ее материалы (фото- и кинопленки, аудио- и видеокассеты и т. п.). Невоспроизводимость является уникальной характеристикой массовой информации, отличающей ее от всех других разновидностей текстов.

Можно сказать, что основной задачей массовой информации является внушение аудитории некоторого мнения, которое дос-

тигается не столько словом, сколько образом, способным психологически заместить получателю информации реальный мир: не-редко массовая информация и воссоздает в обществе мир мнений вместо мира знаний. В ее общем содержании массовая информация не относится к культуре. Широкий охват потребителей сделал ее привлекательной для размещения рекламы.

Реклама — особая разновидность массовой информации о товарах, различных видах услуг и т. п. с целью оповещения потребителей и создания спроса на эти товары и услуги. Возникновение рекламы относится к очень давним временам: уже в античном Риме в позднереспубликанское время существовала реклама товаров, расхваливающая их качество, реклама услуг хозяев постоянных дворов, учителей, агитация за кандидатов на муниципальных выборах, реклама гладиаторов и общественных увеселений. Об этом свидетельствуют надписи и мозаики, стенные росписи и вывески.

Сегодня реклама встроена в состав единого комплекса массовой коммуникации. Объявления о чем-либо, реклама — мощное средство, направленное на то, чтобы внушить людям желание обладать определенным предметом или воспользоваться какой-либо услугой. Для усиления воздействия разрабатываются специальные изобразительные и речевые приемы.

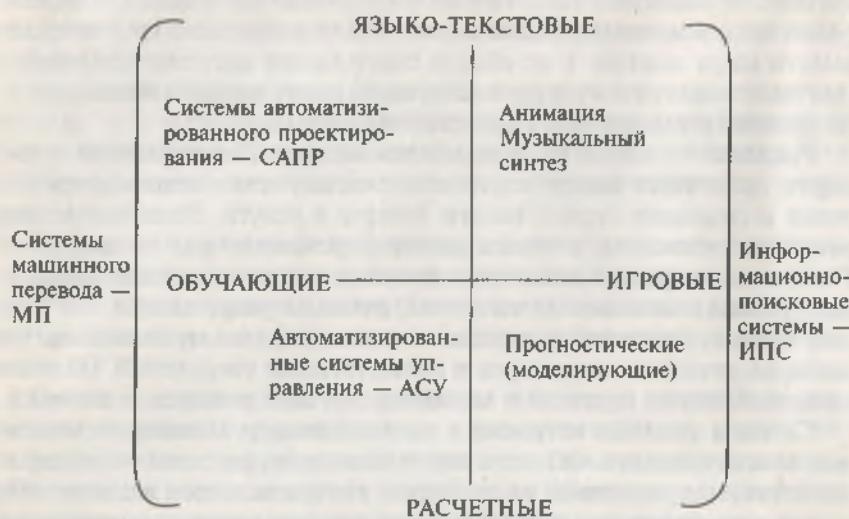
Рекламные тексты, как правило, не входят в культуру. Но выдающееся мастерство некоторых создателей рекламы может быть предметом изучения и в этом своем качестве может войти в культуру.

Информатика — вид словесности, представляющий собой развертывание форм и способов обобщения фактов и знаний с помощью современных электронных средств. Назначение текстов информатики — снабжение пользователя интересующими его сведениями и данными и на этой базе предоставление ему возможности составить собственное мнение о предмете и принять решение о необходимых действиях. Виды современных информационных систем представлены на схеме 4.

Компьютерные технологии позволяют создавать разные виды текстов, распределяемых по информационным системам, которые различаются типом функционирования и способом сохранения в памяти компьютера, — игровые, моделирующие, компьютерной анимации для видеофильмов, синтезирования музыки, автоматизированного проектирования, автоматизированные системы управления производственными процессами и действиями людей, системы для математических расчетов, для создания письменной речи, информационно-поисковые системы и системы автоматизированного (машинного) перевода (МП).

Если все они сочетаются с системами связи, обеспечивающими быструю передачу больших объемов информации, то в целом они называются мультимедиа, т. е. многопосредующие системы.

Схема 4

Объем содержащихся в них данных может быть неограниченно большим. Примером служит широко известная система Интернет, содержащая каталоги, реферативную и полномасштабную текстовую информацию самых разнообразных областей знания и предоставляющая эту информацию десяткам миллионов пользователей персональных компьютеров. Информатика как целое — культурное достижение XX в.

Связь между многочисленными информационными системами представляет внутреннюю сторону отношений между языками информатики и текстами. Классификация текстов, установление систем и правил создания текстов — одна из важнейших филологических проблем.

ЯЗЫК КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИКИ

Язык как предмет лингвистики представляет собой описание того общего, что соединяет все роды, виды и разновидности словесности и все произведения словесности. Будучи обобщением, предмет лингвистики — язык является абстракцией. Этой абстракции обучают для того, чтобы человек мог пользоваться любым видом словесности и сам создавать произведения словесности. В этом качестве абстрактное знание переходит в конкретное использование. Такова двойственная суть лингвистического понятия «язык» и языковой практики.

Как видим, каждый из видов словесности обладает своими речевыми формами и своей областью содержания. При этом все они исполняются на одном языке в лингвистическом смысле слова, т.е. на том языке, на котором говорит и пишет народ, сознающий себя как этническое целое.

В каждом таком этническом языке принято определенное соответствие между звуками и графическими знаками; в каждом из них существуют правила записи слов; в каждом есть словарь, т.е. собрание слов, которые подходят для любого из видов словесности, и грамматические формы, делающие ясным понимание каждого из них. Обобщение разных видов текстов — предмет лингвистики.

Язык в лингвистическом смысле слова — это то общее, что объединяет всю разнородную массу смыслов, представленную всей словесностью, всеми ее произведениями. Таким образом, описание языка есть описание тех форм, с помощью которых можно изобразить, записать, произнести, представить на компьютере любой из видов словесности. Именно в этом смысле слово язык обозначает предмет лингвистики. Данные понятия нельзя путать: язык как предмет лингвистики (языкознания) и язык как действительность, некая данность.

Язык как данность — это вся словесность; язык как предмет языкознания — это то общее, что соединяет все роды, виды и разновидности словесности.

Филология (и лингвистика как ее часть) является не только описательной и теоретической, но также и практической, прикладной наукой. Задача прикладной филологии состоит, во-первых, в обучении языкам; эта сфера приложения языковедческих знаний называется **языковой дидактикой** (лингводидактикой). Во-вторых, прикладная филология выполняет задачу создания знаков письменности, устройств передачи устной информации, фиксации устных текстов и превращения письменных текстов в устные и наоборот; эта область прикладной филологии называется **языковой семиотикой**. В-третьих, задача прикладной филологии состоит в отборе, хранении и представлении хранимых текстов людям, которым они нужны; эта культуртворческая функция прикладной филологии называется **информационным обслуживанием**. Прикладная филология совершенствует язык и языковое общение.

Взаимодействие различных областей прикладной филологии показано в таблице 1.

Жизнь людей складывается из множества разных занятий, история общества в этом смысле представляет собой историю возрастающего разнообразия занятий. Деятельность человека предполагает, с одной стороны, обучение определенному занятию, а с другой — изобретение нового занятия. Так складывается развитие профессиональной деятельности.

Таблица 1

Признаки	Области совершенствования языкового общения		
	Языковая дидактика	Языковая семиотика	Информационное обслуживание
Касается всего населения	+	+	-
Относится к использованию новой техники	-	+	+
Служит основой для создания новых правил обращения речи	+	-	+

Любая профессиональная деятельность требует языкового обозначения всех элементов своего труда — материалов и орудий, инструментов, результатов труда, а также самого названия данной деятельности. Обозначение той или иной профессиональной деятельности и ее элементам дается посредством лексических единиц — слов и выражений. Названия являются связующим звеном между разными видами и элементами профессиональной деятельности.

Каждый профессиональный язык, т.е. определенный состав слов и выражений, характерных для той или иной профессии, существует потому, что связан через те же слова и выражения с другими профессиональными языками. Эта связь выражается в общем языке, который является посредником между разными профессиями и делает возможным само существование профессий.

Общий язык осваивается и изучается людьми в семье и при получении образования. Однако наличие общего языка, являющегося условием межпрофессиональных контактов, не отменяет, а, напротив, предполагает существование специальных языков профессий. Благодаря этим языкам реализуется возможность получить образование в конкретной области и осуществляется сама профессиональная деятельность.

Профессиональные языки фиксируются в отраслевых словарях, где представлены лексические единицы, характерные для определенной сферы деятельности. Эти словари дают обобщенную картину лексики, использованной в данной области знаний (производства и т.д.), объясняют саму деятельность и ее части во всем их многообразии.

В развитии этих языков отражается вся степень сложности профессионального труда.

Профессиональный труд начинается с простого физического труда, требующего ручного искусства пользования инструментами для обработки материалов и получения продукта. Далее вклю-

чается умственный труд. Степень участия умственного труда в физическом определяет уровень сложности последнего. Вся история существования человека показывает, что появление и становление профессий ручного труда предполагает и развитие труда умственного. Этот процесс отражается в языке как степень осложненности самого языка и его интеллектуального содержания.

Профессиональные языки начинаются от профессий физического труда. Первоначальные формы физического труда характерны для так называемого «присваивающего хозяйства», когда люди занимались собирательством, охотой и домоводством.

История развития общества показывает, что сначала возникает троичное разделение труда: появляются скотоводческие, земледельческие народы и развивается военное искусство в его первоначальных формах. В зависимости от географических условий и степени одомашнивания (доместикации) растений, земледелие складывается как полеводство, огородничество, садоводство. И каждая из этих областей требует своей специфической лексики. У скотоводческих народов развиваются овцеводство, свиноводство, коневодство и разведение крупного рогатого скота. Это также требует соответствующей специальной лексики. Переход к сложному сельскому хозяйству, сочетающему в себе земледелие и скотоводство, предполагает развитие ремесел, т.е. обработку дерева, камня, выплавку и обработку металлов и т.д. Каждая из этих областей также нуждается в специальной лексике.

Развитие сельского хозяйства и ремесел имеет следствием возникновение торговли и военного дела, а также медицины. Эти виды деятельности сочетают физический и умственный труд, поэтому им необходим новый культурный слой лексики, который выстраивается над лексикой собственно физического труда (включая и обозначения его результатов). Такая лексика входит в специальные отраслевые словари, приобретая более обобщенный характер в пределах профессии — торговли, медицины, военного дела и т.д.

Развитие торговли и военного дела предполагает совершенствование финансовой деятельности. Предметом финансовой деятельности являются операции с деньгами, переводными обязательствами, векселями и другими ценными бумагами. Финансовая деятельность порождает свой специализированный язык, который охватывает и торговлю, и военное дело, и всю дифференцированную сферу профессий физического труда. Знание этого языка, обладающего высокой степенью обобщенности, полезно для каждого человека, живущего в условиях разделения труда.

Наряду с языком финансовой деятельности развивается специальная сфера управления обществом, т.е. администрация и право. В этой сфере функционирует так называемый канцелярский язык, который состоит из специальных выражений и слов, позволяющих

вести управленческую деятельность, судопроизводство, международные отношения. В каждой из этих областей (управление, судопроизводство и международные отношения) складываются соответствующие разновидности канцелярского языка. Будучи языком умственного труда, канцелярский язык обращен на жизнь государства и его органов, его правовые нормы. Самым древним видом канцелярского языка является профессионализированный язык писцов Древнего Египта. С тех пор во всяком государстве вырабатываются свои формы канцелярского языка. Овладение ими необходимо для участия в государственном и общественном управлении.

Общественное управление требует определенной идеологии, без которой не может существовать ни одно государство. Самой ранней формой идеологии является религиозная деятельность и она обладает своим языком — литургическим. Этот язык профессионально осваивается служителями культа и, поскольку религия охватывает (полностью или в значительной степени) все население, обретает большое общественное влияние.

Развитие техники и усложнение общественного устройства порождает специализированную лексику технического творчества (язык техники), язык позитивного знания (языки естественных и точных наук) и язык гуманитарного знания, описывающий разные общественные институты, в том числе и сам язык. Формируемая в школьном обучении грамматическая терминология может служить образцом такого гуманитарного языка.

Наряду с наукой развивается художественное творчество, оно пользуется всеми видами языка — языками торговли и военного дела, финансовой деятельности и управления, языками наук и технического творчества, а также религиозно-сакральной лексикой. Но в художественном произведении слова этих языков утрачивают свои узко терминологические значения: из специальной лексики выбираются только те слова, которые достаточно понятны всем, так как художественное творчество предназначено для самых широких слоев общества.

Так складывается язык художественной литературы — общеизвестный и общепризнанный, ставший основой общего языкового образования.

Однако необходимо помнить, что в художественной литературе общеизвестные слова могут получать новое осмысление, и это позволяет ее языку служить базой для создания новой специализированной лексики.

Совершенно по-иному формируется состав слов и выражений в информационных системах, в языках информатики.

Информационные системы строятся для того, чтобы описывать профессиональную деятельность в ее разнообразии и чтобы информировать о ней, о ее течении и развитии, о культуре труда.

Поэтому здесь терминология является центральным компонентом языков информатики. Эти языки адресованы профессионалам и в совокупности (ибо их много) вмещают как все виды профессионального разделения труда, так и все виды его интеллектуального многоаспектного осложнения.

Благодаря средствам информатики профессиональная лексика, с одной стороны, обретает более углубленные значения, а с другой — сохраняет, в отличие от художественной литературы, те специфические значения, которые характерны для каждой области деятельности.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Пользователь информационных систем должен обладать определенной подготовкой не только в области языка своей профессии, но и в компьютерной науке.

Как видим, в языках специальностей осуществляются два движения одновременно: углубляется специализация знания и возникают все более новые (высшие) ступени обобщения знания.

На этом фоне формируются требования относительно глубины и разнообразия тех языковых средств, которыми владеет человек.

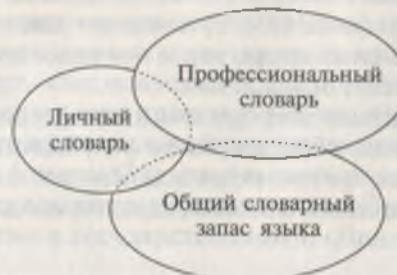
Каждый обладает своей мерой знаний и своей индивидуальной способностью к их обобщению. И то и другое получает свое отражение в его речи и лексике. Изучение вариативных возможностей людей с точки зрения знания ими языка специальности и общего языка является одним из предметов *психологии языка*.

Помимо количества известных человеку слов и выражений, а также степени понятности их содержания существует еще один предмет, к которому обращается *психология языка*, *речевые действия*. Речевые действия каждого современного человека распадаются на четыре главных вида: 1) говорение; 2) слушание; 3) чтение; 4) письмо. Они могут быть активными (говорение и письмо) и пассивными (слушание и чтение).

Обычно объем словаря, необходимого для пассивных действий, шире, чем объем словаря активных действий. Но, видимо, в этом правиле существуют исключения, так как есть люди, создающие свой собственный язык, в том числе профессиональный. Та часть лексики, которая используется активно, называется *языковой компетенцией личности*; та же часть слов и выражений, которой человек не пользуется активно, но знает их, может быть названа *языковой информированностью*.

Языковая компетенция не обязательно характеризуется использованием всего активного словаря человека, который он в состоянии использовать при говорении и на письме: тексты каждый раз создаются для определенной аудитории, в расчете на понима-

Схема 5

ние именно этой аудиторией. Корреляцию словарей отдельных языков можно представить в виде схемы 5.

Языковая информированность связана с глубиной понимания текста, т.е. с тем, насколько человек понимает написанные и услышанные лексические единицы и как он может ими оперировать.

Язык художников слова, писателей, словарь их произведений отражают их языковую компетенцию не полностью, а лишь в той мере, в какой писатель истолковывает понимаемость своих произведений аудиторией. Поэтому язык художника слова, извлекаемый из его произведений в виде авторского словаря, главным образом отражает то, как он представляет себе язык своей аудитории.

Соотношение всех четырех видов речевых действий (говорения, слушания, чтения и письма) есть проявление **языка личности**, который никогда не совпадает с общим языком или с отдельным профессиональным языком.

Своеобразие языковых личностей изучается **психолингвистикой, психологией и социолингвистикой**.

С точки зрения психолингвистики характеристика языковой личности определяется тем, какими этническими языками владеет данный человек. Он может владеть только одним языком, тогда это **моноязычная языковая личность**. С детства или став уже взрослым человек может дополнительно к родному языку изучить неродные языки. Такого человека называют **билингвом** (если два языка) или **полиглотом** (если языков много). Разными языками обычно владеют в различной степени и с разным искусством. Языки, которые изучил определенный человек, в его сознании и в его навыках влияют друг на друга. Такое влияние называется **языковой интерференцией**, и в той или иной степени она представлена почти у всех. Чаще всего она сказывается прежде всего в акценте. Педагогика старается устраниить явления языковой интерференции и борется за чистоту языка, т.е. за строгое следование пра-

вильной речи в зависимости от того, какой язык человек употребляет в данный момент.

Психология речи судит о свойствах и возможностях языковой личности по степени владения определенным языком: устанавливает врожденные задатки; языковые способности, развивающиеся в процессе языковой деятельности; осознаваемые и автоматизированные навыки владения языком и их использование в различных ситуациях общения и в разном эмоциональном состоянии человека. Психология речи существенно помогает выявить диагноз психического состояния человека, степень его здоровья, т.е. дает сведения, важные для общей и патологической психологии.

С социолингвистической точки зрения различаются создатель и получатель речи. Получатель речи — всегда один, отдельно взятый человек. Хотя аудитории наполняют сотни, но воспринимает речь каждый по-своему. Получатель речи может быть исследован с точек зрения и психолингвистики, и психологии речи. Что касается создателя речи, то им может быть и один человек, и группа людей, объединенных задачей создать текст данного вида. Создатель — один (наедине с текстом) в случае устной диалогической речи и при подготовке рукописи. Но уже в устной публичной речи говорящий нередко берет на себя только труд исполнения и ответственность за содержание. Готовит же речь другой (или другие), т.е. его помощник, который по-английски называется *speech writer*. В книгоиздании, кроме автора, участвуют редактор и художник, оформляющий книгу. При создании документов текст выполняется одним лицом, а подписывает его и несет ответственность за содержание другое лицо. Массовая информация, реклама и информатика готовятся коллективами людей. Категории психолингвистики и психологии речи не могут быть применены к тем ситуациям, когда в создании речи принимает участие группа людей, но они могут быть значимы, когда рассматривается отдельно каждый участник группы в связи с его частной задачей.

ЛЕКЦИЯ 3

ЛИНГВИСТИКА В КРУГУ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

СОСТАВ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Словесность существует и развивается благодаря конкретной деятельности людей: все говорящие и слушающие, пишущие и читающие — авторы оригинальных текстов, канцелярские служащие, сотрудники архивов и библиотек, работники связи, деятели средств массовой информации и информатики и т. д. — составляют языковое сообщество.

В рамках этого сообщества особую роль играют ученые-филологи, которые изучают языковую деятельность, управляют ею, изобретают новые средства создания и упорядочения языковой коммуникации. Для того чтобы исследовать, обобщать и создавать условия для развития и функционирования всего организма языковых коммуникаций существуют филологические науки.

Они подразделяются на **прикладные, фундаментальные и нормативные** и входят в единую систему филологии. Многоплановый состав филологических наук представляет следующую картину:

Прикладные науки	Фундаментальные науки	Нормативные науки
• Каллиграфия	• Сопоставительное языкоzнание	• Фонетика
• Орфоэпия	• Сравнительно-историческое языкоzнание	• Грамматология (учение о письме и письменности)
• Делопроизводство	• Типология языков	• Орфография
• Архивное дело	• Теория литературы	• Грамматика
• Книговедение	• Диалектология	• Лексикология
• Библиотечное дело	• История литературы	• Лексикография
• Методика и дидактика обучения языкам	• История языка	• Риторика
• Языковая семиотика	• История литературного языка	• Поэтика
• Информационное обслуживание	• История языка художественной литературы	• Культура речи

Старейшими по времени возникновения являются прикладные науки, в которых знания обусловлены непосредственной практикой человеческой деятельности; каждая из прикладных дисциплин ориентирована на определенный состав текстов. Напротив, нормативные науки, устанавливающие правильные формы устной и письменной речи, обращены сразу ко всем видам текстов, имеющим хождение в обществе: норма описывает весь язык в целом, независимо от вида текста. Наиболее поздние — фундаментальные науки, которые не восходят прямо к практике, но помогают ей: фундаментальные исследования создают базу для практической выработки нормативных правил.

К предмету лингвистики относятся: из прикладных наук — каллиграфия, орфоэпия, методика и дидактика обучения языкам и частично информационное обслуживание; из фундаментальных — все, кроме теории литературы и истории литературы; из нормативных — фонетика, грамматика, грамматология, орфография, лексикология, лексикография.

ПРИКЛАДНЫЕ НАУКИ

Самая старая из прикладных дисциплин — **каллиграфия**: наука о том, как следует четко и красиво исполнять начертания знаков письма.

Письмо подчиняется законам биомеханики и имеет как бы волновой характер: движения руки при письме волнообразны, словно мы катаем в руке мяч, чередуя энергичный нажим с отсутствием такового. Степень толщины (жирность) буквенных элементов — обязательная характеристика любого письма — отражает эту данную закономерность. В пределах требований биомеханики каллиграфия должна обеспечить ясную читаемость и красоту изображенного знака. Тем самым она являет собой воплощение на письме представления о прекрасном, а потому предполагает известное изящество письменного текста. И наконец, каллиграфия отражает индивидуальность почерка. Обучение каллиграфии имеет целью, с одной стороны, становление стандартного почерка, общественного стиля письма; с другой стороны — раскрытие индивидуального почерка, создание личного стиля письма. Между этими двумя полюсами находятся все почерки, а значит, и все языковые личности — конкретные люди, исполняющие рукопись. Письмо всегда можно идентифицировать по почерку. Развитие каллиграфии также подчиняется определенным закономерностям стиля, которые характеризуют эпоху, в которой работал писец.

Орфоэпия — наука о правильном и красивом произношении. По речи человека, по его произношению судят о его культурном развитии и степени образованности. Членораздельные звуки про-

изводятся своеобразными движениями артикуляционных органов. Правильное произношение есть искусство, благодаря которому преодолевается неразвитость (недостаточная приспособленность для речедеятельности) органов артикуляции, подобно тому как гимнастика противодействует неразвитости тела.

Овладение этим искусством также позволяет красиво строить речь и правильно выражать мысли. Ведь наша мысль, порождаемая в отделах головного мозга, именно через него непосредственно связана с пишущей рукой или с органами артикуляции, создающими членораздельные звуки. Как это ни странно на первый взгляд, но правильное произношение влияет на осанку человека, делает красивым выражение его лица.

Прикладные филологические науки устанавливают принципы того, как необходимо работать с письменными текстами, как их описывать, суммировать, хранить и как ими пользоваться.

Одна из таких наук — *делопроизводство* — занимается формированием, исполнением и комплектованием документов и писем. Создание документов и писем требует особой логичности, ясности, краткости и полноты содержания. Для этой цели строится формуляр письменного текста, содержащий правила расположения его композиционных элементов с четким указанием, кто, к кому и с чем обращается. Формуляр делится на:

- а) оформляющую часть, где указан адресант (тот, кто пишет) и адресат (тот, кому пишут);
- б) содержательную часть (что и по какому поводу пишут);
- в) само название документа, определяющее отношение текста к действительности, к делу, по поводу которого он составлен.

Разные части формуляра, называемые реквизитами, обычно располагаются на листе отдельно.

Формуляры документов и книжных рукописей стандартизируются, формуляры писем поддерживаются традицией.

Требования к стилю письменных текстов (ясность, краткость и полнота) несколько противоречат друг другу, поэтому искусство их составления заключается в том, чтобы умело реализовать все эти требования без ущерба для каждого из них.

Изучение делопроизводства представляется крайне необходимым, так как в цивилизованном обществе каждый человек от момента рождения на протяжении всей жизни окружен письменными текстами, прежде всего документами, обеспечивающими, охраняющими, поддерживающими его деятельность. Благодаря им создается как бы двойная действительность: действительность документов и действительность реальной жизни, которые не всегда совпадают.

Следующая прикладная наука — *архивное дело* — необычайно важна для культуры общества. В архивах хранится отображенная история человеческих деяний, представлена связь поколений.

Согласно подсчетам этнографов за историю человеческого рода на Земле прожило около 80 млрд. людей; современное человечество насчитывает примерно 6 млрд. Благодаря культуре, памятники которой хранятся в архивах, люди, жившие прежде, как бы существуют с нынешними. Архивные документы аккумулируют материальный и духовный опыт наших предков, формируя общественное наследие. Духовное наследие общества сосредоточено главным образом в книгах. Книга — это мощнейшее движение слова во времени.

Книговедение изучает, кто, когда и как делал книги (в том числе и рукописные). В рамках этой дисциплины исследуется история книги, деятельность наиболее известных представителей издательского дела, изучаются и разрабатываются разнообразные способы издания книг.

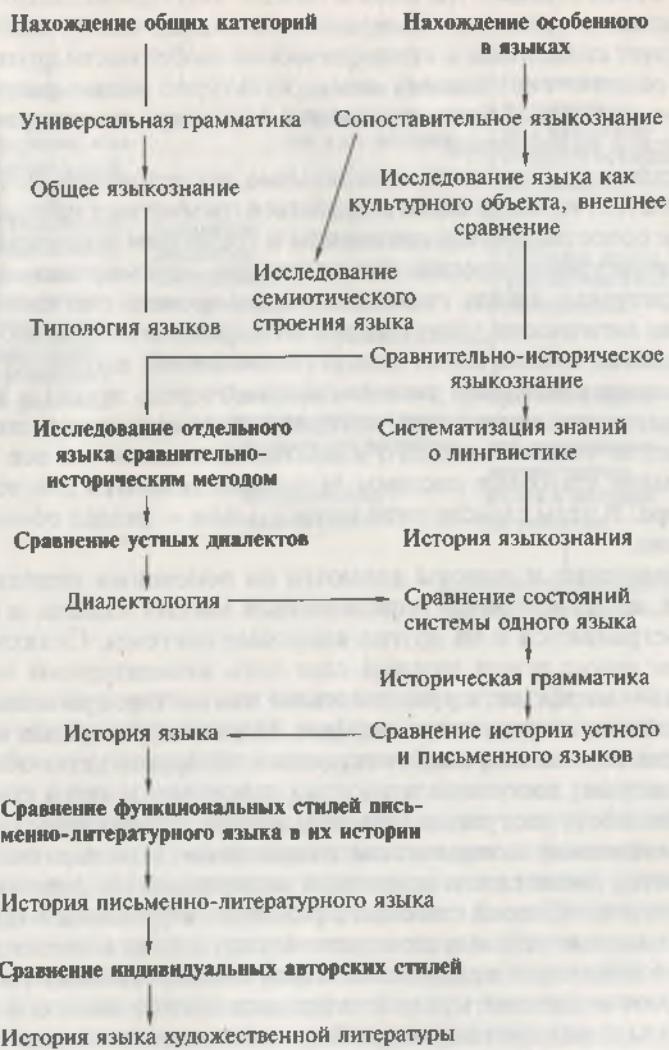
Библиотечное дело занимается проблемами упорядочения, учета и хранения книг — очень ответственная функция, в последнее время все более связанная с информационным обслуживанием.

Книги и рукописи не будут прочтены, если человек этому не научится. Такая задача находится в ведении методики и дидактики обучения языкам. Методика — это то, как следует действовать педагогу, как правильно выбрать разъясняющие приемы и методы, чтобы достигнуть цели обучения; дидактика — это создание учебного предмета в виде учебников, пособий, хрестоматий и других учебных материалов; отражающих опыт обучения и предусматривающих пути его совершенствования.

Дидактика указывает, как создать такое описание языка, при котором были бы выявлены его основы, как представить эти основы или их части в системе, чтобы обеспечить максимальную экономию памяти учащегося. Искусство методики заключается в том, чтобы перенести общие результаты дидактических разработок в конкретную аудиторию и эффективно обучить ее языку.

И в методике, и в дидактике используются технические приемы, основанные на закономерностях психологии речи и на знании общей системы языка.

Языковая семиотика — дисциплина, изучающая способы представления языкового смысла в письменной и устной речи, тенденции появления новых знаков письменности. Однажды созданные знаки письменности не остаются неизменными. Русский алфавит, сформированный в XVIII в., с тех пор претерпел такое количество стилистических перемен, что сегодня уже невозможно установить, сколько всего существовало гарнитур (т. е. единых стилевых совокупностей) шрифтов. Гарнитура (фр. *garanture* 'комплект') — это сумма печатных знаков, которая включает все размеры букв (измеряемые кеглями — особой мерой величины букв), все степени жирности буквенных элементов, прямые и наклон-

ные (курсив) способы написания. Новые гарнитуры создаются для придания тексту новой эстетики: один и тот же текст, напечатанный разными гарнитурами шрифтов, меняет свое эстетическое содержание. Скажем, в разных изданиях повесть А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка», напечатанная разными шрифтами, «живет» по-разному: она оказывается то торжественно-монументальным творением, то изящной багателью, то весьма серьезным романом.

Исследования показывают, что изменение политического направления той или иной газеты можно достаточно точно определить даже не по ее содержанию, а по замене гарнитуры шрифта!

Говорящие машины, т.е. аппараты, синтезирующие и распознающие речь, также созданы на базе данных языковой семиотики.

Информационное обслуживание — это наука о теории и практике пользования предметами (плодами) культуры. В системах информационного обслуживания определяется, где находится тот или иной текст, что нужно сделать, чтобы его найти и предоставить абоненту. Примером простейшей информационной системы является библиотечный каталог. Таким образом, информационное обслуживание ставит своей целью донесение до человека необходимой ему для ориентировки в большом объеме материалов по конкретной проблеме.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Фундаментальные исследования осуществляются методами языкознания, ориентированы они прикладными задачами и исходят из развития основополагающих знаний о языке. По мере развития фундаментальных наук знания в каждой области расширяются и углубляются, но сама область исследований как особая наука сохраняется.

Фундаментальное языкознание развивается по своим внутренним законам. Это развитие можно представить в виде следующего алгоритма (схема 6)¹.

Как видно из схемы, фундаментальное языкознание (лингвистика) основано на сравнении лингвистических описаний языков.

Сопоставительное языкознание изучает в сравнении два (и более) языка, данные в грамматических описаниях и текстах. Это развивает научные представления об обоих языках, особенностях

¹ В схеме полужирным шрифтом выделены направления научного поиска, светлым — дисциплины, решающие указанные задачи.

их содержания и строя. Самой простой формой сопоставления является двуязычный словарь, когда слова одного языка объясняются словами другого. На этих же принципах могут быть созданы сопоставительные грамматика (грамматические категории одного языка объясняются и комментируются сравнением с категориями другого), фонетика, фразеология и т. д.

Благодаря сравнительному анализу и исследованиям не только истолковываются феномены одного языка через сопоставле-

ние с другим: само по себе подобное осмысление языковых явлений языка придает им новый смысл: оно приобщает объясняемый язык к смыслам объясняющего языка, один язык как бы заимствует смысловые и стилистические особенности другого. Поэтому обычно соотносится язык, культурно менее развитый, с языком, культурно более развитым, благодаря чему первый обогащается и развивается.

Систематические сопоставительные исследования начались в Европе в XVI в., когда стали создаваться грамматики национальных языков: сопоставлению с латинским и греческим подвергались новые литературные европейские языки; так, «вульгарные», т. е. младолитературные языки, ставились как бы бровень с классическими языками античности, уравнивались их выразительные возможности.

Типология языков имеет целью установление закономерностей, связывающих материал речи (в первую очередь звуки) и выражение смысла, т. е. членность материала ради выражения значений. Предметом типологического языкоznания являются все известные в мире языковые системы, и выводы делаются для всех языков мира. В этом смысле типология языков — раздел общего языкоznания.

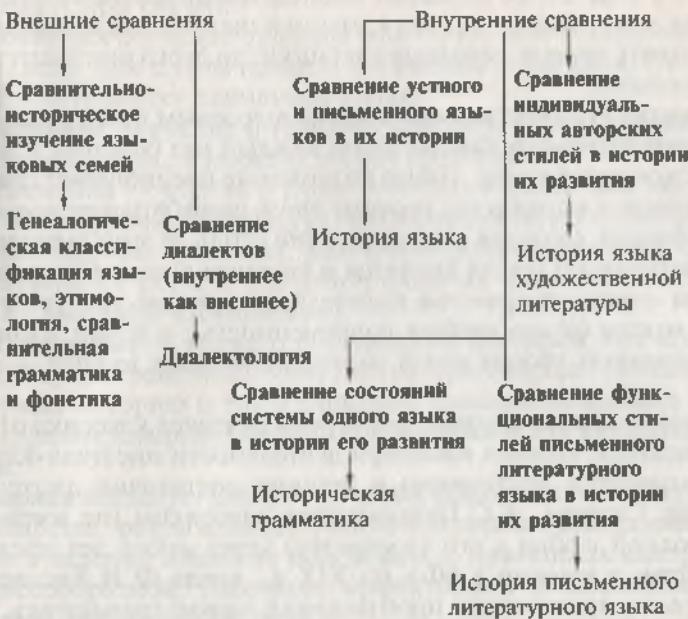
Наблюдения и выводы делаются на основании неполной индукции, когда изучается определенный массив языков, а выводы распространяются и на другие языковые системы. Скажем, в китайском языке почти каждый слог есть элементарный носитель смысла — морфема; в русском языке это не так: границы слогов не совпадают с границами морфем. Изучение подобных явлений по основному массиву языков позволяет обнаружить способы смысловыражения, доступные языку как таковому, и типы сочетаний этих способов, доступные данному конкретному языку.

Сравнительно-историческое языкоznание (компаративистика) занимается выявлением признаков материального родства между языками и проблемой языкового развития. Изучаются и описываются языковые семьи в их генетических, т. е. культурно-исторических отношениях между собой. Полученные таким путем знания позволяют исследовать развитие бесписьменных языков и становление языковых систем на основе диалектного членения.

Научные приложения компаративистики лежат в области этнической истории народов, истории материальной и духовной культуры. Помимо этого, изучение письменностей и письменных языков отдельно от устных делает результаты таких исследований значимыми и для истории и типологии цивилизации.

Динамику сравнения языков и диалектов¹ можно представить в виде схемы 7.

¹ На схеме полужирным шрифтом выделены методологические основания исследований, светлым даны учебные дисциплины.

Сравнение родственных языков и диалектов устанавливает общие истоки культуры разных народов, культурное языковое единство одного народа во всем его разнообразии; сопоставление разных систем одного языка по мере их становления раскрывает его историко-культурную эволюцию; сравнение устного и письменного языков в их изменениях предоставляет данные по истории цивилизации интересующего периода; анализ стилей разных текстов (функциональные стили) показывает своеобразие формирования речевых коммуникаций в определенной цивилизации; и, наконец, сравнение стилей разных авторов развертывает историю языка художественной литературы. Все эти данные в совокупности составляют историю языковой культуры народа.

История письменного литературного языка и языка художественной литературы дает необходимые сведения для *теории и истории литературы*.

Литература — научная и художественная — каждая имеет свои формы и способы развития содержания.

Самая ранняя научная литература нового времени начиналась с жанра личного ученого письма. Потом возник жанр памфлета — сложенного в брошюру (без обложки) одного печатного листа (16 страниц). В этот объем умещалась научная статья; такой объем для журнальной научной статьи рекомендуется и поныне.

Затем памфлеты стали брошюровать вместе — получился сборник. И в еще более поздний период появился новый жанр — научная монография — книга, написанная одним автором. Стали выходить первые печатные учебники, до этого они были только рукописными.

Развитие художественных текстов шло иным путем: ведь в пределах литературного канона автор каждый раз создавал новое эстетическое содержание. Новое содержание предполагает самобытное словесное выражение, поэтому автор разрабатывает новые языковые формы, создавая свой авторский стиль. В этом смысле автор художественного текста является и творцом языка. Существенно, что при оценке творчества писателя история не требует от него новой мысли (этого требует современность); с точки зрения истории писатель творит нечто значительно более важное — форму речи.

Именно создание новых форм речи отделяет классика от рядового писателя. Оценка языковой деятельности писателя-классика вырабатывается постепенно в течение достаточно длительного времени. Скажем, А. С. Пушкин стал классиком (не имея ввиду всенародной любви к его творчеству) через много лет после своей смерти, а именно в 60-х гг. XIX в., когда Ф. И. Буслаев ввел примеры из пушкинских произведений в свою грамматику. Классик — обязательно создатель нового в языке; причем это новое должно стать общим достоянием народа.

НОРМАТИВНЫЕ НАУКИ. ПРОБЛЕМА НОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Характерной чертой гуманитарного знания является наличие в нем нормы. Общество не живет вне норм (общественных законов), ибо она предопределяет отношения между людьми.

Нормирование языков — это лингвистическая деятельность, промежуточная между фундаментальным и прикладным языко-знанием, обеспечивающая приложение фундаментальных знаний к решению прикладных задач. Оно совмещает моменты *описания языков* (фундаментальные исследования) и моменты *приложения языковых знаний* (создание и распространение нормы). Нормализация проводится в пределах соответствующих нормативных наук.

Фонетика — нормативная дисциплина, изучающая состав звуков и звукосочетаний языка.

Грамматология устанавливает число и форму букв, типы возможных их сочетаний для выражения звуков. Прямого однозначного соответствия между буквой и звуком нет, поэтому определя-

ются группы букв, выражающих один звук, и группы звуков, обозначаемых одной буквой.

Грамматика содержит правила сочетания слов в предложении, а также связанные с этим правила изменения форм слов, т. е. представляет систематику элементов языка.

Орфография — учение о графическом образе слов и пробелов, разделяющих слова, а также о знаках препинания.

Лексикология — учение о слове: что такое слово, как выстраивается его морфемная структура, какие существуют словообразовательные приемы (модели), как формируются системы слов с точки зрения их форм и значений; сюда же включается история слов и их значений (этимология).

Лексикография — наука о составлении словарей, без которых не может существовать ни один литературный язык. Лексикография изучает историю и типы словарей, словарный арсенал языка в целом, роль словарей собственно для языка и для культуры речи в целом.

Риторика исследует систему речевых коммуникаций современного общества, разрабатывает учение о правилах построения монологов и ведения диалогов всех видов, о принципах выстраивания целесообразной, уместной, эффективной и эстетически совершенной прозаической речи.

Поэтика (формальная) — учение о нормах художественной речи, об особенностях художественного стиля писателей, о совокупности изобразительных средств, которыми они пользуются.

Культура речи — это знание того, как следует правильно применять элементы языка в произношении, как правильно пользоваться его словарем и грамматикой. Она также определяет, какие отклонения от нормы могут быть допустимыми, а какие нет, отслеживает динамику изменений стилистической нормы.

Начальный подход ко всем этим дисциплинам дается в курсе «Введение в языкознание».

Лингвистикой далеко не исчерпываются знания о языковой деятельности людей. Рядом с ней и параллельно с ней развиваются другие науки о языковой деятельности (см. табл. 1).

Одни из них в своих разработках создают новые виды языковых действий; другие служат для коррекции, исправлении ошибок в языковых действиях; третьи необходимы для развития знаний. Этот процесс можно представить в виде таблицы 2.

Фундаментальные, нормативные и прикладные филологические науки связаны между собой и как бы переходят друг в друга. Так, грамматика — нормативная наука, но при решении чисто теоретических задач, она становится фундаментальной: так называемой теоретической грамматикой. Фундаментальные науки предоставляют основания для научного выведения норм, а прикладные — требуют опоры на норму. Для фундаментальных наук глав-

Таблица 2

Филологические науки	Обобщение и систематизация знаний	Корректирование языковых действий	Исследования и разработки новых видов языковых действий с текстами
Фундаментальные	+	-	+
Нормативные	+	+	-
Прикладные	-	+	+

ной задачей является обобщение и систематизация знаний; прямого применения в практике они не имеют, занимаясь описанием наличного состояния объекта; это же относится и к нормативным наукам.

Непосредственное влияние на практику оказывают нормативные и прикладные науки.

Исследования и разработки отдельных конкретных вопросов объединяют фундаментальные и прикладные науки, но с разных точек зрения. Скажем, в фундаментальной науке можно изучать письмена ронго-ронго острова Пасхи, которые сейчас никому, практически, не нужны; и сделать это как прикладную работу нельзя. Другое дело — создать на их основе клавиатуру для аппарата автоматизированной стенографии. И то и другое — алфавит, но один должен действовать (стенография), а другой не претендует на практическое использование (ронго-ронго).

Итак, в фундаментальных науках при ведущей направленности на обобщение возможны разработки частных вопросов. В нормативных есть обобщение и есть непосредственное влияние на практику. Прикладные исследования всегда конкретны и своей конкретностью влияют на практику.

Связь и взаимодействие фундаментальных, прикладных и нормативных наук реализуется в лингвистике благодаря научным подходам, выраженным в понятиях «синхрония» и «диахрония». Эти подходы позволяют правильно соотносить данные разных наук, проводить сравнения языков и строить системные их описания.

Исходный материал языкоznания — языковые тексты, но в отличие от других филологических наук лингвистика рассматривает тексты не с точки зрения культурно-исторической преемственности, а в аспекте сосуществования всех классов текстов в данный момент времени. Языкоznание анализирует то общее, что есть во всех видах текстов, и описывает материал, отраженный во всей совокупности текстов.

Обобщение языкового материала текстов, представленных в данном их историческом состоянии, называется *синхронией* (т.е. одновременностью). Очевидно, что такие обобщения необходимо

выполнять постоянно, сообразуясь со знанием культурно-исторического развития языковых текстов.

Один и тот же язык подвергается лингвистическому описанию (путем обобщения) многократно. Скажем, до появления массовой информации, описывалось то общее, что его характеризовало в этом качестве. Появление массовой информации вызвало необходимость описания новой совокупности текстов. Следовательно, возникновение каждого нового вида словесности заставляет заново переосмысливать и создавать синхроническое описание языка. Поэтому и грамматика, и словарь постоянно как бы переписывают друг друга, но вместе с тем дают своевременные обобщения появляющихся речевых феноменов.

Наличие двух и более синхронических описаний разных совокупностей языковых систем и их текстов, объединенных культурно-исторической преемственностью, называется *диахронией* (т.е. разновременностью). Это позволяет сопоставлять подобные описания между собой и увидеть изменения общего, что имеется в данной совокупности текстов, и тем самым отслеживать эволюцию языка.

МЕТОД ЛИНГВИСТИКИ

МЕТОД И МЕТОДИКА В ЛИНГВИСТИКЕ

Различные лингвистические науки благодаря общему методу составляют единство, однако в каждой из них он дополняется конкретными методиками в зависимости от материала и задач исследования.

Кроме того, лингвистика заимствует методы конкретных наук и математики, когда это необходимо. Так, при изучении устной речи заимствуются методы и приборы из физики (акустики и электроники); при изучении письменной речи — методы и приборы оптики и электроники. Важную роль играет привлечение математики, особенно математической статистики и теории вероятностей, а также математической логики. Используются также данные психологии, географии, истории и социологии.

Степень заимствования методов (или конкретных) данных зависит от общего метода лингвистики, который характеризуется тем, что определенным образом ограничивает наблюдения над фактами языка.

РЕЧЕВАЯ ЦЕПЬ

Первым и основным ограничением является понятие линейности речи.

Хотя реальность состоит в том, что речь не только линейна, но и объемна, лингвистикой вводится допущение, что исследуемое явление языка должно представляться как линейное. Линейное представление речи, состоящей из однородных единиц, называется *речевой цепью*. Так, в высказывании, известном из любого букваря: *Мама мыла раму*, — имеется и определенная интонация, охватывающая все предложение, и словесные ударения, есть последовательность звуков в слогах и др. Если изучать только последовательность звуков, то обнаружится, что они влияют друг на друга, слиты в слогокомплексы и т. п. Но в соответствии с методом следует выделить только одну, избранную сторону этого объемного явления, представив ее в виде речевой цепи. Например, если нас интересуют отдельные звуки речи, мы должны рассматривать их в виде линии букв и (или) звуков: *м-а-м-а м-ы-л-а р-а-м-у*.

Изучая только звуки и (или) буквы, мы при этом отвлекаемся от интонации, ударения, пауз, слогообразования, смыслообразования, грамматических форм и рассматриваем лишь одну последовательность звуков как линию — речевую цепь — аналог следования событий, которые мы выделяем в виде звуков речи. Эта последовательность может быть представлена следующим образом:

Последовательность звуковых событий
Говорящий → *м-а-м-а м-ы-л-а р-а-м-у* → Слышащий.

ОДИНАКОВОСТЬ ПОНИМАНИЯ

При изучении последовательности речевых событий, представленных как линия, устанавливается второе ограничение: *одинаковость понимания каждого события* говорящим и слышащим, что подразумевает однородность восприятия и осознания ими каждого представленного события. Так, говорящий и слышащий должны одинаково воспринимать каждый звук в данной последовательности, одинаково осознавать их цепочку, устанавливая, что входящие в эту последовательность звуки [м], [а], [р], [ы], [л] представлены в разных комбинациях.

Если же вместо *мама мыла раму* слышащий услышит: «баба — рыла — маму» или «вафа — лары — лабу», то это будет означать, что языковой акт не состоялся и надо искать причину этого. Слышащий и говорящий должны одинаково отождествить каждый звук, тогда каждый отождествленный звук окажется элементом одного языка.

Для иллюстрации одинакового понимания лингвисты нередко прибегают к примеру кода и сообщения в тайнописи:

шифровальщик → шифрованное сообщение → дешифровщик.

Если в такой языковой коммуникации шифровальщик и дешифровщик не располагают общим кодом, сообщение не может быть прочитано и понято; и наоборот — если код у участников коммуникации один, сообщение будет понято. В этом примере конкретные языки (русский, английский, португальский и пр.) уподобляются разным кодам. Если говорящий использует русский язык, а слышащий не знает его, а владеет, допустим, португальским, то они не располагают общим кодом, не принадлежат к одному языку.

Однаковость понимания линейной последовательности речевой цепи по ее элементам есть критерий принадлежности людей к одному языку и одновременно критерий существования языковой общности людей.

КОММУТАЦИЯ И ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Коммутация — правило выделения и отождествления единиц языка в линии речи путем подстановок и перестановок частей речевой цепи. Его суть состоит в том, что замена одного элемента цепи на другой подобный или перестановка элементов может либо сохранить смысл сообщения, либо исказить его и даже уничтожить. Коммутация состоит из подстановок и перестановок частей речевой цепи с последующим их отождествлением.

Так, в слове *мама* звук [м] может быть заменен на близкий ему звук [б], тогда получится слово *баба* 'женщина, бабушка', и исчезнет значение 'мать'. Если в этом слове заменить только один звук [м] на звук [б], то выражение обесмыслится: «*маба*» и т. п. Это значит, что звук [м], несмотря на его тесную акустическую и физиологическую связь со звуком [а] в слоге [ма], является отдельным элементом речевой цепи, отдельным звуком и неслучайно записывается отдельной буквой.

Коммутация позволяет разделить речевую цепь на элементы, ее составляющие.

Отождествление — сведение однородных частей или элементов разных речевых цепей в единицу и выделение единиц языка.

В словах *мама*, *мыть*, *мазать* и других (см. словарь на букву *м*) в начале каждого стоит звук [м]. Если везде замена звука [м] на звук [б] изменит или уничтожит смысл, то на основании сходства произношения и звучания следует заключить, что звук [м] в каждом из этих слов представляет собой одну единицу языка: *мама* — «*бама*», *мыть* — «*быть*», *мокнуть* — «*бокнуть*» и т. п. **Итак**, [м] — единая единица языка, которая в сочетании с другими подобными ей в составе речевой цепи элементами составляет осмыслиенные комбинации звуков (в нашем случае это слова). Совокупность тождественных или близких по звучанию и технике произношения элементов речевой цепи сводится в одну единицу. Отождествляемые элементы речевой цепи нередко называют **вариантами**, а единицы, полученные в результате отождествления, — **инвариантами**, и тогда говорят, что варианты принадлежат инвариантам.

Это означает, что у разных людей и в разных местах речевой цепи произношение (реализация) вариантов несколько различается, однако всегда любой элемент речевой цепи входит в какую-то единицу, т. е. всякий вариант принадлежит своему инвариантам, и любой инвариант представлен совокупностью вариантов. Совокупность инвариантов (единиц) составляет язык — в лингвистическом понимании этого термина. При этом число единиц речевой цепи (инвариантов) ограничено, а число вариантов (элементов) бесконечно.

Выделение инвариантов и установление единиц нередко требует дополнительных процедур.

Слово *что* в московском произношении звучит [што], а в ленинградском — [что]. Значит ли это, что имеются два языка — московский и ленинградский, или что звуки [ш] и [ч] суть одна единица единого русского языка? Рассмотрим два слова: *часть* и *шашть* (глагол *шаштать* означает 'перебегать незаметно'). Здесь отношение звуков [ч] и [ш] таково, что их замена меняет смысл: *ч-асть* ('быть в составе целого'), *ш-асть* ('незаметно перебегать').

Значит, звуки [ч] и [ш] явно принадлежат к разным инвариантам и представляют разные единицы. Приходится заключить, что в слове *что* мы имеем особый случай, когда два разных варианта не создают различия смысла в речевой цепи. К такому заключению мы пришли потому, что увеличили объем изучаемого материала. По общему правилу следует считать: чем детальнее разделены единицы, чем больше учтено материала и чем больше наличествует инвариантов — тем более точным будет описание.

Отождествление элементов и единиц, или вхождение вариантов в инварианты основано на материальных и смысловых признаках речи. Те признаки, которые отличают один инвариант от другого (одну единицу от другой), называются **дифференциальными**. Так, звуки [м] и [б] сходны по всем признакам, кроме сонорности. Сонорность — дифференциальный признак. Признаки, наличествующие у данного звука как общие с другим звуком, называются **интегральными**.

Интегральные и дифференциальные признаки относятся ко всем способам представления речевой цепи: слова *стол* и *стул* фонетически различаются с помощью звуков [о] и [у]. То, что оба они заднего ряда — это интегральный признак, различие их по подъему языка — дифференциальный. С точки зрения семантики интегральный признак — предмет мебели, а дифференциальный — различные назначения этих предметов. С грамматической точки зрения слова *стул* — *стула*, *стол* — *стола* различаются падежами: это дифференциальный признак; при этом каждый из падежей — именительный и родительный — имеет свой интегральный признак: именительный — быть подлежащим и именной частью сказуемого, родительный — быть определением.

ДИСТРИБУЦИЯ

Уточнение числа и характера описания единиц языка проводится с помощью процедуры, называемой **дистрибутивный анализ**. Слово *дистрибуция* буквально означает 'распределение', или, иначе, сочетаемость единиц в речевой цепи. Дистрибуция или

дистрибутивный анализ оперирует двумя основными понятиями — «синтагма» и «парадигма».

Под термином **синтагма** понимается последовательность двух и более элементов в речевой цепи; например: синтагма звуков [н]-[о] — противительный союз, звуков [н]-[а] — предлог, синтагма слов *за-тем* — следование, синтагма слов *человек идет* — сочетание слов и т.д.

Под термином **парадигма** понимается класс отождествляемых элементов, занимающих одно и то же место в синтагме: *но/на* → *о/а*, *за тем/за этим* → *за тем/этим*, *человек идет/человек бежит* → *человек идет/бежит*. Элементы *о/а*, *тем/этим*, *идет/бежит* представляют парадигму.

В словах *мама*, *мыть*, *мазать* звук [м] представляет парадигму, так как он допускает после себя звуки [а] и [ы], образуя сочетания [ма] и [мы]. Сочетания [ма] и [мы] являются синтагмами: в нашем случае синтагмами звуков и букв.

Поскольку единицы речевой цепи комбинируются в высказываниях, распределение единиц по парадигмам и синтагмам происходит одновременно. Выделение единиц означает освобождение их от сопутствующих признаков, т.е. признаков дополнительных, неглавных. Скажем, звуки могут влиять друг на друга: подчиняясь законам ритмической и метрической организации речи, они связываются в одно целое с тембром и интонацией и тем самым предстают для непосредственного наблюдения в виде органически спаянных конгломератов. Задача заключается в том, чтобы выделить свойства, составляющие языковую сущность данной единицы, — определить признаки, позволяющие ей быть отдельным явлением и не зависящие от комбинирования с другими единицами. Такие признаки называются дифференциальными и выражают сущность, самостоятельность, потенциальную отдельность единицы. Признаки, обусловленные входением в комбинации, являются сопутствующими, интегральными. Выделение единицы означает установление ее дифференциальных признаков и сведение по этим признакам всех случаев ее употребления в один класс. Например, звуки, обозначаемые буквой *о* в словах: *воды*, *вода*, *водяной*, представляют собой варианты инварианта <*о*>.

Для установления дифференциальных признаков применяется синтагматико-парадигматический принцип выделения единиц языка. Пользуясь образным определением Ф. де Соссюра, языковую систему можно представить в виде шахматной доски:

1 ^А	2 ^Б	3 ^В
4 ^Г	5 ^Д	6 ^Е
7 ^Ж	8 ^З	9 ^И

вертикальные столбцы клеток — парадигмы, горизонтальные строки из тех же клеток — синтагмы. Это значит, что выделение единиц языка производится с использованием матричного представления.

Представим это на примере:

бег — 264, где — 456, ева — 631 и т.д.

Классическая матрица, представляющая синтагматико-парадигматические отношения языковых единиц, выглядит следующим образом:

Таблица 3

С и н т а г м ы	Парадигмы		
	I	2	3
a	+	+	-
b	-	+	+
c	+	-	+

или:

a, b, c ~ c, a, b
a — 1, 2, 1 — a, c,
b — 2, 3, 2 — a, b,
c — 1, 3, 3 — b, c.

Цифрами обозначены позиции, в которых встречается тот или иной элемент: последовательность элементов позволяет установить последовательность позиций этих элементов; в свою очередь последовательность позиций указывает на линейную последовательность элементов. Матрица оказывается взаимно обратимой: элементы определяют позиции, позиции определяют элементы.

Распределение элементов относительно позиций и распределение позиций относительно элементов называется **дистрибуцией**.

Если две единицы никогда не встречаются в какой-то позиции, то относительно этой позиции они находятся в отношении дополнительной дистрибуции (например, элементы *a* и *b* относительно позиции *I*); если две разные единицы могут встречаться в одной и той же позиции, то они находятся в отношении контрастной дистрибуции (например, элементы *a* и *c* относительно позиции *I*).

Язык предстает, таким образом, как своеобразная «наборная касса», позволяющая построить любое высказывание из ограниченного числа элементов. Задача лингвиста заключается в минимизации этих элементов, причем минимизация не должна достигаться в ущерб многообразию: требуется создать такой минимум единиц, который позволит выразить все многообразие смыслов через комбинации инвариантов.

Пользование языком представляет собой процесс, т.е. обладает временной компонентой. Программа процесса, т.е. последователь-

ность в которой ничего нельзя изменить, называется системой (например, движение поездов — это процесс, расписание движения поездов — это система). В этом смысле речь представляет собой процесс, а язык — систему. Целью лингвистического описания является обнаружение системы, стоящей за данным процессом.

При этом следует иметь в виду, что только минимально три последовательности процесса дают минимальное различие трех единиц: две единицы могут быть различены и выделены по употреблению, если предварительно установлены три позиции; в свою очередь две позиции могут быть различены и выделены по употреблению, если предварительно выявлены три единицы. Минимум позиций и минимум единиц, которые могут различать друг друга, равен трем. Это значит, что только при наличии не менее трех элементов в трех позициях оказывается возможным различить («развести») последовательности (позиции) относительно единиц, а единицы относительно последовательностей.

Скажем, при анализе текста обнаруживается, что объединение предложений за пределами их линейной последовательности при помощи параллелизмов (т.е. повтора однородных выражений) и образования матричных структур высказываний связано с тем, что каждые горизонтальные строки таких матриц и каждые их вертикальные столбцы объединяются некоторым тематическим единством содержания. Пересечение же столбца со строкой представляет своеобразное определение понятия, выражаемого предложением, по двум аргументам. На этом основании и строится матричная система «разведения» понятий. Матричное объединение и взаимное различие позволяет этим понятиям взаимно определять друг друга.

В основе матричного различия лежит запрет на употребление единицы хотя бы в одной позиции. Если некоторая единица не имеет запрета (или запретов) на употребление в какой-либо позиции, то она не может быть отделена от другой единицы или единиц. Каждая единица отличается от другой тем, что у нее есть своя, только ей присущая позиция, в которой данная единица запрещена к употреблению. Только благодаря таким запретам возникает набор понятий, который имеет разрешение на употребление.

Например, в синтаксисе можно выделить три типа предложений: главные, придаточные и вводные. Они различаются по трем признакам: возможность соединяться друг с другом по законам грамматики (1); возможность быть синтаксически независимыми друг от друга (2); невозможность самостоятельного употребления (3) (см. табл. 4).

Теперь покажем это на буквах и звуках. Возьмем русские слова *шмат* 'кусок', *Маша* имя, *шашка* 'бруск'. Распределим звуки (и буквы) по позициям от начала слова (см. табл. 5).

Таблица 4

Типы предложений	Отличительные признаки		
	1	2	3
Главные	+	+	-
Придаточные	+	-	+
Вводные	-	+	+

Таблица 5

Звуки и буквы	1	2	3
<i>а</i>	-	+	+
<i>ш</i>	+	-	+
<i>м</i>	+	+	-

Матрицы показывают, что каждый набор типов предложений (табл. 4), звуков и букв (табл. 5) имеет относительно друг друга контрастное и дополнительное распределение.

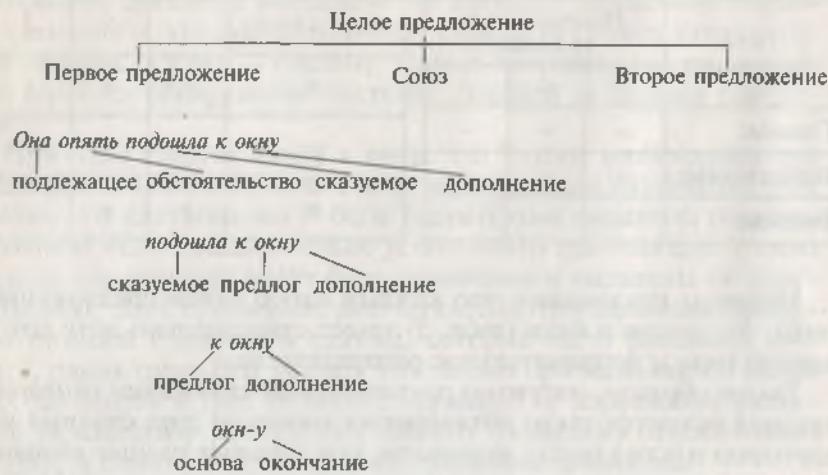
Таким образом, матрично различенными единицами (инвариантами) являются такие объединения минимум двух сходных по звучанию и/или смыслу вариантов, при которых разные варианты одной единицы занимают свой, только им присущий состав позиций, причем каждая позиция характеризуется минимум двумя разными единицами.

Следует помнить, что выделение позиций относительно единиц и единиц относительно позиций есть исследование употребления и я. При исследовании употребления рассматриваются не физические сущности, а нормативы деятельности. всякая материальная единица обретает форму тогда, когда она соотносится с употреблением. Лингвистическая форма, будучи проекцией норм речевой деятельности на ее физические свойства, есть основание грамматической правильности. Любая лингвистическая система при ее реализации допускает отклонения: любой текст никогда полностью не совпадает с системой. Подобное несовпадение представляет собой различия между нормативом деятельности и использованием этого норматива. Мерой такого различия служит правильность.

ЯРУСЫ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Речь представляет собой сложное явление. Всякое высказывание содержит многообразное сочетание смыслов и звуков. Например: *Она опять подошла к окну, и опять взяли ее думы* (И. С. Тургенев). Ряд слов составляет здесь сложносочиненное предложение. Оно представлено серией грамматических форм, элегантно разделенных на слоги, обладающие красивым сочетанием звуков и соединенные сложной интонацией. Графически, упрощенно фрагмент этой фразы — первое предложение в составе сложносочиненной структуры — можно представить в виде схемы 8.

Схема 8

Сходным образом, но иначе, делится звучание:

[ɔ]-[н-а]-[ɔ]-[п-а-т']-[п-ъ]-[д-ɔ]-[ш-л-а]-[к-ɔ-к]-[н-у].

Схема показывает, что для коммутации и дистрибуции деление предложения по речевым цепям требует определенного порядка. Ведь в каждом высказывании речевая цепь обладает своей конфигурацией. Лингвистика устанавливает однородные правила нахождения и установления речевой цепи в любом высказывании. Такое разграничение высказываний на речевые цепи называется **ярусами языковой системы**.

Для того чтобы обеспечить однородность разделения высказываний на речевые цепи, лингвистика, опираясь на эмпирический материал языкового общения (коммуникацию), строит максимально абстрактную систему описания. Применяя этот принцип, мы обнаруживаем в разных высказываниях то общее, что составляет разнокачественные факты языка. Так, предложение в языке характеризуется наличием особого значения, имеющегося предикацией — мыслимый объект выражается некоторым словесным построением и к этому объекту адресуется его определенный признак. Например: *студент читает*; *студент* — в нашем случае предмет мысли и ему сообщается признак, характеризующий конкретное действие в данное время. Такое соотношение понятий, получающих вербальное выражение, и называется предикацией; во всяком предложении обязательно содержится предикация.

Словосочетание как лингвистический термин — это группа слов, выражающих единое понятие расчлененным образом. Например: *читающий студент*; нам ясно, что здесь представлен один пред-

мет мысли, выраженный двумя определенным образом соединенными словами.

Слово как лингвистический термин есть минимальное средство обозначения одного предмета мысли с помощью звуков или букв в их смысловой организации. Многие слова составлены из отдельных значащих частей. Каждая из них не может самостоятельно обозначать предмет мысли, она только как бы «намекает» на способ минимального выражения этого предмета, т.е. обладает ассоциативным значением, поскольку может входить в состав самых разных слов. Например: *студент*, -*а*, -*у*; *ученик*, -*а*, -*и* и т.д.

Части слова, которые могут входить в состав других слов и обладают сходным звучанием и значением, называются морфемами. Анализ их структуры показывает, что они все составлены из ограниченного количества однородных звуков. Скажем, предлог *на* и союз *но*: каждое из этих слов состоит из одной морфемы, у них общая часть *-и* и есть разные части, *-а* и *-о*; которые могут входить в другие слова: *мам-а*, *мал-о* и т. д.

Существует достаточно ограниченное число типических звуков, из которых составляются морфемы и слова. Комбинации из них способны образовать любую морфему, любое слово и вообще любое высказывание. Звуки языка сами по себе не выражают значений, но в определенных комбинациях в качестве морфемы, слова, словосочетания и предложения обретают значение, характерное для той или иной единицы.

Качественные различия между фонемами, морфемами, словами, словосочетаниями и предложениями, рассмотренные как отношение звучания и выражаемого им значения, представлены в ярусах языковой структуры (табл. 6).

Таблица 6

Признаки	Ярусы языковой структуры				
	Фонем	Морфем	Слов	Словосочетаний	Предложений
Закрытость списка	+	+	-	п	п
Ассоциативно-этимологическое значение	-	+	+	п	п
Непрерывность звучания	+	-	+	-	+
Номинативное значение	п	п	+	+	-
Раздельная оформленность	п	п	-	+	+

Знак «**0**» показывает, что данный в столбце слева признак не значим для данного яруса; знак «**+**» — что указанный признак характеризует этот ярус; знак «**-**» — данный признак не применяется для характеристики данного яруса.

Разъясним выделенные нами признаки языковых структур.

Закрытость списка означает, что число единиц данного яруса ограничено, т.е. в лингвистическом описании перечисляются все единицы этого яруса. Так, ярусы фонем и морфем ограничены определенными числами соответствующих единиц (+). Количество ограниченность в этом случае понимается как состояние языка, которое подлежит описанию. По данному признаку эти оба яруса отличаются от яруса слов — (-). Число слов при описании определенного состояния языка не может быть ограничено, так как всегда существует возможность создания нового слова.

Ассоциативно-этимологическое значение возникает, когда мысль ищет ассоциации с целью создать новое значение. Этот признак следует понимать следующим образом. Фонемный и морфемный ярусы представлены единицами, связанными с другими единицами языка. Это значит, что тот или иной корень слова, та или иная флексия, т.е. та или иная морфема, могут встретиться в разных словах. Например, **язык-языч-** представлена в словах **языковой** и **язычник**, входя в их состав. Таким образом, морфема **язык** выступает как часть других слов, но в одном случае (**языковой**) передается значение 'отнесенный к языку', а в другом (**язычник**) — значение 'человек, принадлежащий чужому языку', т.е. 'человек, не знающий языка Священного Писания'.

Общая для этих двух слов морфема **язык-** ощущается нами как звуковой комплекс, способный символически указывать на группу связанных между собой значений. Здесь она является корнем слова.

Единица языка — это уже не морфема, т.е. не часть слова, а отдельное слово. Сравним два примера: *И назовет меня всякий сущий в ней язык*; *Не показывай язык!* Здесь одним этим словом обозначен и целый народ, и отдельная часть тела, т.е. два разных понятия, родственных друг другу по происхождению. Происхождение языковых единиц изучает этимология. Таким образом, наличие признака ассоциативно-этимологического значения (+) фактически означает, что и морфемы, и слова являются средствами образования новых значений на основе одного и того же звукового комплекса.

Непрерывность звучания — данный признак естественным образом характеризует фонемный ярус, так как в представляющий фонему звук невозможно включить иной звук без прерывания звучания основного. То же относится и к слову, ибо оно состоит из непрерывного ряда звуков. Что же касается морфем, то этот признак к ним неприменим, так как возможны случаи, когда внутрь

одной морфемы вставляется другая. Возьмем, например, слово **подстаканник**: поскольку не существует слова «подстакан» и слова «стаканник», то, следовательно, **под-** и **-ник** представляют единую морфему (конфикс), которая разделена на две части введением корня.

То же самое относится и к словосочетаниям — они естественно могут разрываться вставками других слов; например, словосочетание **студент пишет** может быть расширено: **студент быстро пишет** и т. п.

В то же время признак непрерывности звучания в полной мере относится к предложению, ибо всякое предложение обладает единством фонетического звучания в виде интонации.

Номинативное значение — признак, который означает способность называть предметы и выражать понятия. Например, словосочетания **речевая деятельность человека**, **речевая деятельность русского народа**: в обоих случаях выражаются однородные понятия, но имеющие разный объем. Этот признак не может относиться к предложению, так как оно не всегда формально выражает номинативное значение: существуют предложения-междометия **Ах!**, **Ого!**, **Ай-ай-ай!** и т. п. Здесь имеет место сообщение одного человека другому некоторой информации, но нет называния (номинации) предмета и связанного с ним понятия.

Раздельная оформленность отражает способность языковой единицы перемещаться в потоке речи и в соответствии с этим, обозначать свое отношение к другим частям высказывания и к другим высказываниям. Например: **Маша ела кашу**; **Кашу Маша ела**; окончание **-у** винительного падежа указывает на отношение слова **ела** к слову **каша** независимо от их местоположения внутри высказывания. Отдельные слова (**Маша**, **каша** и т. д.) сохраняют форму, это практически не влияет на перемещение слов в предложении. Следовательно, отдельное слово **цельнооформленно**, а словосочетание и предложение **раздельнооформленны**.

Конфигурации плюсов и минусов в таблице показывают, что единицы разных ярусов имеют и общие, и индивидуальные признаки; каждый ярус обладает определенной их совокупностью. Скажем, ярус фонем характеризуется закрытостью списка и непрерывностью звучания; морфем — закрытостью списка и наличием ассоциативно-этимологического значения; слов — ассоциативно-этимологическим и номинативным значениями, а также непрерывностью звучания; раздельная оформленность свойственна словосочетанию и предложению и т. д.

Расположение плюсов и минусов в верхних трех строчках как бы зеркально отражается в трех нижних строках. Это значит, что в высказываниях звучание отображается в значениях — и наоборот. Но это отображение не всегда простое одно-однозначное соответствие.

УРОВНИ ЯЗЫКА: ЛЕКСИКА, ФОНЕТИКА, ГРАММАТИКА

Уровнем называется определенный аспект рассмотрения целого. Говорят: «на уровне ботаники», «на уровне техники», «на уровне массовой культуры». Так, рассматривая конкретное растение, например ландыш, мы можем рассуждать о нем на уровне ботаники (систематизация растений), на уровне техники (гибель ландышей из-за неправильной практики ведения лесного хозяйства), на уровне массовой культуры (популярная песня «Ландыши»).

В условиях системы языка, где язык (на уровне лингвистики) представляется как сочетание ярусов, на каждом из которых существует система единиц или инвариантов. Инварианты каждого уровня существуют отдельно, и каждый ярус также отделен от другого. И ярусы, и единицы обладают различающими их признаками — дифференциальными и интегральными. Благодаря этому каждый инвариант и ярус отделены от другого как костяшки на счетах: любая костяшка самостоятельна, но каждая на своем стержне — ярусе. Костяшки обозначают единицы, а стержни, по которому они двигаются, — разряды (единиц, десятков, сотен и т.д.).

Но языковая система, при условном внешнем сходстве со счетами, представляет собой значительно более сложную сущность.

Все ее ярусы связаны между собой. Так, предложение состоит или из словосочетаний, или из слов. Связь слов в предложении выражается словоизменением и порядком слов. Словоизменение предполагает деление слов на морфемы, по крайней мере, на основы и окончания. Морфемы состоят из отдельных групп звуков, объединенных в слоги. Слоги могут совпадать, но могут и не совпадать с морфемами. Наконец, отдельные звуки, в свою очередь, могут представлять отдельные морфемы или их комбинации. Морфемы, сохраняя свое тождество, могут меняться в составе звуков. Слово как сумма и ряд звуков в своих границах отличается от слова как инварианта в словаре. Словосочетание по своему значению и функциям может использоваться как слово, а со звуковой точки зрения может и не выделяться потенциальной паузой и ударением. Предложение оформляется интонацией, характеризующей ряд звуков или даже один звук.

Все сказанное означает, что отношения между ярусами не так просты, как счеты с их способом обозначения единиц и разрядов.

В целях обнаружения и описания связей между ярусами языковой системы в лингвистике введено понятие «уровень». Различаются три главных уровня — уровень лексики, уровень грамматики и уровень фонетики.

Уровень лексики связан с идеей знакообозначения. Каждый звуковой комплекс и его варьирование связан с определенным значением и его вариантами. Так, слово *чернила* будет тождественно

самому себе и тогда, когда его звуковой материал несколько изменится: *чернила*, *чернилу*, *чернилом*, *черниле* — и когда несколько изменится его значение: *чернила* ('материал письма'), *его душа* — *чернила* ('мрачная душа').

Таким образом, на уровне лексики рассматриваются инварианты, имеющие *знаковую идентичность*.

На уровне грамматики анализируется смысловая связь знаковых единиц между собой. Например: «Этими чернилами писать нельзя». Здесь форма *чернилами* обозначает материал письма в его использовании по отношению к действиям с ним. Отдельный простой знак (слово *чернила*) включен в сложный знак — высказывание. Назначение уровня грамматики — отражать смысловую связь лексики в высказываниях, в которой простые знаки образуют сложные связи. Здесь изучаются способы связи слов — *синтаксис* и формы изменения слов для их связи между собой — *морфология*: *Чернила хорошие*. *Чернилами можно писать*. В этих высказываниях представлены две разные по типу связи слов в предложении: это — уровень синтаксиса, синтагматика. А также две формы слова (*чернила*, *чернилами*), предназначенные для разных типов связи слов; это — словоизменение, т.е. уровень морфологии, парадигматика.

Уровень фонетики занимается изучением связи знаков по звучанию и, как следствие, по графическому выражению. На этом уровне рассматриваются составы фонем и их дифференциальные и интегральные признаки — фонология — сколько и каких фонем имеется в русском (и любом другом языке), как они различаются и объединяются по произношению и по восприятию; как фонетически меняются морфемы (например, в словах *гора* [гара], *гор* [гör] звук [о] в безударном положении меняется на [а]; *беру* — *брах*: [бир-] ~ [бр-] — опускается гласный [и ~ ə]). В этом случае рассматриваются связи фонетики и морфологии: выражение морфологических изменений при помощи фонетических средств, выявление фонемного состава морфем и слов. Этот подуровень называется *морфонологией*.

Слово обладает либо неизменным, либо изменяемым ударением и соответствующим этому изменению звучанием. Например, *коса* — *косы* [каса] — [косы]: единственное — множественное число. Эти явления изучаются на подуровне *акцентологии*. Словосочетания и предложения также подвергаются изменениям и в звучании, и по месту ударения, и по расстановке пауз: *Он бросился в море* — *Он бросился в море*. В первом предложении акцент делается на действующем лице (кто?), во втором — на направленности действия (куда?). Разные вопросы — разный смысл. Эта область фонетики называется *интонацией*.

В целом разделение по основным уровням — лексики, грамматики, фонетики — характеризуется следующими признаками:

Таблица 7

Уровни языковой системы	Знаковая идентичность	Связь знаков по смыслу	Связь знаков по звучанию
Лексика	+	+	-
Грамматика	-	+	+
Фонетика	+	-	+

- а) унитарной знаковостью или знаковой идентичностью;
 б) связью унитарных знаков по смыслу;
 в) связью знаков по звучанию.

Распределение этих признаков показано в таблице 7.

ВЫБОР И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ МАТЕРИАЛА РЕЧИ

Реальное языковое общение отличается большим многообразием. Встречается разумная и удобопонятная речь, но нередко слышишь такое, о чем пословица говорит: «Ест неладно — говорит нескладно». Бывает речь, изобилующая заимствованиями из других языков, которая от этого может становиться комичной, — так называемая «макароническая речь»: *Who бы это тау бе? Nimm die банка ти! варенье von der полка ти!* чулан.

Adieu, adieu, я удаляюсь,
 Loin de vous я буду жить,
 Mais cependant я постараюсь
 Un souvenir de vous хранить.

Речь может быть грамотной, т. е. построенной в соответствии с правилами литературной речи, и неправильной («начать», «портфель» и т. п.). Наконец, каждый человек обладает своими особенностями произношения, обусловленными устройством его органов артикуляции, своими речевыми навыками и только ему присущим психологическим состоянием.

Задача лингвиста состоит в том, чтобы из всего этого разнообразия извлечь скрытую за ним систему. Для этого он пользуется понятиями *правильности* и *отмеченности*.

Под понятием «правильность» понимается оценка речи, отвечающая следующим критериям:

- Педагогическому, отражающему определенную систему, по которой ведется речь, — ее полноту, простоту и системность. Полнота означает, что максимально учтен материал информации; простота — что он сведен в минимально возможное

число инвариантов, а системность — что инварианты составляют удобную для понимания и запоминания систему.

- Историческому, который состоит в том, что если для высказывания была избрана некая лексико-стилистическая система, то менять ее принципы нельзя, их можно только совершенствовать.

- Стилистическому, согласно которому описание языковой системы должно строиться с учетом прогресса в развитии речи, быть приспособленным для новых видов и разновидностей словесности.

Все эти требования, соединяясь вместе, образуют главный критерий — *грамматической правильности речи*.

В реальной речи высказывания делятся на грамматически правильные и отмеченные. Отмеченными могут считаться все высказывания, наблюдаемые лингвистом. Часть из них грамматически правильны, а часть полностью или частично неправильны.

Последние также значимы для лингвиста, как и правильные, а иногда даже представляют больший интерес. Например, в психолингвистике неправильные высказывания на фоне правильных свидетельствуют о психическом состоянии человека — возрастном, образовательном, патологическом, эмоциональном и т. п.

Для некоторых исследований, например, в сравнительно-историческом языкознании или в этнографических описаниях языка (полевая лингвистика) представляют интерес только отмеченные высказывания, вне критерия правильности. В педагогических описаниях литературного языка используется материал, заведомо отличающийся высокой грамматической правильностью. Таким материалом является речь выдающихся писателей, речь образцовых документов и писем, признанные обществом как лучшие примеры литературной речи. Следовательно, отбор материала зависит от характера исследования и всякий раз совершается сознательно, применительно к характеру задачи лингвистического описания.

ЛЕКЦИЯ 5

ИМЕНОВАНИЕ

НОМИНАЦИЯ

В центре лингвистической системы находится слово. Через слово главным образом проявляется связь планов выражения и содержания, отношения между фонетикой и грамматикой. Первым, что усваивает человек, овладевая языком, является слово.

Для того чтобы слово утвердилось как знак, оно должно стать названием предметов, вещей, событий, качеств, обстоятельств, т.е. ответить на все вопросы, ведущие к познанию, действию и оценке.

Слово в функции называния есть имя. Процесс называния есть именование, или номинация.

Имена — первичные знаки языка, из них создаются сложные знаки — выражения.

Функция имени заключается в назывании предмета или явления, в объяснении значения этого предмета (явления) и в представлении его в виде звукового или графического образа. Имена делятся на определенные разряды.

Значение имени обращено, с одной стороны, на действительность, с другой — на ее знаковое представление, данное в объяснении значения. Поэтому значения языковых знаков всегда одновременно и конкретны, и абстрактны. Языковые знаки указывают на конкретный предмет или явление (дено тат) и выражают понятие (концепт), используя для этого образ, заключенный в звучании или графической форме слова.

Основные разряды имен различаются по тому, каким образом и для каких целей они формируются. Выделяется первичная, или прямая, номинация; вторичная, или переносная, номинация; терминотворческая, или третичная (социально обязательная), номинация (эти выделения более полно показаны в таблицах 8 и 9). Соответственно различают имена:

- 1) собственные (предмет первичной номинации);
- 2) нарицательные (предмет вторичной номинации);
- 3) термины (предмет третичной, социально обязательной, номинации).

Итак, именование есть способ обозначить в речи предмет мысли. *Первичное именование* — это процесс называния словом како-

Таблица 8

Номинации	Признаки имен		
	называют предметы прямо	участвуют в общении, не называя конкретных предметов	выражают понятия
Первичная (прямая) — имена собственные	+	+	—
Вторичная (переносная) — имена нарицательные	—	+	+
Третичная (терминотворческая) — термины	+	—	+

го-либо предмета мысли, который создан в мысли или появился в действительности впервые.

Вторичное именование — переназывание — происходит в контексте речи в отношении уже известных предметов мысли; контекстные определения образуют синонимы первичных и вторичных имен, а также терминов.

Третичное именование (терминотворческое) представляет собой использование результатов первичного и вторичного именования для установления фиксированного значения слов.

Каждый младенец, появившись на свет, начинает издавать звуки. Их вполне достаточно, чтобы обеспечить его жизнедеятельность и установить контакт с семьей; эти звуковые сигналы ограничиваются выражением эмоций вместе с требованиями улучшить окружающую среду в своих интересах. Примерно после года жизни ребенок начинает вступать в социальные отношения с помощью слов. Для того чтобы вести членораздельную разумную речь, необходимо называть окружающие предметы, т.е. дать им имена.

Таблица 9

Разряды именований	Признаки именований		
	называние нового предмета мысли	создание синонимов	использование уже существующих имен
Первичное	+	+	—
Вторичное	—	+	+
Третичное	+	—	+

Процесс именования сложен. Если что-то как-то назвать произвольно, то именующий вряд ли сможет достичь понимания в диалоге с другими людьми: такое имя останется его частным достоянием. Поэтому обычно ничего не именуют только для себя (подобные символические обозначения возможны лишь во внутренней речи, в диалоге с самим собой). Это значит, что самое главное в номинации не просто дать чему-то название, а ввести это название в речевой обиход общества. Введение имени в речевой обиход общества требует последовательных действий трех разных действующих лиц — создателя имени (он называется ономатоте^тт); эксперта, утверждающего имя (он называется диалекти^кт); обычного пользователя имени, т.е. частного лица. Эти три лица действуют в соответствии с характером того, что именуется.

Приведем примеры.

Каждый человек имеет имя, данное ему родителями, удостоверенное свидетельством о рождении, которое выдается отделом ЗАГСа; все официальные инстанции обязаны пользоваться этим метрическим именем человека. Возникают три роли:

- 1) родители — те, кто называет, предлагая имя (ономатотет);
 - 2) ЗАГС — учреждение, где предложенное имя официально регистрируется (диалектик);
 - 3) частные лица — все те, кто, общаясь с человеком, называют его по этому имени (пользователи).

Итак, ономатопея создает имя, диалектик его обсуждает и утверждает, пользователь его употребляет.

Такое троичное деление процесса именования было описано Платоном в диалоге «Кратил», а указанные роли там же получили приведенные выше названия (ономатотет, диалектик, пользователь).

Модель социализации имен на ограниченном количестве примеров представлена в таблице 10.

В том же диалоге «Кратил» Платон вводит понятия «истинность имени» и «правильность имени». Под истинностью он понимает выразительность звукового или графического образа для уз-

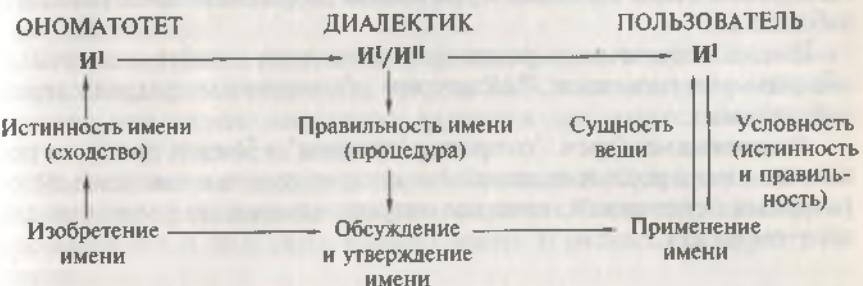
Таблица 10

Именование	Ономатотет	Диалектик	Пользователь
Личное имя	родители	ЗАГС	кадровые документы, публика
Имя литературного героя	писатель	критик	словарь, публика
Термин	ведомство	комитет стандартов	другие ведомства

навания предмета именования. Под правильностью — общественную потребность в выражении данного содержания. Имя является правильным тогда, когда на него есть социальный запрос, т. е. предмет мысли, требующий именования; оно оказывается истинным тогда, когда его звуки обрисовывают характер именуемой вещи.

Представим это в схеме 9.

Схема 9

Имена создаются следующими основными способами:

1. Звукоподражанием (ономатопея): *кукушка, свистель*.
 2. Звуковой символизацией: *трескать*, разг. 'принимать пищу'.
 3. Соединением частей слова по смыслу: *водовоз, пароход*.
 4. Формальным (морфологическим) словообразованием: *Воз-
митель 'фамилия', Ярославль 'город'*.

5. Смысловым развитием через полисемию: *лицо* 'часть тела' ~ *лицо* 'верхняя сторона ткани'.

6. Смысловым развитием через омонимы и антонимы: покидать что-либо? (дом, школу, университет и т. п.) ~ покидать куда-либо? (в портфель, сумку, рюкзак и т. п.).

Возможна ситуация, когда диалектик запрещает использовать созданное ономатопетом имя: это может быть, например, бранное слово, неправильный термин, неверное или же секретное наименование. Такие запрещенные слова обозначаются словом полинезийского происхождения табу. Существуют даже запрещенные языки, например язык воров (так называемый «блатной жаргон»).

При активных социальных переменах нередко возникают заимствования, препятствующие общению. Сейчас, например, часть используют слово *эксклюзивный*. В русском языке в нем нет необходимости, так как существует прилагательное *исключительный*, которое имеет те же значения: 1. 'не распространяющийся на всех', например, *исключительное право*; 2. 'выделяющийся среди других своими достоинствами', например, *исключительное качество материалов*. Поэтому использование заимствования *эксклюзивный* нецелесообразно, диалектик должен признать его излишним.

ПЕРВИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ. ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

Каждый человек по отношению к разным именам оказывается то диалектиком, то ономатотетом, то пользователем. Такова социальная структура имени.

Полностью данная структура реализуется тогда, когда создаются собственные имена реальных объектов всех видов. Схематично картина этого процесса с указанием разрядов имен отражена в таблице 11.

Имена собственные различаются по тому, какие единичные объекты они называют. Рассмотрим обозначенные разряды имен собственных.

Антропонимы (греч. "ανθρώπος 'человек' + "ονομα 'имя') — реальные имена реальных людей (не следует путать с именами литературных персонажей, которые антропонимами не являются; см. об этом ниже).

Таблица 11

Ономатотеты	Диалектики	Пользователи
1. Антропонимы (имена людей)		
Родители	племя, церковь, ЗАГС	родственники, знакомые, сотрудники
2. Топонимы (имена мест)		
Жители, Открыватели	власти	картографы и все, кто пользуется этим местом
3. Гидронимы (имена вод)		
Традиция, Открыватель	географы	картографы; все, кто пользуется этими водами
4. Хрононимы (имена дат)		
Историки, Хронисты	педагоги	все, кто говорит о прошлом
5. Прагманимы (имена вещей)		
Создатели вещей	коллеги	все, кто о них знает или ими пользуется
6. Зоонимы (имена животных)		
Владельцы, Заводчики	те, кто ведет родословные	владельцы, хозяева

В современном обществе антропонимы создаются родителями, утверждаются органами, представляющими государство, и используются всеми, кто в быту или на службе имеет дело с данными людьми, носящими эти имена. Все антропонимы полагается документально удостоверять в записях актов гражданского состояния (ЗАГСа), а затем в удостоверениях личности, принятых государством или учреждением, где работает данный человек. Скажем, в студенческом билете документально удостоверяется антропоним по отношению к местопребыванию его носителя в учебном заведении.

Согласно общей теории имени, как мы уже отмечали, ономатотетами являются родители; органы ЗАГСа исполняют роль диалектика; все прочие инстанции являются пользователями (включая и самого носителя имени).

Первые полные имена — это имена людей. Существуют и неполные, неофициальные, секретные имена, клички, домашние прозвища и т. п. Все люди поименованы. В разных культурах различны.

Личные имена людей, способы именования различаются по степени их полноты и с учетом обычая поколения. Скажем, в русскоязычном обществе сейчас принято официально называть человека по имени и отчеству, т.е. указывать на отца. В арабском языке может быть указан одновременно и отец и сын: *ибн-Магомед абу-Али* (*ибн* — 'отец', *абу* — 'сын'); указание по сыну существенно, потому что показывает, семейный человек или нет, есть ли у него потомство.

Имя может быть гонорифическим (почетным) и негонорифическим. В русском языке до XVIII в. документы, идущие от младшего к старшему, обычно подписывались негонорифическим именем: *писал Ивашка (Семейко)* и т. п. Знаменитый русский мореплаватель Семен Дежнев подписывался на своих челобитных *Семейко Дежнев*: это характерная черта тогдашних этикетных правил.

В наше время русские люди нередко подписываются полным гонорифическим именем.

Для китайской традиции характерно наличие молочного имени (т.е. семейного прозвища); имени, данного человеку его учителем; собственного имени, которое человек берет себе по окончании обучения; наконец, литературного имени или литературного псевдонима, причем один автор может брать несколько псевдонимов.

В истории персидской литературы дело обстоит еще сложнее, потому что псевдоним мог быть избран в подражание другому поэту (в знак уважения к нему): разные авторы могли именоваться одним и тем же литературным именем.

С точки зрения правильности роль антропонимов очень велика. Возможно, она является центральной для общества, так как че-

рез антропонимы можно указать, сколько и каких людей составляют данное общество. Благодаря антропонимам все люди, входящие в определенное сообщество, могут быть перечислены и так или иначе описаны. Важнейшим средством описания людей, кодифицированных антропонимами, служат кадровые документы всех видов.

В дописьменную эпоху, когда человек имел только устно проинсомое имя, оно давалось ему родителями как благопожелание приобретения определенных качеств. Поэтому древние люди нередко получали имена животных — обычай, отчасти сохранившийся и до новейших времен (серб. *Вук* ‘волк’, швед. *Бьёрн* ‘медведь’, греч. *λέων* > *Лев*, *Леонид*, *Леонтий* и т.д.; ср. также: *Ричард Львиное Сердце*); у американских индейцев имена присваивались по тем подвигам, которые совершил человек, и могли в течение его жизни меняться (*Меткий глаз*, *Быстрая нога* и т.п.) — такое имя одновременно было и гонорифическим, т.е. почетным.

С созданием письменности у каждого народа складывались свои правила формирования антропонимов. Например, в Европе с развитием христианства родители стали давать детям имена в честь какого-нибудь святого: либо желая, чтобы ребенок походил на своего духовного покровителя, либо просто в зависимости от того, празднование памяти какого святого приходилось на день рождения ребенка.

Антропонимы могли также указывать на место человека в семье. По этому признаку выделяются имена племенные (указывающие племя, к которому принадлежит человек), родовые (указывающие его семейные истоки) и, наконец, личные.

Для антропологии и этнографии имеют значение фамильные (родовые) имена. Обычно их число ограничено, особенно если народ малочисленен. Знание фамилий позволяет создавать родословные, описание истории родов. Важную роль такие родословные играют у бесписьменных кочевых народов: здесь молодые люди проходят своеобразный экзамен, суть которого в том, что человек должен изучить и знать свою родословную и всех родственников до седьмого колена и до седьмой степени родства. Предполагается, что такое знание обеспечивает молодому воину защиту предков и одновременно обязывает его беречь и защищать свою родню.

Имена могут быть неофициальными и незаконными. К первым относятся литературные псевдонимы (например, *Максим Горький*). К неофициальным именам, имеющим тенденцию становиться официальными, относятся партийные клички (например, *Ленин*, *Сталин*; в свое время эти две партийные клички были литературными псевдонимами авторов-революционеров). Иногда литературный псевдоним превращается в официальное имя: писатель Голиков взял себе псевдоним *Аркадий Гайдар*, псевдоним превратился в фамилию его сына (Тимура) и внука (Егора).

Незаконные имена, в свою очередь, могут возникать, например, из подпольных или воровских кличек. Нередко это происходит в тех случаях, когда человек приобретает фальшивые документы, где он назван другим именем.

Имена литературных героев не могут считаться антропонимами; эти имена — часть литературно-художественного стиля, они никогда не утверждаются официальным путем. Нередко литераторы создают так называемые «говорящие» имена или фамилии: *Правдин*, *Скотинин* (у Фонвизина); *Скалезуб*, *Молчалин* (у Грибоедова); *Онегин*, *Ленский* (у Пушкина); *Хлестаков*, *Сквозник-Дмухановский*, *Довгочун* (у Гоголя); *Запузырин* (у Чехова) и т.п. Имена литературных героев являются авторской собственностью.

Топонимы (греч. *τόπος* ‘место’) — разряд имен собственных, обозначающих названия мест и местных предметов. Топонимы могут присваиваться следующим образом:

1. По традиции, восходящей к устному, иногда фольклорному использованию этих имен (*Черемушки*, *Хамовники*, *Чертаново*);
2. При обнаружении новой местности путешественником или географом, который дает ей имя (первое название острова Куба, данное Колумбом, — *Эспаньола*; острова *Бородино* — открыты Лазаревым в Тихом океане).
3. В память о каком-либо видном человеке (*Хабаровск* — город, названный в честь русского землепроходца Е. П. Хабарова);
4. По известному владельцу данной местности или значительному историческому лицу, в ней обитавшему (*Паленово*, *Михалково*).
5. По желанию общества либо правящего лица назвать какую-то местность в память о человеке или событии (*Площадь Бастилии*, *Улица 1905 года*, *Шмитовский проезд*).
6. Для упорядочения названий территорий (*12-я Парковая улица* в Москве, *5-я авеню* в Нью-Йорке).

С точки зрения правильности топонимы в определенном смысле выражают претензии людей на владение названной местностью: они фиксируются на картах и предварительно утверждаются государственными органами. Топонимы представляют собой как бы межевые знаки, разделяющие территорию с помощью символовических названий.

В топонимике существуют две традиции, связанные с характером земельных отношений. В одних случаях, как, например, в Великобритании, топонимы веками не подвергаются изменениям — так не принято: местности присваивается определенное имя раз и навсегда. В России же наблюдается склонность к легкому их изменению: местности присваиваются разные имена в зависимости от политico-экономической конъюнктуры. Так, город Владикавказ получил это название еще при его основании; одно время

он именовался *Дзауджикуа* — по-осетински букв.: ‘усадьба Дзау’ (по имени первого легендарного насельника этой местности); затем — *Орджоникидзе*: в честь известного революционера Г. К. Орджоникидзе; теперь по желанию жителей город снова вернулся к своему изначальному имени — *Владикавказ*.

Система топонимов находится в более или менее тесной зависимости от того, насколько обжита местность. Если топонимов много, как, например, в городах, где топонимами являются названия улиц и переулков, номера домов и квартир, значит эта местность обжита основательно. Если же топонимов мало, как, например, в сибирской тайге, следовательно, местность обжита слабо.

Топонимы могут выражать также претензию того или иного народа на определенную территорию. Например, российский город Калининград на немецких картах обозначается как Кенингсберг; а Южно-Сахалинск на японских картах — как Тайохара. Разные названия одной и той же местности, на разных языках свидетельствуют о скрытых претензиях носителей языка на данную местность.

Гидронимы (греч. *ὕδωρ* ‘вода’) — названия морских, океанических, речных и озерных вод. Следует иметь в виду, что водные пути всегда были для людей транспортными артериями, поэтому гидронимы обладают высокой устойчивостью и обычно не меняются. Правильные гидронимы, как и топонимы, утверждаются государством и отмечаются на географических картах.

Случаи, когда одна и та же водная поверхность на разных языках называется по-разному, сравнительно редки. Например, река Тигр по-арабски называется *Шатт-эль-Араб*; Волга по-татарски — *Итиль*; Балтийское море по-немецки *Остзее* (‘восточное море’). Обычно же гидронимы включаются в другие языки как заимствования. Скажем, имя *Волга* финно-угорского происхождения; имя *Рейн* — кельтского происхождения, гидронимы *Днестр*, *Дон*, *Дунай*, *Днепр* имеют иранское происхождение и восходят к древнему индоевропейскому корню **dʰl̥en*, что означает ‘текущая вода’.

Создание новых гидронимов происходит достаточно редко и обычно связано с искусственными гидротехническими сооружениями (например, *Беломоро-Балтийский канал*, *Цимлянское водохранилище* и т. п.). Нередко в новых названиях используется старый гидроним или топоним (*Московское море*).

Истинность гидронимики чрезвычайно важна для историко-филологических исследований: в частности, гидронимы несут сведения об исчезнувших или могущих исчезнуть языках. Гидронимы, которые, как говорилось, изменяются редко, сохраняясь сами сохраняют свидетельства прошлого. Например, название озера Селигер в Тверской области финно-угорского происхождения; в этой местности финно-угорское население уже давно не обитает, од-

нако гидроним хранит память о тех, кто был первым насельником этой земли.

Хрононимы (греч. *χρόνος* ‘время’) — это имена исторических дат и событий: *Сотворение мира*, *Рождество Христово*, *Куликовская битва*, *Вестфальский мир*, *Великая Отечественная война* и т. п. С точки зрения истинности хрононимы представляют собой историческое или легендарное называние какого-то времени и закрепляются в языке по обычаю.

Правильность системы хрононимов связана с обустройством культуры народа, с летосчислением. Так, в древнем Египте и в Китае исчисление времени велось по династиям и по девизам правления: египетские фараоны и китайские императоры, вступая на престол, назначали девиз правления, который служил основанием для летоисчисления и должен был выражать стиль верховного руководства подданными. Скажем, в настоящее время в Китае летоисчисление ведется с основания КНР в 1949 г.; в христианском мире источником летоисчисления является Рождество Христово; в исламском — дата перехода Магомета из Мекки в Медину.

Таким образом, хрононимы фиксируют историческую последовательность событий и организуют сознание людей. В древности создавались специальные тексты — хронографы и хроники, описывающие становление событий во времени и их предметное содержание, указывающие последовательность возникновения названий событий, имевших место в определенные времена.

Прагманимы (греч. *πράγμα* ‘дело; вещь’) — в этот разряд входят собственные имена, которые могут даваться некоторым редким или уникальным вещам; их истинность определяется обычно поэтически, например: *Эрмитаж* — дворец русских императоров в Санкт-Петербурге, затем музей; *Эскалибур* — меч короля Артура; *Дюрен-даль* — меч Роланда, рыцаря — героя средневекового эпоса.

Некоторые особенно значимые предметы обязательно обладают собственными именами. К таким относятся, например, морские и речные суда (*крейсер Варяг*, *ледокол Ленин*), железные дороги и транспортные магистрали (*Варшавское шоссе*, *Октябрьская железная дорога*), выдающиеся сооружения и строения (*Кремль*, *стадион Динамо* и т. п.). Эти названия нередко имеют посвятительный смысл.

С точки зрения прагматической правильности, слово как название отдельной вещи должно быть официально утверждено и отнесено к владельцу.

Следует иметь в виду, что не все привычные названия предметов являются прагманимами. (Например, *мерседес* — не прагматичный автомобиля, так как это серийно произведенный продукт промышленности: данное название относится к номенклатуре товаров и рассматривается в разделе о терминологии.)

Зоонимы (греч. ζῷον ‘животное’) — к этому разряду относятся клички животных и рабов (униженных людей). При присвоении такого имени существуют два подхода:

1) владельцу беспородного животного (или раба) достаточно дать выбранную кличку говорящему или бессловесному предмету собственности; для ее бытования ничего не требуется кроме субъективно именуемой истинности;

2) животным породистым, имеющим родословные, клички даются по правилам ведения родословных таких животных (лошадей, собак и др.) и официально утверждаются соответствующими организациями; в родословных очень строго выстраивается родовое именование — исчисляются все предки, иногда вплоть до основателя породы, а имена присваиваются по определенным правилам: скажем, у лошадей одна часть зоонима должна быть от имени матери, а другая от имени отца (по способу образования это всегда сложносокращенные слова). Правильность имен строго соблюдается.

К описанным шести разрядам могут быть добавлены **теонимы** (греч. θεός ‘бог’) — имена богов, которые часто объединяются вместе с антропонимами; и **астронимы** (греч. αστρον ‘звезда’) — имена планет и звезд, нередко сближенные вместе с топонимами. Иногда имена собственные присваиваются некоторым стихийным явлениям природы — *Ноев потоп, ураган Изабелла* и т. п. Теонимы и астронимы в процедуре именования обычно зависят от мифологии. Правильность и истинность этих имен в мифологии совпадают.

Система имен собственных функционально обеспечивает все необходимые потребности указывания — **д е й к с и с а** (от греч. δεῖξις ‘показывание’) на предмет речи.

Описанные шесть разрядов имен собственных объединяются в четыре класса, что обусловлено отношением к указывающим местоимениям и указывающим словам (д е й к т и ч е с к и м э л е м е н т а м я з ы к а). Таких дейктических элементов всего четыре: указание на лицо, на место, на время, на предмет. Корреляция разрядов имен и видов дейкса можно представить в виде таблицы 12.

Таблица 12

Класс	Разряды имен	Виды дейкса
I	1. Антропонимы 2. Зоонимы	Личный
II	3. Топонимы 4. Гидронимы	Местный
III	5. Хрононимы	Временной
IV	6. Прагматимы	Предметный

Собственные имена, возникающие как результат первичного именования, играют тройственную роль. Во-первых, они существенны для истории. По хроно-, гидро-, антропо- и топонимам могут быть установлены определенные исторические факты: места обитания людей, их деяния, хронология важных событий и т. п. Во-вторых, они дают полезный материал для лингвистики, обозначая соотношение между языками, диалектное членение языков, географию их распространения и влияния. И наконец, они занимают важное место в культуре народов, так как фиксируют определенные факты культуры и побуждают к их объяснению и истолкованию.

При сравнении языков большое значение имеет сохранность собственных имен: не утрачивая свою древнюю самобытность, они доносят до нашего времени, в частности, такие фонетические и морфологические формы, которые уже отсутствуют в живых языках, и тем самым демонстрируют исторические реликты уже ушедших языковых эпох. В силу этих особенностей изучение собственных имен является предметом историко-филологических и историко-культурных исследований.

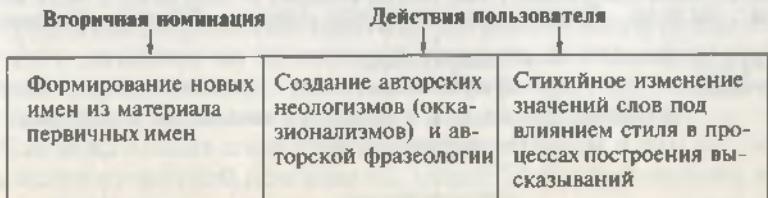
ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ. ИМЕНА НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ

Возникновение имен нарицательных по вторичной номинации схематично изображено на схеме 10.

Наричательные имена оказываются результатом **вторичной номинации**, т. е. создаются из материала уже существующих имен. Зачастую они не проходят полного именования как процедуры социализации. Скажем, писатель выдумывает новое имя — *Поклонносинеморепереходященский* (А. П. Чехов); диалектик при этом отсутствует (вернее, им же является автор), но пользователь, т. е. читатель, есть. Получается «неполное» имя или имя нарицательное.

Для утверждения подобного рода неполных имен диалектик не требуется. В этой роли его замещает составитель словаря, лексикограф, отбирающий и описывающий слова. Официализация имен

Схема 10

нарицательных начинается с составителя словаря: создателем (ономатотетом) нарицательных имен в большинстве случаев является либо анонимный творец — народ, либо литературный автор.

Вторичная номинация — это приданье слову нового значения по контексту. Данная процедура составляет значительную часть речемыслительных усилий человека, направленных на то, чтобы охарактеризовать предмет. Применяя слово с одним предметным значением к другому предмету, мы тем самым переносим некоторые черты значения с одного предмета на другой. Вторичная номинация создается с помощью словесного и вещественного (бытового) контекста.

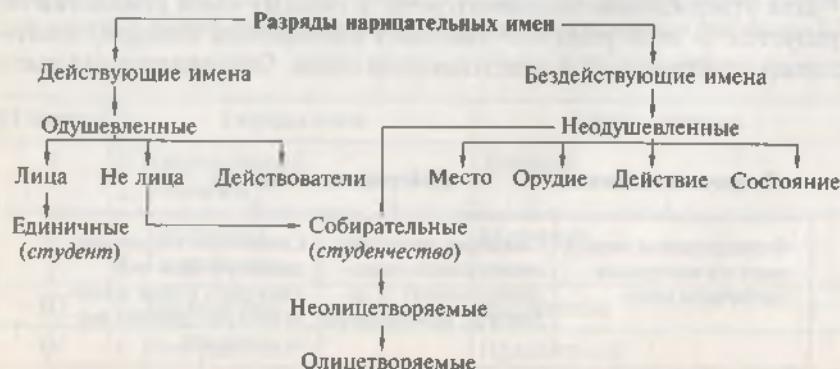
Наричательные имена, так же как и имена собственные, обладают разрядностью, и условно ее можно представить в виде схемы 11.

При этом следует иметь в виду, что вторичная номинация нарицательных имен основана на неполной социальной структуре именования (официализации, так сказать, «задним числом» — в словаре).

Например, *кочерга* — ‘предмет утвари’ и *кочерга* — ‘бранное слово’ (*Ах ты, старая кочерга!*). Значение слова изменилось, однако нет диалектика, который его утвердил бы, есть только ономатотет, и новое значение целиком на его совести. В свое время ономатотет создал слово *кочерга* с некоим значением; затем была взята звуковая форма названия определенного предмета и использована в измененном значении — и получилось уже не настоящее имя, а только продукт неполного вторичного именования, подлежащий словарному учету.

Процесс вторичной номинации можно изобразить следующим образом.

Схема 11

слово →	слово →	слово....	Σ слово
(имя ₁)	(имя ₂)	(имя ₃)	(суммированное
(текст ₁)	(текст ₂)	(текст ₃)	значение в словаре или лингвистическое понятие)

Отнесение слова, обозначающего один предмет, к другому предмету означает, что некоторые черты первого значения могут характеризовать другой предмет. Переносное использование значения при сохранении основного смыслового содержания всегда несколько изменяет слово.

Знаменитый русский лингвист А.А. Потебня приводил в этой связи следующий пример, ставший хрестоматийным: ребенок, увидев круглый абажур лампы и указывая на него, говорит: «Арбузик!», демонстрируя тем самым свое знакомство с круглым предметом; круглая форма арбуза стала основанием для того, чтобы так же называть шарообразный абажур лампы. Через переносное значение ребенок фактически выделяет признак шарообразности и все подобные предметы называет словом *арбузик*, делая его синонимом слова *шарик*.

Слово *верста* (еще один пример из трудов А.А. Потебни) означает меру длины (немногим более километра). Оно происходит от слова, обозначающего плужный гон: движение плуга от одного края поля до другого. Это значение, в свою очередь, связано с называнием поворота плуга, выполняемого для того, чтобы пройти следующий плужный гон. Данное значение этимологически связано с идеей поворота — *верстать* = ‘поворачивать’. Слово *верстать* в значении ‘поворачивать’ дает основание для возникновения другой линии значений: *верстать в солдаты* — значит ‘отделить годных к воинской службе от негодных и направить годных в войско’.

Имя нарицательное — это уже название не одного лица, предмета или события, а либо класса предметов, либо представление единичного предмета как класса подобных. В этом и заключается суть вторичного именования и создания нарицательных имен.

Одной стороной семантической структуры нарицательного имени является его предметное значение — называние конкретного предмета в данный момент, сказанное старым словом; вторая сторона этой структуры — обозначение уже известным словом класса предметов (выражение понятия). Во всяком слове всегда сочетается и указание на единичный предмет, и называние класса предметов, выражающее понятие. *Слово (вторичное имя) обладает свойством называть предмет и выражать понятие*.

Как показывают словарные примеры, в одном и том же слове, благодаря вторичной номинации, может быть представлено много значений и много классов предметов.

С. И. Ожегов в «Словаре русского языка» приводит такой пример (М., 1988):

НЕБО, мн. небеса, -е́с, -е́са́м, ср. Видимая над Землей атмосфера. <...> По небу, по небу. Звездное н. Н. в тучах. Эти люди — н. и земля (полная противоположность друг другу). До небес вознести или превознести (расхвалить сверх меры). Под открытым н. (не в помещении). На седьмом н. (в состоянии высшего, счастья). Попасть пальцем в н. (сказать невпопад, разг. шутл.). С н. свалиться, упасть (о чьем-н. неожиданном появлении; разг.). Упасть с н. (с небес) на землю (от мечтаний обратиться к реальной действительности). Н. жарко стало (о каких-н. действиях, проявляющихся бурно, с большой напряженностью; разг.). Н. коптить (жить праздно, не занимаясь никаким полезным делом; разг.). Между н. и землей жить, находиться (без пристанища, в неопределенном положении). Семь верст до небес и все (все) лесом (погов. о многословной запутанной речи, а также о дальней трудной дороге; шутл.). 2. В религиозных представлениях: обитель бога, богов (устар.). Воля н. О н.! (выражение мольбы). || прил. небесный, -ая, -ое. «Н. свод. Н. цвет (голубой).

В словаре В. И. Даля приводятся следующие родственные слова: дитя или дитятко, дитё <...> 'младенец, ребенок, малолетний'..., дитятей называют до 14—15 лет, когда детство переходит в отчество; дитятко <...> говорится и взрослому; дети мн. — сыновья и дочери; в отношении к родителям, и взрослые. (Вам может быть 80 лет, но вы все равно будете детьми по отношению к кому-то.)

Приведенные однокоренные слова представляют самые разные значения. Первое из них — возраст до 14—15 лет; второе — отношение к родителям; третье — в виде ласки и привета от духовного лица ко всем мирянам; четвертое, например, За мной, детки, вперед! — клич солдатам; еще одно значение — боярские дети (так назывались члены боярской дружины детьми). Производное от того же корня слово детеныш обозначает молодое животное («невзрослое»): здесь имеет место возврат к самому первому значению, но уже применительно к животным — имеется в виду молодое существо. Другое значение этого же слова детеныш — 'дошатый срубец на дне колодца, как бы маленький колодец на дне большого'. Дополнительные смыслы раскрывают нам слова дётыши, горн. одна из труб рудничного насоса, подтрубок <...>; детина — парень младец <...>, холостой взрослый¹.

Таким образом, слова через вторичную номинацию накапливают значения, становятся многозначными, сохраняя в своей фонетической и графической форме смысловое содержание контекстов употребления, что и отражается в словарях. Словарь описы-

вает слои вторичной номинации, образующие *лексические понятия*.

Под лексическим понятием имеется в виду все то общее, что объединяет разные понятия, стоящие за словом. В примере из словаря В. И. Даля таким понятием является «детство»: нечто малое, происходящее от большого; часть чего-то большого, от него произведенная.

Образование лексического понятия есть особая семантическая операция, предпринимаемая для того, чтобы объединить признаки, характеризующие разные предметы, но выраженные одним словом. Благодаря такому накоплению и обобщению смыслов в слове образуется сложная смысловая структура имени нарицательного, в состав которой входит несколько функционально значимых факторов.

1. Предметное значение.
2. Класс предметов (понятие).
3. Группа классов предметов (лексическое понятие).
4. Образ (тропы).
5. Коннотации (стилистические оттенки значения).
6. Отношение к другим словам (значение по контексту).

Во вторичной номинации правильность имени не имеет значения, но утверждение истинности должно быть. Поэтому всякое слово в этой номинации представляет собой материал для речи и, как предмет словесного искусства, роднит себя со всеми прочими искусствами — живописью, музыкой, хореографией, архитектурой и т. д. В этом качестве слово содержит образ. Все искусства, так или иначе, создают образы. Но ведь нельзя сказать, что картина «Апофеоз войны» В. В. Верещагина или «Лунная соната» Л. ван Бетховена выражают понятия, они есть образы; только словесное искусство дополнительно выражает понятия.

С точки зрения поэзии всякое новое употребление слова есть новое слово. Этим поэзия отличается от прозы, где значения нарицательных имен должны быть одними и теми же в разных контекстах.

Речь, как и всякое искусство, предполагает построение образов. Мастерство выстраивания образов составляет основу поэтической речи. Понятие и значение — это логическая сторона речи; ее поэтическую сторону составляет образная структура словаря. Поэтому в языке всегда скрывается и проза, и поэзия.

Вторичное именование, дающее нарицательные имена, широко представлено в поэтическом языке. Феномены поэтического языка, связанные с вторичным именованием, разделяются на явления переосмыслиния отдельных слов и явления переосмыслиния группы слов.

Отдельные слова, переосмыслиенные в контексте речи, называются тропами (греч. τρόπος). Анонимное руководство поэти-

¹ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — СПб., 1996. — Т. I.

кой, известное под именем «Риторика к Гереннию» (I в. до н.э.), определяет тропы как «словесные украшения», для которых характерен отказ от обычного значения слов, «и сопровождаемый некоторой приятностью переход речи к иносказанию»¹. В свою очередь Квинтилиан дает следующее определение: «Троп есть такое изменение собственного значения слова или словесного оборота в другое, при котором получается обогащение значения»². Переосмысленные группы слов называются фигурами (греч. σχῆματα). Как тропы, так и фигуры в их конкретном значении бесконечно разнообразны, однако существует ограниченное число способов их применения.

Выделяются следующие основные способы создания тропов: метафора, синекдоха, метонимия, антономасия, катахресис, металепсис.

Метафора (греч. μεταφορά ‘перенос’) — такое переосмысление слова, когда оно в новом значении сохраняет качественный признак, который был ему присущ до переносного употребления. «Риторика к Гереннию» дает следующее определение метафоры: «Перенос имеет место тогда, когда на тот или иной предмет переносится название другого предмета, если видимое взаимное сходство (разрядка наша. — Ю.Р., А.Б.) предметов делает подобный перенос допустимым»³. В свою очередь Квинтилиан пишет следующее: «В общем метафора есть укороченное сравнение (разрядка наша. — Ю.Р., А.Б.). Различие только в том, что в одном случае с предметом, который мы хотим описать, нечто сравнивается, метафора же заменяет название самого предмета. Когда мы говорим о человеке, что он сделал что-нибудь как лев, то это — сравнение, когда же мы о нем говорим: “он — лев”, то это — метафора»⁴.

Классические риторики и поэтики различают следующие виды метафорического переноса значения: перенос качеств живой вещи на неживую, неживой вещи на живую, неживой на другую неживую.

Например: *умный студент* → *блестящий студент*. Определение *блестящий* обычно применяется для характеристики неживых вещей (блестящий металл, блестящее зеркало и т.п.); переносное употребление этого слова применительно к человеку означает, что он — выдающийся, редкий по своим положительным качествам, заметный на фоне других.

Очень выразительна метафора М. Горького *море — смеялось*: глагол, обычно обозначающий соответствующее эмоциональное

состояние человека, использован в переносном значении для характеристики переливающейся, сверкающей на солнце поверхности моря.

Бездонное небо — прилагательное бездонный обозначает столь глубокую воду, что привычными средствами измерения нельзя достичь дна; применительно к небу это означает бесконечность космоса. Ср. также: *ропот моря, сладость речи, веселые нивы, роскошный рост травы*.

Синекдоха (греч. συνέκδοχή) — троп, строящийся на соотношении целого и его части. «Риторика к Гереннию» определяет синекдоху как распознавание — «случай, когда целая вещь узнается по малой части или когда по целому узнается часть» (разрядка наша. — Ю.Р., А.Б.)¹.

Например, слово *поток* обозначает текущую воду: это может быть ручей, арык, река, движение воды по водопроводной трубе и т.п. Если вместо какого-либо из этих слов мы употребим слово *поток*, т.е. используем родовое понятие для обозначения определенной разновидности явления, то образуется синекдоха: *С горы бежит поток проворный* (А.С. Пушкин).

Для создания синекдохи возможно и обратное движение, когда видовое понятие обозначает весь род (класс) явлений: *Здесь видна рука Москвы*, — т.е. проявилось действие авторитета столицы; рука как часть тела человека персонифицируется в виде серьезной властной силы. То же: *Все флаги в гости будут к нам* (А.С. Пушкин).

Синекдохой является также обозначение совокупности вместо отдельного: *Может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать* (М.В. Ломоносов); и обозначение отдельного вместо совокупности: *Русский солдат неутомим*.

Метонимия (греч. μετωνυμία ‘переименование’) — переименование, когда предмет или явление обозначаются по одному из его частных признаков: *Из рук моих ветхий Данте выпадает* (‘том стихов’); *Янтарь в устах его дымился* (‘часть трубки, янтарный мундштук’) (А.С. Пушкин).

«Риторика к Гереннию» указывает, что метонимия «затмствует у родственных и близких предметов название, под которыми могут подразумеваться вещи, не называемые их настоящими именами. Названия эти или образуются от имени их изобретателя, или затмствуются от изобретенной вещи, или с орудия переносятся на господина, или с того, что делается, на то, что делает, или с того, что содержится, на содержащее, или с содержащего на содержащимое»². Квинтилиан: «Метонимия состоит в замене того,

¹ Античные теории языка и стиля. — СПб., 1996. — С. 228.

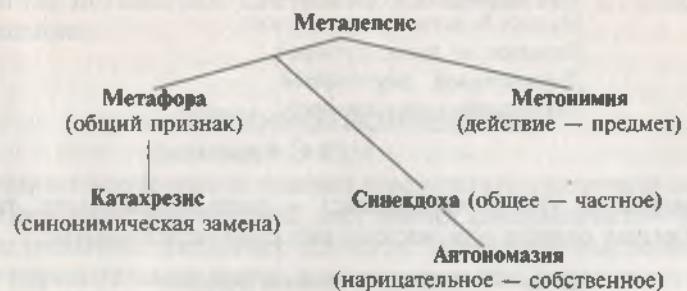
² Там же.

³ Там же. — С. 229.

⁴ Там же. — С. 232.

¹ Античные теории языка и стиля. — СПб., 1996. — С. 234.

² Там же. — С. 235.

о чем говорится, причиной этого последнего. <...> У метонимии есть некоторое сходство с синекдохой». В этих случаях для обозначения огня может быть сказано: «Вулкан»; а в более изысканной речи: *сражались при изменчивом Марсе*¹ (Вулкан — бог огня, Марс — бог войны. — Прим. Ю. Р., А. Б.).

Атономазия (греч. ἀτονομασία) — замена имени эпитетом, использование собственных имен вместо нарицательных и нарицательных вместо собственных: Иван ↔ русский, Фриц ↔ немец, Крез ↔ богач, Геркулес ↔ силач, Демосфен ↔ красноречивый оратор и т. п.

В «Риторике к Гереннию» говорится, что «замена собственного имени другим обозначает как бы извне заимствованным прозвищем то, что не может быть названо собственным именем»². У Квинтилиана: «Атономазия, которая вместо имени ставит нечто другое <...> в виде эпитета, который после устранения определяемого слова получает значение имени и в той своей форме, когда имя заменяется главными качествами своего носителя»³. Так, например, вместо «Цицерон» может быть сказано «глава римского красноречия»; вместо «Сципион» — «разрушитель Карфагена и Нумантии».

Катахрезис (греч. καταχρῆσις) — употребление слова в неправильном, неточном или несобственном смысле; троп, при котором возникает синонимическая замена с целью усиления или ослабления качества: *несется вместо бежит, ползет вместо идет*. В этих случаях значение слова зачастую обретает коннотации — семантические оттенки, характеризующие, скажем, высокий или низкий стиль словоупотребления; например, *глаза* в высоком стиле могут быть названы *очи*, а в низком — *глазелки*.

В греческом языке слово ἄλλος означает ‘конь’, отсюда производный глагол ἄλλεν ‘скакать верхом на коне’; слово ὄνος означает ‘осел’: выражение ἄλλεν ἐπ’ ὄνον (‘скакать верхом на осле’) представляет собой катахрезис.

«Риторика к Гереннию» определяет катахрезис как «злоупотребление», которое «состоит в том, что неточно пользуются похожим и родственным словом вместо определенного и точного»⁴.

Квинтилиан замечает, что катахрезис следует «отличать от метафоры, так как катахреза применима там, где названия вовсе не было, а метафора — где одно название заменяется другим»⁵.

Металепсис (греч. μετάληψις) — замена одного слова другим; сложный троп, когда в одном слове одновременно представлены

два и более тропов: *лавры чемпионов*; *лавры* в значении ‘награда’, а награда следует за победой — отсюда *победа чемпионов*; *Десять жатв прошло, сгорела гордо Троя*.

Квинтилиан: «<...> металепсис, т. е. замена, представляющий как бы переход от одного тропа к другому <...> между переносимыми понятиями должна существовать некая средняя ступень (разрядка наша. — Ю. Р., А. Б.), сама по себе ничего не значащая, но подготовляющая переход»⁶.

Разделение тропов основано на идеи переноса признака, увеличении объема понятия, что характерно для представления о предмете мысли. В зависимости от воли и понимания создателя тропа и истолкования его слушателями и читателями, тропы соединяются и различаются по-разному. Их соотношение, представленное в схеме 12, содействует их конкретному опознанию.

Важнейшими фигурами в семантике вторичных наименований являются аллегория, ирония, перифрасис, гипербола и литота.

Аллегория (греч. ἀλληγορία) — иносказание, когда прямое именование заменяется намеком (образуется совокупность подобных метафор):

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.

(Ф. И. Тютчев)

Ирония (греч. εἰρωνεία) — этим термином древние греки обозначали притворное незнание, притворное самоуничижение; таким образом, ирония передает замысел, противоположный значению сказанных слов. Вот обращение к Ослу в басне И. А. Крылова: *Откуда, умная бредешь ты голова?* Другой пример:

¹ См.: Античные теории языка и стиля. — СПб., 1996. — С. 235, 236.

² Там же. — С. 236.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. — С. 236, 237.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол:
Виноват во всем гербовой,
Двухязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

(В. С. Курочкин)

Перифрасис (греч. περίφρασις) — распространение, повтор, изображение одного или нескольких слов через многие:

День — сей блестательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

(Ф. И. Тютчев)

«Риторика к Гереннию»: «Описательность есть способ изложения, описывающий простую вещь посредством привлечения сложных оборотов»¹. Квинтилиан: «Когда то, что может быть выражено одним или во всяком случае немногими словами, выражается многими, это называют перифразой, чем-то в роде «словесного обхода» <...> Все, что может быть выражено более кратко, а ради украшения излагается более простиранно, есть перифраза»².

Гипербола (греч. ὑπερβολή) — преувеличение, т. е. подбор синонимических выражений, дающих усиление качества: «Было пролито море слез».

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые,
Льетесь как льются струи дождевые,
В осень глухую порою ночной.

(Ф. И. Тютчев)

Греческий ритор Деметрий указывает, что гипербола «основывается или на сходстве, или на превосходстве, или на невозможности»³.

Литота (греч. λιτότης) — фигура сдержанного утверждения, но часто с усиленным смыслом, преимущественно в форме отрицания отрицания: *не маленький вместо большой*; преуменьшение или ослабление степени качества: *мальчик-с-пальчик*, *Мужичок-с-ноготок*, *не блещет умом, мало не покажется* и т. п.

¹ Античные теории языка и стиля. — СПб., 1996. — С. 238.

² Там же.

³ Там же. — С. 240.

Эти главные тропы и фигуры составляют основу переносных значений, на которой выстраивается семантика во вторичных именованиях.

ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВО

Терминотворчество возникает в результате третичной номинации. Первичное именование дает имена собственные — официальные названия отдельных объектов. Вторичное именование образует нарицательные имена, характеризующие те или иные классы объектов с их качествами и свойствами; нарицательные имена обладают определенной гибкостью значений, которые формируются контекстом употребления. В силу этого создание нарицательного имени всегда есть движение по тропам и фигурам: имена нарицательные не называют предмет прямо, они его описывают. Но есть слова, где движение по тропам должно быть остановлено — это **термины** (от лат. *terminus* ‘межевой столб’). Если для вторичной номинации важна истинность имени, то для терминотворчества главным является правильность имени, его социальная утвержденность и однозначность понимания.

Термины, как и имена собственные, снова возвращают нас к именованию отдельных объектов, но такое именование характеризует не отдельные объекты, а их классы — отсюда всякий термин и называет одновременно какой-то конкретный объект и класс объектов, т. е. имеет значение и выражает понятие однозначным образом.

Всякий термин, в отличие от нарицательных имен, данных по вторичной номинации, является «официальным именем». Это значит, что он должен быть официально признан определенной инстанцией, определенным коллективом людей, который уполномочен утверждать термины в качестве официальных имен некоторого класса объектов; разумеется, должна существовать и особая инстанция, которая предлагает данный термин для официально-го утверждения.

Таким образом, процесс терминотворчества в принципе представлен теми же социальными ролями, что и первичное именование: ономатотетом, диалектиком и пользователем. Но в отличие от первичных имен неправильное использование терминов как официальных названий для классов объектов влечет за собой ответственность (юридическую, административную, моральную), так как в этом случае разрушаются связи в практической деятельности, и общество или отдельный человек может потерпеть ущерб.

Необходимость этой ответственности определяется тем, что термины фиксируют общественное разделение труда. При разделении труда всякая работа выполняется для кого-то другого; если

она выполнена некачественно, ее результаты не будут удовлетворять тех, для кого она сделана. Как следствие, лицо, получившее неудовлетворительный результат работы другого лица, имеет право требовать от последнего переделки или исправления допущенных недочетов.

Таким образом, смысловые границы терминов всегда оказываются связанными с теми качествами объектов, которые являются существенными для пользователя. Поэтому назначение термина, его официальное утверждение всегда представляет собой соглашение между исполнителем работы и пользователем ее результатами.

Проиллюстрируем это на сравнении первичных имен и терминов. Если в каких-либо обстоятельствах человека по имени Александр назвали, скажем, Алексеем, то это не влечет за собой ответственности для совершившего ошибку, и она легко может быть исправлена без вмешательства официальных инстанций: достаточно просто извиниться. Но если в документах вместо слова, например, *рубанок* появится слово *фуганок*, то это приведет к расстройству дел, так как фуганок есть род струга, служащий для заглаживания деревянных поверхностей; он применяется тогда, когда работа рубанком закончена. Если по накладной вместо рубанка куплен фуганок, то следует предъявить претензии к покупателю и к продавцу.

Имена собственные иногда могут переходить в разряд терминов. Так, для работника отдела кадров Александр не просто антропоним, но и номенклатурное название для кадровых документов, т.е. термин. Здесь ошибка уже влечет за собой ответственность.

Терминология обязательна для научных сочинений, однако термины встречаются и в других видах речи. В частности, они обязательно присутствуют в устных и письменных текстах, предназначенных для организации совместной деятельности людей (например, в деловых переговорах). Термины включаются во все команды и во все тексты, назначающие эти команды, а также в документы организационно-распорядительного характера. Терминологии подлежат все меры (в том числе и денежные меры), объекты производственной деятельности и предметы торговли, приметы, знамения, объекты гадательной и ориентировочной деятельности, а также все элементы искусств речи.

Термины формируются из нарицательных имен и из выражений, имеющих профессиональное значение. Создание и использование терминов, превращение нарицательного имени в термин — признак прозы, а превращение термина в нарицательное имя — признак поэзии.

Истолкование и употребление терминов оформляется в так называемых внешних правилах словесности. Под внешними пра-

вилами словесности понимаются официальные правила создания, передачи, хранения, распределения и обработки текстов определенного вида независимо от их содержания. Внешние правила словесности даны в законах, административных установлениях, а также в обычаях. Например, правила исполнения документов регулируются стандартами; правила исполнения рукописей для печати регулируются издательствами и т.д.

С точки зрения внешних правил словесности и характера именования термины разделяются на восемь основных типов: философские, научные, технические, номенклатурные, измерительные, командные, термины искусств, прогностические.

Каждый тип терминов ориентирован на свой вид текстов. Но это, разумеется, не значит, что в одном и том же тексте не могут встречаться термины разных типов. Различие между типами терминов заключается в том, как и кем они назначены, введены в употребление.

ВИДЫ ТЕРМИНОВ

Философские термины определяются автором философской системы (ономатотетом) и присущи только данной системе. Этот же автор (как диалектик) подвергает термин обсуждению и официализации на страницах своего сочинения, т.е. создание и официализация философского термина принадлежат философу как ономатотету и, одновременно, как диалектику.

Одна философская система отличается от другой составом терминов. Такие понятия, как *прекрасное, должное, совершенное, категорический императив, общественный договор* и тому подобные, могут быть использованы философом или просто образованным человеком в философской беседе или в сочинении на философские темы. И в том и в другом случае этим терминам необходимо придать определенное значение, т.е. описать их содержание. Философские термины всегда являются авторскими и принадлежат определенному философу. Поэтому философская терминология близка нарицательным словам. Она, как правило, основана на тропах.

Всякий человек, вступающий в философскую беседу или выступающий с критикой философского сочинения, должен использовать подобные термины в том значении, в каком их употребил автор-философ. Это — закон диалектической беседы, который относится как к устному выступлению, так и к письменному сочинению на философские темы. Правильное использование философского термина в том значении, которое придал ему его создатель, определяется этически, как бы договором между философом и критиком, между участниками диалектической беседы

или между профессионалами, пишущими на философские темы. Такой договор носит название *диалектика*. Его нарушение всегда имеет следствием разрушение философской мысли, искажение (или даже разрушение) мировоззрения.

Смысл философии заключается в том, чтобы создавать разнообразие мировоззрений, которое именно составляет природу человека. Следовательно, разрушение самой идеи и практики творения разнообразных мировоззрений является антигуманным актом. В силу этого общественное мнение запрещает подобное разрушение.

Научные термины появляются в текстах научных работ как создание авторами этих сочинений. Но они, в отличие от философских, принадлежат не отдельной системе того или иного ученого, а науке в целом, т.е. научные термины не являются собственностю автора.

Скажем, в лингвистике функционируют и организуют процедуры исследования такие термины, как *синтагма*, *лексема*, *морфема* и т. п. В отличие от философских эти термины не могут служить средством опознания научных взглядов отдельного ученого, не раскрывают его научную систему, а только указывают на то, какими областями науки он занимается. В этом случае для раскрытия взглядов ученого необходимо анализировать не состав используемых им терминов, а его трактовку их содержания, так как научные термины обладают способностью постоянно переопределять. Например, по-разному трактуют термин *фонема* представителями Пражского лингвистического кружка и Московской фонологической школы. Чтобы понять, какое содержание они вкладывают в этот термин, необходимо сопоставить определения, которые пражские и московские фонологи предлагают для данного понятия: сравнение показывает, что эти определения различны по своему содержанию.

Вводимые в практику пользования новые термины по содержанию и по способам образования увязываются с другими терминами данной науки, входят в ее общий смысловой арсенал. Разные авторы научными терминами пользуются как словами, позволяющими максимально точно произвести разбор сущности вопроса. Поэтому один и тот же термин в работах разных ученых (и даже в работах одного ученого) может подвергаться переопределению. Человек, только дебютирующий на научном поприще или использующий на практике результаты научной теории, не имеет права давать новое определение научному термину, а должен пользоваться одним из существующих. Поэтому научные термины официализируются ученым сообществом (диалектиками).

Научные термины как бы предопределяют некоторый способ рассуждения. Своеобразие способов рассуждения свойственно каждой конкретной науке. Так, в естественных науках (в частности, в

механике) понятие «время» характеризуется как астрономическое; понятие «пространство» — как некоторая протяженность, измеряемая мерами длины; проявление действующих сил обозначается термином *энергия* и т. д. В гуманитарных науках (например, в лингвистике) используются понятия «относительное время», «социальное пространство» и т. п., а понятие «энергия» как научный термин не применяется.

Совокупность терминов, присущая каждой отдельной науке, составляет ее основные, отправные понятия. Все последующие термины семантически согласуются с этими основными и отправными понятиями. Например, термин *фонетический закон* в конкретном представлении может получить уточняющее именование *закон германского передвижения согласных* или *закон Гrimma*. Также в механике Ньютона открыл ряд законов, которые принято нумеровать: 1-й закон Ньютона, 2-й закон Ньютона и т. д.

Таким образом, у всякой науки есть своя смысловая система терминов. Отступление от нее или ее искажение означают нарушение правильности научного рассуждения, следствием чего может стать некачественное исполнение научной работы, которая в таком случае будет отвергнута научным сообществом, а ее автор не получит признания в данной области знаний.

Философские и научные термины создаются и назначаются отдельными лицами, поэтому их можно назвать *личными терминами*. Все остальные типы терминов обычно имеют коллективное авторство.

Как слова языка, философские и научные термины описываются в отраслевых словарях и энциклопедиях, их значения обобщаются лексикографами. Этим объясняется то, что толкование некоторых терминов в справочных изданиях подчас отличается от их изначальных текстовых значений.

Технические термины — создаются ведомствами (ономатотетами), затем представляются ими в специальные инстанции, ведающие стандартами. Эти инстанции (разные по родам и технической терминологии) принимают или отвергают предложения ведомств (исполняя роль диалектика). Пользователь обязан придерживаться стандарта и соблюдать терминологическую дисциплину.

По характеру дефинирования технические термины делятся на: основные базовые, которые определяются списком терминостандарта, и небазовые (терминоиды), но развивающие содержание базовых терминов в технических документах. Терминоиды обычно представлены в документах сочетаниями слов, смысл которых понятен из сочетания их элементов, но нередко он определяется родовидовой или функциональной дефиницией («что для чего служит»).

Технические термины называют объекты и процессы в технике; они так или иначе связаны с идеей технического прогресса и

содержат в себе названия элементов технологических процессов — материалов, орудий, методов, способов, результатов и т.д. Применяются во всех областях производственной деятельности человека — сельском хозяйстве, ремесле, промышленности, строительстве и т.д. Эти термины нередко связаны также с новациями в техническом развитии изобретениями, и в большинстве случаев создаются изобретателями технических новшеств, после чего патентуются вместе с содержанием изобретения, становясь названием (именем) данного новшества.

В большей своей части технические термины представляют собой сочетания слов, что делает их более понятными. Например, лазерная сварка сетчатки глаза: слово *сварка* означает прочное соединение с помощью теплового воздействия; слово *лазерная* — что это воздействие делается лазером и обращено на сетчатку глаза в виде его луча; *сетчатка глаза* — анатомическое понятие, некоторая нейроструктура, воспринимающая цвет и свет, которая находится внутри глаза и окончаниями глазного нерва связана с мозгом. Отдельные компоненты такого сложного сочетания суть тоже термины, описывающие основы технологических процессов (*сварка*) и особенности технических объектов (*сварочный аппарат*). Такие базовые термины, из которых составляются сложные (небазовые) термины, являются предметом стандартизации.

Стандартизация бывает государственная, когда термин утверждается как государственный стандарт (ГОСТ), и фирменная, когда его утверждает руководством отдельного предприятия или отрасли. Это означает, что технические термины неличны. Они получают определение в стандартах терминов, которые составляются ведомством, фирмой или международной корпорацией и утверждаются уполномоченными на это органами. Стандарты терминов существуют отдельно от технических документов. При составлении технических документов их составители обязаны пользоваться этими стандартами, поэтому, в отличие от научных терминов, их нельзя определять или переопределять по ходу изложения. Составляются также отраслевые словари технических терминов, куда наряду со стандартизованными терминами входят нестандартизованные терминологические выражения. Отраслевой словарь обобщенно описывает прецеденты употребления терминов; он не является стандартом.

Техническую терминологию нельзя объединять с научной. Но одни и те же слова, например названия частей устройств (*шарнир*, *коленчатый вал*, *маховик*, *шпиндель*, *компрессор* и т.п.), могут попасть как в технические документы, так и в научную литературу. В технических науках эти термины меняют свою текстовую принадлежность и становятся терминами, определяемыми уже в текстах наук, т.е. по воле автора научного сочинения. Термины технических наук ведут себя как омонимы по отношению к собственно-

техническим терминам, употребляемым в документах. Так, если понятие «шарнир» определено в тексте публикации (не в терминостандарте), то оно употреблено как научный термин, т.е. подкреплено традицией научного употребления в публикациях.

Кроме того, нельзя путать техническую терминологию со словами технического жаргона, которые используются неофициально и бытуют в производственной среде (скажем, в немецком языке термин *«Mikrophon»* 'микрофон' может обозначаться словом *«Galgen»* 'виселица' или термин *Schlüssel* 'ключ' словом *Knochen* 'кость' и т.п.). Эти жаргонизмы запрещены для официального употребления, т.е. их нельзя использовать в технических документах.

Номенклатурные термины — представляют собой систему официально утвержденных имен, она называет деятелей (лиц и учреждения), объекты деятельности и названия мест (как топонимика); сюда же относятся официальные названия знаков собственности или знаков изготовления и торговых марок, названия событий, а также клички животных.

В противоположность техническим терминам номенклатурные могут даваться одному объекту много раз:

- 1) название объекта в разработке (условное имя);
- 2) официальное название изделия;
- 3) торговое название;
- 4) название, принятое в системе потребления.

Все они представляют своеобразные синонимы: называют один предмет разными именами (например, *ВАЗ-2101* и *«Жигули»*: первое название — наименование модели и модификации автомобиля, второе — торговая марка). За номенклатурным названием объекта скрыт его владелец на данный момент: сколько у объекта таких названий, столько у него было владельцев. Всякий раз название регистрируется, и регистрация есть официальное и юридически защищаемое имя. Каждый номенклатурный термин определяется специальным отдельным актом именования, что фиксируется специальным документом, самостоятельным для каждого случая установления номенклатурного названия. Следовательно, номенклатурные термины называют объекты, созданные человеком и передаваемые «по цепочке»: производство → потребление или полупроизводство → окончательное производство. Именно в этом случае одна и та же вещь получает несколько номенклатурных названий: скажем, название проекта, промежуточное название изделия (полуфабрикат), конечное название изделия и далее его торговое и потребительское названия. Например, при производстве лекарства оно сначала определяется специальной химической формулой, затем получает официальное медицинское обозначение (например, *ацетилсалциловая кислота*), которое в потреблении замещается новым именем (*аспирин*) и т.п.

Номенклатурные названия изменяются так же, как и назначаются (т. е. в том же виде документа, где было дано прежнее название). Назначение номенклатур как бы двойное: отдельные акты (данные, подобно командам, юридически или административно значимым текстом) дублируются сводами (подобно техническим терминам).

Имена изделий регистрируются и являются авторской собственностью. Присвоение чужого названия влечет за собой соответствующие санкции по закону, поэтому термины номенклатуры изделий — одна из самых строгих областей терминологии.

Официализация номенклатур исходит от лица органов стандартизации по предложению пользователя.

Измерительные термины — включают названия мер и способов измерения (секунда, грамм, лошадиная сила и т. п.). Они жестко стандартизованы фирменными, внутригосударственными и международными стандартами.

В определенном отношении термины похожи на технические: они также обозначаются в соответствующих стандартах и утверждаются особыми органами. Однако одни и те же измерительные термины, в отличие от технических, принадлежащих лишь к определенной области техники, одинаковы в разных областях техники и в разных науках. Например, измерительная терминология используется как в межведомственных, так и в международных стандартах. Попадая в научный текст, она применяется как общезвестная. Подобно номенклатурным терминам стандартизация измерительной терминологии — одна из самых строгих: в них не допустимы синонимия и многозначность.

Обычно такие термины жестко стандартизированы не только словами, но и вещами. Первоначально устанавливается образцовый объект — эталон (времени, расстояния, веса и т. д.). Эти эталоны и соответствующие им названия могут быть международными, внутригосударственными или применяемыми только в данном производстве (например, колерные книжки маляров). Содержание измерительных терминов и методов измерения проверяется и контролируется сравнением с эталоном.

Измерительные термины всегда составляют внутренне обусловленную систему, которая предполагает ассоциативную связь между терминами разных регионов (а иногда и стран), что позволяет с уверенностью в точности и достоверности вести расчеты и оценивать качества объекта.

В разряде измерительных терминов выделяются общие (например, меры веса, объема, мощности и т. п.) и частные (скажем, эталоны окраски в текстильном деле). Нередко та или иная область техники или производства располагает своими названиями мер (например, карат в ювелирном деле, кегль в типографском), но эти названия обычно согласованы по содержанию с общими мерами.

Особую их разновидность составляют деньги. Вплоть до последнего времени стоимость денег определялась весовым содержанием золота на единицу данной денежной системы. Ныне стоимость денег исчисляется соотносительно: одной валюты по отношению к другой. Соотносительное измерение стоимости денег осуществляется на валютных биржах; здесь регулярно (на валютных торгах) устанавливают и объявляют соотносительную стоимость денежных единиц каждой из представленных на торгах стран. Деньги есть мера стоимости общественно необходимого труда на единицу продукции в данное время и в данной стране.

Определения измерительных терминов в стандартах и в словарях идентичны. Это отличает измерительную терминологию от философской, научной и технической. Иногда в качестве названий мер в текстах используются номенклатурные названия. Так бывает при счете людей или вещей при их количественной оценке (*конный отряд в сто сабель*). Эти единицы не входят в стандарты мер и в собственном смысле мерами не являются.

Командные термины — предлагаются авторами документов, определяющих структуру конкретной деятельности (уставов, наставлений, инструкций и т. п.): дается словесный текст-команда, учитываются условия ее подачи и способ исполнения. Иногда команды могут быть закреплены соглашениями и даже законами. Назначение командных терминов состоит в том, чтобы по словесному сигналу вызвать необходимое действие или остановить его. Команда должна отдаваться только тем лицом, которое имеет на это право, безоговорочно и безусловно выполняться. Лицо, отдающее команду, берет на себя ответственность за результаты ее исполнения и является пользователем, так как оно не создает текст команды и не обсуждает его достоинства.

Термины-команды не определяются в стандартах и не попадают в отраслевые словари.

Командные термины никогда не утверждаются списком (как это возможно, например, для номенклатурных терминов), они всегда даются в контексте документа, регламентирующего определенную деятельность, к которой адресована команда, на которую следует реагировать (неречевым и речевым действием) определенным образом. Например: *Встать, суд идет!*; *Воздух! Ложись!*

При описании конкретного вида деятельности командные термины включаются в его текст, а определение каждого из них дается в виде описания действия, которое вызывается командой. Переопределение установившихся терминов-команд возможно только в новых уставах, положениях, правилах, издаваемых взамен старых. Авторы этих изданий выступают в качестве ономатотетов, а лица, утверждающие уставы и инструкции, — диалектиков.

Таблица 13

Виды терминов	Этапы социализации терминов		
	Ономатотет	Диалектик	Пользователь
Философские	автор системы →	он же →	читатели и критики
Научные	ученый →	научная традиция →	ученое сообщество
Технические	изобретатель →	термино-стандарт →	рабочие и техники
Номенклатуры	производители →	торговля →	пользователи товаров и услуг
Измерительные	профессионалы →	соглашения по → метрологии, государство	профессионалы (при расчетах)
Командные	составитель устава, инструкции, наставления	глава организации →	исполнитель
Термины искусств	педагог →	традиция образования →	учащийся
Прогностические	создатель системы прогнозики	прогнозист →	автор запроса о прогнозе

кружаются как наименования частей Вселенной, общества, свойств и судьбы человека. Полный состав прогностических терминов дает картину мира и сближается по содержанию с философской терминологией.

Каждому объекту, обозначенному термином прогностики, придается определенное новое значение, которое истолковывается как указание на (возможные) грядущие события. Скажем, при так называемом «французском» гадании на картах: туз пик означает неприятность, валет — хлопоты, десятка бубен — деньги и т. п. Описание и интерпретацию таких терминов осуществляет лицо, оперирующее в рамках определенной прогностической системы.

Термины прогностики имеют как бы две стороны: социально общепринятое значение и индивидуальную интерпретацию данного термина в конкретной ситуации прогноза.

Прогностическая терминология не создается родовидовыми определениями, а назначается путем указания на предмет изустно или в особых руководствах, как и команды. Иногда эти термины

Термины искусств. Прежде всего оговоримся, что искусством здесь мы называем любую деятельность, требующую профессионального обучения, например искусство гончара, плотника, котлевождения и т. д. Термины искусств (изящных и практических) необходимы при обучении этим искусствам. Каждый такой термин фактически имеет автора, но это авторство не фиксируется и относится к традиции, а сами термины используются в устной речи по ходу обучения или в письменных руководствах учебного или познавательного характера (скажем, названия частей звукоряда, аккордов, движений хореографического экзерсиса, названия видов живописной композиции и т. п.). Этим они похожи на термины-команды. Вместе с тем терминология искусств применяется для организации деятельности, но не в ее процессе (как команды), а только при обучении этой деятельности. Например, термины *тесситура* в музыке, *валер* в живописи, *рубка в лапу* в плотничьем деле: их значение фактически устанавливается в результате показа учителя ученику, т. е. за каждым из них стоит действие учителя, данное как образец.

Термины искусств более чем все иные, применяются по согласию с традицией. Нарушение их содержания влечет за собой изменение формы произведения или результатов труда, что в конечном счете отражается на итогах обучения.

Они нередко попадают в научную и критическую литературу, но при этом их значение не меняется. Собственно научная терминология искусствознания и эстетики выстраивается отдельно от учебных терминов искусств либо как научная терминология искусствознания, либо как философская терминология эстетики. Составители руководств по искусству не вправе изменять смысл терминов. Поэтому официализация терминов в сочинениях по искусству производится авторами не от лица ономатотета и не от лица диалектика, а от лица пользователя.

В отраслевых или энциклопедических словарях терминам искусств дается новое толкование в виде обобщенного значения слов, применяемых в научных текстах по искусствознанию.

Термины прогностики — наименее «строгие» по употреблению, используются для обозначения перспективы деятельности и носят характер слогана (своегообразного девиза или лозунга), который юридически фиксируется в качестве интеллектуальной собственности. Прогностическая терминология представляет собой названия гадательных предметов, прогностических систем и их частей. В качестве примера можно привести название древнекитайской гадательной системы «Канон перемен» и названия отдельных ее частей — гексаграмм (т. е. знаков из шести черт), а также типы стандартизованных ответов о результатах гадания. Гадательные термины в «Каноне перемен» вроде *колодезь* и тому подобного являются такими названиями, и одновременно они рас-

попадают в толковые и энциклопедические словари. Но в таком случае целью словаря является пояснение незнакомого слова, относящегося к специальной лексике, а не обучение пользованию им при создании прогноза. Иногда составляются каталоги таких терминов, но при этом фиксируется только прогноз и его результаты.

Этот разряд терминов весьма немногочисленен. Создаются и официализируются они традицией и очень близки к словам-нетерминам, но их специализированное применение позволяет отнести эту лексику к категории терминов.

Суммарно рассмотренные виды терминов представлены в таблице 13.

Указанные восемь видов терминов охватывают все стороны деятельности, присущей общественному человеку, существующему в условиях разделения труда. В них отражена современная структура этой деятельности, и они образуют основу современных информационных систем.

Всякая деятельность должна начинаться с философского ее осмыслиения и заканчиваться прогнозом ее развития. Между двумя этими позициями расположен последовательный ряд ступеней реализации деятельности: научная экспертиза, техническая и технологическая разработка, именование подвергшихся разработке объектов, определение их параметров, объяснение правильных действий при создании объектов и их использовании. Данные разряды терминов образуют круг, в пределах которого реализуется цикл человеческой деятельности в условиях разделения труда. Знание терминов и правил пользования ими в каждой последовательности гарантирует человеку социальный успех.

ЛЕКЦИЯ 6

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ СЛОВ. ЭТИМОЛОГИЯ

Образование новых слов есть искусство, а выяснение истории создания слов — наука или объективное знание. Практическое значение словаобразования как объективного знания состоит в том, чтобы разработать правила для создания звуковой (и графической) стороны имен в их отношении к именуемым вещам и предметам. В терминах лингвистики, словообразование изучает способы создания плана выражения языковых знаков, а этимология изучает precedents создания языковых знаков.

Материал языка, его план выражения может быть в равной мере приложен к любому виду имен (собственных, нарицательных, терминов) с той целью, чтобы с ним вошел в контакт и закрепился план содержания. Поэтому искусство ономатопеи (создателя имен) состоит в том, чтобы удачным образом сформировать материал для любого имени. Изучение словаобразования особенно важно для современного состояния языка, когда наблюдается активный рост номенклатурных названий и других терминов.

Имя может состоять более чем из одного слова. Любое сложное имя (представленное словосочетанием) выстраивается из отдельных слов. Деятельность ономатопеи и этимолога обычно адресована отдельному слову. Поэтому словообразование изучает конструирование плана выражения отдельных слов в их отношении к плану содержания.

Имя, перейдя в распоряжение пользователя, становится элементом, из которого строится языковая коммуникация, — становится словом. Слово — это имя в его коммуникативном использовании: Во время коммуникации, в общении людей используются в основном уже созданные ранее имена. Однако нередко приходится создавать новые собственные и нарицательные имена, а также термины. В подобных случаях требуется искусство ономатопеи. Но и при использовании имен, давно созданных, полезно знать, как они были образованы: это позволяет уяснить их смысл. Создание новых слов называется **словообразованием**, а выяснение того, как создавались слова, — **этимологией** (греч. *ἐτυμολογία* ‘поиск истины’).

Словообразование и этимология — самая старая часть исследований языка. С точки зрения создателя слов (ономатопеи) истин-

ность имени-слова определяется тем, насколько четко план выражения слова указывает на план содержания и насколько образно он объясняет план содержания. Поэтому наука о языке начиналась с учения об истинности именования.

По мере развития лингвистических знаний этимология расширяла объект своего изучения. Сначала была систематизирована так называемая народная или поэтическая этимология: изучение того, каким образом в звуки речи, в слоги, в их комбинации и в упрощения этих комбинаций вкладывается смысл слов-имен.

С развитием литературно-письменных языков словообразование стали изучать с точки зрения сочетаемости значимых частей слов — основ и морфем. В этом случае словообразование понималось как область, связанная с грамматикой, так как сочетаемость основ и морфем можно было описать как синтагмы и парадигмы морфем. Это — грамматическое словообразование. При регулярном изучении сочетания корней и основ с аффиксами из словообразования выделился отдел словопроизводство.

Построение плана выражения слова по отношению к плану его содержания, рассмотренное в составе всего массива языка, показывает, что в развитых литературных языках значительная и, нередко, преобладающая часть слов заимствована. К заимствованным словам уже не приложимы грамматически организуемые правила словообразования и словообразования данного языка. Так возникла словарная этимология, которая занялась распределением слов по их языковым источникам на слова исконные и на заимствования, а также уточнением источников заимствования и сроков. Эти знания складываются в историю лексики изучаемого языка.

Словарная этимология в рамках сравнительно-исторического метода позволяет через фонетические законы и морфологические соответствия раскрывать исторические связи между языками. Такой поиск исторических связей через процессы образования слов называется научной этимологией.

Сравнительно-исторический метод в применении к отдельному литературному языку позволяет по текстам проследить варьирование применения отдельных слов, изменение их значений (во вторичной номинации), установить историю того, как данный план выражения языка обретал новые значения. Такой тип исследования называется историей слов, и представляет собой описание и научное обоснование значений слов для нужд составления словарей.

Народная этимология, грамматическое словообразование, словообразование, словарная этимология, научная этимология и история слов — все это соединяется в единое целое и составляет этапы общего процесса, в ходе которого происходит осознание и

истолкование того, как строится план выражения языкового знака в его отношении к плану содержания.

СЛОВОТВОРЧЕСТВО. НАРОДНАЯ (ПОЭТИЧЕСКАЯ) ЭТИМОЛОГИЯ

Первые опыты этимологии появились тогда, когда люди стали исследовать, каким образом выстраиваются имена и как от них происходят слова. Наиболее ранним представителем европейской культуры, которого интересовали проблемы этимологии, был великий древнегреческий философ Платон (428 или 427—348 или 347 гг. до н.э.).

В диалоге «Кратил» Платон пишет: «(422e) *...* Если бы у нас не было ни голоса, ни языка, а мы захотели бы объяснить другим окружающим предметы, не стали бы мы разве обозначать все с помощью рук, головы и вообще всего тела *...* (423) если бы мы захотели обозначить что-то выше и легкое, мы подняли бы руку к небу, подражая природе этой вещи, если же что-то низкое и тяжелое, то опустили бы руку к земле. Точно так же, если бы мы захотели изобразить бегущего коня *...* мы бы всем своим телом и его положением постарались походить на них *...*. Таким образом, выражение чего-либо с помощью тела — это подражание (423b) *...* имя, видимо, есть подражание с помощью голоса тому, чему подражают...»¹.

Далее Платон указывает, что музыка также подражает вещам и движениям: «(424b) Коль скоро это будет подражанием сущему посредством слогов и букв, то не правильнее ли всего начать с различия простейших частиц, как это делают те, кто приступает к определению стихотворного размера: сначала они различают значение звуков, затем слогов и только после этого начинают рассматривать размер...»².

Это значит, что, согласно Платону, сам процесс создания новых слов из материала звучания старых имеет поэтический характер. Данный процесс называется ономатопеей: присвоение отдельным звучаниям какого-то значения. Значение должно выражать через музикально-речевое подражание характер вещи, которой подражают.

«(426 d) *...* звук *ρο* *...* показался присвоителю имен прекрасным средством выражения движения, порыва, и он много раз использовал его с этой целью. Прежде всего сами имена “река” — от слова *ρειν* («течь») — «стремнина» (*ροῆ*), подражают

¹ Платон. Собр. соч.: В 4 т. — М., 1990. — Т. 1. — С. 660.

² Там же. — С. 661, 662.

порыву (426 e) благодаря этому звуку *ρο*; затем слова “трепет” (*τρόμος*), “обрывистый” (*τραχύς*), а еще такие глаголы, как “ударять” (*χροέιν*), “крушить” (*τραβέιν*), “рвать” (*έρειχειν*), “рыть” (*θρύπτειν*), “дробить” (*χερματίζειν*), “вертеть” (*ρύψειν*) — все они очень выразительны благодаря *ρο*!¹

Далее Платон рассматривает другие звуки: *ι, ψ, ζ, ζ, δ, λ, ν, α, η*,² и описывает как те усилия, которые производит человек, создавая необходимые артикуляции, и те образы, которые он воспринимает в результате этих артикуляций, соединяются таким образом, что, подобно художнику, работающему над картиной, или музыканту, играющему на музыкальном инструменте, могут подражать образам вещей, особенно их качествам.

Действительно, поэтическая практика на любом языке дает примеры того, как поэт использует такие приемы ради создания наглядности определенной картины: ...*веселым треском трещит затопленная печь* — здесь энергия звуков [ρ], [χ], [τ], [π], [λ] передает нам образ потрескивающих на огне поленьев; ...*и от нивы и до нивы гонит ветер прихотливый золотые переливы* — звуки [β] и [λ], чередуясь и повторяясь, рисуют плавные волны колосьев, колышущихся на ветру.

Почти в любом грамотно составленном стихотворении обязательно находятся звукоподражательные (ономатопеические) элементы. Итак, ономатопея — это существенное свойство речи, делающее ее наглядно-изобразительной и выразительной: поэтическое постижение свойств вещи осуществляется, в частности, звуковыми образами, звукописью. Платон указывал в этой связи, что «(436 в) ... первый учредитель имен устанавливал их в соответствии с тем, как он постигал вещи»³.

Из прямого поэтического изображения следует возможность подражать не только предметам и их качествам, но также и предшествующим словам. При подобном случае последующее слово должно формироваться таким образом, чтобы сохранить указание на предыдущее и одновременно отличаться от него.

Вместе с тем количество приемов поэтического использования предшествующих слов для создания новых достаточно ограниченное. Платон называет их:

1. Сложение: по Платону, «слово “добрь” *ἀγαθόν* составлено из того, что “изумительнее всего” *ἀγαθόν* и *δόον* “быстро-ты”»⁴.

2. Описательное именование: «(413 с) ... что же до справедливости <...> (413 д) самое быстрое и самое тонкое: ведь иначе оно не могло бы проникать сквозь все идущее <...> если это про-

никающее начало (*διαΐόν*) правит всем остальным, то оно справедливо называется ‘правом’ (*δίκαιον*)...»¹.

3. Благозвучие: «(414 д) Так, например, Сфинкса вместо “Финкса” (*Φίξ*) зовут “Сфинкс” (*Σφίγγα*)...»².

4. Вставка или изъятие звука: «(399в) “человек” *ανθρώπος* <...> Ведь это слово получилось из целого выражения, после того как (из середины) была изъята одна буква — альфа и конец слова стал произноситься как тяжелый. (339 с) <...> Имя “человек” означает, что, тогда как остальные животные не наблюдают того, что видят, не производят сравнений, ничего не сопоставляют (*αναθρέτειν*), человек, как только увидит что-то, а можно также сказать «уловит очами», тотчас начинает приглядываться и размышлять над тем, что уловил. Поэтому-то он один из всех животных правильно называется “человеком”, ведь он как бы “очеловеч” того, что видит»³.

5. Сокращение целого речения: слово *Σελήνη* ‘луна’ произошло от речения *σέλας νέον καὶ ἔνον ἀεί* «(409 с)... она имеет один и тот же и вечно новый луч, то правильнее всего было бы ей называть — «лучеединоновая», а сокращенно, но вразтяжку ее называют “лу-на”»⁴.

6. Заемствование из другого языка: «(410) — это имя *πῦр* “огонь” — варварское <...> так его называют фригийцы»⁵.

Все эти приемы используются людьми при создании новых слов из материала старых и получили название народной или вульгарной этимологии. Они как бы представляют сам процесс поэтического творчества. В ходе этого процесса при построении новых слов из материала старых используются как подражательные свойства звучания, так и приемы символизации. Например, у Г. Гейне *Quadrantenmeilengesicht* ‘широкочеленое лицо’ или у А. Зегерса *schneeflockenstill* ‘тихий, как снежинка’.

О, достоевский! бегущей тучи!
О, пушкиноты млеющего полдня!
Ночь смотрится, как Тютчев,
Безмирное замирным полня.

(В. Хлебников)

Так Хлебников изобретает образ звучания, который подражает известному образу и его качеству.

При модификации звучания необходимо, чтобы новое имя опиралось на материал звуков другого имени и изменяло бы его.

¹ Платон. Собр. соч.: В 4 т. — Т. I. — С. 664.

² Там же. — С. 650.

³ Там же. — С. 632.

⁴ Античные теории языка и стиля. — СПб., 1996. — С. 49.

⁵ Платон. Ук. соч. — С. 645.

Перемена звучания старого имени должна быть такой, чтобы между новым и старым сохранялось определенное звуковое сходство. В этом труде поэта и вообще труде любого человека, который принимается за создание слов и хочет при этом, чтобы задуманное и созданное им новое слово было выразительным.

Классификация приемов народной поэтической этимологии Платона совпадает с классификацией, данной в китайском словаре «Шовень цзецы» («Объяснение простых знаков и растолкование сложных знаков», I в. н.э.). Оказывается, категории поэтической этимологии на древнем Востоке и на древнем Западе были аналогичными.

Народная, или вульгарная, этимология может быть также названа поэтической, ибо поэт, создавая слова, руководствуется прежде всего именно народной этимологией (что, в частности, видно и в предложенных примерах).

Рассмотрим способы создания слов на современном материале.

1. Звукоподражание самому явлению. Поэту очень важно знать изобразительные свойства звуков, придающие слову художественную форму; кроме того, ему необходимо ощущать саму артикуляцию этих звучаний: движение органов артикуляции как бы соотносится с упором пера в бумагу. Благодаря этому слово становится эстетическим объектом. Его создатель ощущает звуки как «светлые» и как «мутные»; такое восприятие порождает возможность подобрать и скомпоновать звуки так, чтобы они «обрисовывали» образ того, о чем говорится: образ предмета или действия.

В некотором отношении звуки речи похожи на звуки музыки, поэтому мы и говорим об «образе»: музыка есть чистая образность в движении. Читая стихи, мы всегда чувствуем звуковой образ: он неопределенен, смутноясен, подвижен, его невозможно предметно описать в словах, но все-таки он присутствует. С этим и связано изобретение слов.

Самая простая его форма — изобразительное звукоподражание: *кукушка*, *сюсюкать*, *свиристель* и т. п. Слова этого разряда очень распространены в языках мира.

2. Символизация предмета: слово *белый* (и корень *бел-*) содержит в себе некий звуковой символ; '*белый*' — это не просто *couleur*, краска, цвет, это — обозначение перехода от чего-то твердого к чему-то мягкому; от неприятного к приятному.

«*Заяц-беляк*» — слово символ, в поэтической этимологии мы это ощущаем. Когда же словом *беляк* обозначается не заяц, а человек — символизация отпадает: возникает новая понятийная структура, выраженная иронически; *беляк* (о белогвардейце) — это уже не просто белый цвет знамени, но еще и оценка характера, имеющая выраженный отрицательный оттенок.

3. Сложение понятий — соединение двух выражений в одно: *парообразование*, *стихосложение*.

4. Отнесение к категории в русском языке обычно осуществляется соединением сложных суффиксов или окончаний: *сечь* (слово ономатопоэтическое и символическое) ~ *секач* [а] инструмент; б) животное, старый кабан, который может рассечь охотника клыками] ~ *секира* (*сек-ира*). Слов на *-ач* в русском языке много, они обозначают действователя (*помен agentis*) или инструмент; соединение суффикса с корнем дает картину сложного понятия.

5. Сокращение или удлинение слов. У малообразованных людей порой бывает представление, что чем длиннее слово, тем оно элегантней: *злостн-остн-ный*; для вящей энергичности выражения слово может быть сокращено: *злой*; *спорт-* и *кани-товары*; *профком* и т. п.

6. Видоизменение слов используется ради создания смыслового (в частности, комического) эффекта. В «Левше» у Н. С. Лескова фигурируют *свистовые* (вместо *вестовые*) казаки; *Атаман Платов лежал на досадной укушетке* (вместо *кушетке*).

Это и есть этимология, которая называется поэтической или народной: она показывает заинтересованное и неустанное стремление человека не жалеть труда для создания новых слов.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Словообразование — это раздел лингвистики, в котором изучаются методы создания новых слов на материале слов уже существующих. Основное внимание при этом обращено не на живую практику языковых личностей, а на изучение результатов деятельности этих личностей, т.е. на уже появившиеся слова. Таким образом выявляются возможности создания слов в изучаемом языке. Дело в том, что материал любого отдельно взятого языка предоставляет сравнительно ограниченные возможности для анализа процесса словотворчества. Каждый язык располагает своим специфическим набором таких возможностей.

Так, в арабском языке, где большинство корней состоит из определенной последовательности трех согласных звуков, появление новых слов основывается либо на создании новых корней, что бывает очень редко, либо на изменении огласовок имеющихся корней при помощи гласных и их развитие с помощью приставок и окончаний. Например: корень *kit* 'письмо', *kitab* 'книга', *mektab* 'училище'.

В китайском языке, где большая часть морфем может соединяться с другими морфемами по общим правилам синтаксиса, абсолютное большинство слов образовано как двух- или трехкор-

Ярус языковой системы	Способ словообразования	
Предложения	① Синтаксико-семантический <i>Ура! — Ура кричали</i>	② Синтаксико-морфологический <i>Поколеносинеморепереходященский</i>
Словосочетания	③ Словосочетательный <i>тысячесабельный</i>	④ Словосократительный <i>МГУ, РПЦ, Мосгортранс</i>
Слова	⑤ Семантический <i>лев ‘животное’ ~ Лев ‘имя’, лев ‘монета’</i>	⑥ Семантико-грамматический <i>печь (глагол) ~ печь (существительное)</i>
Морфемы	⑦ Словопроизводительный <i>лев ~ льв-иц-а ~ льв-енок ~ льв-ин-ий</i>	
Фонемы	⑧ Звукоизобразительный <i>бай!</i>	⑨ Звукосимволический <i>бардадым!</i>

лежащего уровня — оформляется как слово, поэтому данный способ называется синтактико-морфологическим.

На уровне словосочетания также два способа словообразования:

3. Словосочетательный: словосочетания, как в поэтической этимологии, допускают сокращение и распространение высказывания, а потому этот способ словообразования создает расширенные слова: *тысячесабельный отряд* — из словосочетания (*кавалерийский отряд из тысячи всадников*) образовано слово.

4. Словосократительный способ как разновидность предыдущего создает свернутые слова — *Инкомбанк, Сбербанк, Мосгортранс, МГУ* и др.

Для русского языка (скажем, в отличие от немецкого) словосочетательные слова не характерны, значительно чаще употребляются просто словосочетания. Однако в современных условиях все большее распространение получают сокращенные слова, что диктуется законами языка документов и компьютерной техники, необходимостью шифровать названия.

невые при помощи словосложения и основосложения. Например: *сюэ ‘учиться, подражать, учение’ ~ дилисюэ ‘география’* (сочетание: *ди ‘земля’ + ли ‘закон, норма’*; в итоге: ‘учение о законах земли — география’). *Сюээнъ ‘образованность’*: *сюэ ‘учиться’ + энъ ‘письменность и литература’*; поэтому *сюээнъ* — ‘эрудиция в текстах, образованность’.

В русском языке большинство слов образовано от одного корня с добавлением приставок и суффиксов. Например: *дети ~ дет-ина*, корень *дет-* ‘младшее порождаемое’; *-ина* — суффикс единичности (‘один из’).

В каждом языке есть свои способы словообразования. Вместе с тем речь как последовательность звуков предполагает определенные ограничения на возможности создания слов, которые выражаются в том, что в любом языке эти возможности в целом сводятся к ограниченному количеству способов.

Ограниченностю способов словообразования объясняется ограниченностью уровней языковой системы (лексика, грамматика, фонетика) и ограниченностью ее ярусов в их сочетании при необходимости создать новое слово.

Способы словообразования образуют сетку отношений между уровнями и ярусами языка, демонстрируя асимметрию языковых знаков.

Таблица 14 представляет матрицу различия уровней языковой системы — фонем, морфем, слов, словосочетаний и предложений.

Слово находится в центре языковой системы и относится ко всем ее уровням, а потому и реальные возможности его создания, как видно из таблицы, достижимы на любом из них; каждый уровень языка может быть использован для того, чтобы построить слово.

Рассмотрим девять способов словообразования.

На уровне предложения выделяются представленных на разных языковых ярусах два способа:

1. Синтактико-семантический — происходит переосмысление значения слова благодаря его использованию в ином синтаксическом контексте: *Ура!* — междометный возглас и *Далече грянуло ура* (А. С. Пушкин) — междометие использовано как название события.

У К. М. Станюковича слово *ура* даже склоняется: *Ура кричали*. Таким образом, от синтаксического контекста предложения происходит переход к семантике слова.

2. Синтактико-морфологический — отдельное словосочетание грамматически оформляется как слово или баснописец от пишущий басни. А. П. Чехов так создал «говорящее» имя человека: *Поколеносинеморепереходященский*; окончание — морфологический элемент, а состав слова представляет собой предложение: *по-колено-сине-море-переходитъ*. Предложение — единица выше-

В плане словообразования уровень слов проявляет себя следующими способами:

5. **Семантический**, например слово *лев* имеет несколько значений: царь зверей; имя человека; денежная единица (в Болгарии); морской лев (род тюленя); созвездие. Одно и то же слово в каждом случае претерпевает семантическую трансформацию, у него развиваются новые значения и образуются омонимы.

6. **Семантико-грамматический** — этот способ состоит в переводе слова в другую часть речи, вследствие чего оно получает новую парадигму словоизменения: нем. *leben* 'жить' ~ *Leben* 'жизнь'; англ. *a iron* 'утюг' ~ *to iron* 'гладить'; франц. *bleu* 'синий' ~ *le bleu* 'синева'; дат. *ebbe* '(морской) отлив' ~ *ebbe* 'отходить назад (о море при отливе)'; *печь* (глагол 'готовить пищу нагреванием') ~ *печь* (существительное 'сооружение для отопления помещения или для обработки чего-нибудь нагреванием') и т. п. В этом случае образование нового слова происходит за счет синтаксического использования и соответствующего изменения окончаний слов, указывающих на различие синтаксического применения:

печь → *пеку, печешь, печет* (глагол);

печь → *печи, печью, печей* (имя существительное).

На морфемном уровне выявлен один способ словообразования:

7. **Словопроизводительный** — для русского языка (и вообще для индоевропейских языков) он является важнейшим, так как основной массив русских слов образуется путем сочетания корня и аффикса. А вот для китайского языка этот способ менее значим: в нем преобладают сложные слова (в том числе сложноморфемные).

На фонемном уровне имеются два способа словообразования:

8. **Звукоизобразительный** — путем разного рода подражания звукам природы — *бух, плюх, чмок, шасть, бряк, буль, бац* и др. Ср. также: англ. *I'll hump him* 'Я ему пофыркаю' (Р. Киплинг); в немецком языке:

Klatsch! fällt der Kater mit dem Kopf Плюх! И наш кот угодил головой
In einen schwarzen Wichtsentopf. В горшок с черной ваксой.

(В. Буш)

9. **Звукосимволический**, когда достаточно произвольному набору звуков присваивается некоторое символическое, условное значение: *бардадым* — 'нелепый человек'.

Перечисленные девять способов словообразования определенным образом корреспондируют друг с другом, причем между ними существуют более сильные и более слабые связи. Например, *ура* сочетается с *бац* по основанию звукоизображения (в таблице 14 эта связь показана стрелкой): тут может быть любое междометное сло-

во, имеющее звукоизображательное начало; очевидно, что между звукоизобразительными словами существует связь. Точно так же связаны между собой, скажем, семантико-грамматический и словоизобразительный способы: и в том и в другом новое слово формируется при помощи окончания.

Особенно тесно взаимодействуют уровни морфем, слов и словосочетаний (на схеме они объединены в одной ячейке); крайние уровни — фонем и предложений — связаны слабее, словообразовательные процессы здесь представлены ограниченно и встречаются не часто.

Ядро же словообразования выражено в связях морфем, слов и словосочетаний во межуровневом взаимодействии, что показывает таблица 15.

Для любого языка словообразовательные отношения в синтаксисе и фонетике имеют второстепенное значение, тогда как взаимодействие морфема ~ слово ~ словосочетание, определяющее грамматику языка, всегда является центром словообразования.

Служебные слова: предлоги, послелоги, частицы, связки, артикли, счетные слова — происходят от знаменательных слов и образованы синтаксико-семантическим способом.

За пределами перечисленных способов остается одна категория слов, представленная во всех языках, **междометия**. Их образование формально связано либо со звуковым символизмом, либо также с синтаксико-семантическим способом. Но междометия это не настоящие слова, а как бы пред слова: слова, связанные не

Таблица 15

Модели словообразования	Способы словообразования			
	Использование материала речи	Прямая ориентация на тип стиля	Создание и изменение внутренней формы	Использование синтаксико-морфологической системы языка
Фонетические	+	+	-	-
Морфологические	+	-	+	0
Семантические	-	+	+	0
Синтаксические	-	+	-	+

с выражением понятий и образов, а с выражением психического состояния говорящего. Подобные выражения психического состояния имеют своей целью управление поведением других людей, влияние них. Междометия — это атавистические элементы животного (этологического) поведения людей.

Этология (наука о поведении животных) устанавливает, что в животных сообществах, в семьях животных существуют «языки», т.е. системы сигналов, обозначающих три основные типа поведения:

- 1) определение своего и чужого животного того же вида и территории обитания;
- 2) семейное, половое и возрастное поведение;
- 3) организация согласованных совместных действий.

Сигналы каждого из этих видов могут иметь несколько разновидностей в зависимости от биологических особенностей животного. Любой разновидности сигнала соответствует своеобразная детализация поведения. Например, сигнал может указывать, что в пределах видимости находится животное того же вида, но не своей семьи; животные по сигналу начинают охоту, разделяясь на загонщиков и перехватчиков добычи. У пчел имеются сигналы, указывающие направление к медоносам и расстояние до них и т. п. Эта сигнализация становится известной животному либо по инстинкту, либо из научения от взрослых особей. В этом случае животные усваивают языки из практики примерно так же, как сельский житель, не знающий правил уличного движения, усваивает значение сигналов светофора из опыта.

Характерная особенность таких «командных языков» состоит в том, что число команд на них должно быть ограничено: если команда будет создаваться каждым животным (или человеком) заново, то неизбежно прекратится кодирующая и декодирующая деятельность, и сообщение не будет принято.

В отличие от языка животных в социальном языке развивается особое качество — именование.

Именование — это сознательное и произвольное социальное установление единиц языкового кода.

В речевой деятельности людей именование и «язык команд» представлены в равной мере. Например, существование понятий «свой ~ чужой», свойственное этологическому языку, у людей выражается в наличии у разных народов своих языков, которые взаимонепонятны; и речевое поведение различается по характеру мужского, женского и детского произношения; а совместным действиям обычно предшествуют стандартные знаковые слова (*Можно? — Пожалуйста!* и т. п.).

Наличие подобных особенностей не только не мешает процессу именования, но, напротив, развивает и расширяет его возможности.

Социальный язык своим происхождением обязан процессам именования, которые выражаются в словообразовании, в создании особой надстройки над этологическим языком.

Процесс именования имеет три аспекта:

- 1) модификация звуковой и графической материи речи;
- 2) социальное признание новых имен, социализация имен;
- 3) смысловое углубление знаний, составляющих особенности «человека разумного» (*homo sapiens*).

Они протекают параллельно и в той или иной степени организуются через словообразование.

В принципе любой человек способен создать и создает новые слова, своеобразные значения, оригинальные повороты мысли.

СЛОВОПРОИЗВОДСТВО

Словопроизводством называется один из способов словообразования, суть которого состоит в сочетании корневых и аффиксальных морфем по определенным формальным правилам. Словопроизводство реализует отношения словного и морфемного уровней, когда слово представляется как ряд объединенных в устойчивый комплекс морфем, где каждая морфема занимает определенное место.

Представление слова как цепочки морфем, каждая из которых имеет свое определенное место, было предложено Э. Сепиром:

слово = морфема₁ — морфема₂ — морфема₃ ...

В слове морфемы разделяются на корневые и аффиксальные (иначе: на корни и аффиксы). Аффиксы, в свою очередь, делятся на деривационные и реляционные. Первые служат для образования слов от одного корня, вторые для указания связи разных слов в предложении; замена одной реляционной морфемы на другую не приводит к образованию нового слова. Например:

[раз-глаголь-ств-ова-]ать

[раз-глаголь-ств-]ую

[раз-глаголь-ств-]уешь

или: [слаб-о-ум-н-]ый

[слаб-о-ум-н-]ого

[слаб-о-ум-н-]ому

В скобки заключены корни вместе с деривационными морфемами, за скобки вынесены реляционные морфемы.

Реляционные морфемы указывают на роль слова в предложении и словосочетании. При этом слово, несмотря на изменения реляционных морфем, остается тождественным самому себе.

В составе слова может быть один или более чем один корень. Так, в слове *разглагольствовать* один корень *глагол-*, а в слове *слабоумный* две корневые морфемы *слаб-* и *ум-*. Если в слове две и более корневых морфемы, то, как правило, их порядок не

может быть изменен, хотя бывают и исключения (лизоблюд и блюдолиз — значение одинаково).

Корень (корневая морфема) образует структурный центр слова. Остальные деривационные морфемы располагаются перед ним или после него. Деривационная морфема, стоящая перед корнем, называется префиксом, т. е. аффиксом, стоящий перед корнем:

за-работать	за-вал
об-работать	об-вал
от-работать	от-вал и т. п.

Из примеров видно, что один и тот же префикс может относиться к разным корням и, наоборот, одному корню могут предшествовать разные префиксы.

Сходным образом соотносятся с корнями и суффиксы:

сиж-ива-л	ход-атай
сказ-ыва-л	ход-ик
хаж-ива-л	ход-ок и т. п.

Таким образом, словообразование рассматривает синтагмы и парадигмы морфем. Сочетания в синтагме разных морфем из парадигм корней и суффиксов дают новые слова.

Схема синтагматико-парадигматических отношений может быть очень развитой. Например:

Доступ

доступ-и-ый,	обще-е-доступ-и-ость,
не-доступ-и-о,	обще-е-доступ-и-ый,
доступ-и-ость,	танк-о-доступ-и-ый,
не-доступ-и-ый,	трудн-о-доступ-и-ый,
не-доступ-и-ое,	широко-о-доступ-и-ый,
мало-доступ-и-ость,	доступ-и-ть,
мало-доступ-и-ый,	доступ-и-ть-ся,
	доступ-а-ть ¹ .

Как видно из примеров, префиксов и суффиксов в слове может быть сразу несколько.

Бывают случаи, когда префикс и суффикс не могут друг без друга образовать новое слово. Например, слово подстаканник — приставка под- и суффикс -ник не могут существовать друг без друга: не существует слов «подстакан» и «стаканник»). Такое стабильное сочетание префикса и суффикса называется конфиксом.

Рассмотрение процессов словообразования требует инвентаризации и сведения в список корней и аффиксов, а также исследования их сочетательных свойств, установления их числа, опре-

деления границ и пределов вариирования морфем. Раздел лингвистики, занимающийся изучением этих проблем, называется **морфемикой**.

Исследование языкового инвентаря морфем в их отношении к словам обнаруживает, что на границах морфем могут появляться звуки и их сочетания, которые не имеют ассоциативного значения, присущего морфемам. Эти звуки и группы звуков служат как бы для склеивания морфем в слове. Таковы, например, соединительные гласные в русских сложных словах типа *пар-о-ход*, *престол-о-наследник*, *пул-е-непробиваемый* и т. п. Гласные о и е в приведенных примерах не имеют морфемного статуса, они лишь соединяют морфемы в сложном слове. Выделяются они «отрицательно», т. е. *пар-* и *ход-* — морфемы, допускающие сочетание с другими морфемами (*пар-ить*, *за-пар-ить*, *ход-ить*, *восход-ить* и т. д.), а соединительные гласные выделяются потому, что не входят в состав морфемы. Такие вставки называются и **интерфиксами**.

Интерфисы — регулярное явление в словообразовании различных языков. Так, в китайском языке повторение основы прилагательного выражает усиление степени качества. Например, слово *хуту* 'глупый' состоит из корней *ху* 'глупый' и *ту* 'глупый'. Слово *глупейший* будет образовано повтором: *хуту-хуту*. Но при этом можно сказать: *ху-ли-хуту*; ли в данном случае не имеет самостоятельного значения и является интерфиксом.

СЛОВАРНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Словообразование и словообразование позволяют определенным образом представить строение словарный состав языка. При этом обнаруживается, что в развитых литературных языках многие слова не относятся к исконной лексике. Это **слова-заимствования**.

Иногда источник заимствования — другой язык, из которого взято слово, — ясен для обычного пользователя (т. е. не профессионала-филолога), а иногда не ясен. Например, мы сознаем, что слова: *аббревиатура*, *абсолютный*, *алилуйя*, *алэз* и многие подобные, — не русского и не славянского происхождения; другие слова, такие как, скажем, *штаны* или *армяк* воспринимаются нами как свои, русские (хотя они также являются заимствованиями). Так различаются заимствования **усвоенные**, типа *алилуйя*, и **освоенные**, типа *штаны*.

Знание источника слова, т. е. его принадлежности к исконной лексике или к заимствованиям, усвоенным и освоенным, образует **словарную этимологию** — раздел языкоznания, занимающийся объяснением происхождения слов.

¹ См.: Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. — М., 1985. — Т. I. — С. 311 (шрифтовая разметка автора. — Прим. ред.).

Словарная этимология показывает, что все языки не просто развиваются из своего собственного ресурса создания новых слов, но обязательно вовлекают в этот процесс дополнительные слова из других языков: всякий развитой язык постоянно включает в себя заимствования. Включение заимствований раскрывается словарной этимологией и создает образ языка.

Например, в произведениях М. А. Шолохова слово *баз* означает 'двор'. Этимологические словари указывают, что представленное в юго-восточных диалектах русского языка слово *баз* может считаться заимствованием: ср. караимское *баз* — 'яма, погреб'; калмыцкое *баз* — 'скотный двор'.

В современном английской языке около 80 % романизмов: с точки зрения объема лексики это язык не германский, а, скорее, испорченный старофранцузский и латинский (произношение романских по источнику слов отражает стиль произношения университетского студенчества в Англии, а написание — орографию средневековой латыни и старофранцузского языка). Благодаря этому английский язык, особенно в его письменной форме, сохраняет облик учености, а этимология романских заимствований определяет их стилистическое использование в текстах, в том числе и в современных (в частности, деловых).

Иная картина в русском языке. Многие названия элементов одежды (*кушак*, *кафтан*, *штаны*, *шапка* и т. д.), кущаний (*кавардак*, *азу*, *халва*) — тюркизмы; немало монголизмов (*мерин*); затем в порядке убывания следуют полонизмы (*быдло*) и германизмы (*слесарь*), зачастую не воспринимаемые обыденным сознанием как заимствования. Огромен массив греческих *калек* (поморфемного перевода слов), а также греческих и латинских заимствований, существуют и так называемые *интернационализмы* — слова, представленные во многих языках мира и обычно осознаваемые как заимствования. В XVIII — XIX вв. русский язык воспринял значительный пласт французской лексики. Можно сказать, что этимологический образ русского языка весьма пестр.

Этимологический ресурс языка оказывает значительное влияние на поведение (в том числе и речевое поведение) человека. В понятийном плане (выражения понятий) мы можем адекватно перевести любой английский текст, но в плане этики (нашего отношения к языку и нашего речевого выражения) различие языков с точки зрения их целостного лексического образа окажется весьма значительным и порой непреодолимым. Например, в русском и английском языках слово *совесть* имеет значение 'осознание нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом' (этимологически восходит к индоевроп. корню **ceit*' — 'ведать, знать': санскр. *vēda*, греч. *oīda*, гор. *witan*, ст.-сл. *вѣдати*). В русском языке данное слово со временем обрело дополнительное содержание, выражаемое значением

однокоренных слов *весть*, *известие*, *возвестить*, *поведать*, *проповедь*, т. е. буквально 'речь, разговор, собеседование' (в том числе и с самим собой).

В английском переводе понятие «совесть» передается словом *conscience* 'сознание'¹, т. е. знание о чем-либо вместе с другими. Но этот перевод недостаточен, так как сознание и самосознание не акцентируют идею диалектической беседы с самим собой, идею самоиспытания с целью уяснения нравственной сути своих мыслей и поступков.

Установлена твердая закономерность: чем шире культурный ресурс языка, тем легче и в тем большем объеме усваиваются заимствования. Все те народы, в языках которых мало заимствований, — обычно народы с невысокой культурой (в том числе и материальной), им не достает обзора взгляда на свою культуру. Народы же, в языке которых заимствований много, пользуются не только ресурсами своего языка, но также и языковыми ресурсами других народов; тем самым они пользуются возможностью более основательно представлять и развивать собственную культуру, собственный интеллектуальный потенциал. В некоторых лингвистических традициях это учитывается, в некоторых — нет.

Начиная с конца XVIII в. в нормативные словари английского языка обязательно включается помета, указывающая, из какого языка заимствовано то или иное слово. Ввел эту традицию известный английский филолог-лексикограф Сэмюэл Джонсон; потом ее поддержал создатель американской лексикографии Дениел Уэбстер. Такая помета добавлялась для стилистического различия слов. Если слово латинское — значит оно ученое и благородное: в английских университетах латынь была языком науки и юриспруденции; если слово старофранцузское, то оно обозначает вещи элегантные, куртуазные, относящиеся к придворному обиходу и отчасти к некоторым областям неанглосаксонского права; если слово греческое, то относится к области изящных искусств; если германское, то оно просторечное или грубое. Говорить красиво по-английски значит подбирать к исконным германским словам старофранцузские и латинские, а еще лучше греческие синонимы. Использовать собственно германскую лексику допустимо лишь в бытовом диалоге, в общении с низшими сословиями. Все это каноны четко различаются в английских словарях.

Академические словари русского языка не содержат таких этимологических помет. Это значит, что в русском языке стилевые различия происходят не по этимологической линии. Стремление русского языка вобрать в себя большое количество заимствований

¹ Ср.: греч. συνείδησις, лат. *conscientia*, фр. *conscience*, гор. *mißwissei*, дат. *samvittighed*.

сопрягается со своеобразным равнодушием к источнику заимствования. Рядовой носитель русского языка, как правило, не подозревает, что слово *кафтан*, обозначающее предмет одежды, тюркского происхождения; Евдокия нередко не догадывается, кто она такая (греч. εὐδοκία ‘благоволение’); не знает значения своего имени и Георгий (греч. γεωργός ‘земледелец’) и не мыслит себя в этом качестве.

НАУЧНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Научная этимология основана на сравнительно-историческом и сопоставительном изучении языков. С точки зрения сравнительно-исторического языкознания языки мира разделяются на определенные семьи внутри них — на группы. Такое разделение основано на представлении том, что различные языки, образующие семью или группу внутри семьи, ведут свое происхождение от одного общего языка-предка, который в ходе исторического процесса распался на несколько диалектов и из них образовались разные языки.

Так, существует обширная семья индоевропейских языков, куда входят индийские, иранские, армянский, греческий, романские, германские, кельтские, балтийские, славянские и некоторые другие языки. Сравнительно-историческое языкознание, опираясь на изучение этих языков, реконструирует фонетический и грамматический строй индоевропейского прадынника, который был их доисторическим предком. Точно так же каждая группа языков внутри индоевропейской семьи имеет своего общего предка, который либо восстанавливается через реконструкцию (скажем, праславянский язык), либо представлен письменными источниками (как латинский язык: предок современных романских языков).

Благодаря сравнительно-историческому методу удается:

- восстановить ранние формы плана выражения и плана содержания языков, не представленные в их современном состоянии;
- распределить эти формы по времени существования и расхождения языков;
- разделить исконные и заимствованные слова и морфемы.

На этой основе реконструируются прадынниковые формы слов и морфем, к которым исторически восходят современные слова и морфемы, обнаруживаются заимствования и их период по относительной хронологии.

Например, одним из важнейших слов является глагол *быть*. Вот как он представлен в русском языке: *бавить* ‘заставить быть’; *при-бавить* ‘добавочно быть’; *у-бавить* ‘убрать бывающее’; *раз-бавить* ‘расторгнуть бывающее’; *за-бавить* ‘увлечь бывающее’; *из-ба-*

вить ‘убрать бывающее’; *бавиться* ‘существовать’. Ср. др.-инд. *bhū-* ‘быть’; гор. *baan* ‘жить, обитать’.

Свод индоевропейских научных этимологий дан, в частности, в авторитетном словаре А. Вальде¹; свод русских этимологий — в словаре М. Фасмера:

Дочь, ж. род. п. *дочери*, уменьш. *дочка*, *дона*, др.-рус. *дочи* (из *d̥̥chi), позднее *дочь*, с XV—XVI вв., с.-в.-р. *дочи* им. п. ед. ч., укр. *доч*, род. п. *дочери* [*дочка*], ст.-слав. *дъшти*, *дъштере*, болг. *дъщеря*, сербохорв. *кји*, род. *кјери*, словен. *hči*, род. п. *hčere*, др.-чеш. *dcí*, чеш. *dcera*, слвц. *dcéra*, польск. *cora*, *corka*. || Родственно лит. *duktė*, род. п. *dukters* “дочь”, *dūkra* (*duktrā), *podukrā*, *podukrē* “падчерица”, др.-прус. *ducti* “дочь”, ро-дукре “падчерица”, др.-инд. *duhitā*, авест. *dugədār-*, арм. *dustr*, греч. θυγάτηρ, гор. *daúhtāg*, нов.-в.-нем. *Tochter*, тохар. *A skācar*, *B tkācer*, далее, вероятно, к др.-инд. *dōgđhi* “доить, доиться” <...> Сюда же стар. форма сравн. ст.: рус.-слав. *дъщерьши* “племянница”, ср. др.-инд. *açvatarās* “мул”, лат. *materterta* “тетка”...².

Женá, жениться, укр. *жона*, жéнка, блр. *жана*, ст.-слав. *жена*, γυνή, болг. *жена*, сербохорв. *жёна*, словен. *žépa*, чеш., слвц. *žena* “женщина, жена”, польск. *żona*, в.-луж., н.-луж. *żona*. || Родственно др.-прус. *gennō* зв. п. “женщина”, др.-инд. *jániš* “жена, женщина”, *gnā* “богиня”, авест. *gənā-* γənā γη “женщина, жена”, (*Jaini* — то же, арм. *kin*, гор. *qinō* “жена, супруга”, *qéns* — то же, греч. γυνη, беот. *βανά* “жена”, ирл. *ben*, тохар. *A šāp*, *B šana* “женщина” ...³.

Муж, род. п. -а, укр. *муж*, др.-рус. *мужъ*, <...> болг. *мъжът*, сербохорв. *муж*, словен. *mož*, чеш., слвц. *tuž*, польск. *maž*, род. п. *męża*, в.-луж., н.-луж. *tuž*. || Несомненно родственно др.-инд. *mánuš* | *mánuṣ* | *m-* “человек, муж”, авест. *mānuš-*, гор. *manna*, др.-исл. *maðr*, мн. *menn*, сюда же лат.-герм. *Mannus* — имя прародителя германцев (Тацит), фриг. *Mánuç* — родоначальник фригийцев <...> Образование слав. *možъ* сравнивают с лит. *žmogus* «человек», наряду с *žmo-nés* мн. «люди», также греч. πρεσβύς (“старейшина, вождь”). — Ю. Р., А. Б.), крит. πρελύς <...> Вероятно, здесь представлены различные расширения: на -g- и на -i-. Правслав. изменение звуков *пъ* > *п* не удается доказать. Следует отвергнуть мысль о родстве с греч. “Αραζών *«амазонка»* <...> Леви (IF 32, 160) пытается установить связь с лит. *āmžis* “век”, др.-прусск. *amsis* “народ”. Выражение *выйти замуж* содержит стар. вин. ед. <...> *Мужик* было первонач. уменьш. от *муж*. Последнее название объясняется тем, что людей, более низких в правовом отношении, обозначали как несовершеннолетних <...> Ср. др.-рус. *отърокъ*, сербохорв. *mlai* “слуги”. Выражение *мужеский*, *мужской* *род* представляет собой кальку в цслав. грамматике из греч. γένος ἀρσενικόν⁴.

¹ См.: Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen: Bd. I — 3. — Berlin; Leipzig, 1973.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — СПб., 1996. — Т. I. — С. 533.

³ Там же. — Т. II. — С. 46.

⁴ Там же. — С. 670, 671.

Сын I, род. п. -а, мн. сыновья (из *сынове по аналогии *браты; <...>); укр. син, блр. сын, др.-рус., ст.-слав. сынъ *vīōs*, болг. синът, сербохорв. син, род. п. сина, им. мн. синови, словен. *sīn*, род. п. *sīna*, *sīnu*, чеш., слвц. syn, польск., в.-луж., н.-луж. syn. Древняя основа на -u <...> || Родственно лит. *sūnūs* “сын”, др.-prus. *sounus*, вин. ед. *sunun*, др.-инд. *sūnūs* |, авест. *hūnu*, гот. *sunus*, д.-в.-н. *sunu* “сын”, греч. гомер., лаконск., критск., аркадск., атт. (стар.) *vīōs* *vīeoς* “сын”, тохар. A se, B soyā “сын”, далее связано с др.-инд. *sūtē* (*sauti*), *sūyate* (*suyati*), *savati* “рождает, производит”, авест. *hūnāmī* “рождаю”, ирл. *suth* “рождение, плод”, др.-инд. *sūtis* | “беременность” ...¹.

Подобные этимологические словари представляют глубинное описание и толкование языка. Обыденным языковым сознанием они воспринимаются с трудом, но обращение к ним во многом позволяет корректировать это сознание и содействует пониманию родного языка.

ИСТОРИЯ СЛОВ — ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Предметом литературно-исторической этимологии как научной дисциплины является изучение использования слов в литературно-художественных текстах, выявление источников пополнения словаря художественной литературы из разного рода нехудожественных текстов, а также вторичных номинаций на базе одно и того же слова.

Например, слово *интеллигенция* со значением ‘работники умственного труда, получившие образование и специальные знания’ представляется современному читателю типично русским. Однако к нам оно пришло в XIX в. из польского языка и первоначально означало умственный труд как таковой. Впоследствии в русском языке оно изменило свое значение и стало обозначать людей, получивших образование. В польском языке оно родилось из латинского источника: *intellego* ‘мыслить, понимать’, *intellegens* ‘сведущий, понимающий’. Слово *интеллигенция* в своем русском значении вошло во многие европейские языки.

История слов позволяет раскрывать те смыслы, которые разные авторы придавали одному и тому же слову, и этим углублять наше понимание используемых слов.

Существует особый разряд слов, которые называются историзмы: их предметное значение нередко утрачено, ибо исчезли из употребления сами предметы, ими обозначаемые. Такова, например, группа слов со значением исторических средств транспорта: *брючка*, *линейка*, *дрожки*, *тарантас*, *пролетка*, *фаэтон*,

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — СПб., 1996. — Т. III. — С. 817, 818.

коляска и др., но они встречаются во многих классических художественных произведениях, и знания их значений важно для понимания текста:

Бразды пушистые взрываю,
Летит кибитка удалая...

(А. С. Пушкин)

Данные строки обретают дополнительный смысл, если знать, что кибитка — это простой крытый возок, т. е. дешевое транспортное средство без особых удобств, которое использовалось для поездок небогатыми людьми.

Рассказ И. С. Тургенева «Онодворец Овсянников» совершенно непонятен без знания того, что слово *онодворец* обозначало человека, не платящего податей и не имеющего крепостных, но обладающего некоторой недвижимостью.

СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ОТДЕЛЬНОГО СЛОВА

Знание слова есть знание его смысловой структуры. Смысловая структура состоит из ряда компонентов, отражающих историю создания и примечания слова.

Первым компонентом является *предметное значение слова*, т. е. обозначение тех предметов, вещей и объектов мысли, которые оно называет и называло. Например, слово *орган* называет сейчас клавишный духовой инструмент; ранее оно обозначало любой музыкальный инструмент; в настоящее время это слово может быть применено и к названию электронного музыкального инструмента (*электроорган*).

Второй компонент — *образ*, заключенный в значении слова, представленного в его фонетической, словообразовательной и словоизводной структуре. Так, слово *орган* по фонетическому образу и по тропу (метонимия) сродственно со словом *брюх* ‘инструмент’ или ‘устройство’: скажем, *органы государственного управления*.

Этот вид значения по метафоре вовлекает еще одно значение: ‘часть целого’ — *органы* (‘тела живого существа’), но и в клеточном строении живых веществ присутствуют *органеллы* — маленькие органы, функционально подобные органам тела.

Как видно из примеров, в слове *орган* ~ *оргāн* мыслятся, по меньшей мере, три класса объектов — понятий: а) музыкальный инструмент; б) инструмент или устройство; в) часть целого. Это разные, хотя и связанные между собой понятия.

Таким образом мы приходим к выделению в слове и в группе родственных по происхождению слов третьего компонента — *понятийного значения* или одного, или нескольких.

Различные понятийные значения, обобщенные в одном слове, дают четвертый компонент — **лексическое понятие**, — которое содержит представление не о реальных или воображенных объектах, а о слове и его значении в языке. Так, органы управления автомобилем, органы государственного управления и органы организма как целого или клетки суммируются в лексическое понятие — «часть целого, обеспечивающая его функции».

Применение и расширение словообразовательных возможностей создают еще один (пятый) компонент — **коннотативное значение**. Ср.: *компетентные органы, организация, организовать, организка* ('вид удобрения'), *органический, органичный, оргвыводы, оргтехника*.

В разных контекстах мы получаем либо прямо, либо через процессы словообразования различные виды использования лексического понятия «часть целого, обеспечивающего функции целого».

Так у основы *орган-* образуются разные контексты применения, и из них складывается смысловое влияние на осознание значения основы: инструментальность, целое — часть, упорядоченность целого, природность, естественность. Все эти контексты мыслятся при использовании основы *орган-* и распределяются по областям слов со сходным общим значением.

Наконец, в процессе этого распределения при синтаксическом использовании слова образуется его индивидуальное **контекстное значение** (шестой компонент). Ваш вопрос настолько запутан, что Вам следует обратиться с ним в *компетентные органы* — в данном контексте имеются в виду учреждения, ведающие юридическими и правовыми проблемами.

Компоненты смысловой структуры — предметное значение, троп, понятийное лексическое понятие, коннотативное и контекстное значения — составляют знание слова как культурного явления. Глубина постижения родного языка (или изучаемого иностранного), компетентность в нем зависят от учета и представления всех составляющих значения слова.

ЛЕКЦИЯ 7

ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОВ

ПОПОЛНЕНИЕ СЛОВАРЯ ИЗ РЕЧИ

Лексикология — это наука, в рамках которой созданные по правилам словообразования слова подвергаются рассмотрению, оценке и закреплению в языке и в языковом употреблении. Эта деятельность осуществляется лингвистом-лексикологом, итогом работы которого является оценка качества слов. Лексикография — наука и практика составления словарей. По ее установлениям и правилам оформляются результаты работы лексиколога, описывается и официализируется состав лексики в тех случаях, когда необходимо закрепить норму употребления того или иного слова в нормативных словарях.

В своей речевой практике человек нередко создает новые слова непреднамеренно, даже не замечая этого. Такие слова подлежат анализу лексиколога, который оперирует следующими основными понятиями.

Солеклизм (греч. *σολεκισμός*) (употребляемое лексикологией значение этого этого слова полностью соответствует греческому аналогу) — неправильный речевой оборот, не нарушающий смысла высказывания. Термин происходит от топонима *Сол*, города в Киликии (Малая Азия) — древней афинской колонии, жители которой утратили чистоту греческого языка. «Риторика к Гереннию» сообщает: «Солеклизм — это когда в сочетании из нескольких слов слово последующее не согласовано с ему предшествующим»¹. Секст Эмпирик в своем трактате «Против грамматиков» к таким погрешностям относит «предложение “долго погулявший, утомлены мои ноги”»². У А. П. Чехова в произведении «Жалобная книга» читаем: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа».

Но бывает так, что автор (или группа авторов) начинает многократно воспроизводить какой-либо солеклизм уже не для нужд только данного текста, а во многих своих речевых творениях. В этом случае солеклизм обретает новое качество — становится окказионализмом.

¹ Античные теории языка и стиля. — СПб., 1996. — С. 203.

² Там же. — С. 95.

Окказионализм (лат. *occasionalis* ‘случайный’) — слово со значением, не соответствующим общепринятым употреблению и носящим индивидуальный характер, обусловленный специфическим контекстом. Солецизмы и окказионализмы не включаются в общий словарь языка. Однако, если какие-то окказионализмы становятся широко употребительными, воспроизводятся многими людьми, они превращаются в неологизмы.

Неологизм (греч. *νέος* ‘новый’ + *λόγος* ‘слово’) — слово или оборот речи, созданный для обозначения нового предмета или выражения нового понятия.

Например, из средств массовой информации хорошо известно слово *тусовка*. Раньше оно имело значение «компания людей, которые сошлись, чтобы познакомиться и обменяться новостями»¹ и использовалось в речевом обиходе у весьма ограниченного числа людей, т.е. это был окказионализм. Впоследствии, когда это слово попало в средства массовой информации и в новейшую малограмматную художественную литературу, оно перешло в другой разряд лексики, став неологизмом. Другой пример: слово *бундновка* означает военный головной убор в виде остроконечного шлема. В языке оно возникло явным образом как солецизм, затем стало окказиональным, далее сформировалось в неологизм — и вошло в словарь; в настоящее время оно употребляется сравнительно редко, но, войдя в словарь, уже стало частью лексики русского языка.

Развитая лексикография составляет словари неологизмов как материал для лингвистических наблюдений.

Неологизмы, в отличие от солецизмов и окказионализмов, широко употребляются в разных видах словесности; они образуются постоянно, но большая их часть в языке не сохраняется: надобность в них достаточно быстро отпадает и они забываются. А те немногие из неологизмов, которые остаются, становятся полноправными словами чистого языка.

Чистый язык — это язык общеупотребительных и общепонятных слов, выдержавших испытание временем.

Схема 13 содержит параметр «Время», который указывает на корреляцию двух расширяющихся областей: есть сужающийся сегмент — переход от окказионализмов к неологизмам, и есть расширяющийся сегмент — переход неологизмов к чистым словам — область пополнения словаря, где слова, как правило, надолго закрепляются в языке.

Постоянно образуется большое количество солецизмов — и постоянно накапливается и расширяется число чистых слов. Левая часть схемы демонстрирует интеллектуальную деятельность создателя отдельного высказывания; правая — накопление слов языка,

которые находятся в общем употреблении. Области солецизмов и чистых слов широкие, области окказионализмов и неологизмов узкие.

В точке О между окказионализмами и неологизмами происходит «критика слова»: здесь определяется, может ли данная лексическая единица стать чистым словом. В этом и состоит работа лексиколога и лексикографа — в отсеивании ненужных слов.

На каждом уровне языка количество составляющих единиц должно быть определенным образом учтено: в том числе и на лексическом уровне, где единиц очень много — их список должен быть хотя бы частично закрытым (в терминологическом словаре, в словаре общелитературного языка и т. п.). Счетное количество лексических единиц — это чистые слова, т.е. слова более или менее общепринятые, общеупотребительные.

Левая часть схемы показывает речь, правая — систему языка. В речи люди творят слова произвольно, но вот попасть слову в систему языка весьма трудно.

В современных и средствах массовой информации, и бытовой речи часто встречаются слова, не относящиеся к чистым; здесь много «нечистых» слов — окказионализмов и солецизмов.

Чистых, т.е. нужных и общепонятных для данного круга общения слов, не может быть мало, но не может быть и слишком много. В практике лексикографии сложились некоторые оптимальные объемы словарей: 4—6 тыс. слов; примерно 20 тыс. слов; 40—70 тыс. слов и, наконец, большие словари, содержащие до 200—250 тыс. слов. Различные словари имеют разное назначение: вводящие в язык или в некоторую сферу общения, обеспечивающие свободу общения; общего образования, академические и полные словари.

Количественные пропорции в объемах словарей предполагают вспомогательную работу: составление частотных словарей по текстам, в которых слова учитываются и располагаются по частоте встречаемости в текстах определенного вида. Лексикологическая работа по изучению частотности появления слов в текстах называется **лексикостатистикой**. Анализ использования слов в тексте предполагает также составление еще двух видов словарей: сло-

¹ Внутренняя форма слова, по-видимому, восходит к термину *тасовать* — перемешивать игральные карты в колоде.

Таблица 16

Лексические единицы	То же значение слова в разных применениях	Разные слова по форме или по значению	Разные значения при одинаковой форме	Объем (количество) лексики
Синонимы	+	+	-	две
Омонимы	-	+	+	две
Полисемия	+	-	+	одна

словоформы различны по значению и однородны по форме, то это две лексемы. Если словоформы однородны по значению и различны по форме, то это две лексемы. И наконец, если различия и в значениях, и в форме невелики, — то это одна лексема.

Синонимы (греч. συνώνυμος ‘одноименный’) — это слова с однородным (не одинаковым!) значением — близкие по значению, выражающие одно понятие, но различающиеся или смысловыми оттенками, или стилистической окраской: *очки* ~ *глаза*; *храбрый* ~ *смелый* ~ *отважный* и т. п. Синонимизация слов позволяет выстраивать словарь не по алфавиту, а по сходным значениям.

Лексикография создает специальные словари синонимов, где к заглавному (стилистически нейтральному) слову подбираются соответствующие синонимы.

Наряду с синонимами в языке существуют **антонимы** (греч. ἀντί... ‘противо-’ + ὄνομα ‘имя’) — слова, относящиеся к одной смысловой группе, но имеющие противоположное значение: *веселый* ~ *грустный*. Своевобразие антонимов в том, что они одновременно отчасти и синонимы — у них всегда наличествует некоторый общий признак: *веселый* ~ *грустный* = ‘настроение’.

Развитые синонимические словари составляются как **тезаурусы** (греч. θεσαύρος ‘сокровище’)¹. В тезаурусах лексика разделяется по смысловым рубрикам, включающим синонимы и антонимы. Существуют тезаурусы общего литературного языка и отраслевые тезаурусы, описывающие частные области техники или хозяйства. Такие тезаурусы служат для информационного поиска и правильного использования терминологии при составлении документов.

Сюда же можно подверстать также и **паронимы** (греч. παρά ‘взле, вне’ + ὄνομα ‘имя’) — слова, похожие по звучанию и близкие по значению: *предать* ~ *продать*, *база* ~ *базис* и т. п.

¹ Систематизированный набор данных о какой-либо области знаний, представленный в виде ключевых слов, соотнесенных между собой по каким-либо семантическим параметрам, позволяющий человеку в ней ориентироваться.

варей-глоссариев (греч. γλῶσσα ‘язык’), когда непонятные или трудные для понимания слова даются и объясняются в последовательности появления их в тексте, и слова **арей-конкордансов** (лат. *concordatum* ‘соглашение’), когда слово толкуется в контексте его употребления. Решение о включении или не включении какого-либо слова в словарь принимается с учетом, помимо частотности употребления, еще и эстетического критерия, а также необходимости выражения новой реалии (реалия в нашем понимании — это понятийное или предметное значение слова).

«Просеивая» слова через «отверстие» ◉, филолог обязательно должен представлять себе, каков образ языка по составу его слов и как этот образ можно ориентировать. Для этого он должен иметь ответы на следующие вопросы.

1. Зачем нужно такое слово?

2. Красиво или некрасиво оно будет звучать?

3. Как станет развиваться язык, если ввести в него это слово?

В американской лексикографической традиции принято вводить неологизм в состав словаря, если он встречается хотя бы по одному разу в трех видах словесности. Британские лексикографы обязательно учитывают еще и стилистическую элегантность слова. Русская филология широко принимает большое разнообразие слов, но требует эстетического совершенства.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СЛОВ

Ввести слова в лексическую систему — значит установить, что конкретный минимальный звуковой и смысловой комплекс (словоформа), представленный в данной речи, может быть отождествлен с уже встречавшимся подобным комплексом и что они оба могут составить одно воспроизведяющееся в речи слово: лексему. Различные словоформы, представленные в разных видах речи, надо распределить по лексемам и таким образом представить язык как сумму слов — лексем, а разнообразные появления лексем в разных речах считать их вариантами — словоформами.

Сформировавшийся массив слов необходимо упорядочить. Первый этап упорядочивания — установление синонимов, омонимов и полисемии.

Для решения этой задачи создаются логико-смысловая и грамматическая классификация лексем. Взаимодействие лексических единиц языка согласно первой из них, показано в таблице 16.

Эта классификация позволяет сводить разные словоформы в единую лексему и отделять одну лексему от другой. Принципом разделения и отождествления является относительное тождество звучания и значения. Если звучание и значение вместе воспроизводятся в разных применениях, то это две или одна лексемы. Если

Омонимы (греч. ὁμός ‘одинаковый’ + ὄνομα ‘имя’) — это слова, близкие по звучанию, но с разными значениями, не связанными друг с другом (скажем, как основное и производное). У омонимов также нет единых внутренних структурных признаков называния предмета или явления, для них характерна семантическая неединимость, несопоставимость основных предметных значений: *клуб* (анг. *club*) = ‘общественная организация, объединяющая группы людей в целях общения’ ~ *клуб* = ‘шарообразная масса’ (*клуб дыма*); *град* = ‘город’ (*Калининград*) ~ *град* = ‘атмосферное явление’ и т. п. Омонимы могут сделать текст непонятным. В словарном описании они оформляются в разных статьях.

Словари омонимов служат для уяснения значений слов при восприятии и составлении текстов.

Полисемия (греч. πολὺς ‘многий’ + σῆμα ‘знак’) — многозначность слова, наличие у слова нескольких значений: синхронная или последовательная совместимость разных значений в смысловой структуре одного и того же слова. Абсолютное большинство слов (если это не собственно имена) многозначно. Например, в содержании слова *голова* представлено некоторое семантическое единство, т. е. значение ‘верх, главная (верховная) часть’ — и этот смысл будет присущ слову *голова* в любом его применении, хотя его отдельные значения могут иметь каждое свой синоним: 1) *голова* = ‘начальник’ (*городской голова*), 2) *голова* = ‘что-то самое важное, главное’ (*хлеб всему голова*).

МАЛЕНЬКИЙ, -ая, -ое; меньше. 1. Небольшой по размерам, по количеству. *М. домик*. *М. рост*. *М. отряд*. 2. Незначительный, ничтожный. *Маленькая неприятность*. 3. То же, что малолетний. *Маленькие дети*. Защищать маленьких. (сущ.) **ПО МАЛЕНЬКОЙ ИГРАТЬ** — делать небольшую ставку в игре. **ПО МАЛЕНЬКОЙ** (выпить) (разг.) — немногого. **МОЕ (ТВОЕ и т. д.) ДЕЛО МАЛЕНЬКОЕ** (разг.) — Это меня не касается, я не ответствен за это (Ожегов С. И. Толковый словарь).

Разные значения одного слова в толковых словарях обобщаются и разделяются. Существуют разные способы толкования (филиация) значений одного слова: на основании логических свойств значения строится традиция американского словаря Webster; В. И. Даль старался представить в «Толковом словаре живого великорусского языка» главным образом образную компоненту значения слова.

Логическая классификация слов показывает, как составляется словарь на основании смысловой, звуковой и графической организации слов. Благодаря логической классификации слова, взятые из речи, отделяются одно от другого и объединяются в самостоятельные лексические единицы. Так составляется перечень, список лексических единиц или словник словаря. Далее словарь может быть организован по системе значений, где слова органи-

зованы в синонимические ряды — это одна из древнейших форм организации словарей называемая тезаурус. Другой формой организации является расположение по алфавиту. Автор алфавитного словаря как бы имеет перед собой смысловую картину языка (тезаурус), но не всегда ее последовательно воплощает.

Но логико-смысловая самостоятельность слов еще недостаточна для окончательного установления их смысловой ‘одинаковой’ отдельности. Так, например, омонимы в графической форме, называемые *омографами* (греч. ὁμός ‘одинаковый’ + γράφω ‘пишу’), могут относиться к разным грамматическим категориям (частям речи). Например, *печь* ‘нагревать пищу жаром’ ~ *печь* ‘устройство для обработки чего-либо нагреванием’ — слова, относящиеся к разным грамматическим категориям (ср.: *пеку*, *печешь*, *печет* ~ *печи*, *печью*).

Лексические единицы, относящиеся к разным частям речи, — это разные слова. Поэтому логико-смысловая отдельность дополняется грамматической отдельностью. В этом случае за основу берется другая классификация — грамматическая, которая отражена в таблице 17.

Аналитические формы (букв. ‘разделенные формы’) — сочетание форм служебного и знаменательного слов, в своем единстве выражающие одно грамматическое значение. В русском языке эти формы служат, в частности, для передачи степеней сравнения у некоторых прилагательных (*более сильный*, *самый сильный*), сослагательного наклонения (*был бы*) и будущего времени глаголов несовершенного вида (*буду читать*). Выявлена закономерность, согласно которой черты аналитизма развиваются в языке по мере того, как сокращается длина слова и увеличивается число гласных звуков: чем глубже заходит этот процесс, тем больше возникает аналитических форм; если в языке идет обратный процесс, тогда его строй развивается в направлении к синтезизму — число аналитических форм сокращается и грамматические значения передаются формами одного слова.

Супплетивные слова (фр. *suppletif* ‘добавочный’) — это формы одного слова, образованные от разных корней: *я* ~ *меня*, *хороший* ~ *лучше*, *человек* ~ *люди* и т. п.

Унитарные слова выделяются на письме как отдельные и обладают некоторой отмеченностью этой отдельности: возможностью

Таблица 17

Лексические единицы	Цельноформленность	Тождество основы	Различие словоизменения
Аналитические формы	—	+	+
Супплетивные слова	+	—	+
Унитарные слова	+	+	—

паузы после них; наличием суффикса, расподобляющего его с другими словами; расположенностю на нем ударения и т. д. В случае со сложными словами порой бывает трудно определить, являются ли они унитарными. Так, в немецком языке существуют и постоянно образуются сложные слова: *Muttersprache* 'родной язык', *Krankenhaus* 'больница', *Jugendliebe* разг. 'первая любовь' и т. п. Слово *Marmortonitentumtachen* 'изготовление мраморных монументов', иронически изобретенное Марком Твеном в качестве унитарного, пародирует эту черту немецкого языка.

Так различаются слова в грамматике, и это различие является основанием для отделения одного слова от другого в алфавитном словаре: его следует формировать экономно, с как можно меньшим числом словарных единиц.

ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

После того как по логико-смысловым и грамматическим признакам составлен словарник, производится классификация лексем по источникам вхождения в словарный состав языка и по стилевым качествам.

Схема 14

Процедура идентификации лексем и их классификация по источникам и смысловым качествам в условном виде представлена на схеме 14.

Филолог-лексикограф, отбирая окказионализмы и переводя их в неологизмы, ориентируется на данную классификацию так, чтобы в словаре были представлены все виды слов в определенных пропорциях.

ПОПОЛНЕНИЕ СЛОВАРЯ ИЗВНЕ — ЗАИМСТВОВАНИЯ

Рассмотрим классы слов по отдельности. Таблица 18 иллюстрирует процесс пополнения словарного состава языка извне.

Диалектизмы — слова, взятые из диалектов, за счет которых происходит пополнение словаря литературного языка. Например, использованный Н. С. Лесковым орловский диалектизм *лячить* означает 'тянуть, натягивать' (скажем, кожу на барабан); смоленский диалектизм *млотно* означает 'жарко'; в северо-западных диалектах русского языка слово 'мост' значит 'пол' (*подпаши мост подмети пол* и т. д.).

Заимствования поступают в лексику из иноязычных источников. Например, анг. *blazer* — *блейзер*, 'клубный пиджак спортивного покроя'; фр. *dossier* — *досье* 'личное дело'; итал. *scherzo* — скерцо 'музыкальная пьеса в живом, стремительном темпе'; нем. *Ersatz* — *эрзац* 'неполноценный заменитель' и т. д.

Профессионализмы — используемые в повседневном общении слова, взятые из речевого узуса специалистов, занятых в узких областях профессиональной деятельности: *норма* (Я в норме 'Со мной все в порядке').

Для слов этих категорий существуют следующие классификационные признаки:

- специализированность применения — для правильного понимания значения данного слова в литературном языке требуется специальный контекст;

Таблица 18

Лексические единицы	Специализированность применения	Возможность устного источника	Возможность обозначения новых реалий
Диалектизмы	+	+	-
Заимствования	-	+	+
Профессионализмы	+	-	+

• наличие устного источника — профессионы попадают в литературный язык, как правило, из письменных текстов, из документов;

• возможность обозначения новых реалий — заимствования и профессионы могут обозначать новые реалии, т.е. новые понятия и предметы, которые раньше не имели наименования, выраженного словом и в силу этого заимствования и профессионы нередко включаются в словарь литературного языка.

Диалектизмы, попадая в литературный язык, обычно не обозначают новых реалий, а представляют собой стилистически окрашенные синонимы. И при словарном отборе обычно отсеиваются.

Для фиксации этих пластов лексики составляются словари диалектов, интернационализмов и заимствований, отраслевые словари.

ПОПОЛНЕНИЕ СЛОВАРЯ ИЗНУТРИ — РЕСУРСЫ ЯЗЫКА

Взаимодействие лексических единиц в этом процессе показывает таблица 19.

Неологизмы — слова-окказионализмы, вошедшие в относительное широкое употребление.

Историзмы — слова, которые обозначают бытовавшие в прошлом и утраченные в настоящем реалии; для того чтобы понять значение этих слов, требуется специальные комментарии. Например, *сговорная запись* — в русском языке XVII в. так назывался брачный контракт, где оговаривалось, что из имущества числится за женихом, что за невестой; *мушкет* — вид старинного огнестрельного кремневого оружия и т.д.

Архаизмы (греч. ἀρχαῖος ‘древний, старинный’) — устаревшие слова, которые, однако, обозначают реалии, существующие и в настоящее время, но обозначаемые другим словом: *сей* = *этот*, *городничий* = *мэр*, *управа* = *муниципальное учреждение* и т.п.

Таблица 19

Лексические единицы	Вновь образованы по форме или по смыслу	Незнакомые слова	Слова, известные в прошлом
Неологизмы	+	+	-
Историзмы	-	+	+
Архаизмы	+	-	+

Слова этих категорий различаются следующими признаками:

- в своей звуковой и графической форме создаются либо заново, либо путем развития имеющихся значений: *стол* ‘предмет мебели’ — *стол* ‘питание, пища’ (*диетический стол*);

- воспринимаются в речи как незнакомые;
- возникшие в прошлом состоянии языка, они либо переосмыкаются в современном, либо требуют специальных комментариев.

Для понимания древних текстов и толкования историзмов и архаизмов составляются исторические словари.

ВЫСОКИЙ И НИЗКИЙ СТИЛЬ

Соотношение этих стилей в литературном языке и требования к нему в связи с их употреблением демонстрирует таблица 20.

Табу — слова, запрещенные к употреблению в силу тех или иных причин: как могущие вызвать несчастье или как неприличные. Скажем, в описанном у Н. В. Гоголя в «Мертвых душах» разговоре двух дам нельзя было произносить слово *высморкался*, так как оно считалось непристойным, табуированным, — полагалось говорить: *обошелся с помощью носового платка*. Обычно табуируются названия болезней, имена некоторых (злых) божеств и животных, непристойности, обозначения смерти и тому подобное.

В специальных целях составляются словари табуированной лексики: скажем, словари языка воров, которые используются криминалистами.

Эвфемизмы (греч. εὐφημίσμος < εὖ ‘хорошо’ + φημί ‘говорю’) — это заменители табуированных слов, разрешенные к употреблению: более мягкое слово или выражение вместо грубого или непристойного. В нашем случае *обошелся с помощью носового платка* будет таким эвфемизмом. Или: *не выдумывай вместо не ври*.

Аргоизмы (фр. *argotisme*) — слова, используемые в речи определенных социально замкнутых групп: школьное или студенческое арго и т. п. Сфера их употребления невелика: определенный

Таблица 20

Лексические единицы	Запрет на применение	Отнесение к высокому или низкому стилю	Применение в узкой социальной среде
Табу	+	+	-
Эвфемизмы	-	+	+
Аргоизмы	+	-	+

Таблица 21

Лексические единицы	Возможная раздельность лексической единицы, форма словосочетания	Единство смысла лексической единицы	Специализированность применения
Фразеологизмы	+	-	+
Идиомы	+	+	-
Терминоиды и термины	-	+	+

узкий круг людей обычно ограничивается своим собственным устным общением. Следует иметь в виду, что это не объединение людей по профессиональному признаку: это, скажем, могут быть приятели, обладающие собственными дружескими секретами; они используют арготизмы, чтобы выделить из общей массы людей своего круга. Арготизмы нередко употребляются также в семье, и вообще в неформальном общении, т. е. в некоторых сообществах, члены которых хотят отличить себя от других людей. Например, слово *языкоз* (вместо *языкознание*) является любимым арготизмом студентов-филологов, учащихся на 1 курсе. Арготизмы, как правило, принадлежат низкому стилю.

Для изучения устной речевой практики составляются словари жаргонизмов; здесь в той или иной степени отражается и арготическая лексика.

Внутреннее разграничение между низким и высоким стилями всегда присутствует в литературном речевом общении. Так, например, говоря с молодой девушкой учивый мужчина (молодой человек) обязательно будет учитывать это и избегать табу и арготизмов, предпочитая говорить чистыми словами и эвфемизмами. Кроме того эвфемизмы и арготизмы вообще можно использовать далеко не во всяком обществе: их употребление обусловлено социальной средой; а вот табу применяются значительно шире, почти без ограничений.

Слова этих категорий характеризуются следующими признаками:

- широтой и, напротив, узостью применения;
- степенью их соотношения в литературном речевом общении;
- запретом применения либо вообще, либо в определенной аудитории.

СТИЛЕВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ТЕКСТАХ

Характер использования лексических единиц в соответствии с их стилистическими различиями иллюстрирует таблица 21.

Фразеологизмы (греч. φράσις 'выражение, оборот речи' + λογισμός 'рассуждение, размышление') — устойчивые сочетания слов, значения которых в целом отличаются от простой суммы значений их частей: в составе фразеологизма эти части объединяются в новом категориальном синтезе и используются в речи целиком как готовый материал. При этом в тесной фразеологической группе сохраняются некоторые признаки семантической раздельности компонентов, как бы «намеки» на мотивировку общего значения, а само значение целого так или иначе связывается с ощущением внутреннего образного стержня фразы: *держать камень за пазухой, плясать под чужую дудку, мелко плавать, класть зубы на полку, стреляный воробей* и т. п. Сюда же относятся и так называе-

мые крылатые выражения (*яблоко раздора, синий чулок, alma mater*), а также пословицы и поговорки. Фразеологизм всегда принадлежит какому-то специальному тексту с характерным для него своеобразным значением: по использованным фразеологизмам часто можно опознать, что это за текст.

Развитая лексикография обязательно имеет в своем составе фразеологические словари.

Идиомы (греч. ἴδιον 'своеобразное выражение') — неразложимые словосочетания, свойственные только данному языку, значения которых не совпадают со значением составляющих их слов, взятых в отдельности. Значение идиом не зависит от их лексического состава, от значений их компонентов — оно условно и произвольно: *ни в зуб ногой, денег куры не клюют, показать, где раки зимуют, остаться с носом*,

Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.

(Н. А. Некрасов)

Компоненты, которые входят в состав идиом (причем их сочетания достаточно стандартны), в целом образуют новое значение, синонимичное одному слову. Следовательно, каждая идиома — отдельная словарная единица.

Терминоиды и термины — особая разновидность терминологической лексики: слова, «похожие» на термины. Конкретный человек может создать, например, свой неофициальный технический термин из материала стандартизованных терминов. Поэтому в технических документах встречаются собственно стандартизованные термины (базовые), а также терминоиды — рабочие нестандартизированные (небазовые) термины.

Например, слово *некий* в словаре имеет значение 'какой-то (о ком-нибудь, точно не известном); один из нескольких или многих'. А в языке научных текстов это слово имеет значение 'любой'

и в таком значении становится термионидом. У слова *структура*, например, в разных сочетаниях меняется значение: *структура молекулы* — *структура общества* — это тоже термионид. Приведем еще один пример — *элемент* (лат. *elementum* 'стихия, первоначальное вещество'): в древнеримской философии этим термином обозначалась каждая из четырех основных частей природы — огонь, воздух, вода и земля. В сочетании с некоторыми прилагательными (*социальный элемент*, *химический элемент* и т. п.) данное слово получает значение 'какая-то составная часть, специально рассмотренная' и становится термионидом.

Состав термионидов постоянно пополняется за счет того, что у некоторых слов возникает такое обобщение значения, при котором его конкретное значение как бы утрачивается. Это значит, что для того чтобы слово стало термионидом, оно должно выйти из конкретного научного применения. И тогда такое слово, употребляемое, например, в СМИ, может в принципе получить любое значение. Если значение какого-либо термина детерминируется контекстом или определением, то также возникает термионид: его значение становится настолько общим, что его невозможно понять вне контекста. Скажем, все глаголы со значением ручного действия (*брать* и т. п.) в языке науки обозначают совсем не то, что в обычном языке. *Возьмем в качестве примера...* — эта фраза иллюстрирует то, как в языке науки значение слова от ручного действия расширяется до действия интеллектуального. Назвать это термином нельзя, так как слова подобного рода не проходят социального утверждения: термиониды не относятся ни к какой специальной области, это своего рода «терминопохожие» слова.

Словари терминов разделяются на словари терминов науки (научных терминов), словари терминов техники (по отраслям) и словари номенклатурных названий, которые обычно используются в торговле. Все они организуются по системам поиска как алфавитные словари и как тезаурусы и активно используются в информационной деятельности.

Словари термионидов не составляются. Общенаучная лексика как часть термионидов должна описываться в толковых словарях.

Фразеологизмы, идиомы, термины и термиониды различаются следующими признаками:

- возможностью разделенности лексической единицы (возможность быть представленной в виде словосочетания) — она есть у фразеологизмов и идиом, термины и термиониды — это всегда отдельное слово;

- единством смысла — эта характеристика присуща идиомам и термионидам, но не фразеологизмам, так как всякий фразеологизм включает в себя раздельно выраженные понятия — одно понятие выражается несколькими другими, соединенными между собой;

- специализированностью применения — фразеологизмы и термиониды используются в специальных текстах и, в отличие от идиом, определенным образом характеризуют этот текст.

ОБЩАЯ КАРТИНА ЛЕКСИКИ

Совокупность словарей (словарное хозяйство) дает полную и систематизированную картину лексики языка. Степень развитости системы слов-имен определяется, с одной стороны, развитием и обилием текстов и их классов и, с другой — полнотой и глубиной словарных описаний.

Уровень развития текстов и их классов демонстрирует литературную культуру и одновременно сообщает сведения о прочих областях культуры. Совершенство и дифференцированность словарного хозяйства определяют культурность и окультуренность языковой системы.

Всю совокупность словарей можно разделить на пять групп в соответствии с задачами словарного описания.

I. Задача словарей первой группы — анализ лексики текстов для сведение ее в систему. Сюда относятся такие словари.

1. Глоссарии.
2. Конкордансы.
3. Частотные словари.
4. Словари неологизмов.

Помимо общей задачи — изучения и подготовки лексики текстов для введения этой лексики в систему, указанные словари служат также для правильного прочтения, понимания и критики текстов, и используются иногда для анализа языковой личности. Это *аналитические словари*.

II. Во второй группе представлены следующие словари.

1. Словари синонимов.
2. Словари омонимов.
3. Обратные (грамматические) словари.
4. Орфографические словари.
5. Орфоэпические словари.
6. Словари фразеологизмов (в том числе словари пословиц, идиом, крылатых слов).

Задачей словарей этой группы является распространение языковой нормы, коррекция текстов, направленная на достижение и сохранение чистоты языка. Это *корректирующие словари*.

III. Третью группу составляют такие словари.

1. Словари диалектизмов.
2. Отраслевые словари (словари терминов).
3. Словари криминалистические.
4. Словари жаргонов.

Их назначение — фиксация нелитературной лексики, а также лексики деловой, научной и технической прозы. Сюда же относятся словари имен и фамилий, географических названий (которые также могут быть отнесены к отраслевым словарям), справочники. Эта группа словарей служит источником грамотного дополнения лексики литературно-художественного языка. Это — *дополняющие словари*.

IV. В четвертую группу входят следующие словари.

1. Исторические словари.
2. Словари иностранных слов и переводные словари.
3. Энциклопедические словари.

Они предназначены для раскрытия связей данной языковой системы с ее историей, с системами других языков и со всеми видами неязыковой культуры, которые представлены расширенным профессиональным толкованием слов. Эта группа словарей становится основой для углубления описания языковой системы с привлечением дополнительных материалов из истории языка, из других языковых систем и из содержательной стороны текстов. Это — *развивающие словари*: они содействуют развитию языковой системы и отдельно взятой языковой личности.

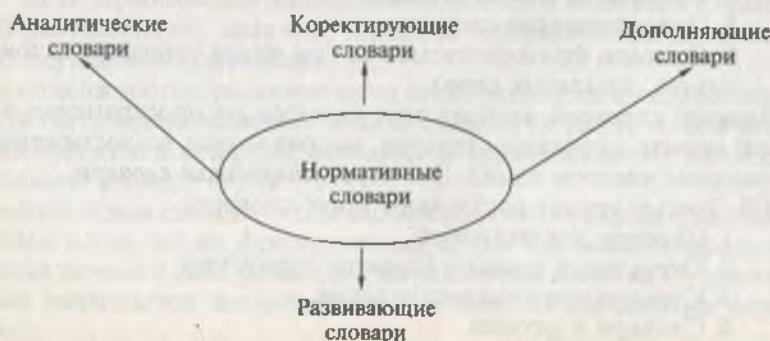
V. И наконец, пятая группа.

1. Толковые и толково-энциклопедические словари.
2. Тезаурусы отраслевые и неотраслевые.
3. Учебные словари.

Эти словари составляют центральное звено словарного хозяйства. Их задача — установить норму знания, норму применения и объем лексики языка. Это — *нормативные словари*.

Схематично словарное хозяйство можно представить в виде некоторого центра (нормативные словари), от которого исходят векторы, соответствующие аналитическим, корректирующим, дополняющим и развивающим словарям (см. схему 15).

Схема 15

Все словари связаны между собой, что проявляется не только в составе словарников, но и в характере объяснения каждого слова. Слово может быть истолковано следующим образом.

1. Простым его предъявлением (как в орфографическом или орфоэпическом словаре).
2. Местом в словнике (алфавитным или группой синонимов в рубрикаторе тезауруса).
3. Составом словообразовательных форм и их соотнесенностью с той или иной грамматической категорией.
4. Источником текстовым (из какого текста оно взято).
5. Источником языковым (из какого языка, исторического источника, диалекта, жаргона или отраслевого словаря взято данное слово).
6. Примером употребления.
7. Синонимом или рядом синонимов.
8. Определением родовидовым.
9. Определением функциональным.
10. Рисунком, схемой и другим видом изображения.
11. Описанием содержания слова в связи с применением названного им объекта (энциклопедическое определение).
12. Указанием на другой словарь, из которого взято слово и его описание.
13. Межязыковым синонимом или синонимами (иначе: переводом на другой язык).
14. Стилевой пометой, т. е. рекомендацией к употреблению.
15. Отнесенностью к норме, т. е. нормативностью или ненормативностью.
16. Научной этимологией.

В зависимости от вида словаря и решаемых им задач избирается комплекс словарных признаков, представляющий собой принятый и необходимый в данном словаре перечень характеристик слова. Комплекс этих признаков и порядок их подачи называется *формулой* словарной статьи. Все словари в словарном хозяйстве через отдельные типы толкования связаны между собой формулами. Словарь — особое словесное произведение, при чем каждый из них отличается своим стилем, своей философией и идеологией.

ЛЕКЦИЯ 8

ЧАСТИ РЕЧИ

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Частиами речи в языкоznании принято называть классы слов и представляющие их слова, которые входят в состав различных высказываний и разных предложений. Каждая часть речи обладает формой и значением. Форма частей речи выступает при их использовании в синтаксических конструкциях.

В разных языках форма слова может быть представлена его делимостью на части (скажем, основа и синтаксически обусловленное окончание, как в русском языке), грамматической сочетаемостью одного слова с другим (сочетаемостью, имеющей определенное грамматическое значение, как в китайском языке), сочетаемостью со служебными словами (во многих языках существуют артикли, показывающие грамматический род, определенность, выделенность или единичность существительного; сочетание артикла и существительного тоже является признаком слова как части речи). Слово как часть речи может характеризовать те или иные типы фразеологических сочетаний (например, сочетаемость существительных со счетными служебными словами и счетными существительными, как во вьетнамском языке).

Итак, в зависимости от того, как слово используется в синтаксической конструкции, определяется его отнесенность к конкретному классу частей речи. Именно поэтому утверждается, что формы и формальные признаки частей речи — это типы их синтаксического использования.

Для правильной интерпретации синтаксических конструкций как характеристик частей речи необходимо ограничить состав этих конструкций: в языке возможны не любые сочетания слов, а только те, где сочетаемость обусловлена определенными синтаксическими закономерностями. Следовательно, в текстах могут быть выделены грамматически правильные и неправильные сочетания слов.

В силу этого изучение частей речи начинается с выяснения того, какие сочетания слов являются правильными, а какие неправильными, т. е. с определения грамматической правильности.

Скажем, в русском языке модальный глагол *хотеть* как компонент составного сказуемого вторым компонентом требует инфинитив глагола неопределенного наклонения: *хочу читать*; нельзя

сказать: *хочу читал* и т. п. Грамматическая правильность обуславливает конструкции, в которых могут использоваться те или иные части речи.

В общем языкоznании существует универсальное понятие грамматической правильности, которое может быть приложено к любому языку — общелингвистическая лингвосемиотическая правильность, указывающая, какие вообще могут быть конструкции и как они описываются. И есть правильность, характеризующая каждый конкретный язык, — разумеется, не вступая в противоречие с общими правилами. В свою очередь, общая правильность не противоречит конкретной, но дифференцирует и уточняет ее.

ЧАСТИ РЕЧИ В АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ

Понятие части речи применяется к одному и тому же объекту, но в двух разных значениях. Истоки учения о частях речи восходят к античности, к Александрийской грамматике¹, где дан их перечень применительно к греческому языку: *имя* (ονομα), *глагол* (ρήμα), *причастие* (μετοχή), *член* (αρθρον), *местоимение* (άντωνυμία), *предлог* (πρόδειξις), *наречие* (ἐπίρρημα), *союз* (σύνδεσμος).

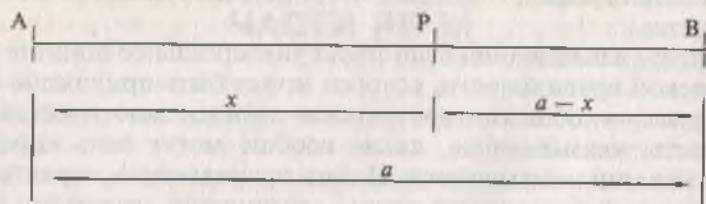
Особенностью данного перечня является то, что современная лингвистическая практика использует эти же термины, но в несколько ином значении. Например, сейчас считается, что, скажем, прилагательное — отдельная часть речи, тогда как Александрийская грамматика объединяла прилагательные с существительными и числительными, а также с собственными именами ставила их в ряд имен: имена собственные, имена нарицательные, имена прилагательные, имена числительные. Такая перегруппировка объясняется тем, что античная теория частей речи и теория частей речи грамматики нового времени, скажем, «Грамматики Пор-Рояль», основаны на разных моделях — номинативной и синтаксической².

В античности еще не существовало универсальных стандартов измерения и эталонов, поэтому каждый объект гармонично делился с учетом его внутренней соразмерности на основании так называемого *принципа золотого сечения* и отвечающих ему пропорций: всякая мера была соразмерностью внутри предмета. На

¹ Сочинения грамматиков, работавших в городе Александрия во времена эллинизма (период в истории стран Восточного Средиземноморья между 323 и 30 гг. до н.э.).

² В «Грамматике Пор-Рояль» впервые был последовательно применен принцип языковой коммуникации с целью логически точного выражения мыслей (см. лекцию 9).

Схема 16

основании этого принципа выстраивалось любое абстрактное знание.

Уже в древности важнейшей проблемой в искусстве и эстетике было такое деление отрезка AB точкой P , чтобы больший отрезок AP относился к меньшему PB , как весь отрезок AB относится к большему AP . При введении неизвестного $x = AP$ и при обозначении всей длины отрезка AB равной a задача сводится к решению следующего уравнения:

$$a : x = x : (a - x), \text{ т.е. } x^2 + ax - a^2 = 0.$$

Схема 16 наглядно отображает поставленную задачу.

Для греческих математиков пифагорейской школы это уравнение было особенно важным в связи с построением чертежей, имеющих мировоззренческое значение. Сам же термин «золотое сечение» возник в эпоху Ренессанса (XIII—XVI вв.).

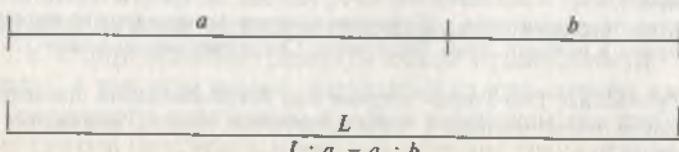
Допустим, необходимо построить дом. Для того чтобы соотнести его длину и ширину, надо протянуть веревку по самой длинной его стороне, а затем на основании принципа «золотого сечения» определить его ширину: общий отрезок — вся длина веревки — так должен относиться к этой величине, как большая часть длины относится к меньшей части (см. схему 17).

Если требуется, чтобы дом был соразмерным, то его ширина должна соответствовать либо a , либо b .

Тело человека обладает такой же соразмерностью: отношения верха и низа, длины руки и длины ноги, размер глаз по отношению к размеру лица, деление лица сверху вниз, — все это укладывается в отношение «золотого сечения» и его пропорций.

Принцип «золотого сечения» был использован древними и при разделении частей речи: «Все имена так относятся к глаголу, как

Схема 17

глагол к наречию» (L — все имена, a — глагол, b — наречие). Подсчет частоты появления в прозаическом (скажем, ученом) тексте тех или иных частей речи показал, что их соотношение примерно укладывается в эти пропорции.

Это значит, что греческие и латинские грамматисты понимали язык как *внутреннюю меру*, как соразмерность появления слов в тексте. Согласно такому пониманию в языке воплощался высший разум (боги или Бог), регулирующий и обустраивающий все отношения в мире. Язык (= слово) был наполнен этими божественными отношениями внутренней соразмерности. Отсюда и отношение к языку было не как к техническому средству коммуникации (что свойственно современности в ряде случаев сегодня), но как к посреднику при общении с богами (у язычников) или с Богом (у христиан).

Такое отношение и определяло понимание отдельного слова как части речи. Были установлены формальные признаки, характеризующие части речи: склонение, спряжение и т. д. в их конкретных формах (отдельно склонение существительных, отдельно склонение прилагательных, отдельно — числительных и т. д.). Например, слова, обозначающие предмет или вещь и обладающие склонением, назывались существительными.

Части речи понимались как сумма значений слов и как их индуктивное обобщение. Это значит, что велся поиск общих признаков, скажем, у всех существительных, у всех глаголов и т. п. — и затем по неполной индукции (т. е. с учетом не всех подряд, а только представительных признаков) давалось определение части речи. Например, существительные суть слова, которые обозначают предмет или явление и обладают склонением: называется общее семантическое свойство и формальный признак конкретной части речи. Если определен формальный признак, ему приписывается общее семантическое свойство. Скажем, для какого-то слова характерны категории лица, времени, наклонения — значит это глагол; коль скоро данное слово есть глагол, то, следовательно, оно обозначает действие или состояние. Так по греческому образцу вплоть до XVII в. строилась школьная грамматика в Европе.

ЧАСТИ РЕЧИ В «ГРАММАТИКЕ ПОР-РОЯЛЬ»

В XVII в. «Грамматика Пор-Рояль» представила теорию словосочетаний, что изменило представления о том, как надо определять части речи — и не просто определять, а как приписывать им некоторые новые значения: теперь значения частей речи присваивались им исходя из структуры словосочетаний. Части речи стали определяться по их способности входить в те или иные словосоче-

Таблица 22

Части речи	Подлежащее	Сказуемое	Дополнение	Определение	Обстоятельство
V	-	+	-	-	-
Adv	-	-	-	-	+
Nm	+	-	+	-	-
At	-	-	-	+	-

тания или быть членом того или иного словосочетания. Это значит, что части речи стали получать значение не по тому, что они именуют, а по тому, в какой синтаксической и смысловой функции выступают.

Любая часть речи вместе с другой частью речи могут составить член предложения. Например, определение вместе с существительным → подлежащее, наречие вместе с глаголом → сказуемое, существительное вместе с глаголом → дополнение и т.д.

Таблица 22 представляет основные синтаксические функции частей речи: глагол (V) нормативно встречается в функции сказуемого; наречие (Adv) — в функции обстоятельства; существительное (Nm) — в функции подлежащего и дополнения; прилагательное (At) — в функции определения.

Кроме основных, существуют также и дополнительные функции. Скажем, глагол в личной форме может выполнять только функцию сказуемого; чтобы «посыгнуть» на другие функции, он должен обрести неличную форму. Например, для функции атрибута (определения) ему необходимо стать причастием; для функции подлежащего или дополнения — инфинитивом или герундием; для функции обстоятельства он должен стать деепричастием.

Сохраняя значение действия, глагол, выполняя, скажем, функцию атрибута, получает дополнительное значение признака; в позиции подлежащего, он наряду с действием обозначает еще и предметность; в позиции обстоятельства обозначает и действие, и признак действия, т.е. становится деепричастием. Таким образом, глагол имеет основное значение — действия или состояния и сопутствующие — признака (причастие), предметности (герундий), признака действия (деепричастие).

Именительный падеж существительного — это падеж и подлежащего и сказуемого, т.е. охватывает главные члены предложения; его родительный падеж распространяется на определение и дополнение; а винительный — чаще всего на дополнение.

В русском языке это представлено не так ясно, так как падежные аффиксы попадают в разные синтаксические позиции. Но в целом по многим языкам падежная аффиксация соотнесена с синтаксическими позициями: скажем, падежным вариантам сущес-

твительного или прилагательного обязательно свойственна определенная синтаксическая позиция.

Таким образом, структура частей речи характеризуется формой, представляющей собой определенную группу слов; употреблением этой группы слов в определенных синтаксических позициях; грамматическим значением — основным и сопутствующим, в зависимости от характера употребления.

Главная сложность при обобщенном описании частей речи заключается в том, что в каждом языке для них существуют свои особенные формальные признаки — морфологические, лексические и синтаксические особенности, специфические для каждого языка.

ФОРМАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

В некоторых языках прямые синтаксические значения и соответствующие им синтаксические формальные признаки даются главным образом через порядок слов — в этом случае количество грамматических правил оказывается строго и определенно ограниченным. Так, в китайском языке имеется всего пять синтаксических правил порядка слов, и они не знают исключений. В силу этого синтаксические формальные признаки частей речи китайского языка ограничиваются сочетаемостью с некоторыми разрядами служебных слов. Напротив, в русском языке очень много синтаксических правил, которые регулируют образование грамматических форм словосочетаний: определительных, дополнительных, обстоятельственных и даже предикативных.

Простота синтаксических правил китайского языка позволяет наметить малое количество признаков в морфологии частей речи. Синтаксическая сложность русского языка обусловливает наличие большого количества словоизменительных аффиксов: так, у существительных насчитывается более двухсот различных аффиксов, каждый из которых представляет собой самостоятельный морфологический формальный признак. Аналогичным образом обстоит дело и с глаголом: скажем, существует много способов формирования категории вида; весьма прихотливо использование возвратных форм и т.д.

Сам процесс образования падежной аффиксации и синтаксического использования слов в русском языке осложняется словообразованием и формами перехода из одной части речи в другую. Например, весьма подвижна граница между прилагательным и причастием; практически почти все косвенные падежные формы имен существительных могут стать наречиями.

В этих случаях речь идет уже о формальных лексических признаках частей речи. Лексические формальные признаки касаются

состава частей речи. Так, в русском языке относительные прилагательные составляют очень большой, практически неограниченный класс; а в китайском — это буквально несколько слов: относительные значения в основном задаются атрибутивным использованием имен существительных. Зато в китайском языке усиление степени качества выражается повторами различных корней и основ; в русском это качество представлено слабо.

В языках аналитического строя, подобных французскому, нет трудностей с падежными окончаниями, но достаточно сложной является система неправильных глаголов, где в категории времени нерегулярно изменяется глагольная основа:

Infinitif: *aller* 'ходить, передвигаться',
Participe passé: *allé*,
Présent de l'indicatif: *je vais*,
Passé simple: *j'allai*,
Futur simple: *j'irai*,
Présent du subjonctif: *j'aille*.

То же в немецком и английском языках — и здесь формальным признаком (морфологическим и лексическим) служит нерегулярное изменение основы сильных глаголов.

В арабском языке вообще нет неправильных глаголов, а имеются корни с теми или иными фонетическими качествами. Эти качества обуславливают характер присообщаемых этим корням префиксов и суффиксов, а также флексивного словоизменения (так называемого изменения по породам), что и представляет морфологические и лексические формальные признаки частей речи арабского языка. «Породами называются особые, свойственные семитским языкам глагольные образования, меняющие первичное значение корня в смысле качества, количества или направления действия или состояния¹. Всего в арабском языке пятнадцать глагольных пород, все они являются производными от I породы, которая представляет собой корень в чистом виде со значением действия или состояния. Например, первичный глагол I породы *qatala* 'он убил'; II порода образуется путем удвоения (геминации) второго коренного звука с основным значением — интенсивности действия, т.е. действия, осуществляемого с повышенной силой, более продолжительного или частого, в отношении к большему числу объектов: *qattala*; III порода образуется путем удлинения гласного после первого коренного со значением либо направленности действия в сторону лица или цели, либо стремления (ко нативное значение) достигнуть определенной цели: *qatala*; IV порода формируется при помощи префикса *'a* с кау-

зативным значением — побудить кого-либо к совершению действия или вызвать какое-либо состояние: *'a-qāṭala*; V порода создается от II породы при помощи префикса *ta-* со значением возвратности: *ta-qāṭala* и т.д.

Языки различаются между собой и по составу частей речи. Особенно это касается причастий и частиц, т.е. служебных и полуслужебных частей речи. Главным образом за счет их состава и возникает это различие в разных языках в числе частей речи. Скажем, в некоторых языках есть союзы (в их классической форме), в некоторых их нет. Например, исконных союзов нет в тюркских языках, а наличествующие являются заимствованиями, и их мало. Это объясняется тем, что тюркские члены предложения и придаточные предложения могут развертываться за счет аффиксов.

Так, турец. *ev-* — корень со значением 'дом', *-ler* — аффикс множественного числа, *-imiz* — аффикс, указывающий на принадлежность в 1-м лице множественного числа, *-de* — аффикс локатива, *ki* — 'который', *-den* — аффикс ablativa: *ev-le-r-imiz-de-ki-le-r-den* — 'от тех, кто находится в наших домах'.

Местоимения есть во всех языках, но число их разрядов в разных языках различно. Практически везде есть личные и вопросительные местоимения, а остальные разряды представлены не всегда.

Во всех языках имеются междометия как особый разряд частич. Видимо, это объясняется тем, что междометие является генетически исходной формой речи.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Универсальная картина частей речи во всех языках может быть представлена в виде таблицы 23.

Здесь указаны главные значения членов словосочетаний. Классификация слов по типам нормативно образующихся словосочетаний осуществляется по следующим правилам.

Все единицы языка, которые в предложении относятся к именованию предмета и одновременно называют признак предмета, обозначаются словами с атрибутивным значением (*At*).

Все единицы языка, которые называют признак предмета и одновременно содержат в себе значение предикации (связочности и служебности), обозначаются словами со значением сказуемости (*Pr*).

Все единицы языка, которые называют предмет и одновременно содержат значение связочности (предикации) обозначаются словами с относительным, релятивным значением (*Rf*).

Следовательно, общее номинативное значение выделило из себя релятивное и атрибутивное; общее акцидентивное значение выделило атрибутивное и сказуемостное; общее предикативное зна-

¹ Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка. — М., 1985. — С. 43.

Таблица 23

Части речи	Функции
Существительное	1. Предметность 2. Признаковость 3. Обстоятельственность
Глагол	1. Сказуемость 2. Модальность 3. Релятивность
Прилагательное	1. Признаковость 2. Обстоятельственность 3. Сказуемость
Наречие	1. Обстоятельственность 2. Сказуемость 3. Модальность
Местоимение	1. Релятивность 2. Номинативность 3. Признаковость
Частицы речи	1. Модальность 2. Релятивность 3. Номинативность

чение — релятивное и сказуемостное. Общее номинативное значение, лишенное значений релятивности и атрибутивности, дает собственно чистое значение предметности (*Nm*). Общее акцидентивное значение, лишенное значений атрибутивности и сказуемости, дало чистое значение признака, не отнесенное ни к предмету, ни к предикации, т.е. обстоятельственное значение (*Adv*). И наконец, общее значение предикативности, лишенное признаков сказуемости и релятивности, т.е. идеи связи слов и служебности, представляет собой чистое значение модальности (*Hb*).

Таким образом, перечень значений частей речи в окончательном виде может быть сформулирован следующим образом:

- 1) релятивность, служебность (*Ri*),
- 2) предметность (*Nm*),
- 3) атрибутивность (*At*),
- 4) обстоятельственность (*Adv*),
- 5) сказуемость (*Pr*),
- 6) модальность (*Hb*).

В таблице 24 показана взаимосвязь между частями речи и основными значениями, которые они могут представлять в словосочетаниях всех языков.

В второй горизонтальной строке указаны главные значения членов словосочетания: *Ri* — релятивное (связи слов между собой);

Таблица 24

Классы слов	Главные значения					
	<i>Ri</i>	<i>Nm</i>	<i>At</i>	<i>Adv</i>	<i>Pr</i>	<i>Hb</i>
1. Местоимения	+	+	+	-	-	+
2. Существительные	-	+	+	+	-	-
3. Прилагательные	-	-	+	+	+	-
4. Наречия	-	-	-	+	+	+
5. Глаголы	+	-	-	-	+	+
6. Частицы	+	+	-	-	-	+

Nm — номинативное (т.е. указание на предмет); *At* — атрибутивное (признак предмета); *Adv* — обстоятельственное (акцидентивное) значение признака (соотнесение с идеей наречия); *Pr* — значение предикации; *Hb* — значение связки, согласно Аристотелю: отношение к действительности (т.е. время, субъективные отношения модальности, объективные отношения).

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Рассмотрим представленные в таблице 24 классы слов и соответствующие им значения. Класс 1 обладает значениями: релятивным, номинативным (предметным) и атрибутивным. Такая совокупность значений и употреблений характеризует *местоимения*.

Во всех языках имеются указательные и личные местоимения. В знаменательном употреблении личные местоимения не бывают определениями (не входят в атрибутивные словосочетания), иначе они превращаются в притяжательные местоимения; но указательные местоимения равно могут быть и в атрибутивном (*этот студент читает*), и в номинативном употреблении (*этот — читает*).

Класс 2 содержит значения: номинативное, атрибутивное и обстоятельственное. Такая совокупность значений и употреблений свойственна *существительным*. Они делятся на собственные и нарицательные, на неодушевленные и одушевленные.

Известно, что собственные имена употребляются ограниченно. Они, как правило, не используются в роли обстоятельства, тогда как нарицательные, напротив, могут быть представлены во всех парадигмах существительного. Собственное имя, употребленное

как обстоятельство, становится нарицательным; его употребление в качестве определения превращает последнее в подобие собственного имени, т.е. индивидуализирует именуемый предмет (ср. *Петр пришел, Шляпа Петра, град Петра, действовать по-Петровски* ~ «книга открылась, переплет книги, говорить книжно, поступать по-книжному, убедить книгой»).

Класс 3 имеет значения: атрибутивное, обстоятельственное и сказуемостное. Такой совокупностью значений и употреблений характеризуются *прилагательные*. Они делятся на качественные и относительные, а качественные, в свою очередь, на описательные и неописательные.

Разведение прилагательных на качественные и относительные — явление чисто семантическое, независящее от употребления в paradigmах. Однако описательность и неописательность — парадигматические признаки. Неописательность соответствует атрибутивному словосочетанию (*милый друг*), описательность — обстоятельственному и предикативному (*Не по-хорошу мил, а по-милу хороши*).

Класс 4 содержит значения: акцидентивное (обстоятельственное), сказуемостное и модальное. Такая совокупность значений и употреблений свойственна *наречиям*.

Класс 5 обладает значениями: релятивным, сказуемостным и модальным. Обнаруживать основные связи слов, обладать сказуемостным и модальным значениями — все это отличительная особенность *глаголов*.

Глаголы подразделяются на основные и вспомогательные. Парадигмы, характеризующие класс, показывают, что должно быть связочное (релятивное) и модальное употребление единиц этого класса, т.е. вспомогательное его употребление и соответствующий этому вспомогательный разряд глаголов и сказуемостное употребление и соответствующий этому основной разряд глаголов.

Класс 6 содержит значения: релятивное, номинативное и модальное. Такими свойствами характеризуются *частицы*.

Этот класс в составе разрядов содержит категории общие для многих языков и категорий, в них различающиеся: так, вопросительные слова есть в любом языке, тогда как предлоги (и послелоги) в некоторых языках могут отсутствовать (например, в тюркских).

Союзы имеют релятивное значение — они связывают слова. Предлоги и послелоги обладают релятивным и номинативным значениями. Вопросительным словам свойственно модальное значение и они формируют предложение.

Так выглядит классификация частей речи по их синтаксическим и смысловым признакам, т.е. по их способности быть членом словосочетания в той или иной функции с тем или иным значением. Согласно положениям «Грамматики Пор-Рояль», это

значит, что части речи после их синтаксического определения получили значения уже не от того, что они именуют, а от того, в какой функции они выступают: произошла перегруппировка смыслов в самом языке, что, в свою очередь, изменило его структуру. В сочинениях научного характера, где порой появляются длинные предложения, имеющие большое количество знаков препинания и занимающие иногда половину страницы, дифференцировать наличествующие смыслы возможно только с учетом тех добавочных значений, которые несут в себе члены словосочетания.

Для того чтобы точно определить, где представлено обозначение предмета, где обозначение его признака, где сказуемое и каков тип модальности, — для всех этих случаев абсолютно необходимо добавить словам соответствующие абстрактные значения.

МОДЕЛЬ СТАНОВЛЕНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

В современной грамматике сложилось представление о том, как создается (генерируется) система частей речи и какова их функциональная нагрузка в текстах.

Создание системы частей речи управляется следующими правилами:

1. Исходные тексты — образцы для анализа — должны содержать минимум единиц и минимум предложений, достаточный для того, чтобы осуществить дистрибутивное различие (см. лекцию 4). К этим текстам предъявляются требования правильности: создание определенного минимума запрещений на свободное комбинирование элементов, с помощью которого возможен максимум различий этих элементов. Такие тексты-образцы называются *минимальными*.

2. Минимальному тексту отвечает минимальная система, которая соответственно должна обладать минимумом членов синтагм и парадигм и минимумом запретов на их употребление. Такая система называется *минимальной лингвистической системой*.

3. Минимальная лингвистическая система должна быть способна описывать тексты, отличающиеся от минимальных. Но неминимальные тексты правильны лишь тогда, когда они сохраняют запрещения, имеющиеся в минимальной системе. Поэтому тексты порождаются системой на основе требования *правильности текста* относительно системы: правильные запрещения вводятся последовательно; запрещение, введенное на предшествующем этапе, не может быть отменено на последующих этапах; не может быть запрещено само запрещение.

При построении системы частей речи необходимо соблюдать требования дистрибутивной различности классов слов, т.е. тре-

бования правильности. Это — требование традиционности, т. е. отсутствия отмены тех запретов на употребление, которые введены минимальной системой. Покажем это на модели, имеющей общелингвистический характер, т. е. применимой к любому языку.

Минимальным текстом является текст, состоящий минимум из двух предложений и трех слов вида: *abc, cab*. В таком состоящем из двух предложений тексте содержатся три разных слова, в разной последовательности повторенные в обоих предложениях. В соответствии с требованием правильности минимальный текст характеризуется следующими свойствами:

- 1) каждая единица занимает два места;
- 2) места каждой единицы различны: они имеют разные номера от начала последовательности единиц, составляющих каждое из предложений;
- 3) число мест в каждом предложении одинаково, поэтому места сводятся в позиции путем переписывания одного предложения под другим;
- 4) каждая из единиц запрещена к употреблению только в одном определенном месте.

Предложения минимального текста составлены таким образом, что каждая единица в одном предложении приводится только один раз, поэтому длина предложения в минимальном тексте равна количеству единиц словаря (в нашей модели — три слова). Это: а) имена со всеми теми словами, с которыми они выражают единое понятие, например с определениями; б) глаголы, с относящимися к ним словами, например дополнениями и обстоятельствами и в) любые служебные и полуслужебные элементы.

Все слова, имеющиеся в словаре, делятся на эти три класса. Такое основание грамматики было положено еще Аристотелем. По этой причине русское предложение *Человек идет*, содержащее только два слова, рассматривается как потенциально трехчленное: *-ет* играет роль как бы служебного слова с функцией грамматического оформления глагольного корня; предложение *Он — студент* также рассматривается как трехчленное: *Он есть студент*.

Минимальный текст описывает минимальную лингвистическую систему. При этом следует учитывать, что:

- тексты синтезируются из слов, относящихся к основным частям речи (имена, глаголы и служебные слова) и содержащихся в минимальной системе;
- если тексты состоят из более чем трех слов, то это уже не минимальные предложения; они делятся на правильные и неправильные; неправильные отбрасываются, правильные сохраняются.

Напомним, что модель минимальной системы, описывающей минимальный текст, выглядит так:

Схема 18

	1	2	3
a	+	+	-
b	-	+	+
c	+	-	+

Схема 19

- 1) с, а, а, б, б, с.
- 2) а, а, б, б, с, с.
- 3) а, б, б, с, с, а.
- 4) б, б, с, с, а, а.
- 5) б, с, с, а, а, б.
- 6) с, с, а, а, б, б.

запрещены
минимальной
системой

Создание текста в соответствии с этой системой представляет собой считывание классов слов (основных частей речи) в порядке позиций от 1-го к 3-му.

В каждом классе (части речи) системы представлены по два элемента: в 1-м — *ac*, 2-м — *ab*, 3-м — *bc*, поэтому предложения неминимального текста, например модели *ac, ba, bc; ca, ab, cb* и т. д., могут быть удвоены, представляя каждую часть речи с относящимся к ней одним словом (имени с определением, глаголу с дополнением, связке с артиклем и т. п.).

Ограничение порядка следования элементов не отменяется, в силу чего могут быть построены только последовательности, представленные в сочетаниях, показанных в схеме 19.

Не все эти последовательности можно считать правильными относительно минимальной системы: в некоторых из них символы встречаются в тех позициях, в которых они запрещены. Так, ею запрещены последовательности 3, 4 и 5, так как в соответствии с требованиями минимальной системы (выраженной как трехчленная матрица) единица *a* не входит в парадигму 3, единица *c* не входит в парадигму 2, единица *b* не входит в парадигму 1.

Неправильное построение, разрушающее грамматическую правильность, называется *анаколуф* (греч. ἀνακόλουθον 'непоследовательность'). Анаколуф — особая фигура речи (троп), демонстрирующая взволнованность говорящего, который под воздействием сильной эмоции не соблюдает правил грамматики. Согласно определению Б. В. Томашевского, анаколуф есть сведение членов предложения, не согласованных грамматически и согласованных по смыслу.

*Мой стих — он не лишен значения.
Те люди, что теперь живут,
Себе родные отраженья
Увидят в нем, когда прочтут.
Да, в этих очерках правдивых
Не скрыто мною ничего!
Черты в них — больше некрасивых,
А краски — серых большинство!*

(К. К. Случевский)

Оставшиеся последовательности 1, 2 и 6 являются достаточными для построения системы частей речи — правильными.

Модель показывает, что при построении системы частей речи помимо простых нераспространенных предложений лингвист рассматривает также и простые распространенные предложения. В последних исключаются сочинительные связи и считается, что в парадигмах простого предложения употреблены сочетания двух слов: главного и подчиненного, причем это разнокоренные и разнооформленные слова; подлежащее-существительное представлено определением и определяемым, сказуемое — глаголом и дополнением или обстоятельством и дополнением и т. п.

Так, через употребление частей речи различаются их синтаксические признаки, которые в ряде языков, но далеко не во всех, находят морфологическое выражение.

ЛЕКЦИЯ 9

СИНТАКСИС

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ СИНТАКСИСА

У частей речи есть определенные синтаксические признаки, которые сопрягаются с индивидуальной семантикой слова, и, далее, через индивидуальную семантику слова связаны со словообразованием. Кроме того, синтаксические признаки частей речи могут соединяться со словоизменением, определяющим сочетаемость слов друг с другом и способность выполнять те или иные синтаксические функции, т. е. быть членами словосочетаний, членами предложений и целыми предложениями.

Основных категорий синтаксиса три: словосочетание, член предложения, предложение. Категории синтаксиса оформляются как грамматические способы сочетания слов в отвлечении от их индивидуального лексического значения. Здесь связи слов рассматриваются в таких формах, которые могут быть истолкованы предметно и логически, т. е. как способы называть предметы или явления и выражать понятия.

Словосочетание *хорошая погода* называет явление (благоприятная для деятельности и самочувствия погода) и выражает метеорологическое понятие (соединение определенных свойств температуры, влажности, атмосферного давления). Это сочетание слов может быть отдельным предложением: *Хорошая погода!*, может быть членом предложения или его частью: *Он сказал, что сегодня хорошая погода*. Синтаксис не рассматривает конкретные значения сочетающихся слов: *хорошая погода — плохая погода — нелетная погода — скверная погода...* и т. д.; важно, что сочетаются слова, имеющие значения явления и признака.

В отличие от собственно предложений, члены предложений и словосочетаний не могут быть отдельными самостоятельными высказываниями. Вместе с тем предложения и члены предложения могут состоять из одного слова, а словосочетание всегда представляет собой объединение двух или нескольких слов.

Словосочетания и предложения всегда рассматриваются как данные именно в этом высказывании, вне связи с предыдущими высказываниями, тогда как члены предложения могут рассматриваться как связь предыдущего и последующего высказываний через одни и те же слова и их синонимы.

Таблица 25

Признаки категорий	Словосочетания	Члены предложения	Предложения
Не составляют отдельного высказывания	+	+	-
Могут быть отдельным словами	-	+	+
Рассматриваются как отдельная данность	+	-	+

Эти отношения категорий синтаксиса отражены в таблице 25.

Анализ категорий синтаксиса, в отличие от теории частей речи, получил свое развитие в лингвистике нового времени (начиная с XVII в.) при последовательном (от низшего к высшему) рассмотрении ярусов языковой системы. В ходе этого анализа отрабатывались категории общего языкоznания и на их фоне исследовались грамматические особенности каждого отдельного языка.

ТЕОРИЯ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

В античности теория словосочетаний понималась как объяснение предметного содержания словосочетаний: такова была, в частности, грамматика Аполлония Дискола ("Απολλώνιος ὁ Δύσκολος", II в. н. э.), главного авторитета этого периода в области синтаксиса. Он изучал его, исходя из семантической сочетаемости частей речи и грамматических категорий. Из произведений писателей и поэтов выбирались для рассмотрения конкретные словосочетания и по контексту устанавливалось их значение. Одновременно изучались фразеология и грамматический синтаксис. Так было вплоть до XVII в.

В XVII в. грамматическая наука о сочетаниях слов усложняется, формируется абстрактное модельное знание, грамматика вбирает в себя элементы логики. Для этого потребовались добавочные категориальные значения слов, чтобы с помощью такого анализа можно было читать и интерпретировать прежде всего научные и деловые тексты.

Как ответ на эту потребность в 1660 г. во Франции под Парижем в католическом аббатстве Пор-Рояль, одном из крупнейших центров просвещения во Франции XVII в., выходит так называемая «Грамматика Пор-Рояль», авторами которой были французские ученые философ и логик Антуан Арно (1612—1694) и филолог Клод Лансло (1616—1695). Полное название этой граммати-

ки звучит так: «Грамматика общая и рациональная, содержащая основы искусства речи, изложенные ясным и естественным образом, толкование общего в языках и главные различия между ними, а также — многочисленные новые замечания о французском языке»¹.

Лингвистический анализ в этом труде подчинен позициям строго проводимого различия создателя речи и ее получателя: определяются принципы их соотношения и факторы, обусловливающие эти соотношения. Авторы стремятся к осмыслиению многих лингвистических проблем: разложения речи на составляющие элементы, возможности использования этих элементов для кодирования смысла (материала мышления), а также сочетания (синтеза) составляющих элементов, распределения и преобразования смысла в процессе синтеза.

Поставив задачу создать всеобъемлющую грамматическую систему на основе обобщения фактов ряда конкретных языков, «Грамматика Пор-Рояль» положила начало зарождению общего языкоznания как научной дисциплины. Влияние этой грамматики существенно сказалось на выработке канона формально-грамматического описания языка. Этот канон определялся в ходе поиска универсальных свойств и категорий языка, т. е. таких свойств, которые обнаруживаются в любом языке, но являются общими для всех языков и, таким образом, характеризуют язык как таковой.

«Грамматика Пор-Рояль» оказала значительное влияние как на развитие общей теории языка, так и на утверждение норм описательных грамматик и вообще послужила образцом общелингвистического подхода к языку.

После того как были выявлены грамматические аналогии в различных языках, стало необходимым объяснить причины встречающихся сходств и различий, а также определить основные принципы, которые облегчили бы одновременное изучение нескольких иностранных языков. Так сформировалась идея создания всеобщей (универсальной) грамматики.

Хотя в названии этой грамматики и подразумеваются в принципе все языки мира, в действительности же анализу подверглись только греческий, латинский и древнееврейский языки, а из южных — итальянский, испанский, реже — английский и немецкий, но в основном, разумеется, французский язык. Считалось достаточным рассмотреть эти языки, чтобы вывести из них общие принципы для всех остальных: различные языки должны были лишь поставлять примеры особенного употребления общих принципов.

¹ Arnould A. et Lancelot C. Grammaire Generale et Raisonnée. Contenant Les fondemens de l'art de parler; expliquez d'une maniere claire & naturelle. Les raisons de ce qui est commun à toutes les langues, & des principales differences qui s'y rencontrent. Et plusieurs remarques nouvelles sur la Langue Françoise. — Paris, 1660.

Таблица 26

Члены предложения	То, о чем говорится	То, что говорится	То, как говорится
Имя Nm	+		
Глагол Pr		+	
Связка Nb			+

где термины *речь* и *часть речи* следует понимать буквально: как части высказывания. Отношения членов предложения, согласно этому принципу, выглядели так, как показано в таблице 26 и схеме 20.

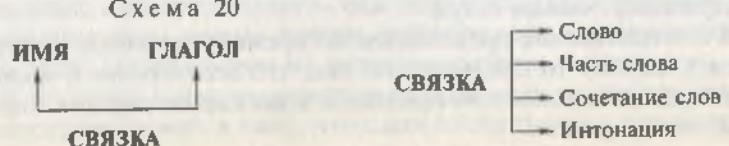
Связка — это широкое понятие, оно включает в себя все формы выражения предикативной связи: служебные слова, части слов (морфемы), сочетания слов, интонацию. Поэтому общее понятие связки графически можно представить так (см. схему 21).

Смысловые функции связки следующие:

1. Магическая — благопожелания и зложелания: *Будь здоров!*; *Будь проклят!*.
2. Игровая — например, скороговорки: *Сшит колпак не по-колпаковски*.
3. Эстетическая — речевое выражение идеала прекрасного (художественная речь): *И дым отечества нам сладок и приятен* (А. С. Грибоедов); *Быть или не быть* (У. Шекспир).
4. Деловая — для установления соглашений: «*NN, именуемый далее "Автор", и издательство "Высшая школа", именуемое в дальнейшем "Издательство", заключили настоящий договор о том...*».
5. Изобретательская — для названия изобретений: «*Предлагается создать новое высшее учебное заведение — "Лазаревский институт"*».
6. Учетная (мера) — *Я истратил на это три часа, и все без толку*.
7. Фатическая (этикетная) — для установления и поддержания речевого контакта: *Здравствуйте, я ваша тетя!*
8. Обучающая — *Гамма содержит семь нот*.

Слова, помещенные в предикативную конструкцию, получают добавочные значения: либо предмета речи, либо высказывания о предмете речи, либо значение, указывающее на время высказывания.

Схема 21

В заключительной, XXIV, главе были сформулированы принципы теории словосочетаний. Эта глава называется «О синтаксисе, или конструкциях при сочетании слов», и в ней дается характеристика словосочетаниям с грамматической (именно синтаксической) точки зрения.

Следует помнить, что главная задача «Грамматики Пор-Рояль» заключалась в том, чтобы установить общие законы языка, опираясь на данные множества различных языков. Впервые в истории грамматики анализировались уже не конкретные словосочетания какого-то одного языка, а устанавливались общие грамматические законы словосочетаний.

Авторы формулируют «несколько общих положений (maximes), касающихся сочетания слов, которые в силу своей распространенности представляют особую важность для всех языков».

Первое положение состоит в том, что никогда не встречается номинатива, который не был бы связан с некоторым глаголом, выраженным или подразумеваемым, речь содержит не только исходные понятия, но выражает и то, что мыслится относительно этих понятий. Последнее же передается посредством глагола.

Второе положение гласит, что в свою очередь не встречается глагола, который не имел бы своего номинатива, выраженного или подразумеваемого. Поскольку основным признаком глагола является способность к утверждению, то необходимо, чтобы было нечто, подлежащее утверждению, а это не что иное, как субъект глагола, который обычно и является номинативом, относящимся к данному глаголу. Следует отметить, что в этой роли может выступать и аккузатив, что встречается в позиции перед инфинитивом: *scio Petrum esse doctum* 'Я знаю, что Петр — ученый'.

Третье положение состоит в том, что не может быть прилагательного, которое не относилось бы к какому-либо существительному, потому что прилагательное уже само по себе неясно указывает на имя существительное, являющееся субстанцией формы, ясно обозначенной этим прилагательным: *doctus* 'ученый' относится к любому лицу, отмеченному ученостью¹ и т. д.

Таким образом, синтаксическая теория, предложенная Аристотелем, получила развитие как теория словосочетаний в «Грамматике Пор-Рояль».

Ядром грамматики является предикация и отвечающие ей предикативные грамматические конструкции (в каждом языке имеющие свои особенности). Любое суждение, отраженное в речи, представляет собой трехчастное образование, состоящее из подлежащего (субъект суждения), сказуемого (предикат суждения) и связки. У Аристотеля это деление называлось делением на части речи,

¹ Цит. по: Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. — М., 1998. — С. 206, 207.

Предложение по Аристотелю

Имя Глагол Связка

Определение —	обстоятельство и	глагол —
Определяемое —	предикация —	дополнение.

казывания и на отношение говорящего к тому, что он сказал, — модальность (см. схему 22).

Теория словосочетаний «Грамматики Пор-Рояль»

Имя — субъект суждения или подлежащее.

Глагол — предикат суждения или сказуемое.

Связка — соединение подлежащего со сказуемым.

СВЯЗЬ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Так, троичное членение высказывания, известное уже из риторики Аристотеля, получило дополнительную дифференциацию: выяснилось, что необходимо ввести добавочные компоненты, вследствие чего высказывание предстает в дробном членении. Появляются понятия «дополнение» (объект), «обстоятельство» (наречие или его эквивалент). Разбор высказывания стал осуществляться с учетом существования этих новых членов. Было установлено, что во всех языках предоставлены четыре типа словосочетаний: предикативные, атрибутивные (определительные), обстоятельственные и дополнительные (комплетивные).

1. В предикативных словосочетаниях имеется субъект (о чем говорится) и предикат (что говорится о субъекте). Признаком предикативности является, например, изменение во времени: *я читаю* — настоящее время, *я читал* — в прошлом, *я буду читать* — отнесение действия в будущее.

2. В атрибутивных есть имя и отнесененный к нему постоянный признак, рассматриваемый вне времени: *исторический роман*.

3. В обстоятельственных дается признак во времени и признак этого признака: *читаю вслух*.

4. В комплетивных представлен во времени признак, который отнесен к какому-то предмету, но так, что этот предмет, являясь объектом действия данного признака, изменяется под его воздействием: *читаю роман*.

Грамматическая система словосочетаний

Предикативные: **P** — **Nm**

Атрибутивные: **Nm** — **At**

Обстоятельственные: **P** — **Adv**

Комплетивные: **P** — **Ob**

Сравнительные исследования показывают, что эти четыре вида словосочетаний являются общими для всех языков: именно они воплощают всю основную гамму значений в области синтаксиса. Все остальные значения в области грамматики являются своеобразной модификацией и развитием этих главных значений. Если свести их вместе, получится обобщенная («универсальная») схема высказывания, данная в виде членов словосочетаний:

At — **Nm** — **Adv** — **P** — **Ob**.

Словосочетания могут трансформироваться из одного типа в другой и включаться одно в другое. Например: *пить чай* — *пьющий чай*, или: *NN любит пить чай* — *Любитель чая NN читает книгу*; предшествующее высказывание включено в последующее и таким образом из предиката первого высказывания получился атрибут второго: снятие идеи времени преобразует предикативную конструкцию в атрибутивную. Если подлежащее *NN* преобразовать в часть группы сказуемого, то образуется комплетивная, объектная конструкция: *Студенты слушают NN*.

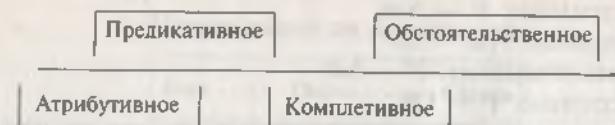
Если субъект сделать частью сложного предиката и связать его каким-то отношением с другим подлежащим (= субъектом), то возникает определение с атрибутивной связью. Между словами складываются отношения «определение — определяемое». Если подлежащее как субъект действия переместить в группу сказуемого, то такой субъект становится дополнением. Если, далее, атрибутивное значение отнести к группе сказуемого как целого, получится обстоятельство.

По мере усложнения конструкций усложняются и значения: временные признаки обращаются в постоянные, предметность обращается в свойство действия, само действие получает обстоятельственную характеристику, так как обстоятельство становится атрибутом, определяющим действие. Так образуются четыре вида словосочетаний (схема 23).

Данная схема представляет абстрактное развитие системы грамматических значений. Она допускает дальнейшее формальное и семантическое усложнение: к дополнению можно присоединить определение; к обстоятельству — еще одно обстоятельство и т.д. Только таким способом можно внести дифференциацию значений в линию речи, составленную из цепочки словесных символов.

В эту схему могут подставляться практически любые слова, однако следует иметь в виду, что одни слова годятся для определен-

Схема 23

ной роли, а другие нет. Эти роли в лингвистике принято называть **позициями**. Синтаксическая роль слова определяется по его связи с другим словом: находится ли оно в позиции перед ним либо после него или отделено от него другими словами. Совокупность позиций, в которых может оказаться слово, называется его **синтаксической ролью**. У каждого слова имеется своя роль. Синтаксическая роль конкретного слова предполагает возможность того, что ему доступны не все позиции, т. е. сочетаемость конкретного слова в пределах схем словосочетаний индивидуальна. Индивидуальная сочетаемость слова с другими словами по позициям в словосочетаниях называется **валентностью** слова.

Как было показано в лекции 8, слова со сходной сочетаемостью, валентностью, сводятся в части речи и в более мелкие группировки слов внутри частей речи (частные лексико-грамматические категории, которые, как правило, в каждом языке имеют свои особенности).

ТЕОРИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ К.Ф.БЕККЕРА

Немецкий грамматист XIX в. Карл Фердинанд Беккер (1775—1849) создал теорию членов предложения. В 1831 г. вышла его знаменитая грамматика *Schulgrammatik der deutschen Sprache*, ставшая ведущим школьным пособием в современной ему Германии.

В этой грамматике, как и в «Грамматике Пор-Рояль», преобладает типологический, общелингвистический подход к материалу исследования: предпринимается попытка не просто описать грамматику немецкого языка (это делалось и раньше), но создать систему описания любого языка, в том числе и немецкого, и оценить его в окружении других языков.

Основой системы избирается значение: только через него языковые формы слов находят общие, объединяющие их позиции в предложениях.

Беккер определяет это следующим образом: «Новая грамматика понимает язык как органическое выражение мысли и рассматривает в первую очередь отношения мысли и понятия и лишь затем — соответствующие им выражения в языковых формах. Ис-

тинной задачей грамматики является **понимание** языка, т. е. истолкование каждой особой языковой формы в ее истинном значении. В новой грамматике основой всей системы является не форма слова, как прежде, а значение. Слово она понимает как материально в звуке оформленную мысль.

До тех пор, пока грамматика брала себе за основу форму слова, одна и та же грамматика не могла стать грамматикой различных языков, ибо в них различаются грамматические формы и словарный состав; но грамматика, берущая себе за основу соотношение мысли и понятия, может и должна быть грамматикой для всех языков, ибо эти отношения во всех языках одинаковы.

«...» Синтаксис имеет своим предметом внутреннюю жизнь языка — изображение мысли в ее разнообразных формах; синтаксис есть центральное звено грамматики. «...» Синтаксис должен собрать все особенности грамматики в естественную систему. Своебразие этой системы заключается в том, что основу ее составляют не формы выражения, а соотношения понятий и их связей в языке; таким образом, эта система может быть единой для всех языков, ибо соотношения понятий и их связи во всех языках одни и те же, тогда как формы выражения — различные¹.

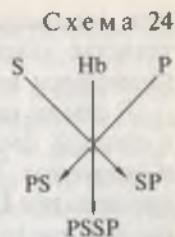
Беккер показал, что члены предложения суть единая общелингвистическая структура, возникающая путем своеобразной инверсии основных компонентов схемы Аристотеля. Взяв за основу трехчленное деление любого высказывания, Беккер рассматривает возможность его распространения — процедура, когда в состав нового высказывания включаются элементы предшествующего. Таким образом, новое высказывание исходит из предшествующего, сохраняя с ним смысловую связь.

Для этого части речи (по Аристотелю) из прежнего высказывания включаются в новое высказывание: происходит распространение имени, глагола или связки. Например, *студент учится* → *учащийся студент не пропускает занятий*. Между прежним высказыванием и новым сохраняется смысловая связь — *учащийся студент*.

В сокращенном виде общая схема Беккера, описывающая распространение предложений выглядит следующим образом (см. схему 24).

Схема показывает, что каждая часть речи (по Аристотелю) распространяется следующим образом: **S** — подлежащее, **P** — сказуемое, **PS** — определение (бывшее сказуемое-глагол-определение распространяется именем), **SP** — дополнение (бывшее подлежа-

¹ Becker K. Ausführliche deutsche Grammatik als Kommentar der Schulgrammatik. 2. neu bearbeitete Auflage. Bd. I—2. Frankfurt a. M., 1842—1843, Vorwort.

щее распространяется глаголом-дополнением), PSSP — обстоятельство (бывшая связка распространяется определением и дополнением вместе), — всего пять членов предложения.

В самом начале аристотелевы S и P — субъект и предикат (имя и глагол), они же суть главные члены предложения: подлежащее и сказуемое. Между ними существует связка, выраженная знаком предикатии Нв. Такова классическая структура предложения (как его понимали в античности): оно состоит из подлежащего, сказуемого и связки; связка создает основу высказывания — предикативную конструкцию.

По мысли Беккера, при распространении инверсия осуществляется следующим образом. Создается какое-то простое предложение: *Погода хороша*. Затем оно уже используется как известное предшествующее знание: *Хорошая погода стояла на дворе*, т.е. сказуемое *хороша* оказывается отнесененным как уже имеющееся знание к другому новому знанию. Такое превращение сказуемого и его подстановка в новое предложение создает новый член предложения — определение: возникает идея постоянного признака безотносительно ко времени.

Хорошая собака не лает, а кусает, — сначала становится известно, что *собака хорошая*, а потом вступает ее временной признак: *не лает, а кусает*. Соединены два простых предложения: *Собака хорошая* и *Собака лает*, но поскольку до соединения уже было известно, что *собака хорошая*, то прошлое знание, будучи отнесено в настоящее, выглядит так: *Хорошая собака не лает*.

Собака хороша ~ Кот идет. Здесь два предложения отражают исходное знание. Новое предложение *Хорошая собака лает на идущего кота* передает новое знание, соединяющее в себе и предшествующие. Одно из прежних подлежащих становится в зависимость от другого — обращается (инвертируется) в дополнение, при этом зависимое слово, прежде бывшее самостоятельным подлежащим, оказывается подчиненным не прямо, а через глагол-сказуемое. Поэтому дополнение несет в себе признаки и имени-подлежащего, и глагола-сказуемого. Группа подлежащего (*Хорошая собака*) и группа сказуемого и дополнения (*лает на идущего кота*) соединяются предикативной связью в одно целое. Обстоятельство может уточнить, конкретизировать эту связь.

Таким образом, смысл предложения делится на слои: слой предшествующего знания и слой знания современного. Предшествующее вкладывается в последующее по его элементам — членам предложения, которые, инвертируясь, как бы цитируются в новом предложении.

Однако Беккер показал, что допустимо и дальнейшее усложнение: можно не только одно предшествующее предложение отнести к последующему, но также пред-предшествующее отнести к последующему и к следующему за ним. Возникает сложная струк-

тура трех сведенных в одно целое предложений. В таком сложном предложении сокращенной цитатой известного ранее знания будет придаточное предложение. Но такое придаточное может быть включено в еще одно придаточное, в этом случае первое из них становится, например, определением второго, а то, в свою очередь, — определением главных членов предложения или дополнения. Структура предложения разрастается за счет отношений предшествующего и последующего высказываний — формируется картина распространения членов предложения.

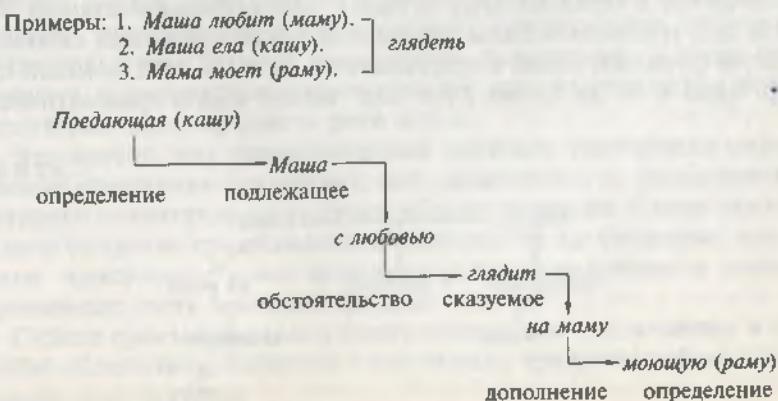
Таким образом, между главными и второстепенными членами предложения существуют отношения своеобразной «зеркальной отраженности»: определение — это *инвертированное сказуемое*, дополнение — *инвертированное подлежащее*, обстоятельство — *инвертированная форма вводного слова-связки*, а придаточное предложение есть некая *инвертированная форма главного*.

УСЛОЖНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Члены предложения могут быть выражены отдельным словом, сочетанием слов, придаточными предложениями: в этом нет ограничений, но ограничено число самих членов предложения и ограничены их семантические и структурные качества. Рассмотрим это на простейшем примере (см. схему 25).

Согласно Беккеру, словосочетание возникает тогда, когда прежнее высказывание вписывается своими частями или целиком в новое высказывание. Это значит, что, например, атрибутивное словосочетание образуется из прежде самостоятельного простого предложения, которое затем в сложном порядке слов становится

Схема 25

частью нового предложения. Беккер вводит как бы принцип цитирования одного предложения в другом. Теперь это называется генерацией (порождением), когда из соединения первоначальных коротких предложений возникает сложное длинное, содержащее в себе короткие как составные части. Для того чтобы эти части вошли в новое сложное предложение, нужно сообщить всему массиву предшествующих предложений какой-то новый предикат. Так получается:

Поедающая (кашу) Маша с любовью глядит на маму, моющую раму.

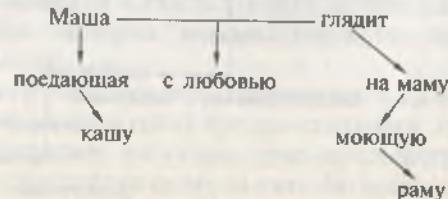
Эти стрелки можно представить соединенными в граф (см. схему 26).

Схема 26 показывает распространение (генерацию) членов предложения и усложнение структуры предложения. Стрелки графа с относящимися к ним словами называются непосредственными составляющими.

Три исходных предложения соединены новым предикатом: глядеть; в новое предложение вместилось только оно одно, а все остальные компоненты согласовались между собой. Если в простом предложении глагол ела был предикатом, то, став в сложном предложении причастием, он превратился в определение к слову Маша; глагол любить трансформировался в обстоятельство с любовью, любовно. Получилось несколько сочетаний — определительное, обстоятельственное, а также объектное (глядит на маму); слово мама включилось также в новое определительное словосочетание на маму, моющую.

Любой член предложения может развиться в определенное словосочетание — одно из четырех — предикативное, атрибутивное, объективное или обстоятельственное. Каждая знаменательная часть речи получает свое грамматическое значение благодаря тому, что включается в один из этих четырех типов словосочетаний. При этом под грамматическим значением Беккер понимал синтаксическую функцию слова в предложении. Вот его собственный пример: одно и то же слово *Dieb* 'вор' может иметь грамматическое

Схема 26

значение субъекта (*Der Dieb ist aufgedeckt* 'Вор разоблачен') и грамматическое значение предиката (*Er ist Dieb* 'Он — вор').

Экспериментально усложнения предложения Беккер доказал, что эти усложнения имеют определенные лимиты, границы. В этих границах существуют некоторые смысловые переходы: скажем, то, что раньше было предикатом, при включении его в новое сочетание становится только определением, т.е. признаком, который обозначает как бы свойство предмета, но не обозначает его отношения к действительности. Это просто признак как такойой, он возникает из того, что предикат (*ела кашу*) лишается значения отношения к действительности, хотя и может сохранять его как адресацию к прошлому своему представлению. Например, у словосочетаний *поедающая кашу, моющую раму* имеется значение настоящего времени, но как бы в «снятом виде», самое главное — в них представлен признак, который в данном случае не отнесен непосредственно к идее времени: происходит уничтожение предикатии и создание признака как бы вне отнесенности ко времени.

Глядит на маму — это дополнительно возникшее словосочетание, где глагол характеризуется через имя и тем самым уточняется выраженное им действие (или состояние): бывший субъект (*Мама моет раму*), ставший объектом действия, определяет признаки сказуемого.

В свою очередь, обстоятельственное словосочетание (с любовью) распространяется на всю предикативную конструкцию.

Таким образом, при включении прежних самостоятельных предложений в общее новое из них удаляется значение предикатии; прежние предикативные словосочетания преобразуются в атрибутивные, дополнительные или обстоятельственные.

В этом и заключается процедура превращения членов предложения: атрибут есть бывший предикат; дополнение — бывшее подлежащее; обстоятельство, характеристика предикативной связи, — бывшая связка, помещенная в новое предложение; бывшая предикатия, помещенная в новое сложное предложение, становится обстоятельством; бывшее подлежащее, помещенное в новое предложение, становится дополнением, т.е. уже не предметом речи, а характеристикой предмета речи и т.д.

Это значит, что грамматические значения претерпели определенные изменения (развитие): они разделились и, разделившись, потеряли некоторую часть своих общих значений. Слово глядит в нашем сложном предложении выполняет ту же функцию, что и в схеме Аристотеля, а все остальное суть разделенные и поэтому утратившие часть значений формы.

Смысл грамматического распространения заключается в том, чтобы обозначить значения слов старых предложений как часть нового предложения.

ИЗВЕСТНОЕ И СООБЩАЕМОЕ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Языковые тексты обладают свойством преемственности: они пишутся один вслед за другим и при этом в определенной взаимосвязи. Если писать предложения без связи, то не получится процесса развития речи, ибо он достичим только через соединение прошлого и современного. Указание на прошлое дает своеобразную привязку современного к какому-то моменту времени, связанному с событиями, имевшими место ранее: прошлая речь ← современная речь, возникает как бы ссылка, осложняющая предложение. В этом осложнении непосредственно выделяется предикация и появляются более дифференцированные, но семантически менее наполненные значения.

Так происходит грамматическое развитие (порождение) предложения: из простых предложений складываются сложные; из сложных образуются придаточные, причем придаточные предложения ориентированы на членов словосочетания сложного предложения, т. е. имеется определение — и определительное придаточное предложение (как часть сложного предложения), имеется дополнение — и дополнительное придаточное предложение, имеется обстоятельство — и обстоятельственное придаточное предложение. Таким образом, появляется возможность развивать речь: развертывать простое новое высказывание в сложное, создавая переход от прошлой речи к будущей.

Простые высказывания характерны для фольклорной народной речи, это речь *с и т у а т и в н а я*. Развитая речь с использованием сложных или придаточных предложений — всегда *от с ы л о ч н а я*, в такой речи дополнительно изображается, напоминается то, о чем речь шла раньше.

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И РАЗЛИЧИЯ ЯЗЫКОВ

Учение Беккера о новых принципах деления грамматических высказываний на члены предложения означало становление нового этапа развития грамматики. Достоинство этого учения прежде всего в том, что был создан универсальный алгоритм перевода текстов любого языка на любой язык: каждому языку может быть приписан стереотипный состав предложений и словосочетаний с одними и теми же значениями (предикация, атрибуция, комплектиность, обстоятельственность). При переводе текст становится понятным, если он интерпретируется в этих терминах; текст становится непонятен, если оказывается невозможным разобрать предложения по членам. Теория словосочетаний Беккера приме-

Согласование: *поедающая Маша* жен.р., ед.ч. } At — Nm
жен.р., ед.ч. }

моющая мама

Управление: *глядит на* } R — Nm
ела кашу
мыла раму

Примыкание: *с любовью (любовно)* глядит — Adv — R

ним к языкам любого строя, так как она ориентируется только на линейность речи и на возможность включения предшествующей мысли в последующую.

Однако следует иметь в виду, что, выстраивая члены словосочетаний в линейной последовательности, каждый язык по-своему выражает отношения между ними. Скажем, русский язык, будучи флексивным, каждое слово снабжает формальным признаком члена словосочетания. Категории таких формальных признаков называются: *согласование, управление и примыкание*. Распределение этих признаков в нашем примере показано в схеме 27.

Таких формальных признаков нет, скажем, в китайском языке: здесь словосочетания оформляются согласно правилам жесткого порядка слов. Так, определение всегда перед определяемым словом, дополнение всегда ставится после глагола и т. д. Служебное слово *ды* имеет общее относительное значение: оно вводится в очень длинные высказывания для паузации. Вот буквальный перевод нашего примера о Маше на китайский язык (см. схему 27).

Применение терминов *генерация и непосредственные составляющие* удобно для автоматического и автоматизированного анализа текстов. Для этого каждый член предложения, являющийся непосредственной составляющей анализируемого в автоматическом

Маша ест кашу
Маша любит маму
Мама моет раму

Маша чи фань
Маша ай мама
Мама си чуаньху

} глядеть — кань

чифань ды Ma-ша ляньайды кань си чуаньху ды мама

At Nm Hb R Al Np

Таблица 27

Слова	Позиции					
	1 ¹	2	3	4	5	6 ¹
Маму ¹	+	-	-	-	-	+
Маша	+	+	-	-	-	-
Маму	-	+	+	-	-	-
Маша ¹	-	-	+	+	-	-
Любит	-	-	-	+	+	-
Любит ¹	-	-	-	-	+	+

или автоматизированном режиме предложения, отождествляется по своему месту в предложении и по значению.

Маша маму. Маша¹ любит. Любит¹ маму¹.
Маму Маша. Маму Маша¹. Любит любит¹.

Примером такого отождествления может служить таблица 27

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Предложением в грамматике называется минимальное высказывание. Оно может составлять отдельную речь или отдельный фрагмент большой речи, который может быть выделен в минимальную отдельную речь.

Признаками предложения являются: интонационная за-
конченность, оформляемая паузацией и логическим ударе-
нием; личностность, т. е. источник речи — автор высказывания;
модальность — отношение высказывания к действительно-
сти высказывания. Эти компоненты высказывания создаются и вос-
принимаются соответственно говорящим (пишущим) и слушаю-
щим (читающим):

Анна Васильевна позвонила с волнением. Вошел казачок.
— Что же Павел Яковлевич не идет? — проговорила она. — Что я его дозваться не могу?

Индексы означают место (позицию) слова в линейной последовательности словосочетаний (предложений), по которому определяется его значение.

Николай Артемьевич пожал плечами.

— Да на что, помилуйте, вы хотите его позвать? Я этого не требую, не желаю даже...

(И.С. Тургенев)

Легко убедиться, что каждый фрагмент этого отрывка, выделенный на письме точками и знаками вопроса, является предложением, так как может быть отдельным высказыванием.

Существует три основных способа классификации предложений: по характеру служебных слов, по способам выражения предикативности и по числу членов. Соотношение этих признаков позволяет наметить три рода классификации предложений — модальные, предикативные и структурные. Взаимосвязь между классификациями и выделенными характеристиками предложений представлена в таблице 28.

Такое соотношение означает, что предложение изучается, во-первых, как факт модальности; во-вторых, как факт предикации; в-третьих, как факт структурного (состава словесного) по степени его сложности.

Выше уже отмечалось, что модальность как философская категория выражает отношение речи к действительности, т.е. мы можем желать или не желать чего-то, мочь или не мочь сделать что-нибудь, спрашивать и отвечать, повелевать и т.д. С лингвистической точки зрения модальность предполагает, что говорящий и слушающий должны одинаково и адекватно воспринимать отношение содержания высказывания к действительности, т.е. его возможность или реальность, его повелительность или вопросительность. Лингвистика требует, чтобы участники акта речи одинаково понимали, как содержание данного предложения относится к действительности.

Иначе дело обстоит в риторике: здесь модальность говорящего будет одна, а модальность слушающего — другая. Каким образом риторика и лингвистика могут дополнять друг друга, видно из взаимосвязей показанных в таблице 29.

Таблица 28

Классификация	Признаки		
	служебные слова	способ выражения предикативности	Число членов и их отношение
Модальные	+	+	-
Предикативные	-	+	+
Структурные	+	-	+

Таблица 29

Признаки	Вид речи		
	риторические	нериторические	косвенная
Непрямая речь	+	-	+
Нет подсказа в понимании	-	+	+
Нет передачи чужих слов	+	+	-

Модальная (риторическая) классификация предложений является базовой, отправной, ибо она определяет характер ответа (реакции) на воспринятое в диалоге предложение.

С учетом различия интонаций и в соответствии с правилами обмена репликами в диалоге в модальной классификации выделяются четыре класса предложений (см. табл. 30).

Знак «+» обозначает рекомендуемый тип ответа; знак «-» — не рекомендуемый тип ответа; знак «0» — возможный, но необязательный тип ответа. К примеру, на побудительное предложение: *Пойди и сделай это* — следует отвечать действием, но можно и словом, особенно если в предложении содержится побуждение к слову: *Скажи мне, кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною?* (А. С. Пушкин).

При восклицательном предложении — выкрике, по которому судят о душевном, эмоциональном расположении говорящего (*Чтоб тебе!*), ответ словом или действием не требуется. Повествование обязательно надо выслушать — такой ответной реакции здесь бывает вполне достаточно: цель повествовательного предложения — всегда донесение до слушающего некоей информации; сведения принять — ответная реплика необязательна.

Данная классификация позволяет установить средства выражения модальности для каждого класса предложений; таких средств всего восемь.

Таблица 30

Классы предложений	Типы ответа		
	словом	действием	слушанием
Вопросительные	+	0	-
Побудительные	0	+	-
Повествовательные	0	-	+
Восклицательные	-	-	+

1. Простые высказывания и частицы утверждения и отрицания (*да, не/нет*).

2. Частицы вопросительные (*ли*), относительные: (*уж*).

3. Модальные слова (*как будто, кажется, определенно*).

4. Категория наклонения и модальные формы глаголов (*гулял бы, читал бы*).

5. Модальные глаголы (*мочь, хотеть* и др.).

6. Интонации — вопрос, восклицание, побуждение.

7. Формы вежливости.

8. Порядок слов.

Указанные средства выражения модальности по уровням языка объединяются следующим образом, показанным на схеме 29.

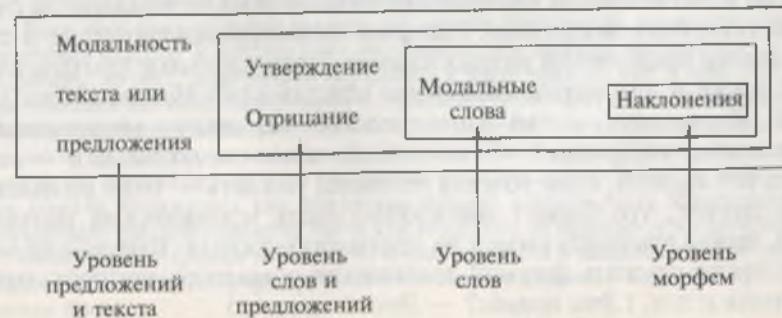
Схема показывает, что средства выражения модальности, с одной стороны, как бы объединяют два смежных уровня, а с другой — подчиняются правилу включения нижележащего уровня в вышележащий.

Рассмотрим названные средства выражения модальности более подробно.

1. Самое простое из них — *да* и *нет* (или *не*). Эти частицы представляют модальные предложения особого типа, они могут входить в состав других предложений в виде отрицания предикатов; они же могут быть частными отрицаниями, т. е. относиться к отдельным второстепенным членам предложения. Таким образом, частицы *да* и *нет* или их эквиваленты составляют широкую речевую категорию, выражающую отклонение или признание некоторых утверждений или их части. Они служат ответом на все виды предложений, кроме восклицательных (*А с мамой ты согласна оставаться? — С мамой да, а с Петькой — нет*).

2. В состав вопросительных предложений могут входить частицы типа *ли*, *уж* и др. (*ходил ли ты, уж полночь близится*), выражающие вопрос или усиление утверждения. Эти частицы всегда относятся к предикату, но сами не могут быть отдельными предложениями. Главная их особенность заключается в том, что они

Схема 29

виоизменяют отношение говорящего или слушающего к содержанию высказывания.

3. Распространенной формой выражения модального значения служат собственно модальные слова *как будто*, *кажется*, *определенно* и т. п., вставляемые в ткань высказывания как вводные. Они модифицируют смысл предложения, выражая сомнение, уверенность, опасение и попутно изменения эмоциональное содержание всего высказывания.

Модальные слова не являются членами предложения, а включают в него как вводные слова, привнося оценку логической и предметно-практической достоверности его содержания. Владение модальными словами позволяет значительно расширить потенциальные возможности выражения смысла речи и связанной с этим оценкой субъективных эмоций. Так, различаются высказывания *thank you!* и *thank you very much indeed!*; *indeed* — модальное слово, с его помощью говорящий подчеркивает, что он действительно кому-то благодарен.

Модальные слова в разных языках по своим значениям довольно однородны.

4. Далее следуют модальные формы глаголов, образующих разные типы наклонений. Следует иметь в виду, что в каждом языке формы глагольных наклонений образуют свою особую систему, их число и состав форм в разных языках варьируют, а сами они весьма разнообразны.

Глагольные категории модальности (наклонения) могут быть довольно тонко дифференцированы: можно образовать большую серию категорий наклонения, которые также могут быть использованы как формы вежливости. Например, в немецком языке: *Helfen Sie mir bitte!* — *Würden Sie mir bitte helfen?* В первом предложении — императив, во втором — кондиционал. В обоих случаях перевод может быть одинаковым: 'Помогите мне, пожалуйста'. Но в оригинале эти два предложения передают совершенно разные стилистические оттенки просьбы.

5. Модальные глаголы *мочь*, *хотеть* и тому подобные не являются выражением наклонения, но как бы дублируют идею наклонений и развивают ее своими значениями и их оттенками. За счет использования модальных глаголов формируется различие в содержании наклонений разных языков. Эти модальные глаголы служат также и для выражения форм вежливости (*Можно войти?*).

6. Интонация — еще одно средство выражения модальности. Пословица утверждает: «Если хочешь человека возвысить — возвысь его словом, если хочешь человека унизить — тоже возвысь». Это значит, что бывает достаточно лишь иронической интонации, чтобы изменить смысл на противоположный. Интонация может также служить формой выражения сомнения, вопроса, приказания и т. п. (*Это правда?* — *Это — правда!*)

7. Чрезвычайно важным средством выражения модальности являются формы вежливости, которые переплетаются с формами наклонений¹.

В разных языках формы вежливости получают самое разнообразное выражение. Так, в малайском языке существуют три вида слов и форм синонимов: «нгоко», «кромо» и «мадьё». На «нгоко» надо говорить со старшими (это гонорифическая форма вежливости), на «кромо» — с младшими, на «мадьё» — с равными.

В английском языке обращение по короткому имени (*Bill, Tom, Bob, Mike* и т. п.) служит своеобразной формой вежливой интимности. Скажем, в США вполне допускается обращение к учителю по краткому имени. В русском языке это будет воспринято как неучтивость, даже грубость.

Понятия «Да — нет», сочетаясь с формами вежливости, составляют с ними единый комплекс. В разных языках формулировки согласия и отказа представлены по-разному и обязательно дополняются соответствующей фразеологией.

Скажем, в японском прямой отказ *нет* воспринимается как невежливый; учтивость требует выразить его особыми формами: *подумаю*, *может быть*, *это трудно* и т. п. В русском языке отказ *нет* также воспринимается как резкий и часто требует подбора синонимов, чтобы несколько смягчить его (например: *да*, *но*...). Напротив, в английском языке этикет вполне допускает отрижение *no* как форму отказа.

От степени развитости форм вежливости зависит характер самого обращения и его восприятия, а также в целом модальность высказывания.

8. Порядок слов также может являться средством выражения приказа, вопроса, просьбы и т. д. Нередко он оформляется и интонацией, соответствующей целевой установке высказывания и подчеркивающей модальную значимость (*Ты пошел?* — *Пошел ты!*).

Таковы основные средства выражения модальности. Знание особенностей и приемов их употребления способствует и грамма-

¹ В русских документах допетровской канцелярии обращение всегда было на *ты*. Если царь кому-то писал грамоту или память (документы, эквивалентные современным приказу и инструкции), то обращался к адресату именно так: *А тебе бы сделать то-то...*; отвечавший обращался к царю тоже на *ты*: *А тебе бы, государь, сделать то-то...*; приказания и просьбы высказывались в сослагательном наклонении. Форма вежливости здесь состояла в том, что корреспонденты, независимо от их ранга, считались как бы членами одной семьи. В силу этого местоимение *вы* понималось только как форма множественного числа, а приказание или просьба выражались как пожелание равных, которое было обязательным к исполнению как для старшего, так и для младшего по возрасту и по положению.

Свообразные формы вежливости представлены и в подписях: бояре подписывались *холопы твои*, лица духовного звания — *богомольцы твои*, все прочие — *сыроты твои*.

тически верному построению высказывания и правильному пониманию его содержания. Элегантный стиль высказывания (текста) во многом зависит от умелого использования средств выражения модальности.

Наибольшая сложность в их употреблении связана с научными текстами. Целенаправленная научная речь всегда предполагает создание ясного образа предмета, но образ научного предмета нередко бывает абстракцией, некоей пока еще нереальностью, — поэтому требуется особая убедительность для привлечения к ней внимания.

Менее всего модальных средств, но зато очень энергично, употребляется в текстах типа «компьютерного документа» (*enter, delete, insert* и т. п.). Здесь они звучат как команда, подсказка или предложение.

В поэтических текстах, в художественной речи модальные средства применяются по-разному, в зависимости от стиля. В умело построенном диалоге фольклорного типа (скажем, в разговоре крестьян) модальные средства также представлены весьма обильно, однако такой диалог почти всегда содержит несколько смысловых пластов. Напротив, диалог на жаргоне обычно почти лишен модальных средств: он напоминает собой своеобразный аналог перекликания птиц, модальные средства в этом случае излишни.

Итак, **модальность** можно определить как категорию, которая обозначает отношение содержания высказывания к действительности и выражается формами наклонений глаголов, интонацией, вводными словами и тому подобным, т.е. передает субъективное общее отношение к действительности вне понятийного построения предложения.

ЛИЦО В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Каждый род словесности характеризуется своим способом создания речи. В устной речи лицо, создающее речь, совпадает с физическим лицом. В письменной речи это качество может быть (но не обязательно) представлено только в письмах. В документах физическое лицо, подпишавшее документ, и физическое лицо, составившее документ, — различные; в тексте документа «лицо» — это организация, от которой исходит документ (например, школа, фирма, политическая партия и т. п.).

В рукописных книгах автор книги и ее переписчик — два различных физических лица, но текст приписывается автору. В печатном произведении физических лиц может быть много: как минимум это автор и издатель, но читатель приписывает содержание текста автору.

При исполнении драматургического произведения актер говорит не от лица автора, а от лица героя пьесы, автор же пьесы для зрителя как бы незаметен и представлен только в программе, где перечислены действующие лица и исполнители.

В массовой информации лицо семантически сложно, оно сочетает в себе направление (позицию) данного выпуска органа информации (его общую программу) и лица авторов корреспонденций. В рекламе и в информационных системах лицо текста есть организация, составившая рекламу, и программа ее воплощения, созданная творческим коллективом. Для получателя информации в этих случаях лицо — коллектив, внутри которого труд по созданию текста разделен.

Всякая письменная речь (греч. *φέρεσθε* 'ложь, вымысл') + *όνομα* 'имя') может быть анонимной или излагаться от лица *псевдонаима*. Псевдонимом может быть и литературный мистификатор, приписывающий текст другому лицу.

Литературно образованный человек по характерному стилю определяет соотношение физических лиц, реально создающих текст, и официальных лиц, представляющих текст как его создатели. Для получателя текста это важно, так как осознание характера отношений физических и официальных лиц есть основа понимания текста.

Если отвлечься от прямой и косвенной прямой речи и от соотношения физических и официальных лиц, то на первый план выступает **грамматическое лицо предложения**. Но его конкретное содержание неизбежно зависит от толкования лиц текста.

Средства выражения лица прежде всего различаются по их отнесенности к смыслу конкретных слов, составляющих предложение. В этом качестве выделяется три лица: первое — **источник действия** (речи) или субъект состояния; второе — **лица** или предметы, к которым обращена речь, и третье — **предмет речи**.

Лицо в предложении всегда обозначается в двух аспектах, которые связаны между собой. Первым аспектом является контекст речи, из которого сразу становится ясно, ведется ли речь от лица самого создателя речи или передается чужая речь. Например:

1. *Созерцать* (выделено автором. — Прим. ред.) научила нас Россия.
В созерцании наша жизнь, наше искусство, наша вера...

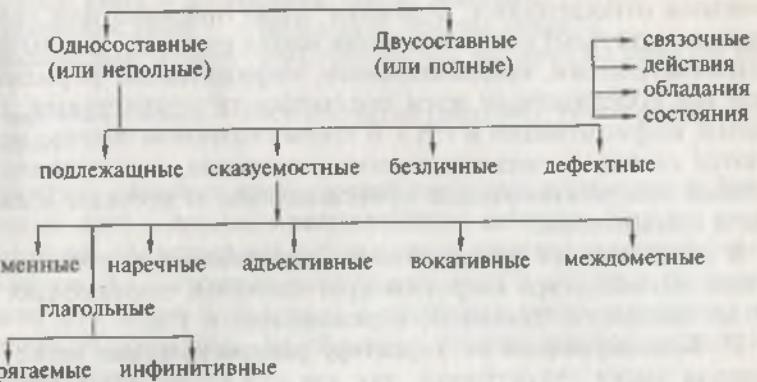
(И. А. Ильин)

2. Как таинственно и еще совсем непонятно звучали пророческие слова:

Европа цезарей! С тех пор как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних,
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта.

(В. П. Катаев)

Предикативная классификация предложений

3. ...На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда привезать. Дети его родственницы, балованные ребятишки, хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и черносливу и думала тихонько от них убраться. — Но Петр Марк, их взбудоражил, он к ним прибежал: дети! дети! мать Вас обманывает — не ешьте черносливу; позажмите с ней. Там будет Пушкин — он весь сахарный, а зад его яблочный; его разрежут и всем вам будет по кусочку — дети разревелись; Не хотим черносливу, хотим Пушкина...

(А. С. Пушкин)

По контексту определяется и лицо своей речи (первый пример), и лицо прямой речи (стихи во втором примере), и лицо косвенно-прямой речи (третий пример), когда своими словами пересказывается речь другого лица.

Самым простым способом обозначения лица является использование личных местоимений и личных форм глаголов.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Свои характеристики предложения получают в предикативной и в структурной классификациях (классификации по степени и характеру распространения).

I. В предикативной классификации (см. схему 30) устанавливается, каким образом выражена предикация, т.е. каким грамматическим способом предмету речи приписывается признак.

Односоставные предложения определяются в грамматиках как неполные: с пропущенным и подразумеваемым подлежащим или сказуемым, т.е. сочетание субъекта и предиката представлено в одном члене предложения, который обычно выражается одним словом (*Морозило*, *Тишина*, *Глупость!*, *Яблок-то*, *яблок!* и т.п.). Можно сказать, что в односоставных предложениях отсутствуют соотносительные подлежащее и сказуемое, и представлен только один главный член предложения, который может быть формально отождествлен или с подлежащим, или со сказуемым двусоставного предложения.

Подробную классификацию односоставных предложений разработал академик А. А. Шахматов¹. Все односоставные предложения по смыслу и по средствам словесного выражения разделены на следующие категории.

Подлежащие: *И смех, и горе. Год и число. «На улицах кабак, нечистота! Позор, поношенье!»* (Н. В. Гоголь) *Бедная мать! Ничего хорошего. Ну, книг-то! Со всякого по крохе — голодному пироги. Несколько секунд тишины. Три часа утра. «Много ли больных? —*

Семнадцать человек. Какое горе! Редкое свидание — приятный гость.

Сказуемостные:

1. Именные: *Браво! Хорошо! Благородный человек. Ах, прелест!* *Aх, как мил!* *Экое дурачье!*

2. Наречные: *И полно, что за счеты. Здорово!*

3. Адъективные: *Служить бы рад, прислуживаться тошно.* (А. С. Грибоедов.) *Да ведь как болен!*

4. Вокативные: *Коля! Маша!*

5. Междометные: *Ну, на уж..., на!*

6. Глагольные:

— спрягаемые: *Хочу, так не шучу!* *Буду казнить их презрением.* *Танцовщицу держал!* *и не одну, трех разом!*

— инфинитивные: *Добро пожаловать!* *А вы — стоять на крыльце и ни с места!* *На пол не плевать!*

Безличные: *Морозит.*

Дефектные: *Подалее от этих хватов, в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!* (А. С. Грибоедов.) *Ваше благородие, за ваше здоровье! (пью).*

Двусоставные (или полные) предложения содержат в себе не только модальное соотнесение данного высказывания с действительностью, но также и разные формы внутреннего членения согласно отношениям членов предложения друг с другом. Это значит, что в таких предложениях могут быть выделены соотносительные члены, связанные предикативными отношениями.

Следует отметить, что эти отношения универсально представлены в разных языках:

— связочные отношения (*Она — студентка*);

— отношение действия (*Она пошла гулять*);

¹ См.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л., 1941.

- обладания (*У нее есть талант*);
- состояния (*Она смеется, ей весело*).

Двусоставные предложения, наделенные теми или иными связочными отношениями, отражают идею признака или свойства предмета, поэтому сказуемое в них всегда именное, т. е. выражено существительным, прилагательным, нефинитными формами глагола (не содержащими идеи предметности причастиями, герундиями, инфинитивами и т. п.). В таком сказуемом обычно используются связки и связочные слова, имеющие, как правило, глагольное или местоименное происхождение и несущие идею бытия и становления.

В двусоставных предложениях, отражающих отношения действия, используется широкий круг глаголов, передающих идею труда, движения, процесса, перемещения и т. п.

II. Классификация по характеру распространения может быть названа также структурной, так как объясняет синтаксические связи членов предложения в условиях его распространения. Схема 31 отражает синтаксические отношения членов предложения.

Особенностью структуры **простых предложений** является то, что она организуется единым предикативным центром, в котором объединяются формы выражения категорий времени, модальности и лица. Под предикативным центром понимается формально выраженная связь между подлежащим и сказуемым (в частности, в русском языке это согласование в числе и роде).

Нераспространенные простые предложения содержат только так называемые главные члены — подлежащее, которое в русском языке чаще всего передается формой именительного падежа существительного или местоимением, и сказуемое, выраженное личной формой глагола, краткой формой причастия, прилагательного или другими морфологическими средствами: *Студент читает*.

В состав **распространенных** простых предложений наряду с главными членами входят второстепенные — дополнение, определение, обстоятельство. Второстепенные члены служат для пояснения главных членов предложения и могут, в свою очередь, определяться и дополняться поясняющими их самих второстепен-

ными членами. Например: *Студент очень внимательно читает интересную книгу*.

- *читает книгу* — дополнение, объект действия;
- *интересную книгу* — определение, признак объекта;
- *внимательно читает* — обстоятельство, указание на характер действия;
- *очень внимательно* — обстоятельство (наречие), уточнение характера действия.

Структура **сложных предложений** включает в себя два и более связанных друг с другом предикативных центров. Каждое такое предложение представляют собой единое интонационное и смысловое целое, но состоит из нескольких частей, которые структурно более или менее однотипны с простыми предложениями, но, в отличие от последних, не обладают интонационной и смысловой законченностью.

Следует помнить, что главными интонационными средствами, выполняющими основные функции в организации предложения, являются ударение и мелодика, благодаря которым определяется членение предложения и оформляется его внутреннее единство.

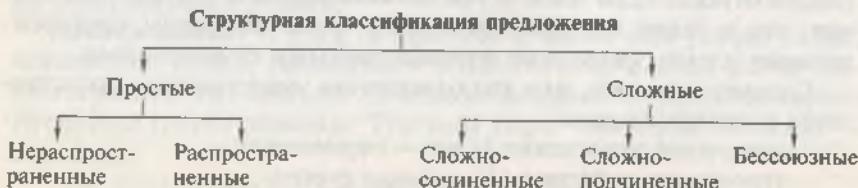
Сложносочиненные называются такие сложные предложения, в которых части, концентрируясь вокруг своих предикативных центров, объединяются друг с другом при помощи сочинительных союзов и интонации сопоставительными, разделительными, соединительными или противительными отношениями. Будучи взаимозависимы, вместе они образуют структурное и смысловое единство — *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог* (Евангелие от Иоанна, 1, 1).

Сложноподчиненные — это такие сложные предложения, в которых части объединяются подчинительной связью при помощи соответствующих подчинительных союзов, относительных местоимений и местоименных наречий, а также интонации: *Чувство бесконечного отвращения, начинавшее давить и мутить его сердце еще в то время, как он только шел к старухе, достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от тоски своей* (Ф. М. Достоевский).

В **бессоюзных** сложных предложениях соединение частей в синтаксическое единство обеспечивается при помощи ритма и мелодики.

Характерной их особенностью является широкая вариативность возможностей соединения в них простых предложений: *Западные люди толкуют о нашем двоедушии и лукавом коварстве; они принимают за желание обмануть — желание высказаться и похвастаться. У нас тот же человек готов наивно либеральничать с либералом, прикинуться легитимистом, и это без всяких задних мыслей, просто из учтивости и из кокетства...* (А. И. Герцен).

Схема 31

Организация предложения

1. Предметный смысл
1.1. Делимость общего смысла на части
1.2. Предикация

1.3. Определение единиц лексики
1.4. Члены предложения

1.5. Уровневое членение
1.6. Словосочетания как образование сложных понятий | 2. Форма предложения
2.1. Ритм речи

2.2. Выделение предикативной паузы (отличие ее от фразовых пауз предложения и хезитацию)
2.3. Отделение свободных слов от фразеологизмов, терминов и идиом

2.4. Формальные признаки членов предложения
2.5. Союзы и их эквиваленты
2.6. Формы словосочетаний |
|--|--|

Итак, как синтаксическая единица и как главная грамматическая форма выражения и сообщения мысли в процессе коммуникации предложение представляет собой единство его материально выраженных членов, порядка их позиций относительно друг друга и интонации. В русском языке характерные признаки предложения составляют интонация и предикативность, т.е. соотнесение содержания высказывания с действительностью, которое выражается в категориях модальности (наклонения), времени и лица.

С учетом этого предметом изучения синтаксиса являются правила и способы соединения слов в словосочетания и предложения, а также типы строения словосочетаний и предложений. Причем каждый из объектов изучения «выступает как структурный элемент более сложного грамматического образования: слово и его формы — как элемент словосочетания и предложения; словосочетание — как элемент структуры разных видов распространенных предложений; в сфере предложения, в свою очередь, простое предложение — как элемент структуры сложного предложения»¹.

Это значит, что на синтаксическом уровне новые классы всегда представляют распространение путем включения в свой состав уже имеющихся классов: так, словосочетание построено из слов, предложение построено из словосочетаний, т.е. развитие классов есть увеличение длины единицы, представляющей класс. Это различие в образовании классов начинается с разделением

частей речи и членов предложения: единицей класса «часть речи» может быть только слово, единицей класса «член предложения» бывает и слово, и сочетание слов.

Общая структура построения и синтаксического разбора предложения в любом языке представлена в схеме 32.

Следует учитывать, что чем выше уровень описания языка, тем больше отклонений возникает при реализации системы в текстах. Поэтому, описывая синтаксис, грамматики стремятся предусмотреть относительную свободу для комбинирования слов в речи. Кроме того, синтаксис сам по себе разделен на несколько подуровней описания: простые и сложные предложения, главные и второстепенные их члены, грамматическая структура предложений и ее варианты, обусловленные типами модальностей и т.д. Единицы каждого подуровня определяются через позиционную представленность слов, а категориями синтаксиса в этом случае являются правила расположения единиц одного подуровня относительно единиц другого подуровня.

¹ Виноградов В. В. Основные принципы русского синтаксиса // Избр. тр. Исследования по русской грамматике. — М., 1975. — С. 222.

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

ОТДЕЛЬНОСТЬ И ТОЖДЕСТВО СЛОВА

В письменном литературном языке границы слова оформляются, в частности, правилами слитного и раздельного написания.

Слитность и раздельность написания зависят от осмыслиения высказывания. Если написание слитное, то следует понимать, что на письме выражено единое, цельное, нерасчлененное понятие; если написание раздельное, это означает, что выражено возможно единое, но расчлененное понятие.

Цельность или расчлененность понятия предполагает, что для его выражения существуют соответственно либо одна, либо несколько лексических единиц языка. Допустим, слово *некоторый* означает 'плохой' как постоянный признак предмета, но в словосочетании *некоторый дом* появляется оттенок 'подозрительный, заколдованный, зловещий' и т. п. При раздельном написании словосочетание *не хороший* можно истолковать как временный признак, который можно изменить в словосочетании *не хороший дом* прилагательное приобретает значение 'плохой'.

От смысловой трактовки высказывания зависит способность лексического комплекса включать в себя новые компоненты. Так, если между частями указанного словосочетания можно вставить третье слово, то получается комплекс *не очень хороший*. Такая вставка с выделением отрицательной частицы в отдельное написание возможна в примере со значением 'плохой' и невозможна в примере со значением 'заколдованный'.

Так обнаруживается различие между отрицательными прилагательными как классом слов и лексическим обозначением отрицания прилагательных. В первом случае *не* — часть слова (морфема), во втором — отдельное слово (отрицательная частица).

К этому следует добавить, что внутри лексического комплекса его компоненты могут перемещаться относительно друг друга: если это возможно, то это словосочетание: *дом хороший ~ хороший дом*; если невозможно — перед нами единое слово (исключения крайне редки: *лизоблюд ~ блюдолиз*¹). Если перемещение частей слож-

Таблица 30

Лексические единицы	Невозможность вставки между частями	Неясность отдельности частей	Новое значение при перемещении
Два слова	—	+	+
Одно сложное слово	+	+	—

ной лексической единицы дает новое значение, то обе эти единицы являются отдельными словами (*щелкопер ~ перо щелк*¹).

Эти отношения можно представить в таблице 30.

Если перемещение частей сложного слова меняет грамматическое значение одной из них или всего комплекса, то эти части могут быть двумя отдельными словами. Например, англ.: *a housemaster* — 'заведующий интернатом' (имя), но *to master the house* — 'вести дом, хозяйство' (глагол и имя). Критерий смены грамматической отнесенности слова является абсолютным, поэтому грамматическая отнесенность слова также является важным и окончательным критерием его отдельности.

Отдельное слово как единица языка должно в разных употреблениях отождествляться в своем значении и применении:

Идет дождь.

Капли дождя.

Мы обязаны урожаем этому дождю.

Я не люблю дождь.

Пыльцу цветов смыло дождем.

Побеседуем о дожде.

Или:

Я прошу Вас об одолжении.

Я просил Вас об одолжении.

Я буду просить Вас об одолжении.

Эти примеры показывают, что одно и то же слово изменяется в своем звучании, сохраняя при этом свою отдельность и тождество. Перемены в звучании, не разрушающие ни тождества значения, ни отдельности слова, называются *словоизменением*.

Словоизменение во всех его звуковых различиях сохраняет тождество слова и демонстрирует его отдельность.

Совокупность изменений в звучании слова, не ведущих к нарушениям его тождества и отдельности, называется *единой минимальной лексемой*. Так, *дождь, дождя, дождю, дождь*,

¹ См.: Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М.: Л., 1947. — С. 10.

¹ См.: Виноградов В. В. Русский язык. — С. 10.

дождем, дожде суть **словоформы** одной единой **лексемы** как единицы лексики.

Сочетание слов **фото-** и **кинопродукция** — это одна лексема, так как в этом сложном слове падежное оформление получает только второй компонент: **фото-** и **кинопродукция**, **фото-** и **кинопродукции** и т.д. Оно является единым по критерию словоизменения. Ср. также: **трехверстный, трехверстного, тысячеверстный, тысячеверстного** и т.п.

Таким образом, словоизменение указывает на границы слова. Это свойство обусловлено тем, что каждая словоформа представляет собой способ применения слова в определенных синтаксических условиях.

Правило определения границ слова по признаку словоизменения относится ко всем языкам, хотя не все языки обладают словоизменением. Так, в древнекитайском языке словоизменение отсутствует, здесь принадлежность слова к той или иной части речи определяется его позицией в предложении. Языки типа китайского (их называют **синитическими**) по характеру словоизменения противостоят другим языкам: в основной массе языков словоизменение в большей или меньшей степени представлено.

Совокупность словоформ (словоизменительных форм) одного и того же слова называется **парадигмой слова**, и каждая первая словоформа является составляющей парадигмы этого слова. Характеристики членов парадигмы определяются по тому, какую роль они играют в словосочетании. Рассмотрим с этой точки зрения слово **дождь**:

дождь идет — подлежащее;
капли дождя — определение;
мы обязаны этим дождю — косвенное дополнение;
люблю дождь — прямое дополнение;
смыло дождем — косвенное дополнение;
побеседуем о дожде — косвенное дополнение.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Грамматической категорией называется связь грамматического значения и грамматической формы.

Если лексические значения описывают предметы, их образы, их признаки, то грамматические значения описывают свойства слов. Лексическое значение ориентировано на мир, о котором сообщается в высказывании; грамматическое значение направлено на слова, с помощью которых создаются эти высказывания. Грамматическое значение содержит представления о всех свойствах слов и правилах их соединения.

Грамматическая форма — это те признаки в словах и правилах их сочетания, которые служат средствами выражения грамматических понятий.

В традиции грамматических описаний существует два метода выведения грамматических категорий — универсально-содержательный и формальный.

В случае применения универсально-содержательного метода сначала задаются значения, которые, по мнению грамматиста, должны быть универсально представлены во всех языках, а затем отыскиваются формы, с помощью которых эти значения выражаются: скажем, значение множественного числа у имен существительных или местоимений. Так, авторы первых грамматик китайского языка перечисляли все средства выражения множественности предметов: обращение к множеству лиц (*чжу вэй* 'вы уважаемые'); суффикс личных местоимений (*мынь* — букв. 'люди этого дома'); словообразование, позволявшее передать значение собирательности (*жэнь минь* — букв. 'человек, люди, народ') за счет соединения синонимичных основ в одном слове.

В русской грамматике до А.Х. Востокова (1781 — 1864) практически все значения латинских категорий времени приписываются русским глаголам либо в формах их словообразования, либо через сочетания с наречиями времени.

В случае применения формального метода поступают противоположным образом: движение исследования исходит из материала конкретного языка. Здесь грамматическая форма складывается из суммы регулярных признаков изменения звучания слова. После определения грамматической формы устанавливаются грамматические понятия, отвечающие этим формам.

Например, имена существительные женского рода на **-а** в разных падежах имеют однородные окончания:

Лексико-грамматическая категория — слова женского рода на **-а**

Весн-а,	волн-а,	собака-а,
Весн-ы,	волн-ы,	собак-и,
Весн-е,	волн-е,	собак-е,
Весн-у,	волн-у,	собак-у,
Весн-ой,	волн-ой,	собак-ой,
Весн-е,	волн-е,	собак-е и т.д.

Категория
падежа

Однородные изменения в звучании

Однородные изменения в звучании представляют формы выражения разных падежей, а каждому падежу необходимо найти соответствующее значение — предметности, признака, исходного пункта и адресата, объекта действия, инструмента, затронутого действием предмета. Так формируется категория падежа в це-

лом и категорий отдельных падежей как регулярные изменения слов и связанных с ними значений.

При таком подходе мы имеем дело с формальным методом: движение осуществляется от формы к значению; в рамках этого метода категория падежа как целого и категории отдельных падежей называются *грамматическими категориями*. Им противостоят *лексико-грамматические категории*. В такую категорию объединяются группы слов (в нашем примере слова женского рода с окончанием на *-а*, грамматические изменения которых происходят в общих для них формах (в данном случае это окончания *-а*, *-ы* (*-и*), *-е*, *-у*, *-ой*).

Таким образом, в формальной грамматике (основанной на формальном методе) грамматические категории всегда противопоставлены лексико-грамматическим категориям.

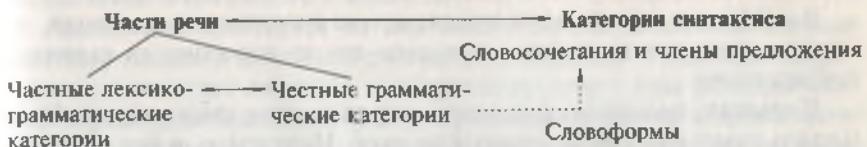
Противопоставление универсально-содержательной и формальной грамматик не абсолютно, их связь определена понятием *формальный признак*. Формальным признаком (или признаками) называются любые внешние проявления в материале языка, которые могут быть объединены грамматическим понятием и стать формальным основанием для грамматической категоризации.

Словосочетания и члены предложения по своим значениям и функциям универсально представлены в любом языке. Но в каждом языке они обладают материально различающимися формальными признаками. Объединение формальных признаков членов словосочетаний и членов предложения в разных языках позволяет построить *межязыковые грамматические категории*. Такое объединение может осуществляться при сравнении и анализе грамматик разных языков *сопоставительной грамматике* — особом разделе языкоznания.

Но и описание одного языка должно исходить из принципов единства выражения мысли в слове, т.е. из того, как формальные признаки, наблюдаемые в данном языке, соотнесены со словосочетаниями, с их членами и членами предложения. При этом единство мыслительной деятельности, свойственное человечеству, сочетается со своеобразием звукового строя каждого конкретного языка.

Части речи — это классы слов, которые определяются по их сочетаемости и по их функционированию в качестве членов словосочетаний. Они являются пунктом, где соединяются общие законы выражения мысли в слове и особенности звукового строя конкретного языка. Поэтому части речи называются общими грамматическими или общими лексико-грамматическими категориями (см. раздел «Части речи»).

Схема соотношения общих категорий синтаксиса и звукового своеобразия каждого отдельного языка отражена в схеме 33.

Связь частных грамматических категорий с категориями синтаксиса определяется соотношением изменяемости звуковой материи слова с его представленностью в словосочетании и выражается через словоформы. Совокупность словоформ, характеризующая слово как лексему, представляет категории словоизменения.

Соотношение синтаксического использования и изменения звукового состава слова проявляется в так называемых нулевых формах.

Ср.: дом-о	дорог-а (им. п.)
дом-а	дорог-и (род. п.)
дом-у	дорог-е (дат. п.)
дом-о	дорог-у (вин. п.)
дом-ом	дорог-ой (твор. п.)
дом-е	дорог-е (предл. п.)

Склонение слова *дом* по падежам такое же, как у слова *дорога*: одинаковы и синтаксические позиции, и значения. Но слово *дорога* меняет свой звуковой состав во всех позициях, а *дом* не во всех. Для установления аналогии синтаксических позиций у слова *дом* в именительном и винительном падежах признается нулевая форма. Без этого построить единообразное синтаксико-смысловое использование словоформ нельзя.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ И НЕСИНТАКСИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ

Связи слов в словосочетаниях и связи членов предложения определяются в первую очередь порядком слов. В большинстве языков мира порядок слов является важнейшим средством обозначения связей слов. Скажем, в английском и немецком языках определение ставится перед определяемым словом: *the red star, der rote Stern* 'красная звезда'; иначе во французском языке: здесь определение ставится после определяемого слова: *l'étoile rouge* 'красная звезда'. Во всех этих языках подлежащее, за исключением особых случаев, ставится перед сказуемым: *les députés votent* 'депутаты голосуют'.

В китайском языке определение предшествует определяемому: *хун син* 'красная звезда', во вьетнамском — наоборот, ставится

после определяемого слова. В обоих этих языках подлежащее предшествует сказуемому: кит. *дайбюо тоупяо* 'депутаты голосуют'.

В арабском языке, если предложение начинается с глагола, то за ним следует дополнение и только после дополнения ставится подлежащее.

В языках, подобных русскому, порядок слов также может быть использован для связи между словами. Например, в тех случаях, когда звуковой облик слов в разных падежах совпадает. Скажем, формы слов *мать* и *дочь* в именительном и винительном падежах идентичны, и поэтому отнесение того или иного из них к подлежащему и дополнению определяется порядком слов: подлежащее перед сказуемым, дополнение после сказуемого (*мать любит дочь* ~ *дочь любит мать*). Однако в русском языке каждая знаменательная часть речи обладает совокупностью словоформ (исключение составляют лишь некоторые заимствования и наречия), поэтому порядок слов может замещаться отношением словоформ, связывающих слова в словосочетания. Так, у существительных форма именительного падежа используется для обозначения подлежащего и именного сказуемого, форма родительного падежа для обозначения определения и дополнения и т.д. (например: *Студент слушает лекции. Иванов — студент. Чашка соли. Дай мне соли.*).

В русском и подобных ему языках связи слов в словосочетаниях осуществляются через *согласование, управление и примыкание* словоформы. Примыкание подчиняется правилам порядка слов; согласование и управление дополняют и развивают его.

Примыкание означает синтаксическое соединение слов при сохранении их грамматической самостоятельности: *быстро читать*.

Согласование есть уподобление зависимого слова по категории главному слову. Так, в русском языке прилагательные уподобляются по роду, числу и падежу существительным, к которым они относятся как определение к определяемому: *хорошая книга* (им. п. ед. ч.), *хорошей книги* (род. п. ед. ч.), *хорошие книги* (им. п. мн. ч.), *хороших книг* (род. п. мн. ч.) ~ *хороший стол* (ед. ч. муж. р.) и т.д.

В русском и многих других языках глагол-сказуемое согласуется с подлежащим в числе и (в прошедшем времени) роде: *он идет; они идут; он пошел* (муж. р. ед. ч.); *они пошли* (мн. ч.); *ты идешь; Я иду* и т.д. Англ.: *I am going ~ They are going* — 'Я иду ~ Они идут'.

При управлении выбор словоформы подчиненного слова зависит от формы главного: *вижу книгу; смеюсь над книгой; рад книге* и т. п.: падежная форма дополнения устанавливается в зависимости от лексико-грамматической категории глагола-сказуемого.

Если главное слово требует согласования или управляет второстепенным словом, то грамматическая словоизменительная категория первого называется *несинтаксической*; если второстепенное слово согласуется или управляет главным, то слово-

изменительная грамматическая категория подчиненного слова называется *синтаксической*.

Разделение категорий на синтаксические и несинтаксические принято только в традиции русской грамматики. Такая классификация определяет главные и второстепенные слова словосочетания в условиях большого разнообразия словоформ и достаточно дробного деления частей речи на лексико-грамматические категории (см. раздел «Синтаксические и несинтаксические грамматические категории»).

В языках, где разных лексико-грамматических категорий и частных грамматических категорий сравнительно немного или они отсутствуют, связь между словами в случае потребности разнообразить формы сочетаний слов регулируется предлогами и послелогами.

ПРЕДЛОЖНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И РОЛЬ ПОСЛЕЛОГОВ

Использование предлогов относится к сфере не только грамматики, но также и фразеологии языка. Они обеспечивают связь между глаголом и именем существительным, между двумя существительными и при необходимости разнообразить смысл атрибутивных и объективных словосочетаний:

Пошел на каток, пошел в театр, пошел по миру и т.д.
Англ.: *go to skating-rink, go to theatre, go through the world*.

Каток на дворе, театр в городе, мир во мне.
Англ.: *skating-rink on the yard, theatre in the town, world in me*.

Роль предлогов, таким образом, заключается в установлении связей между главным и зависимым словом и в создании смыслового разнообразия этих связей.

У послелогов иная функция. Они тесно присоединяются к слову, составляя с ним единый словокомплекс, уточняя его отношение к другим словам. Например, возвратный послелог *-ся*: *купать — купаться, живет — живется*; или *-то* после существительных и местоимений: *А поэт-то плох!* Роль послелогов состоит в уточнении синтаксических отношений: идеи возвратности, т.е. обращенности действия на его исходный пункт, и обозначения состояния. В первом случае имеет место создание возвратных глаголов, обозначающих состояние источника действия, созданное самим источником действия (частица-послелог *-ся*) или смысловое выделение предмета речи (послелог *-то*).

В языках, где нет предлогов, а есть только послелоги, значение выражается не отдельными словоформами, а именно послелогами. Но такие значения не отражают разнообразные отношения слов в словосочетании, а указывают на связанныйность данного слова

с тем или иным членом предложения. Например, в тибетском языке послелоги обозначают отношение сказуемого к именным членам предложения. Так, послелог *-са* обозначает источник действия, *-ли* — место действия и т. п. В тюркских и типологически подобных им языках послелоги различают члены предложения.

В языках, где представлены и предлоги, и послелоги, образуются предложно-послеложные конструкции, функция которых состоит в смысловом уточнении второстепенных членов предложения путем указания места и времени, как, например, в китайском языке: *цай сюэсяо-ли* — дословно ‘в-школа-внутрь’; *цун на-ли*: ‘из-это-внутри, от этого, начиная с этого’ и т. п.

СИНТЕТИЧЕСКИЕ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Предложное управление предполагает участие служебных слов в выражении отношений глагола и имени существительного или между двумя существительными. Управление с помощью предлогов не может быть названо частной грамматической категорией, так как она предполагает одно- однозначную связь между словоформой и грамматическим значением. Такой однозначной связи в управлении с помощью предлогов нет. Только значения падежей и отвечающие им падежные формы могут представлять частные грамматические категории. Поэтому термин ‘управление’ понимается в двух смыслах: а) как сочетание частных грамматических категорий и б) как использование предлогов для выражения отношений глагола и имени существительного или двух имен существительных.

Однако в особых случаях сочетание служебных слов со знаменательными может служить средством выражения частных грамматических категорий. К таким случаям относятся следующие.

1. Частная грамматическая категория представляет собой отношение более общей категории к системе менее общих. Например, категория числа имен существительных и категория единственного и множественного числа отдельно; категория лица глаголов и категория трех лиц глагола порознь.

Ср. *дом*, ед. число } — категория числа
 дома, мн. число }

Или *иду*, 1 лицо } — категория числа
 идешь, 2 лицо }
 идет, 3 лицо }

2. Служебное слово в составе формы частной грамматической категории используется только для связи со знаменательным словом, утрачивая свое собственное значение. Например, категория времени в русских глаголах:

работаю, наст. }
работал, прош. }
буду работать, буд. }

В сочетании с инфинитивом глагол *быть* теряет свое связочное значение, которое он имеет в связочных предложениях (*Он был рабочим. Я буду рабочим. Я — рабочий.*). В форме будущего времени *буду работать* он становится служебным словом, у которого собственного значения нет вообще, он осмысливается только вместе со знаменательным глаголом.

3. Служебное слово в сочетании со знаменательным, сохраняя единство значения, противопоставляется формам частного словоизменения и выполняет функцию связи слов в словосочетаниях и предложениях. Так, русская форма будущего времени обозначает место глагола в предикативной конструкции и соотносит глагол с подлежащим и другими членами словосочетаний:

Я буду работать над книгой, по дереву... и т. д.
подлежащее сказуемое дополнение

Если из этого предложения убрать частицу *буду*, предложение станет грамматически неправильным.

Аналитические формы и отвечающие им категории должны удовлетворять трем критериям: грамматической правильности в синтаксическом применении, семантической опустошенности служебного компонента и вхождения в парадигму форм словоизменения. В иных случаях сочетания знаменательного слова со служебным аналитической формой не является.

Аналитические формы чаще всего образуются у слов, выполняющих в словосочетаниях предикативные функции. Это объясняется тем, что они в ходе языковой эволюции замещают (частично или полностью) прежние синтетические формы, которые в силу тех или иных причин утрачиваются.

Подобные исторические процессы аналитизации наблюдаются, в частности, в индоевропейских языках. Напротив, для синтетических языков характерны процессы осложнения глагольных основ аффиксами, выражающими вид (и через него указывающими на время). В китайском языке глагол *цзо* ‘делать’, осложненный аффиксом *-ла* (*цзо-ла*), обозначает завершение действия; осложненный аффиксом *-го* (*цзо-го*) — перфектность или опыт совершения действия. В этом случае можно говорить об историческом процессе синтезации языка. В то же время развитие тибетского языка, предположительно родственного китайскому, демонстрирует процесс аналитизации форм глагола.

Некоторые языковые семьи сохраняют относительную устойчивость аналитизации и синтезации форм.

Таблица 32

Категории словоизменения	Члены предложения					
	Подлежащее	Сказуемое глагольное	Сказуемое именное	Определение	Дополнение	Обстоятельство
Число	+	+	+	+	+	-
Род	0	+	+	+	0	0
Падеж	+	-	+	+	+	0
Вид	-	+	-	+	-	0
Наклонение	-	+	-	-	-	-
Залог	-	+	-	0	-	0
Лицо	+	+	0	0	0	0
Время	-	+	+	0	0	0

т.е. в данной категории соединились почти все части речи — кроме наречий.

Категория рода для имен существительных, с точки зрения частных синтаксических грамматических категорий, является незначимой, несинтаксической (0); но для прилагательных, числительных, местоимений, финитных форм глагола и причастий она значима (+).

У каждой части речи синтаксические категории имеют свое специфическое значение. Так, у имен существительных обозначает число счетность предметов, у прилагательных и причастий — указывает на их соотнесенность с существительным, у глаголов — характер источника действия и состояния.

Общим значением для всех синтаксических категорий является то, что они выражают связь между частями речи, которая ясно указывает, в каком отношении друг к другу находятся части речи в тех или иных синтаксических позициях.

Таблица 32 показывает взаимоотношения между частными грамматическими категориями словоизменения и членами предложения.

Категория числа связывает почти все члены предложения (кроме обстоятельства) в их разных синтаксических функциях. Роль категории рода для подлежащего и дополнения незначима (0); для сказуемого и определения — значима (+). Категория падежа существенна для подлежащего, именного сказуемого, определения и дополнения.

Таблица 31

Часть речи	Синтаксические категории словоизменения								
	число	род	падеж	вид	наклонение	залог	лицо	время	
Существительное	+	0	+	-	-	-	-	-	
Прилагательное	+	+	+	-	-	-	-	-	
Числительное	0	+	+	-	-	-	-	-	
Местоимение	+	+	+	-	-	-	+	-	
Глагол									
финитная форма	+	+	-	+	+	+	+	+	
инфinitив	-	-	-	+	-	-	-	-	
причастие	+	+	+	+	0	0	-	+	
деепричастие	-	-	-	+	-	-	-	0	
Наречие	-	-	-	-	-	-	-	-	

Как показывает расположение знаков «+» и «-» в таблице, сказуемое является грамматическим центром предложения, ему свойственны все грамматические категории, кроме падежа. Категория падежа противопоставляет именные члены предложения сказуемому. Так разделяются подлежащее и сказуемое; им вместе противопоставлено обстоятельство.

Подобного рода связи образуют ядро грамматики русского языка (и исходных ему по типу языков): в нем они представлены максимально, в других языках необходимости в тех или иных категориях нет, и их число сокращается в зависимости от того, насколько жестко фиксированным является в них порядок слов и каков он. Например, категория рода отсутствует в тюркских, малайско-полинезийских, синитических (вьетнамский, китайский, тибетский, бирманский и т.д.) языках. В них синтаксическая позиция слова исчерпывающе показывает все отношения между словами.

Синтаксические категории, рассмотренные относительно частей речи и членов предложения, упорядочивают языковые высказывания. В них осуществляется отделение грамматических признаков слова от его предметного значения.

ЧАСТНЫЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Конкретные формы синтаксических категорий и их применение зависят не только от употребления частей речи в словосочетаниях и предложениях, но также от смысловой и фонетической характеристики слов и их групп, входящих в определенную часть речи. С частными лексико-грамматическими категориями соотносятся формы синтаксических словоизменений.

Рассмотрим значение частных грамматических категорий с точки зрения детального различия ими слов, их содержания и их грамматического использования:

1. Существительные:

Род (общий, мужской, женский, средний).

Одушевленные — неодушевленные.

Собственные — нарицательные.

Предметные — вещественные.

Собирательные — несобирательные.

Склоняемые — несклоняемые.

2. Прилагательные:

Полные, краткие, усеченные.

Качественные — относительные.

Притяжательные — непротяжательные.

Оценочные — неоценочные.

Степени сравнения.

3. Числительные:

Разряды 1 ~ (2, 3, 4) ~ (5 — 10) ~ (11 — 20) ~ (40 и 90) ~ (100) ~ (200 — 300) ~ дробные.

Собирательные.

Неопределенко-количественные.

Счетные слова и счетные существительные).

Количественные — порядковые.

4. Местоимения:

Вопросительные — относительные (синтаксис).

Определенные — неопределенные (артикль).

Отрицательные — определительные (модальность).

Личные — предметные (предикация).

Возвратные — притяжательные (залог и переходность).

5. Глаголы:

Личные, безличные, лично-безличные.

Сопрягаемые, инфинитив, причастия, деепричастия.

Переходные — непереходные.

Вид и способ действия.

6. Наречия:

Простые, составные, сложные.

Качественные

определительные,

оценочные,

сравнительные,

количественные,

изобразительные.

Обстоятельственные

времени, места,

направления,

причины, цели,

меры, степени.

Все части речи в соответствии с разделением на частные лексико-грамматические категории обладают своими формами словоизменения и тем самым формальными различиями. Рассмотрим их подробнее, спуская некоторые из имеющихся сходных особенности.

1. Существительные

Род — важнейшая частная лексико-грамматическая категория имен существительных. В тех языках, где есть эта категория, она относится к названиям живых существ, имеющих пол. Но большинство существительных не обозначает живых существ, и разделение по родам определяется формами словоизменения (ср. *топор, щетка, весло*). Формы словоизменения разводятся по типам склонения, т.е. каждому типу склонения соответствует своя система форм словоизменения.

Категория рода существительных представлена далеко не во всех языках, но половые различия живых существ при этом так

или иначе выражаются¹. В некоторых языках существует категория так называемого общего рода, противопоставляемая остальным родам.

Одушевленные — неодушевленные: эта категория, например, в русском языке всегда пронизывает все представления о предмете, что отражается и в формах склонения.

Собственные — нарицательные: из них собственные — это имена единичных предметов, главный их признак (написание с заглавной буквы) выражается на письме: вместе с тем это не словоизменение, но необходимая условная примета письменного языка.

Предметные — вещественные: первая категория выражает представление об отдельных исчисляемых объектах (*студент*), вторая — об объектах, которые поштучно не исчисляются (*молоко*).

Собирательные — несобирательные: в первой категории заключена информация о некоторой предметной совокупности (*листва*), что и отражается в соответствующих формах словоизменения.

Склоняемые — несклоняемые: в русском языке несклоняемые слова — ярко выраженные заимствования (*кофе*); если же заимствованное слово склоняется (*абажур*), то оно уже полностью включилось в систему русской лексики.

Итак, состав частных лексико-грамматических категорий существительного дает представление о том, идет ли речь о единичном предмете или о массовом, устанавливает его количественную определенность/неопределенность, одушевленность/неодушевленность, собирательность/несобирательность, заимствование (несклоняемость) или исконность (склоняемость). Все эти категории находят отражение в типах словоизменения, давая картину мысли, представленной в речи существительными.

2. Прилагательные

Полные (белый) — краткие (бел) и усеченные (На добра коня садился); последние обычно встречаются в поэтической речи. Краткие прилагательные чаще всего выступают в функции предиката: *Этот молодец добр*.

Качественные — относительные: *красный — деревянный*; первые передают признак предмета напрямую, тогда как вторые выражают признак одного предмета через уподобление его другому предмету и представляют совершенно иное свойство мысли.

Притяжательные — непротяжательные: через эту категорию признак предмета выражается указанием на его принадлежность/непринадлежность субъекту или объекту действия (*березовый лист — березовая роща*).

¹ В некоторых языках существует категория классов существительных. Она похожа на роды в том отношении, что содействует их согласованию с другими частями речи. Так происходит в языках банту и в кавказских языках.

Оценочные — неоценочные: эта категория основана на использовании системы суффиксации, которая, не меняя лексического значения слова, может передавать эмоциональную оценку, т.е. субъективное отношение к признаку (*хорошенькая — хорошая*).

Степени сравнения не являются синтаксической грамматической категорией, так как не выражают отношение прилагательного к другим словам¹.

3. Числительные

Типы склонения числительных представлены *по разрядам* (даны в скобках), каждый разряд имеет свои особенности склонения.

Собирательные: *по двое, по трое и т. п.*

Неопределенко-количествоные: *Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.*

Счетные слова и счетные существительные: с их помощью решается проблема измерения количества — *три чашки чая, пять голов скота и т. п.*; в таких случаях слова *чашки, голов* обозначают не какие-то конкретные предметы, а необходимость указать на их число. Употребление счетных слов имеет, как правило, смысловые, стилистические ограничения (нельзя сказать: *Пять голов студентов*). В некоторых языках (малайско-полинезийских и синитических) счетные слова представляют очень важную категорию: они могут быть присоединены к любому существительному с абстрактным значением².

Количественные — порядковые: *пять — пятый.*

4. Местоимения

Вопросительные — относительные (синтаксис): эти местоимения управляют мыслью, как бы направляя ее на предмет речи. Если задается какой-то вопрос, то тем самым определяется область, в которой происходит мыслительная деятельность; если же область уже задана, то в таком случае контекст формирует из вопросительного местоимения относительное. Так через местоимения складывается состав общих мест, общеизвестной информации о картине мира: *кто — 'действующий одушевленный субъект'; что — 'бездействующая неодушевленная вещь'; сколько выражает связь с числительным; как — связь с наречием и т. д.* По этим соотношениям в речи оформляются категории предметов мысли.

¹ Степени сравнения в некоторых языках дополняются категорией степени качества: *хороший — прехороший, гадкий — прегадкий*. В русском языке эти обозначения нерегуляры, но в ряде языков они используются постоянно.

² В синитических и некоторых других языках существует особый разряд служебных слов — счетные слова. Они отличаются от счетных существительных, представляющих собой знаменательные части речи. Счетные слова передают категорию штучности, исчисляемости и неопределенного множества. Они соотнесены главным образом с обликом предметов, называемых существительным. Например, китайск. *гэ жэнь* (досл. 'один отдельный человек'), *вэй жэнь* (досл. 'один уважаемый человек'), *тяо дахань* (досл. 'один длинный парень').

Определенные — неопределенные (артикль): здесь очень важную роль играет местоимение *один*, которое по своей природе во всех языках указывает на категорию неопределенности, т. е. на некоторый предмет, о котором раньше не было речи (*Кто это был? — Один доцент*), и во многих языках функционально представляет собой неопределенный артикль. Обозначая нечто впервые упомянутое, 'один' всегда противопоставляется указательным местоимениям *этот, тот*, которые в таком случае выполняют функцию определенного артикля. Таким образом реализуется этимологическая связь между указательными местоимениями и числительными. Во многих языках эта «артикльевая» категория указывает, встречаемся ли мы с данным объектом, с данным событием в первый раз или уже знаем, что говорящий и/или слушающий осведомлены о предмете речи.

Категория определенности — неопределенности не отражается в связях частей речи между собой, но всегда составляет конструктивную основу коммуникации: без знания того, осведомлен или нет собеседник о предмете речи, коммуникация будет затруднена. Поэтому литературные языки непременно располагают этой категорией в синтаксисе, а иногда и в морфологии (например, послелоги к именам в болгарском языке: *раз цветът на българската литература; истината за създателите на българската*).

Отрицательные — определительные (модальность): *никто, нечто, ничего, нечто* и т. п. В этой разновидности местоимений представлена важнейшая логическая категория отрицания, противопоставляемая положительному суждению, т. е. приписыванию предмету речи некоторой характеристики.

Личные — предметные (предикация): *я, ты, он (тот, такой)*; существует связь с глаголом: личные местоимения напрямую соотносятся с личными глагольными показателями.

Возвратные — притяжательные (залог и переходность): возвратное местоимение *себя* указывает на обращенность глагольного действия непосредственно на субъект этого действия (*взять себя*); притяжательные местоимения (*мой, твой* и т. д.) — на возможную принадлежность предмета как субъекту, так и объекту действия¹.

5. Глагол

Спрягаемые формы, инфинитив, причастия, деепричастия обусловлены взаимосвязями частей речи, обладают весьма различающимися категориями и по сути служат связующими звеньями между глаголами и именами.

¹ В некоторых языках существуют атрибутивно-относительные служебные слова, которые выражают общую подчинительную связь. Так, в индонез. — это служебное слово *ng.* в кит. — *ды, чжэ, чжи* (в зависимости от стиля речи).

Переходные — непереходные: эта категория представлена во всех языках, она позволяет строить суждения, в которых дополнение раскрывает смысл действия (*Лиса роет нору*).

Вид — грамматическая категория, объединяющая все глагольные формы (финитные, причастия, деепричастия) в одно целое. Переход от несовершенного вида к совершенному в русском языке осуществляется преимущественно с помощью префиксации (*читать ~ прочитать*), при этом у глагола формируется новое значение, которое обычно сохраняется в остальных глагольных категориях (причастие, деепричастие, инфинитив).

Способ действия — особая словоизменительно-словообразовательная категория; например: *выходить — входить* (передается идея движения наружу или внутрь), *ходить — хаживать* (идея повторного действия) и т. п.

6. Наречие

Состав частных лексико-грамматических категорий наречия не требует специального комментария.

Структура всех рассмотренных категорий обращена на ясное выражение смысла. Для них всех устанавливаются определенные формальные признаки, различающие речевые смыслы, представленные в особенностях форм словоизменения.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ЗА СЧЕТ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ

Такой тип словообразования в русской грамматике называется *переход частей речи* (в английской — *конверсия*). Суть этого процесса заключается в том, что одна часть речи используется в функции другой и соответственно меняет словоизменительную парадигму форм и значений. Например, прилагательное *красный* обозначает цвет. Но *красный* в переносном значении может обозначать 'революционный, рабоче-крестьянский' (в России). Метонимическое сокращение приводит к тому, что прилагательное *красный* начинает обозначать человека левой политической ориентации: *красные захватили государственную думу*. Словоизмененное прилагательное приобретает и категориальные значения (и формы) имен существительных.

Конверсия частей речи происходит тогда, когда та или иная часть речи выступает в несвойственной ей функции. В таблице 33 представлены обычные, принятые в академических грамматиках функции частей речи.

Каждая часть речи рассматривается здесь в связи с возможностью появления той или иной ее формы, указанной в левой колонке функции; собственно части речи различаются по совокупности этих функций.

Таблица 33

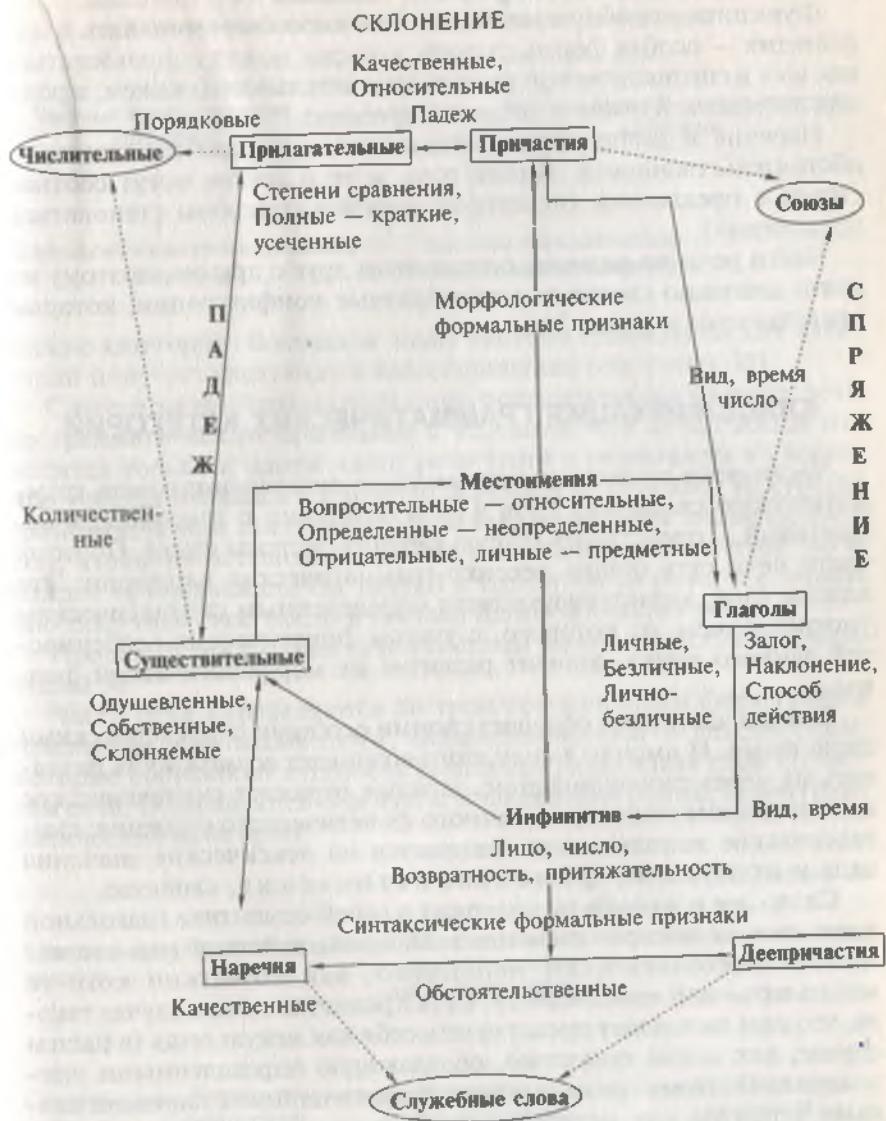
Часть речи	Синтаксические функции					
	Подлежащее	Глагольное сказуемое	Именное сказуемое	Определение	Дополнение	Обстоятельство
Существительное	+	-	+	0	+	0
Прилагательное	-	0	+	+	0	0
Числительное	0	-	0	+	0	0
Местоимение	+	-	+	+	+	0
Глагол:						
финитные формы	+	+	-	+	+	+
инфinitив	-	+	-	-	-	-
причастие	+	-	-	-	+	-
деепричастие	-	-	-	+	-	-
Наречие	-	-	-	0	-	+

Но если часть речи употребляется в несвойственной ей функции (те случаи, где в таблице стоит знак «-»), то возможен ее переход в другую часть речи. Это происходит тогда, когда такое употребление становится регулярным, а словоизменительные формы приобретают категориальное значение, свойственное этой другой части речи (против которой в таблице стоит знак «+»).

Скажем, причастие обращается в прилагательное: *раненый* → *раненый*. Орфографически этот переход обозначен написанием с одним *и* у прилагательного и с двумя *и* у причастия, т.е. целенаправленно задается определенный смысл: указанный признак присущ либо инвалиду, либо выздоравливающему; эти различия в значении фиксируются на письме. Точно так же через общую категорию падежа осуществляется связь прилагательных с существительными: *Больной человек* — *Вам этого нельзя, больной*.

Числительные — особая смысловая часть речи: некоторые из них (порядковые) сопряжены с прилагательными, другие (количественные) — с существительными: *По порядку номеров рассчитайся!* — *Первый, второй...* и т.д.; *Один поезд прошел, ждем второго*.

Центральное положение в системе этих переходов занимают связи между существительными и глаголами. Они устанавливаются, в частности, при помощи местоимений: категория лица у местоимений всегда сопрягается с личным спряжением глаголов; а

категория числа также с числом у глаголов. В то же время лицо и число местоимений всегда обращено к существительным (местоимение — это то, что вместо имени). Местоимение служит функциональным посредником между существительным и глаголом (так, индоевропейские аффиксы именного и глагольного словоизменения ведут свое происхождение от местоимений). Находясь

в центре этих отношений, местоимение указывает и на предмет речи и на признак этого предмета, связывая их с глаголом.

Функцию, подобную местоимению, способен выполнять и инфинитив — особая форма глагола, которая может использоваться как имя в синтаксической роли существительного (скажем, в роли подлежащего: *Курить — здоровью вредить*).

Наречия и деепричастия объединяет присущая им категория обстоятельственности. Кроме того, и те и другие могут соотноситься с предлогами (некоторые наречия способны становиться предлогами).

Части речи по-разному соотносятся друг с другом, поэтому их связи довольно сложные разнообразные конфигурации, которые представлены в схеме 34.

КЛАССИФИКАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

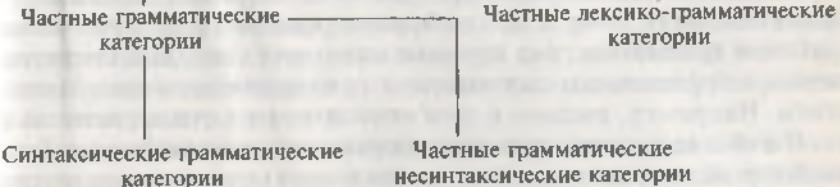
Части речи позволяют максимально дифференцировать грамматическую семантику слов и — в сочетании с лексической семантикой — представить общую картину системы языка. Поэтому части речи суть общие лексико-грамматические категории. Это классы слов, характеризующиеся определенным синтаксическим употреблением, от которого, с учетом фонетических особенностей данного языка, зависит развитие их морфологической формы.

Каждая часть речи обладает своими особыми синтаксическими свойствами. И именно в силу этого возникает возможность различать их через словоизменение, которое отражает синтаксическое использование слов определенного фонетического строения: синтаксическое использование опирается на лексические значения слов и их звуковые, фоностилистические, свойства.

Слово *лев* и *медведь* не содержат в своей семантике глагольной идеи: они не воспринимаются в значении действия или состояния — психологически непонятно, как возможно кого-то «обользить» или «омедведить». Суть предметов в этом случае такова, что они заставляет представлять себя как некую вещь (в нашем случае, как некое существо), обладающую определенными признаками. Поэтому предикативное словосочетание с данными словами строится как метафора: *В речах он — лев; Он же бурбон, медведь!*, — лексические значения слов влияют на их синтаксическое использование. Следовательно, индивидуальная семантика слова в значительной степени определяет принадлежность слова к той или иной части речи.

В зависимости от характера своего семантико-синтаксического использования добавочные значения, которые налагаются на общие значения частей речи, организуются в частные граммати-

Общие лексико-грамматические категории (части речи)

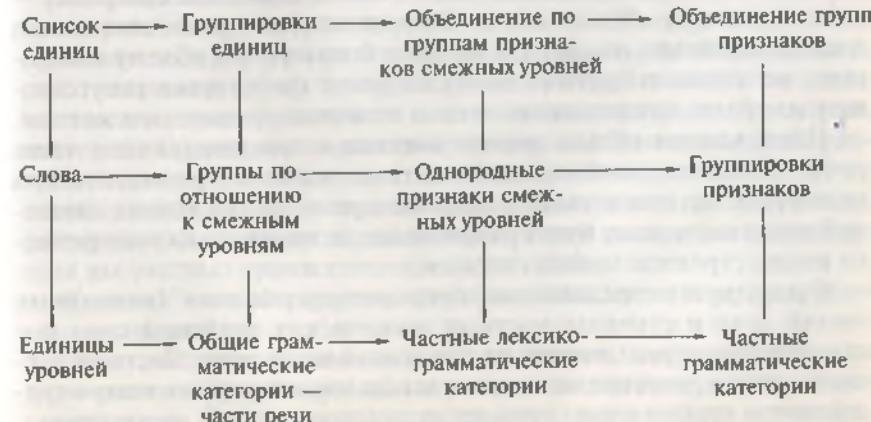
ческие категории. Благодаря этому система грамматических категорий получает следующую классификацию (см. схему 35).

С точки зрения грамматики слова подразделяются на части речи по грамматическим признакам с условием, что слово всегда относится только к одной части речи (хотя в реальности в словесных текстах наблюдается немало переходных случаев). Искусство грамматиста при построении системы частей речи заключается в том, чтобы не оставить ни одного слова вне этой системы, но и каждое принадлежало бы только к одной части речи, т.е. чтобы оно получило свое место в составе одной из частей речи.

Процедуру построения такой системы можно представить в виде схемы 36.

Части речи определяются по трем совмещенным формальным признакам: синтаксическим, морфологическим и лексическим, которые составляют сущность критериев разделения слов по частям речи. Совмещаются они путем установления разных видов грамматических категорий.

Схема 36

ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Общими лексико-грамматическими категориями собственно являются части речи, как это было определено еще в Александрийской грамматике, т. е. крупные категории слов, характеризующиеся определенным значением и синтаксическим использованием. Например, именно к ним относится имя существительное.

Но общие лексико-грамматические категории подразделяются на более мелкие частные. В их состав входят определенные группы слов, каждая из которых уже отнесена к той или иной части речи со всеми присущими ей формальными признаками. Так, имена существительные делятся на имена собственные, нарицательные, отчества, родовые, племенные, наименные (синонимы, замещающие имя), соименные (прозвища).

Слово *первый* представляет собой порядковое числительное, слово *один* — количественное; при этом *первый* склоняется как прилагательное, а *один* — как существительное. Это и составляет суть формальных признаков данной частной лексико-грамматической категории.

Некоторые из таких категорий универсальны; они имеются во всех языках: например, модальные глаголы, глаголы действия, движения, состояния, связочные глаголы, глаголы мысли, чувств, речи, обладания. Однако существуют глаголы, присущие только данному языку или группе языков, в частности так называемые вспомогательные глаголы в индоевропейских языках.

Фактически во всех языках имеется универсальная классификация наречий места и времени, но наречия образа действия в разных языках представлены по-разному.

Все языки располагают качественными прилагательными, которые достаточно четко выступают в своих смысловых разрядах — цвета, размера, объема и т. п. Относительные прилагательные в индоевропейских языках составляют большую по объему категорию, но в языках других семей они могут фактически отсутствовать или быть представлены весьма незначительным числом слов.

Итак, каждая общая грамматическая категория (каждая часть речи) обладает своей суммой частных лексико-грамматических категорий. Но при этом формальные признаки последних категорий в разных языках будут различными; и грамматика конкретного языка строится именно по ним.

Существует определенная связь между общими значениями частей речи и суммами частных лексических значений слов, составляющих определенную группу в этой части речи. Частные лексико-грамматические категории всегда характеризуют одну определенную группу слов, относящихся к конкретной части речи.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ И НЕСИНТАКСИЧЕСКИЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Частные грамматические категории потенциально распространяют свои значения и формы на всю часть речи, но характеризуют использование слова лишь в одной синтаксической роли, например: категория падежа у существительных, категория времени или лица у глаголов и т. п.

Таким образом, частные грамматические категории — это такие видоизменения групп слов, принадлежащих одной (или более) части речи, которые сообщают словам добавочные грамматические значения, модифицируя тем самым их грамматическое содержание.

Например: *волосы* ~ *волос* ~ *волосам*. У этих слов есть единое лексическое значение: 'роговое нитевидное образование, растущее на коже млекопитающих'; в то же время слово, обозначающее это понятие, изменяется по падежам: эти модификации сообщают слову добавочные грамматические значения. Такого рода добавочные значения обычно являются специфическими для данного языка.

Следует помнить, что частные лексико-грамматические категории показывают, какое слово в какой синтаксической функции лучше употребить; в то же время частные грамматические категории показывают, как выражается синтаксическое употребление слова в словосочетании. Это значит, что в частных грамматических категориях «ведущим» является синтаксическое использование слова, а «ведомым» — его фонетические изменения, указывающие на синтаксическую функцию.

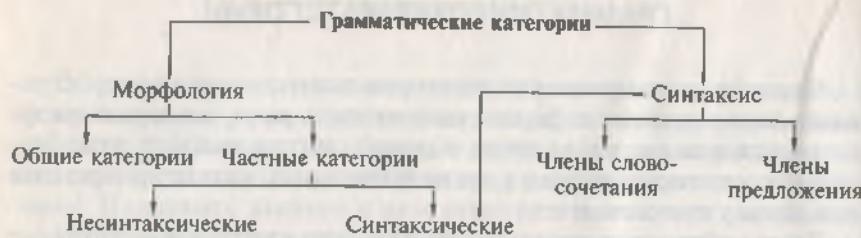
Поэтому в разных языках частные грамматические категории различны. Эти различия связаны с правилами порядка слов в данном языке, с типами служебных слов и с характером возможных фонетических модификаций слов.

Частные грамматические и частные лексико-грамматические категории зависят друг от друга. Так, скажем, слова иностранного происхождения могут не иметь частных грамматических категорий (например, слово *кенгуру* в русском языке не изменяется по числам и падежам); но вместе с тем каждая частная лексико-грамматическая категория характеризуется своим синтаксическим употреблением и, следовательно, своей сочетаемостью. У каждой частной лексико-грамматической категории своя синтаксическая характеристика, а значит, и свои особенности употребления присущих им частных грамматических категорий.

Схема 37 иллюстрирует внутренние взаимосвязи грамматических категорий.

Итак, частные грамматические категории подразделяются на два основных функциональных класса: синтаксические и несинтаксические. Синтаксические указывают на связь слов в словосочетаниях.

Схема 37

чтаний и предложений. Возьмем для примера словосочетание *хорошая погода*: *погода* — слово женского рода, форма прилагательного *хорошая* указывает, что это оно соотнесено с существительным женского рода, обеспечивая связь между определением и определяемым.

Все имена существительные в русском языке обладают категорией рода — для существительных эта категория не является синтаксической, но для прилагательных (а также для глаголов в прошедшем времени) она синтаксическая, так как указывает на связь данной части речи с определяемыми существительными.

Синтаксические категории адресованы к построению словосочетаний. В языках они наличествуют в тех случаях, когда порядок слов в них является свободным, или относительно свободным. Эти категории как бы замещают своим присутствием фиксированный порядок слов, указывая на отношения между словами.

Если язык обладает фиксированным порядком слов, достаточно четко указывающим на отношения между словами, то в нем синтаксических грамматических категорий или мало, или вовсе нет, а имеются только несинтаксические. Допустим, что в каком-то языке нормативным является такой порядок слов, при котором глагол всегда стоит в предложении на последнем месте, а расположенные перед ним два имена — подлежащее и дополнение — могут меняться местами¹, как в этих русских примерах: *Маша кашу ела* — *Кашу Маша ела*. В этом случае глагол не требует синтаксических категорий, у него есть только категории несинтаксические: время, наклонение (лишь иногда может быть добавлена категория лица — синтаксическая категория, которая связывает такой глагол с другими словами в предложении). Но поскольку позиции подлежащего и дополнения жестко не зафиксированы, то требуется специально обозначить, по меньшей мере, именительный и неименительный (косвенный) падежи — в противном случае будут непонятны отношения между именами: какое из

них является подлежащим, а какое дополнением. Если же в языке глагол нормативно располагается между именами (подобно китайскому, английскому и многим другим языкам), как, например, в такой русской фразе: *Маша ела кашу*, то падеж не обязателен — в принципе достаточно одного порядка слов. Можно сказать, что соотношение категорий в грамматике устроено достаточно рационально: применительно к частным грамматическим категориям это модель дополнительной дистрибуции (см. лекцию 4) порядка слов и морфологического оформления слов.

В языках, где нет строго фиксированного порядка слов (как, например, в исландском или русском языке), обязательно необходима широкая гамма частных грамматических синтаксических категорий — число, род, падеж и т. д. — причем они могут охватывать не одну, а несколько частей речи, указывая на их связи (например, категория числа есть у имен, у местоимений, у глаголов). В каждой части такие категории речи имеют свою смысловую модификацию, привнося добавочное грамматическое значение.

Типичной несинтаксической частной грамматической категорией являются степени сравнения прилагательных: они не соединяют прилагательные ни с какой другой частью речи, но обладают добавочным значением, вносимым ими в общую идею признака или качества.

Таким образом, значение той или иной части речи складывается из его лексического (посредуемой частными лексико-грамматическими категориями) и морфологического (посредуемой частными грамматическими категориями) компонентов, а также и из ее синтаксических функций; при этом последние играют ведущую роль.

Филолог начинает компоновку грамматических категорий с анализа употребления слов, с его функций в составе словосочетания или предложения, т. е. определяет синтаксические формальные его признаки: совокупность возможностей употребления в качестве члена предложения или словосочетания.

¹ Таковы, например, тюркские, монгольские, дравидские языки, а также тибетский, язык кечуа и многие другие.

ЛЕКЦИЯ 11

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

ПРЕДМЕТ ФОНЕТИКИ

Предметом фонетики являются звуки членораздельной речи. Под членораздельностью понимается качество звучания, свойственное только человеческой речи.

Язык может передавать бесконечное разнообразие мыслей. Но выражается это бесконечное разнообразие мыслей с помощью ограниченного числа звуков. Отношение конечного и бесконечного в языке можно уподобить отношению колеса и дороги. Длина колесного обода конечна. Однако теоретически колесо может катиться бесконечно: так конечная длина его обода может развернуться в бесконечную длину дороги.

И в человеческом языке было достигнуто это стремление к бесконечному, надо чтобы звуки речи в нашем сознании были отделены один от другого и могли комбинироваться друг с другом. Им необходимо составлять некий ряд, в котором каждый звук следует за другим, обладает возможностью сочетаться с другими в этом ряду и всегда представлять собой линейную последовательность, составляющую данную речь.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНОЙ РЕЧИ. АРТИКУЛЯЦИОННАЯ БАЗА

Становление указанных свойств звуков речи происходит через упражнения и подражание образцам. Дети начинают говорить тогда же, когда они овладевают искусством прямохождения. Прямохождение — это не прирожденное, а благоприобретенное умение, свойственное социальному человеку. Оно требует развития особых физических качеств — силы, ловкости, координации движений, выносливости; все это достигается упражнениями и тренировкой.

Необходимость развития ловкости и координированности движений также относится и к формулированию активности артикуляционного аппарата человека.

Артикуляционным аппаратом называется система внутренних органов, используемых для продуцирования членораздельных зву-

ков. В нее входит часть органов, служащих для приема пищи (полость рта, язык и зубы), и часть органов дыхания (легкие, бронхи, трахея, гортань с голосовыми связками, полость носа).

Работа органов артикуляции связана с движениями опорного костно-мышечного аппарата единством управления через нервную систему. Это сложные и трудноформируемые связи развиваются у человека с самого раннего детства. Если нервные связи артикуляционной базы не оформляются своевременно, то становится невозможной социализация человека, и он может остаться на положении животного.

Артикуляционные навыки первоначально складываются через подражание речи родителей, которая играет роль образца. У ребенка постепенно и последовательно формируются навыки произношения звуков, слогов, слов, а затем и многословных высказываний. Для психики ребенка это координированное становление двигательных действий и нервных реакций на них, по-видимому, является очень сложным процессом. Трудности развития артикуляционной базы проявляются в различных формах патологии речи. Этим проблемам посвящено немало психоневрологических исследований механизмов речи и их нарушений.

Сначала ребенок тренирует свои произносительные и слуховые способности в так называемом «гулении» — своеобразном лепете, через который осуществляется подготовка к воспроизведению членораздельных звуков и различию в слуховых ощущениях.

Таким образом, становление артикуляционной базы как набора навыков и развитие умений, соответствующих этим навыкам в норме, у человека происходит в первые месяцы после его появления на свет и совершенствуется в течение всей жизни. Управление этими навыками и умениями — процесс неосознаваемый. Осознаваемым является только смысл слов и высказываний, которые появляются в результате такого управления.

АНАЛИЗ ЗВУКОВ РЕЧИ

Акустический анализ звуков речи основан на формантной модели артикуляционного тракта, в основе которой лежат их акустические представления.

Формантой называется область максимальной концентрации энергии на спектрограмме звука, получаемой с помощью спектрографов; такие области чередуются с областями, обладающими минимумом интенсивности. Следует иметь в виду, что форманта — это область частот (формантная область), которая имеет нижнюю и верхнюю частотные границы.

Каждый звук человеческой речи состоит более чем из одной форманты, т.е. представляет собой два и более источника звуков.

Таблица 34

Признаки	Звуки речи	
	Гласные	Согласные
Тональные свободные, длительные	+	-
Шумные суженные, сокнутые, мгновенные	-	+
Длительные и шумные	+	+

длителен, а шум либо мгновенен, либо намного короче тона. Гласные — это как бы пение или аккорд, слышный в звучании трубы, а согласные — это как бы производные разных ударных инструментов — барабана, ксилофона, гонга и т.д. В таблице 34 показано соотношение разных признаков в звуковых характеристиках гласных и согласных звуков.

Описание четырех формант оказывается достаточным, чтобы выразить акустические характеристики любого звука. При этом требуется установление нескольких электроакустических формантных подсистем, позволяющих представить основные акустические свойства звуков речи: для гласных и согласных звуков (1), для губных фрикативных (2), для переднеязычных фрикативных (3), для заднеязычных придыхательных (4), для носовых согласных (5).

Вся совокупность подсистем содержит следующие акустические параметры: F_0 — частота основного тона; $F_{1, 2, 3, 4}$ — частоты соответственно первой, второй, третьей и четвертой формант; B_Φ — полоса пропускания фрикативных формант. Варьируя эти параметры в пределах указанных подсистем можно получить акустическое представление любого звука языка. Определенные значения этих параметров и их сочетания могут дать отраженную картину звуков конкретного языка.

Разработка системы записи звуков при помощи букв или иных знаков делает необходимым анализ звуков по слуховому впечатлению или по ощущениям от работы артикуляционного аппарата. Для этого требуется развитие так называемого фонетического слуха. Одновременно к такому анализу привлекаются сведения из анатомии, биомеханики и психофизиологии, описывающие артикуляционную базу и совместные действия органов артикуляции и органов слуха.

Рассмотрим поэтапно процесс звуковосприятия и главное звукопроизводства.

1. Слуховой аппарат человека к моменту его рождения уже полностью сформирован и в процессе овладения речью лишь несколько изменяются его части, связанные с ростом организма.

Основной их источник — колеблющиеся голосовые связки; остальные, дополнительные, образуются благодаря работе других органов произношения. В такой комбинации исходный звук называется *основным тоном*.

Например, гласные звуки [и], [у], [а] характеризуются средними значениями следующих трех формант, выраженных в герцах (Гц) — физических единицах частоты колебаний:

	[и]	[у]	[а]
1-я форманта	250 Гц,	350 Гц,	650 Гц;
2-я форманта	2750 Гц,	600 Гц,	1250 Гц;
3-я форманта	3400 Гц,	2600 Гц,	2200 Гц ¹ .

Дополнительно к этим основным формантам может появляться еще одна, четвертая, образующая как бы музыкальный гул или, как говорят музыканты, «бурдонирующий» звук (от франц. *bourdonner* ‘жужжать, гудеть’).

Например, формантные частоты мужского голоса составляют (в Гц): $F_1 = 150 - 850$; $F_2 = 500 - 2500$; $F_3 = 1500 - 3500$; $F_4 = 2500 - 4500$, где символы F с цифровыми индексами обозначают соответствующие форманты. Эти значения отражают статистически наблюдаемые пределы частоты колебаний, полученные при обследовании разных мужских голосов на произнесение гласных: [а], [и], [у], [е] и т.д.².

«Бурдонирующая» форманта F_4 создает впечатление уверенности, солидности: мужчины как бы стремятся «показать» себя своим произношением, используя четвертую форманту, от которой женщины, напротив, обычно избавляются. Женщины стараются говорить более внятно, их произношение в целом яснее и аккуратнее. «Бурдонирующее» звучание, дополнительное к основному аккорду формант, несколько затемняет звуки аккорда, делая восприятие гласных нечетким. Если убрать четвертую форманту, то звучание гласных для восприятия проясняется.

Итак, в зависимости от наличия или отсутствия четвертой форманты изменяется и произношение, и впечатление от звучащей речи.

Гласные звуки, являясь результатом гармонических (т.е. равномерно повторяющихся в единицу времени) колебаний воздушной струи, идущей от органов артикуляции создают звучания, сходные с музыкальными тонами. Согласные звуки — продукт *негармонических* колебаний, — характеризуются звучаниями, близкими к музыкальным шумам.

В звучащей речи согласные и гласные постоянно чередуются, т.е. шумы чередуются и взаимодействуют с тонами; тон всегда

¹ См.: Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Трунин-Донской В. Н. Общая и прикладная фонетика. — М., 1986. — С. 18.

² Там же. — С. 13.

Сложный и многофункциональный (звукопроводящая и звуковоспринимающая функции) орган слуха состоит из трех отделов: наружного, среднего и внутреннего уха. Наружный отдел — собственно наружное ухо и слуховой проход — предназначен для локализации и определения смещения источника звука, для усиления высокочастотных звуков и проведения звуковых волн к барабанной перепонке. Важной его функцией является также защита от внешних воздействий и стабилизация температурного режима во всем органе.

За барабанной перепонкой, которая отделяет наружное ухо от среднего, расположена заполненная воздухом полость среднего уха. От него отвертывается евстахиева (или слуховая) труба, соединяющая барабанную полость среднего уха с носоглоткой и регулирующая давление воздуха внутри этой полости, что является обязательным условием для оптимальной вибрации барабанной перепонки. Между барабанной перепонкой и внутренним ухом помещаются три косточки звукопроводящей системы — молоточек, наковальня и стремя.

Наиболее сложный отдел слухового аппарата человека — внутреннее ухо, или ушной лабиринт — представляет собой костно-перепончатое образование в виде ряда полостей и каналов, заполненных жидкостью. В нем находятся два сообщающихся между собой органа восприятия механических колебаний воздуха и ушной жидкости — вестибулярный и слуховой. Вдоль канала внутреннего уха расположен слуховой нерв, который уходит в центры слуха головного мозга. Он состоит примерно из 30 000 нейронов.

Колебания воздуха через барабанную перепонку и слуховые косточки передаются на улитку (лабиринтный отдел) внутреннего уха. Здесь эти колебания воспринимаются окончаниями слухового нерва. Слуховые впечатления представляют собой сложный процесс распознавания и передачи речевых сигналов, которые нередко бывают сближены по своим акустическим характеристикам.

Изучение особенностей развития речевых органов и внутренних процессов формирования слуха относится к области нейропсихологии.

2. Основой формирования издаваемых человеком речевых сигналов является воздушная струя, идущая из легких через бронхи, трахею и гортань и, далее, через ротовую и носовую полости. Ее давление создается действиями органов дыхательной мускулатуры — диафрагмы, межреберных мышц, прямых мышц живота и некоторых других мышц, содействующих дыхательным движениям.

Различаются два вида дыхания: физиологическое и речевое. Первое связано с ритмом биения сердца и потребностями физиологического обмена веществ посредством кровотока; объем вдыха-

емого и выдыхаемого воздуха здесь примерно одинаковый и направляется преимущественно через нос. При речевом дыхании выдох заметно длиннее вдоха, и воздух направляется главным образом через ротовую полость.

Различие механизмов физиологического и речевого дыхания связано, по-видимому, с вертикальным положением тела человека, т.е. с разностью происхождения сигналов акустического и вестибулярного аппаратов. Об этом свидетельствует, в частности, практика физиологического дыхания в физкультуре йоги, а также практика обучения певческой и актерской речи. Люди, в силу тех или иных причин пропустившие в детском возрасте этап формирования артикуляционной базы, при обучении их языку звуков в отроческом состоянии главные трудности испытывают не при распознавании звуков речи, а при овладении речевым дыханием.

Речевое дыхание и вертикальное положение тела — важнейшие предпосылки успешности обучения речи.

3. Остов гортани образован щитовидным и перстневидным хрящем. В ее полости расположены голосовые связки, которые своим верхним концом прикреплены к щитовидному хрящу, а нижними концами — посредством двух подвижных черпаловидных хрящиков к расположенным на обращенной назад печатке перстневидного хряща. Голосовые связки способны смыкаться и размыкаться, образуя преграду, соответственно закрывая или открывая проход для воздушной струи, идущей из легких. В зависимости от положения голосовых связок эта преграда может преодолеваться в виде тона (связки разомкнуты и осуществляют равномерные гармонические колебания, а черпаловидные хрящики сведены вместе) или в виде шума (проход между связками и хрящиков закрыт, воздушная струя прорывает его, производя негармонические колебания); частным случаем акустического шума является шепот (голосовые связки сомкнуты, но открыт проход между раздвинутыми черпаловидными хрящиковами). Работа голосовых связок управляется движениями черпаловидных хрящиков, которые меняют их конфигурацию и натяжение. При произнесении гласных и звонких согласных звуков голосовые связки напряжены; при произнесении глухих согласных — не напряжены.

4. Над гортанью расположены полость глотки и мягкая нёбная занавеска — орган, который поднимаясь, закрывает и, опускаясь, открывает проход для воздуха из глотки в полость носа. В первом случае создаются артикуляционные условия для произнесения ротовых звуков, во втором — носовых.

5. Активными органами артикуляции в ротовой полости являются нижняя челюсть, язык и губы. Рот открывается и закрывается движениями нижней челюсти, которой управляют главным образом жевательные мышцы и мышцы, поддерживающие подъ-

язычную кость. Язык осуществляет два вида артикуляционных движений: вертикальное (вверх — вниз) и горизонтальное (вперед — назад). Его движения дополняются движениями губ. Круговая мышца рта (лат. *musculus orbicularis oris*) и смеюховая мышца (лат. *musculus risorius*) приводят в движение губы, то стягивая, то растягивая их и тем самым моделируя форму ротового отверстия¹. Все эти движения участвуют в процессе создания звуков речи.

6. Движения языка могут образовывать смычку или щель с верхними или нижними зубами, с верхним (твердым) нёбом в передней, средней и задней его частях, образуя преграду. Смычка преодолевается напором воздушной струи в виде взрыва, щель — в виде шипения или свиста. Так образуются акустические шумы разного качества (согласные звуки), которые в речи сочетаются со свободным проходом воздуха (гласные звуки).

7. Минимальной произносительной единицей речи является слог. С точки зрения биомеханики слог представляет собой циклические колебательные движения органов артикуляции, их смыкание и размыкание в определенной последовательности. На эти артикуляционные действия накладываются соответствующие акустические впечатления, в результате чего образуется речевая цепь. Вне слогов речь невозможна.

Различение слогов осуществляется в ходе сопоставления их сходных и несходных акустико-артикуляционных характеристик в разных позициях, т. е. в процессе сходного и различающегося речевого воспроизведения. Психологическое соотнесение акустических и артикуляционных впечатлений от слогов в речи называется *церебрацией* (термин И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1845—1929) — это обработка в мозгу импульсов, идущих от слуховых нервов и от нервов, управляющих органами артикуляции.

В результате исследований патологией речи в полушариях головного мозга были выделены два центра: центр Брокá — двигательный центр, заведующий биомеханикой органов артикуляции, и центр Вéрнике — речеслуховой центр. Наблюдения над больными показывают, что обычно поражение центра Брокá приводит к рассогласованию артикуляции звуков, а поражение центра Вéрнике препятствует восприятию отдельных звуков. Процессы восстановления речевых функций после поражения этих участков мозга могут изменить топографию центров речи. Изучением этих процессов занимается нейролингвистика.

Работы в области патологии речи показывают, что повреждение речевого аппарата (скажем, вследствие ранения) изменяет артикуляцию и характер звучания речи. Однако и в этих случаях качественно новые звуки в слогах стремятся восстановиться при-

мерно в тех же системных отношениях, что и прежде. Врожденная глухота приводит к немоте; обучение глухих от рождения людей строится с учетом закономерностей становления речевых навыков при нормальном развитии.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗВУКОВ РЕЧИ

Субстанциональные свойства звуков речи могут описываться либо в терминах акустики, либо в терминах артикуляционной биомеханики. Эти описания представляют навыки восприятия и произношения звуков речи. Артикуляционная база обобщенно может пониматься как система субстанциональных признаков звуков и звуковосприятий любого языка или определенного нормированного языка и как навыки отдельного человека.

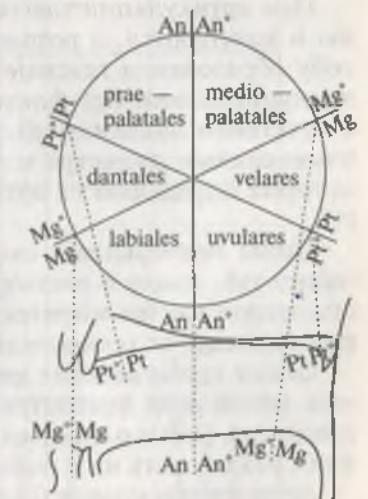
О. С. Широков, рассматривая общие возможности аппарата артикуляции, т. е. различающихся сочетаний биомеханических действий и слуховых впечатлений согласных звуков, построил структурную картину, представленную на схеме 38¹.

Знак *An* (лат. *anteriores* 'передние') показывает место артикуляции в передней части ротовой полости; *An** (лат. *non anteriores* 'не передние') — артикуляции в средней и задней частях. *Pt* (лат. *palatales* 'нёбные') указывает на нёбную артикуляцию соответствующих согласных звуков: передне-, средне- и задненёбные; *Pt** (лат. *non palatales* 'не нёбные') — артикуляцию без участия нёба; *Mg* (лат. *marginales* 'крайние') — артикуляцию в самой передней (губные согласные) и в самой задней областях ротового резонатора (задненёбные и велярные); *Mg** (лат. *non marginales* 'не крайние') — артикуляцию внутри ротовой полости между крайними областями.

Абстрактная классификация согласных звуков изображена в сочетании с биомеханическими позициями органов артикуляции (нижняя часть схемы).

Сочетание акустических свойств и артикуляционных действий при произнесении гласных звуков любого языка О. С. Широков представляет в схеме 39².

Схема 38

¹ См.: Широков О. С. Введение в языкознание. — М., 1985. — С. 33.

² Там же. — С. 62.

Схема 39

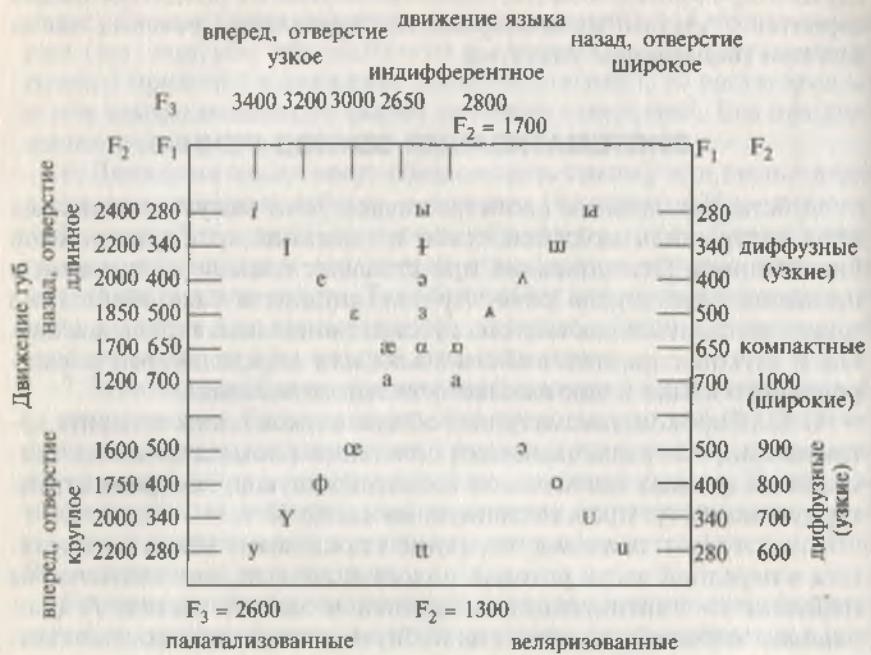

Таблица 35

Характеристика их места образования											
Согласные	Билабиальные	Лабиолентальные	Дептальные и альвеолярные	Ретрофлексные	Палато-альвеолярные	Альвео-палатальные	Палатальные	Велярные	Убулярные	Фарингальные	Гортанные
Ворчевые	p b		t d	t d		c j	kg	q o			q
Носовые	m	n	n	n		v		N			
Боковые фрикативные			f h						h		
Боковые нефрикативные			l l								
Раскатистые (спиранты)			r							R	
Одноударные	g		l							R	
Фрикативные	ɸ β	f v	θ ð	ʂ ʐ	ʃ ʒ	ç j	x γ	χ κ	h ɿ	h	
Лишненные трени (длительные) и полугласные	w ɿ	u	l	l		J	(w)	v			

Таблица 36

Гласные	Артикуляционные параметры	
Закрытые	у х и	и у х в и
Полузакрытые	п о	е ф е о @
Полуоткрытые	ы О	и б
Открытые	б	а АБ

АРТИКУЛЯЦИОННАЯ БАЗА КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА

Каждый язык, частично реализуя возможности аппарата речи и слуха среднего своего носителя, формирует артикуляционную базу конкретного языка. Так, например, русский язык реализует следующую артикуляционную базу в области согласных звуков (см. табл. 37)¹:

Парные знаки служат разделителями противоположных групп звуков: *St* и *St°* (лат. *stridentes* 'скрипящие' ~ *non stridentes* 'не скрипящие') — свистящих («резких») и шипящих («тусклых»);

Sn и *Sn°* (лат. *sonores* ~ *non sonores*) — звонких и глухих согласных;

Cl и *Cl°* (лат. *clausae* 'замкнутые' ~ *non clausae* 'не замкнутые') — смычных и фрикативных.

Пустые клетки показывают нереализованные возможности органов артикуляции.

Таблица 37

	St°	St	St°	St	Ap	Ap°	
Cl°		ф ф'		с с'	ш щ	х	
Cl	п п'		т т'	ц	ч	к к'	Sn°
Sp	б б'	в в'	д д'	з з'	ж ж+	г г'	Sn
Sp°	м м'		н н'				Cl
		л л'	р р'		й		Cl°
	Mg	Mg°	Pt°	Pt			

¹ См.: Широков О. С. Введение в языкознание. — М., 1985. — С. 53.

Таблица 38

	Mg	Mg°	Pt°	Pt	Rt°	Rt	
Cl°	f	θ	s	ρ	h	w...	
Cl	p	t		и	k		F
	b	d		з	g		F°
Cl°	v	δ	z	ю			Sp
		l		P	j	w	Sp°
Cl	m	n		o			
			St°	St	Ap	Ap°	

В русском языке сравнительно много согласных. В английском их существенно меньше (см. табл. 38)¹.

К использованным в таблице 37 разделительным знакам добавлены: *F* и *F°* (лат. *fortes* ~ *non fortis*) — напряженные и ненапряженные;

Rt и *Rt°* (лат. *rotatae* 'округленные' ~ *non rotatae* 'не округленные') — огубленные и неогубленные согласные английского языка.

Еще большие возможности артикуляционного аппарата используются при произнесении гласных.

Так, в абазинском языке всего одна гласная фонема. В русском языке пять: [и, у, э, о, а]. Во французском языке — пятнадцать: [и, у, и, е, ə, ɔ, ε, ɔ̃, ɑ, ɑ̃, ɛ, œ̃, ɔ̃, ɔ̃̃, ɑ̃̃, ɑ̃̃̃]. В английском и китайском языках основные гласные дополняются дифтонгами и трифтонгами.

Сравнение общей артикуляционной базы (т.е. общих возможностей артикуляционного аппарата человека) и артикуляционной базы конкретного языка показывает, что любой язык обладает возможностью вводить в свою фонетическую систему новые звуки. Точно также сохраняется возможность исключать из своей системы те или иные звуки.

Каждый звук описывается некоей совокупностью признаков. Скажем, звук [t] в русском языке характеризуется такими признаками, как глухой, твердый, альвеолярный, переднеязычный, взрывной; звук [a] — нижним подъемом, средним рядом, нелабиализованностью.

¹ См.: Широков О. С. Введение в языкознание. — М., 1985. — С. 55.

Для того чтобы представить звуки системно, отдельные признаки определяются таким образом, чтобы они могли охватить как можно больше звуков, связывая их между собой; тем не менее каждый должен отличаться от другого присущей только ему совокупностью признаков.

В русском языке звук [т] противопоставляется звуку [т'] по признаку твердости — мягкости. Этот признак различает большие серии русских согласных:

п, б, м, ф, в, т, д, н, л, с, з, р, к, г;
п', б', м', ф', в', т', д', н', л', с', з', р', к', г'.

Помимо этого, каждый звук характеризуется еще местом и способом образования, а также звонкостью и глухостью:

[п] — глухой, губно-губной, взрывной;
[б] — звонкий, губно-губной, взрывной и т.д.

Для точного различия звуков конкретного языка используется понятие **дифференциальный** (т.е. различительный) признак.

Звуки, имеющие общий дифференциальный признак, находятся в оппозиции друг другу по необщим дифференциальным признакам. Общие признаки называются **интегральными**: так, у звуков [п] и [б] интегральными являются признаки места и способа образования; они находятся в оппозиции по глухости — звонкости, т.е. этот признак для них дифференциальный.

Дифференциальные и интегральные признаки, как контрастирующие в оппозициях, ориентируются на свойства: а) общей артикуляционной базы и б) конкретной артикуляционной базы определенного языка.

Система звуков речи отчасти противопоставлена индивидуальному произношению говорящего: в реальной речи оппозиционность звуков проявляется далеко не всегда с полной ясностью.

ПОНЯТИЕ ФОНЕМЫ

Для установления универсальной единицы, определяющей систему дифференциальных и интегральных признаков, введено понятие **фонемы** как минимального элемента звукового строя языка.

Взятые в системе фонемы определяют те качества звуков, которые оказываются минимально необходимыми для распознавания речи. В этом смысле каждая фонема представляет минимум дифференциальных признаков, характеризующих присущие данному языку произносительные действия и акустические впечатления.

Состав фонем определяет фонетический стандарт данного языка, подразумевающий разнообразие индивидуальных стилей про-

изношения, разнообразие условий, в которых осуществляется акт речи, — реальное разнообразие устных текстов. Фонема представляет наиболее характерные свойства звуков, позволяющие различать смысл.

Общее понятие основного вида фонем дополняется понятием ее модификаций (**аллофонов**), т.е. звуковых воплощений в конкретной речевой ситуации. При этом фонема понимается как **инвариант звуковой системы**, а ее аллофоны — как **варианты**. Для их различия требуется дистрибутивный анализ.

СЛОГ

Для проведения дистрибутивного анализа необходимо иметь фонетический текст. Минимальным фонетическим текстом является **слог**. Природа слога интерпретируется по-разному:

- слог — это единица речи, которая произносится одним выдыхательным толчком (экспираторная теория);
- слог — это сочетание сонорного элемента с менее сонорным; самые сонорные звуки — гласные, и далее по убыванию: сонорные согласные, звонкие шумные согласные, самые несонорные — глухие согласные (теория сонорности);
- слог — это единица произношения, состоящая из работ, направленных на смыкание и размыкание органов артикуляции (физиологическая теория).

В принципе эти теории не противоречат одна другой, но они могут по-разному (не всегда) определять границы конкретного слога.

Реально в потоке звучащей речи произносятся серии слогов, при восприятии которых слушающий различает отдельные звуки; таким образом, единицей восприятия является звук, единицей произношения — слог.

В речи слоги выделяются лишь по отношению друг к другу, их качественные и количественные характеристики зависят от стиля произношения. Скажем, в актерском произношении следует полностью проговаривать все слоги текста, так как необходимо, чтобы речь со сцены без крайнего напряжения голоса и ее смысл были полностью восприняты зрителями во всех уголках театрального зала. Это требование распространяется и на ораторское произношение. В обычной же речи, обращенной к малой или минимальной аудитории, полный стиль произношения не обязателен и слоги могут как бы «проглатываться». Перегруппировка слогов в разных стилях произношения и различие на слух звуков в слогах позволяет выделять отдельные типы звучаний даже несмотря на «смазанность» произношения.

Функции говорящего и слушающего при производстве речи различны: говорящий, артикулируя слоги, вкладывает в зву-

шую речь свою мысль, а слушающий распознает ее, ориентируясь на отождествление и восприятие звуков, составляющих слоги. Это различие обусловлено неопределенностью слогоделения в разных стилях произношения и невозможностью произносить иначе, чем по слогам, а также тем, что при восприятии речи слушающий следит не за слогоделением, а за составом звуков.

Общий звуковой образ того или иного языка складывается из восприятия типичных форм слогообразования, для создания которых используется от тысячи до трех тысяч слогов.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Звуки речи в составе слогов могут оказывать влияние друг на друга и вследствие этого видоизменяться: произносительные работы при артикулировании того или иного звука распределяются таким образом, что некоторые из них переходят на соседний звук. Такое явление называется *коартикуляцией*. В результате коартикуляции в речи происходят определенные фонетические процессы. Важнейшие из них — аккомодация, ассимиляция и диссимилияция. В разных языках они реализуются по-разному, что связано с характером строя этих языков.

Аккомодация — это коартикуляция гласного и согласного звуков, причем видоизменяться может как гласный под влиянием согласного (ср.: *эту* ~ *эти*; открытый [e] перед твердым [t] и закрытый [e] перед мягким [t']), так и согласный под влиянием гласного (твердый [t] перед гласным заднего ряда [u] и мягкий [t'] перед гласным переднего ряда [i]). Тембровое звучание мягких (п *алатализованных*) согласных выше, чем у непалатализованных.

Соседство согласного звука с последующим огубленным гласным заднего ряда [u] или [o] (*тут* ~ *том*) имеет следствием лабиализацию этого согласного: [t']; тембровое звучание лабиализованных согласных ниже, чем у нелабиализованных.

Ассимиляция — это коартикуляция гласного и гласного или согласного и согласного звуков, так что они уподобляются друг другу. Уподобление может быть полным: *рас-шевелить* — здесь [c] переходит в [ш]; и частичным: *труб-ка* — в этом случае звонкий звук [б] оглушается в [п] под влиянием глухого [к].

По направлению действия ассимиляция бывает *прогрессивной* и *ретрессивной*. При прогрессивной ассимиляции предыдущий звук оказывает влияние на последующий, уподобляя его себе полностью или частично; например, просторечное «*Ванька*» [ван'к'а]: артикуляция палатализованного [н'] передается следующему за ним звуку, и он тоже становится мягким — [к']. При ретрессивной ассимиляции движение фонетического процесса идет

в обратном направлении, так что артикуляционные характеристики последующего звука полностью или частично передаются предыдущему; например, *сбить* [зб'ит']: под влиянием звонкого [б] озвончается и глухой [с] (частичная ассимиляция) или *сжечь* [ж'эч]: озвончение [с] под влиянием звонкого [ж] (полная ассимиляция).

Помимо этого, ассимиляция может быть контактной, когда взаимодействующие звуки находятся рядом друг с другом (все вышеприведенные случаи), и *дистантной*: в этом случае взаимодействующие звуки разделены другими звуками, не затронутыми фонетическим процессом; например, просторечное «*календарь*» вместо *календаря*.

Частным случаем дистантной ассимиляции является сингармонизм: уподобление друг другу гласных звуков в корне и аффиксах. Такой фонетический процесс встречается, например, в тюркских языках: *bala-lar-#m* 'мои дети' ~ *ev-ler-im* 'мои дома'. Гласный звук непереднего ряда [a] в корне *bala-* 'ребенок' предопределяет появление в аффиксе множественного числа *-lar-* и в показателе принадлежности к 1 лицу единственного числа *-#m* также гласных непереднего ряда (буква *#* в турецком языке обозначает гласный среднего ряда верхнего подъема); гласный звук переднего ряда [e] в корне *ev-* 'дом' предопределяет появление в аффиксах соответственно только гласных переднего ряда. Ср. также: *bala-lar-#m-da* 'в моих детях' и *ev-ler-im-de* 'в моих домах'. В этом случае мы имеем дело с прогрессивной дистантной ассимиляцией гласных звуков по ряду.

Сингармонизм встречается также в финно-угорских, тунгусо-манчжурских языках, но не всегда описывается в этом качестве. Важно, чтобы слово было многосложным.

Диссимилияция — коартикуляция звуков, в результате которой происходит утрата ими некоторых общих фонетических признаков: это фонетический процесс, обратный ассимиляции. Диссимилияция обычно встречается в просторечии: «*асвалт*» (рядом с глухим [с] вместо глухого [ф] появляется звонкий [в]); «*бонба*» (рядом с губным [б] вместо губного [м] появляется зубной [н]); «*колидор*» (первый [р] из вибрата превращается в плавный), и т. п.

УДАРЕНИЕ

Слоги в речи, следя друг за другом, могут произноситься с разной степенью интенсивности, громкости, выделяться ударением.

Появляясь в последовательности слов, ударение приводит в действие особые фонетические процессы, что имеет следствием изменение качества звуков речи. Так, ударение влияет на долготу

Слово	Положение слога				
	предударное	ударное	заударное	шь	къ
Барабанника	[бъ]	рА ¹	бáн'		
Степень редукции	1	2	3	1	1

цесс называется *редукцией*. Его результатом является ослабление и изменение безударных слогов внутри фонетического слова (напр.: англ. *isolation* [aɪsə'leɪʃən]). В фонетических словах редукция распределяется по слогам в зависимости от места ударения. Различаются предударные, ударный и заударные слоги, в соответствии с этим различается и степень редукции (см. таблицу 39).

ФОНЕМА КАК СВЯЗЬ ПЛАНОВ ВЫРАЖЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЯ

Речевая цепь характеризуется малорасчлененной слитностью звучаний ее компонентов (звуков речи). Для фиксации на письме речевой поток должен быть разделен на отдельные фрагменты, звукотипы, соотнесенные с буквами и представляющие значения букв.

При сопоставлении буквы с тем или иным звукотипом необходимо учитывать следующее:

1. Буква может быть однозначно связана с определенным звукотипом; например, русская буква щ всегда обозначает звук [ш].

2. Некоторые буквы могут быть полисемантичны, т. е. в зависимости от позиции в слове могут соотноситься с разными звуками, иметь разное звуковое оформление; например, русская буква б в слове бар (позиция начала слова перед гласным) соотнесена со звуком [б], а в слове раб (позиция абсолютного исхода слова) — со звуком [п].

3. Возможна синонимия букв, когда разные буквы соотносятся с одним звуком; например, буква г в слове луг и буква к в слове

¹ «Этот звук описывается как гласный менее открытый и менее напряженный, чем [а], и это подтверждается сопоставлением спектральных характеристик ударного звукотипа [а] и безударного [А] и сравнением их длительностей: в спектре безударного наблюдается понижение F1 по сравнению со спектром ударного, свидетельствующее о повышении подъема спинки языка при его артикуляции, и значительное, примерно в полтора раза, уменьшение длительности, а также уменьшение открытости (опускания нижней челюсти), что отражается на ослаблении интенсивности звука» (Пожарская С. К. Современный русский язык. Фонетика. — М., 1985. — С. 19).

слов, на тембральные характеристики гласных и через процессы аккомодации на артикуляционные и акустические параметры согласных звуков.

Ударение формирует *ритм речи* — упорядоченное распределение ударных и неударных слогов относительно друг друга. Ритм речи используется преимущественно в стилистических целях, определенным образом акцентируя смысл.

Ударение объединяет группу слогов в пределах одного фонетического слова (такта). Фонетическое слово может не совпадать с границами слова как лексической единицы:

Ты остановишься, || бледна, ||
И тихо || сбросишь || плащ.
Не так ли || полная || луна
Встает || из темных || чащ?

(Н. С. Гумилев)

Знакок || отделяет такты друг от друга; как видим, в состав фонетического слова могут входить несколько лексических слов. Безударные лексические компоненты фонетического слова, примыкающие к ударному компоненту спереди, называются *проклитиками* (в нашем примере это *ты*, *и*, *не*, *из*), примыкающие сзади — *энклитиками* (в нашем примере *ли*). Границы такта зависят от стиля произношения. При беглом произношении фонетические слова могут сливаться, объединяясь вокруг одного ударения, и перераспределяться в составе слогов.

Рассмотрим пример: *вывезли* [з] ~ *вывез ли* [с]. В обоих случаях перед нами единое фонетическое слово (во втором с энклитикой *ли*) с одинаковым числом слогов, фонема <з> находится в одинаковом фонетическом окружении. Однако во втором примере <з> оглушается, указывая, согласно правилам русской орфоэпии, что она находится в конце лексического слова.

Ударение может быть неподвижным, одноместным (так, во французском языке ударение всегда на последнем слоге слова) и подвижным, разноместным, т. е. может находиться на любом слоге слова и даже перемещаться по слогам внутри слова, видоизменяя его грамматическое (*воды* ~ *воды*) или лексическое (*замок* ~ *замок*) значение.

Качество ударения также бывает различным. В языках разного строя встречается силовое ударение, когда ударный слог выделяется силой и ясностью артикуляции (например, в русском языке), и тоновое ударение (например, в китайском языке). При тоновом ударении дополнительно к ясности и силе артикуляции добавляется движение тона, выполняющее смыслоразличительную функцию.

Выделение ударных гласных звуков связано с процессом утраты ясности произношения других гласных — безударных. Этот про-

лук обозначают звук [к]: в данном случае они имеют одинаковое звуковое выражение.

4. Некоторые буквы могут утрачивать ясность своего звучания из-за того, что звуки, с которыми они соотнесены, в составе текста не произносятся; например, в словах *местность*, *крестьность* и тому подобных не произносится звук, соотнесенный с первой буквой *т*.

5. Существуют буквы, у которых в принципе нет звукового значения; таковы, в частности, русские буквы *ъ* и *ъ*: они лишь влияют на звуковое качество соседних с ними букв.

6. Некоторые звуки речи могут не иметь графического соответствия; это относится, в частности, в немецком языке к гласным звукам с так называемым 'твёрдым приступом' (*Knacklauf*), в датском к 'толчку' (*stod*) и т. п.

7. Одна буква может обозначать несколько звуков; например, русские буквы *ё* [yo], *я* [ja], *ю* [ju] и др.; и наоборот, — группа букв может обозначать один звук; например: англ. *sh*, нем. *sch*, фр. *ch* — все эти буквосочетания в указанных языках соотнесены со звуком [ʃ].

Звукобуквенные соотношения дают возможность разделить речевую цепь на отдельные звуковые единицы и графически передать содержание высказывания.

Единицы графического языка существуют по законам соотнесения с единицами звукового языка. Это предопределило необходимость, во-первых, выработать правила нормативного произношения звуков речи, т. е. создать звуковой литературный язык с правилами произношения — орфоэпию; во-вторых, разработать и закрепить правила однозначной письменной фиксации слов в их смысловых возможностях (орфографию).

Создание правил орфоэпии и орфографии позволило привести в соответствие план выражения звучащей речи с планом содержания. До появления письменности планы выражения и содержания соотносились в целых высказываниях, но не в их частях (минимальным количественным пределом целого высказывания является слово). После появления письменности и формирования орфоэпической и орфографической норм стало возможным соотнесение планов выражения и содержания на всех ярусах языка, т. е. значимым стал план выражения морфем в составе слова, план выражения слов и словосочетаний в составе предложения. Как следствие, потребовалось уяснить роль звуков и звукотипов по отношению ко всей совокупности ярусов языковой системы.

Теперь звучащая речь стала рассматриваться как средство различия звуков по отношению к буквам, морфемам, словам, словосочетаниям и высказываниям. Было установлено, что звукотипы при их реализации в потоке речи должны получать опре-

деленные приметы для каждого контекста употребления, т. е. должны учитываться их отношения друг к другу в разных слогах, при разных ударениях, в целом их отношение к плану содержания речи.

Методология анализа звуков речи вырабатывается с точки зрения их способности различать смысл (не только в литературном языке, но и в диалектах); была установлена смыслоразличительная функция звуков, изучение звуков с точки зрения этой их функции называется фонологией.

Фонологический анализ, в частности, предполагает сравнение функций звуков в разных языках. Такое сравнение имеет следствием уточнение смыслоразличительных характеристик звуков; так возникла сопоставительная фонология.

Изучение языков в их динамическом развитии еще более способствует уточнению смыслоразличительных качеств звуков в пределах одного языка; так была создана историческая фонология.

Результаты сопоставительного и исторического изучения смыслоразличительных характеристик звуков используются для фиксации нормы произношения, для ее отражения в орфографии. Это — нормативная фонология.

Осуществляя общую фиксацию смыслоразличительных характеристик звуков конкретного языка, нормативная фонология обязательно учитывает историю его орфоэпии и орфографии; благодаря этому вырабатываются дополнительные уточняющие правила смыслоразличения в данном языке. Вместе с тем нормативная фонология подразделяется на фонологии конкретных языков — русского, английского, французского и т. д. Смыслоразличительные функции звуков речи, или фонемный строй языка, определяются по следующим правилам.

- Рассматривается только полное (совершенное) литературное произношение (такое, которому учат в актерских школах). Неполное (несовершенное) и диалектное произношения привлекаются только для выявления и разрешения неясностей.

- Выбираются слова, которые в литературном произношении составляют так называемые коррелятивные пары, т. е. два слова, различающиеся одной фонемой, которая либо меняет смысл сочетания, либо обессмысливает его: *том* ~ *кот* <*т* ~ *к*>, *том* ~ *вот* <*т* ~ *в*>, *том* ~ *тут* <*о* ~ *у*> и т. п. С помощью коррелятивных пар устанавливается примерный инвентарь фонем в виде списка.

- Минимальной единицей фонемного состава является морфема, представленная одной фонемой. В языках, где слогоделение морфологически значимо, каждый гласный звук может быть отдельным слогом и представлять отдельную фонему, как, например, в китайском языке: *эр* — [ретрофлексный гласный] — 'два',

у [у] — ‘пять’ и т. п. В русском языке глагольные приставки типа с- (с-бить), у- (у-ехать) также представляют собой фонетический минимум морфемы. Однофонемные морфемы определяют объем звукотипов, представляющих морфемы.

• Рассматриваются комбинации фонем в словах и морфемах. Все фонемы должны отвечать критерию дистрибутивного различия, т. е. занимать относительно друг друга позиции дополнительного и контрастного распределения. Таким образом проверяется перечень фонем, выявленных благодаря коррелятивным парам. Например, в русском языке согласные звуки в начале и в середине слова сочетаются с любыми гласными: *дума* ~ *подумать*, *делать* ~ *проделать*, *дока* ~ *лодочка*, *дикарь* ~ *ходить*, *лавка* ~ *поладить* и, соответственно, в соседстве с гласными переднего ряда становятся мягкими, а в соседстве с гласными среднего и заднего ряда — твердыми. Но в конце слова твердые и мягкие согласные составляют коррелятивную пару, например: *быт* ~ *быть*. Это значит, что в начале и в середине слова твердые и мягкие согласные находятся в дополнительной дистрибуции, а в конце — в контрастной. Наличие для твердых и мягких согласных в русском языке как дополнительной, так и контрастной дистрибуции делает необходимым выделение твердых и мягких фонем.

Если два разных по произносительным качествам звука находятся только в контрастном или только в дополнительном распределении, их надо признать одной фонемой; так, представителями одной фонемы являются в русском языке звуки [и] и [ы]: они относительно друг друга всегда находятся в дополнительной дистрибуции.

• Для каждой фонемы описываются существенные дифференциальные признаки. Из фонологического описания звукотипов исключаются те дифференциальные признаки, которые возникают под влиянием комбинаторных фонетических процессов в слогах, т. е. процессов аккомодации, асимиляции, диссимилияции, не характеризующих фонемы в коррелятивных парах. Звукотипы рассматриваются в так называемых сильных позициях. Таковыми считаются позиции в морфемах и словах, которые способствуют максимальному выявлению артикуляционных и акустических качеств звукотипов. Для гласных фонем это позиция под ударением, для согласных — перед гласным.

Рассмотрение звукотипов в сильных позициях в выявленном перечне фонем в коррелятивных парах позволяет отделить их существенные дифференциальные признаки от несущественных.

• В слабых позициях выступают модификации фонем, которые не обязательно обладают всеми существенными дифференциальными признаками. Например, в русском языке редуцированный [ы] — это «сверхкраткий <...> гласный среднего подъема

среднего ряда, который называют иногда нейтральным и считают, что он лишен собственной тембральной окраски. По своим артикуляторным параметрам он занимает среднее положение между [а] и [и], но в слуховом восприятии достаточно далек и от того, и от другого»¹. Фонемы, различенные в сильных позициях, в слабых позициях полностью не проявляют качеств образцовых звукотипов. При установлении фонемного состава морфемы, определяющего соответствие между планами выражения и содержания, следует учитывать, что в случае неполноты проявления признаков звукотипа в данной позиции мы имеем дело с модификациями фонемы. Состав модификаций исчисляется по слабым позициям фонемы, сохраняющим возможность идентифицировать ее в данном составе.

• При совпадении в определенных позициях дифференциальных признаков двух и более фонем мы имеем дело с *гиперфонемой*. «Изменение произношения гласного, соответствующего орфографическому *а* после шипящих, отражается на фонемной транскрипции тех слов, где этот гласный не имеет точного фонемного эквивалента. Так, в слове *шалаши* при произношении [шы́лаш] (старшая норма) предударный гласный представляет гиперфонему такого состава:

о
<ш е л а ш>,
а

так как он совпадает с произношением гласного в словах [шолк — шы́лка, шест — шы́сты, шар — шы́ры] и отличается от [шып — шыпы, шут — шуты]².

ПРИМЕНЕНИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ И ФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В XX в. возникает такая область языкоznания как *экспериментальная фонетика*. На ее появление повлияли следующие обстоятельства.

Во-первых, сведения, полученные при изучении патологии речи: условий появления постоянных и временных патологий, а также результаты методики их лечения. Далеко продвинулись и исследования в области нейролингвистики и психолингвистики, в частности сопоставления образной значимости речевых зву-

¹ Пожарская С. К. Современный русский язык. Фонетика. — М., 1985. — С. 20.

² Там же. — С. 37.

чаний, их эстетических качеств и связи звуковых впечатлений с впечатлениями «внешними», идущими от других органов чувств.

Во-вторых, совершенствование средств физической фиксации и инструментального анализа звуков речи: использование в этих целях фотографии, рентгеноскопии, звукозаписывающих и звукоаналитических устройств. Это позволило создать экспериментальную базу для работ в области фонетики и фонологии, разработать гипотетические звуковые модели с последующей возможностью проверять и уточнять их при помощи технических средств. Техника реализовала постоянное стремление ученых «объективировать» данные о речи, т.е. зафиксировать с помощью приборов артикуляционную биомеханику акта произнесения звуков и дать ему точную и адекватную акустическую характеристику.

Поскольку речь идет о языке как общественном явлении, эксперимент должен обязательно развиваться в социальном плане. Специфические особенности произношения различных текстов следует изучать в разных социальных группах и слоях. В результате экспериментатор получит уточненные сведения о звучащей речи как общественном явлении.

Экспериментальная фонетика обеспечивает переход к речевой практике.

Практика в языковой дидактике. При изучении иностранного языка учащийся должен освоить артикуляционную базу этого языка и овладеть новыми речевыми навыками, чтобы говорить без акцента. Для тренировки правильного произношения создаются специальные тренажеры. Простейшими из них служат звукозаписывающие устройства; зафиксированный текст, создавая возможность постоянного контроля за все обновляющимися пробами, наилучшим образом приспособлен для выработки необходимых навыков произношения. Дополнением к таким приборам является компьютер, который отмечает ошибки и показывает, в чем именно они состоят. Обучающая компьютерная программа располагает анализом акустических качеств речи, дает сравнение с эталоном и графическое указание на характер произносительных работ.

Идентификация человека по голосу. Знание системы фонем и их звуковых реализаций позволяет сформировать некую идеальную картину речи. Реальное произношение любого человека будет отличаться от этой картины. Запись на магнитных носителях с последующим электронным акустическим анализом дает возможность представить характер речи конкретного человека. Затем электронно-акустические параметры записанного материала сопоставляются с идеальной картиной речи и отмечаются типовые расхождения. Такое сравнение выявляет произносительные характеристики данного человека, устанавливает их классификационные

признаки, которые заносятся в память компьютера. Благодаря этому личность может быть идентифицирована по голосу так же, как и по отпечаткам пальцев.

Автоматический синтез речи. Произношение можно моделировать при помощи специальной аппаратуры, которая имитирует звучание человеческого голоса, синтезируя звучащую речь по фонемам. Построение алгоритма такого синтеза было предложено, в частности, Б. М. Лобановым¹. Оно начинается с артикуляционно-командного представления состава фонем русского языка, учитываяющего их акустические свойства, которые, в свою очередь, обусловлены артикуляционными особенностями их образования.

Артикуляционно-командное представление фонем строится по активному органу артикуляции. К активным органам артикуляции (в соответствии с определением авторов) относятся: тело языка (T), кончик языка (K), боковинки языка (B), губы (Γ), нёбная занавеска (H), нижняя челюсть ($Ч$), голосовые связки (C , Φ), легкие (L). В зависимости от выполняемых типов движения эти органы подразделяются на группы. К группе, обладающей только одним типом движения, относятся B , H , $Ч$, L (данными символами записываются и команды, подаваемые этими элементами артикуляции); вторую группу составляют органы, располагающие возможностью двух относительно независимых типов движения, — T , Γ , K , C и Φ (команды для этой группы соответственно записываются символами: T_1 , T_2 , Γ_1 , Γ_2 , K_1 , K_2 , C , Φ).

Команды подаются одна за другой по фонетической последовательности речи, что осложняется слоговой ее организацией: команда на реализацию согласного подается одновременно с командой для (символы T_1^c , T_2^c , Γ^c) гласного. В системе Лобанова—Кучерова структура слога условно принята в виде последовательности: «согласный — гласный» ($СГ$). Команды на создание слога дифференцируются в зависимости от процессов аккомодации, характерных для конкретного языка. Существуют еще и дополнительные команды, управляющие типом действия органов артикуляции: образование шумовой щели ($Ш$), дрожание ($Д$), взрывное преодоление смычки ($В$), образование аффрикат ($А$). Для создания просодических характеристик сообщения даются команды: Φ (натяжение связок), L (давление воздуха, идущего из легких), $Ч$ (изменение текущего времени произнесения). Для синтеза речи необходимо построение системы из трех типов команд, которые определяют артикуляционные, акустические и просодические характеристики речевого звучания.

¹ См.: Кучеров В. Я., Лобанов Б. М. Синтезированная речь в системах массового обслуживания. — М., 1983.

Схема 40

Распределение команд при построении алгоритма синтеза речи представлено в схеме 40.

Далее следует режим управления артикуляторами (схема 41).

Благодаря классификации команд и схеме управления артикуляторами каждая фонема может быть описана матрицей команд, представленной в таблице 40: нули и единицы в разных комбинациях показывают, включать (1) или не включать (0) тот или иной элемент артикуляции для продуцирования определенных звуков речи (что частично характеризует и интонацию).

Эта матрица позволяет описать в виде совокупности команд любую фонему русского языка внутри сочетания «согласный—гласный»: комбинация нулей и единиц представляет картину звучания отдельных звуков. Б. М. Лобанов создал такой алгоритм на основании стандартных фонетических описаний, которые, в свою очередь, основаны на самонаблюдении.

Схема 41

Таблица 40

Бинарные значки команды при синтезе фонем русского языка

Значение зависит от типа гласной фонемы, входящей в слог СГ

ЛЕКЦИЯ 12

ЗВУЧАЩАЯ РЕЧЬ

ЧЛЕНЕНИЕ РЕЧИ

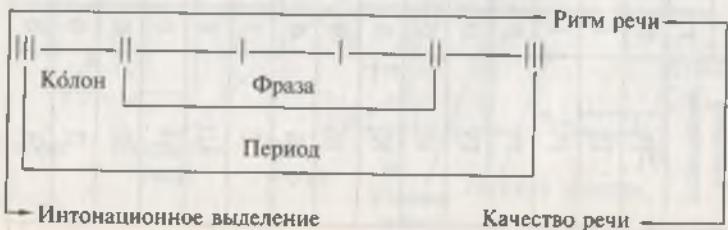
Одно из важнейших направлений в изучении и описании звучащей речи — исследование произношения с точки зрения восприятия, распознавания и понимания. В этом аспекте главной характеристикой является членение речи на отрезки звучания и молчания, взаимное отношение которых может выражать бесконечно большое разнообразие смыслов: все богатство и разнообразие звуков речи, тембров, мелодик, ударений и т.д. может быть сведено к элементарному описанию фрагментов звучания, разделенных паузами. Ритм речи в своих основах выражается именно такой членностью речи: вне этого показателя смысл выражаться не может.

Паузы и звучания различаются первые по долготе и вторые по силе ударения. Варьирование силы ударений во фрагментах звучания и длительности пауз создает ритмическую организацию потока речи. Схема 42 отражает взаимосвязь в модели смысловой членности речи.

Паузы различаются по длине: длинные, средние и короткие. Участки звучания между длинными паузами (|||) называются *периодами*; на письме они выделяются абзацем. Эти паузы обозначают завершение мысли и переход к новой мысли.

Более короткие паузы (||) между предложениями, выражающими относительно законченную мысль, называются *колонами*. Если в абзаце (периоде) мысль завершена целиком, то в колоне представлена часть данной мысли, но все же завершенная в мо-

Схема 42

дальном и образно-логическом отношении. Пауза после колона обычно бывает примерно в два-три раза короче, чем пауза после периода. Число два-три следует понимать соотносительно, а не абсолютно, так как речь может произноситься в разном темпе.

Наконец, внутри предложения (колона) между понятиями, которые могут охватывать группу слов (фразу), тоже ставится самая короткая пауза (//). Фраза — лексическая единица (слово или словосочетание), которая является конструктивной частью предложения, выражающей цельное (нерасчлененное или расчлененное), единое понятие, сочетающееся с другими понятиями. Это может быть, в частности, причастный или деепричастный оборот, группа подлежащего и сказуемого и т. п. Такая пауза в среднем короче паузы после колона тоже примерно в два-три раза.

Фонетические слова в потоке речи отделяются так называемыми *потенциальными паузами*, которые маркируют предел слова. Наличие потенциальной паузы означает, что в конце слова можно прервать звучание, не исказив при этом смысла высказывания (или самого слова). Если же пауза поставлена в середине слова, оно разрывается и смысл утрачивается.

Таким образом, самый простой способ соотнести звучание и значение — это разделить высказывание на те или иные по объему паузы: большие, средние, малые и потенциальные.

Звучащая речь представляет собой линейное образование, движущееся во времени в одном направлении: последовательность звучания. Чтобы ее понять, необходимо ввести понятие «разнообразие», без которого нет последовательности (скажем, дляящийся на одной ноте монотонный звук). Самое простое построение последовательности — это ее прерывание, поэтому речь есть чередование звучания и молчания; регулярные их соотношения организуют ритм речи. В этом смысле процесс речевой коммуникации с помощью голоса разбивается для слушающего на два аспекта:

- 1) распознавание речи — фонетическое узнавание плана выражения языковых знаков;
- 2) понимание речи — восприятие плана содержания, т. е. смысла услышанного.

Критерием распознавания является установление того, какие знаки речи были переданы. Это необходимое условие для того, чтобы перейти к их осмыслению. Во время звучания происходит распознавание того, что выслушано. Паузы, предоставляя время для осознания услышанной речи, позволяют перейти к ее пониманию. Делая паузу, говорящий стимулирует слушающего на усиление понять речь. Для того чтобы звучащая речь получила смысловую организацию, необходимо правильно расставить паузы, которые в этом случае оказываются важнее, чем сами звуки. Распределение пауз есть стимуляция интеллектуальной деятельности слушающих. Во время звучания слушающий распознает звуковой со-

став языковых знаков, а во время паузы — вникает в содержание речи и оценивает ее.

Благодаря членности произношения паузами возникает возможность принятия сообщения. Эти отношения в свернутом виде переданы в азбуке Морзе, исключающей тембровые и мелодические разнообразия речи. Азбука Морзе — телеграфный код, содержащий только длинные и короткие звучания и паузы между ними, соответствующие буквенному коду, этот условный код четко демонстрирует природу языка, основанную на делимости временной протяженности сигнала. Разнообразие перерывов в тексте, переданном азбукой Морзе, отражает членность речи по смыслу.

Каждому виду пауз отвечает ударение определенной силы. Самое сильное (так называемое «логическое») ударение приходится на то слово, которое выделяет основную идею, объединяющую весь период. Ударение средней силы падает на психологический и логический предикат предложения, выраженного колоном. Более слабое по сравнению с предикативным ударение объединяет фразу. И наконец, словесное ударение соединяет в единое целое слово, отделенное от других слов потенциальными паузами.

Самое слабое ударение, редуцированное (второстепенное, например, в сложных словах) не сопрягается с паузой, среднее ударение (словное) вызывает короткую паузу (фразовую), сильное (фразовое) — среднюю паузу (колонную), логическое (сверхсильное) — длинную паузу (периодную): паузы как бы смещаются на одну позицию по отношению к ударению.

Таким образом, ритмическое членение речи выстраивается из периода, предложения, группы слов, отмеченного словесным ударением отдельного слова и потенциальной паузы. Это верхний слой семантизации речи.

Следующий слой — интонация, т.е. движение основного тона, создающее определенную мелодическую фигуру, вложенную в высказывание. Выделяются следующие основные виды интонации: повествовательная (*Он говорит*), побудительная (*Говори!*), воскликательная (*Как он говорит!*) и вопросительная (*Что ты говоришь?*). Динамика интонации определяется ударением, паузацией и высотой основного тона.

Следует отметить, что, добиваясь точности понимания, письменная речь образовала новые формы ритмического членения. К ним относятся пробелы между словами, все знаки препинания внутри и после предложения, абзацы, разного рода кавычки (скажем, двойные и одинарные, штриховые, в форме запятой и т. п.), а также различия шрифтов, авторских почерков и графического расположения текста на плоскости листа.

Графическое членение речи дает дополнительные сигналы к ее восприятию, пониманию и оценке.

ТЕМП, ГРОМКОСТЬ, МЕТРИЗОВАННОСТЬ РЕЧИ

Всякое звучание или видимая графика, помимо расчленения ради восприятия, понимания и оценки, по замыслу создателя речи может обладать той или иной степенью ясности. В звучащей речи это достигается темпом, громкостью и метризованностью речи.

Темп — это ускорение или замедление процесса речи без нарушения его членности. Более быстрый темп снижает ясность, замедленный — повышает ее. Более громкая речь увеличивает ее ясность, тихая — уменьшает. Однако громкость речи, чрезмерная для определенных акустических условий, понижает ясность, равно как и речь чрезмерно тихая; первая ослабляет внимание, а вторая, напротив, усиливает его.

Метризованность речи расслабляет внимание, неметризованность — усиливает. Метризованность речи образует как бы фон, который отвлекает слушающего, и его внимание раздваивается между распознаванием и пониманием, следствием чего оказывается снижение способности оценки содержания речи.

Обычно метризованное построение речи сопровождается замедлением темпа и усилением громкости. Неметризованная речь в своей фонации (и графической форме) направлена на повышение внимания и, следовательно, применяется тогда, когда необходимо добиться наибольшей ясности речи.

По этому признаку речь делится на: нестиховую (прозу) — неметризованная речь, стиховую (стихи) — метризованная речь и смешанную (белый стих, верлибр, стих в прозе), которая занимает промежуточное место между периодичной (стиховой) и непериодичной (прозаической) речью. В ней совмещаются некоторые черты той и другой форм речи.

Белый стих сохраняет стопную метрику, но не имеет рифмы. В стиховой речи рифма подчеркивает начало и конец строки. Заканчивая строку, она служит не только разграничительным (делим итати ны м) средством метрики, но и своеобразным оператором смысла — рифмующиеся слова и строки составляют пары, контекстный смысл которых воспринимается как антонимический. Отказ от рифмы в белом стихе лишает его подобной контекстуальной расцветки, ослабляет внимание к звуковой метрике, переводя его на смысл.

Верлибр — метрическое построение, но метр здесь создается не звуком, а регулярным повтором синонимизирующихся лексических единиц — слов и словосочетаний. Такая группировка синонимов образует внутренний смысловой метр, концентрируя все внимание читателя и слушателя на умственной операции осознания гиперонимов, которые хотя и не названы, но представлены в тексте подбором ряда синонимов.

Таблица 41

Риторические качества речи	Говорящий	Речь	Слушающий
Условия речевых действий:			
• индивидуальные качества (возраст, пол, психофизическая конституция);	—	—	—
• социальные качества (диалект соседства и родства, язык школы, практика речи вне обучения)	+	+	+
Аспекты, характеризующие речевые действия:			
• коммуникативный — ориентация речи на аудиторию (большую, малую, среднюю);	+	—	+
• апеллятивный — рецитация текста (различение качеств стиля по видам словесности);	—	+	+
• экспрессивный — собственная речь (различение по подготовленности и видам словесности)	+	+	—

Подобное описание предусматривает проведение анализа речи в трех аспектах:

- 1) определения категорий стиля произношения;
- 2) выявления единиц описания и признаков этих единиц;
- 3) построения алгоритма распознавания речи.

При изучении первого аспекта (выявление категорий стиля) различаются три класса понятий.

Первый составляют риторические понятия, которые определяют характер наблюдения над звучащей речью. Второй класс — стилистические понятия; они служат для рассмотрения качества произносительных стилей.

Третий класс составляют понятия, отражающие произносительные работы, характеризующие особенности звучаний; это фонетические понятия.

Данные классы понятий иерархически организованы. На высшем уровне находятся риторические, на среднем — стилистические, на низшем — фонетические понятия.

Риторические понятия предполагают учет индивидуальных и социальных условий речевых действий (см. табл. 41).

Стихи в прозе представляют собой бессюжетное лирическое построение, выполненное вне явной метрической техники, сосредоточивающее внимание читателя на предметно-образном смысле высказанного.

Звуковой ряд и его ритмика, включая внутреннюю схему смыслового ритма, и являются первоначальной опорой создаваемой речи, где звуко-музыкальный строй служит канвой, на которой строится весь последующий выбор «материала» для создания словесного ряда.

Как уже было сказано, ярус — это основное понятие языковой структуры. Образуются ярусы языковой структуры в результате ритмического членения разных высказываний. Для их описания объединяются единицы, однородные по характеру пауз и ударений. Сопоставление разных высказываний по однотипным ритмическим характеристикам позволяет обнаружить в них сходства и различия и в звучании, и в смысле.

ЛИЧНЫЙ СТИЛЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ

Каждый человек обладает индивидуальными, только ему присущими особенностями произношения. В таблице 41 представлены стандартные формы идентификации человека по голосу.

На первом месте в сумме навыков и умений произношения находится дикция. Умение правильно и красиво озвучивать свою речь ставит человека на более высокую ступень в общественной иерархии: характер произношения (и, следовательно, восприятия речи) влияет на отношения людей.

Существующие фонетические и фонологические нормативные описания дают представление о правильной, совершенной по звучанию речи. Они становятся опорными для определения предлагаемой обществу идеальной нормы речи. Но эти описания недостаточны, во-первых, из-за отсутствия в них соотнесенности с реальными актами речи, во-вторых, потому что они неполно описывают систему произношения.

Всякая речь на литературном языке нормирована. Но мера нормативной организованности может различаться в зависимости от того, как в рассматриваемой речи соотнесены норма и просторечие и каким стилем она выполнена. Все эти факторы действуют совместно. При фиксации речи (скажем, при помощи электронных приборов) они получают отражение как реальное целое. Однако в целях распознавания речи необходимо в этом целом выявить признаки, позволяющие более полно описать знаковую сигнатурную структуру речи, с тем чтобы иметь возможность такое описание представить в виде алгоритма распознавания речи.

Другим свойством риторических понятий является функциональная аспектация конкретного речевого акта. В речевом акте выделяются коммуникативный, апеллятивный и экспрессивный аспекты.

При изучении коммуникативного аспекта стилевые качества произношения в речевом акте не ставятся в зависимость от типа аудитории. При апеллятивном рассмотрении устремляются личные интересы говорящего. Это происходит при рецитации литературных произведений. При экспрессивном анализе речевого акта рецитация исключается и рассматривается только собственная речь.

Одновременно необходимо учитывать еще один стилистический признак, относящийся исключительно к психологии речи, но отражающийся на стиле произнесения высказывания и характеризующий все три функциональных аспекта: подготовленность и неподготовленность (спонтанность) речи. Первое в случае рецитации означает предварительное знакомство с текстом по письменному источнику, второе — чтение незнакомого текста.

Подготовленность собственной речи заключается в том, что ее выражение предварительно прорабатывается во внутренней речи. При неподготовленности речи собственные высказывания либо не отработаны во внутренней речи, либо это сделано в недостаточной степени; такая речь называется спонтанной.

Состав аудитории оказывает заметное влияние на стиль речи: большая аудитория всегда предполагает подготовленность речи, а малая и средняя допускает возможности как подготовленного, так неподготовленного выступления.

Следует подчеркнуть, что все эти качества звучащей речи устанавливаются путем риторического анализа — в речевом акте они представлены слитно.

Индивидуальные качества речи слиты в одно целое, они изменяются с возрастом человека, зависят от его физического и психического состояний. Выявляются они по отдельности путем наблюдения над группами голосов, объединенными и различными по возрастам, принадлежности к полу (с учетом возраста) и, наконец, принадлежности группам людей разных психосоматических типов, обладающих отличающимися антропометрическими характеристиками, патологическими и физиологическими состояниями организма.

Социальные качества речи определяются как принадлежность к диалектному произношению; полное или частичное соответствие нормам общего литературно-письменного языка и его территориальным вариантам; отнесенность анализируемого произношения к профессиональным группам речедеятелей, в которых типы произношения обусловлены характером речевых на-

выков. При этом необходимо отделить собственно произносительный стиль от такого фактора стиля как выбор слов, троп и фигур речи, по которым прежде всего опознается профессиональная речь. Метод выявления признаков тот же, что и при анализе индивидуальных качеств. Голоса дистрибутивно различаются по группам на основании сходства произносительных признаков, эти группы относятся с индивидуальными и социальными группировками людей по выделенным признакам.

Риторические качества речи по признакам речевых действий выделяются и описываются путем сравнения произнесения одним и тем же человеком текста в разных произносительных условиях. Этот прием позволяет рассмотреть индивидуальное произношение и его изменения под влиянием условий, в которых речь реализуется. Такие наблюдения ведутся над группами людей с использованием экспериментально-фонетических методик и статистической оценкой результатов.

Зависимость произношения от ориентации на аудиторию — главное риторическое качество любой речи. Говорящий должен учитывать уровень речевой подготовки слушающих, их интересы, возможную реакцию на услышанное и т. п. При этом важно, чтобы были выявлены особенности типов настройки на аудиторию и их влияние на качество произношения с точки зрения апеллятивного и экспрессивного аспектов высказывания.

Общие типы настройки определяются установлением обратной связи с аудиторией.

Большой считается такая аудитория, в которой отсутствуют все виды обратной связи с аудиторией в момент речи. К такой аудитории, например, обращена речь диктора по радио, телевидению и все виды студийной речи (в том числе и в эксперименте). В подобных ситуациях тип настройки на аудиторию постоянен (не меняется в ходе речи), речь всегда подготовлена (за исключением специально заданных экспериментальных условий).

К средней аудитории обращена ораторская монологическая речь, при этом обратная связь осуществляется по неречевым каналам (вид аудитории, ее реакция, поведение, аплодисменты, протест действием и т. п.). Эту ситуацию, в частности, представляет театральная аудитория.

Подобный тип аудитории в эксперименте не воссоздается. Но можно анализировать записи актерской, ораторской и научной речи. В средней аудитории в речи выступающего возможны колебания между стилями, характерными как для большой, так и для малой аудитории; поэтому можно сравнивать между собой фрагменты одной и той же речи, произнесенной и в тех и в других условиях.

Малая аудитория чаще всего соответствует ситуации диалогической речи. В ней ослабляются многие требования, например к

Таблица 42

Скорость произношения	Рецитация		Жанровые формы
	подготовленная	неподготовленная	
I	+	-	Стихи
II	+	+	Верлибры
III	+	+	Художественная проза
IV	+	+	Ораторская проза
V	+	+	Деловая проза
VI	+	-	Скороговорки

Распространенная (типичная) скорость произношения рассматривается соотносительно, как бы ориентируясь на варьирование скорости одного человека. У разных людей абсолютные скорости произношения будут различными, но соотносительное убывание и замедление речи примерно отвечает распределению, представленному на таблице. Рецитируемая речь рассматривается только в отношении большой и средней аудиторий. Собственная речь, характерная для экспрессивного аспекта высказывания, — только к речи в средней и малой аудиториях.

Выявить различия, обусловленные фактором по подготовленности речи, достаточно сложно. Однако существует возможность выбрать такие виды словесности, которые в условиях эксперимента позволят с уверенностью сказать, является речь подготовленной или нет. Так, произнесение стихов, верлибров и художественной прозы всегда будет подготовленным. Ораторской и деловой прозе свойственны как подготовленные, так и спонтанные высказывания. Реплики в диалоге как ответ на неожиданно поставленный вопрос, как правило, будут неподготовленными, спонтанными (табл. 43).

ПРОИЗНОШЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРОВЫХ РЕЧЕВЫХ ФОРМ

Рецитация может выявить своеобразие в произношении жанровых форм. Различаются следующие жанровые формы — стиховая речь, верлибры, разные виды прозы — художественная, ораторская, деловая, бытовая. Основное расхождение обнаруживается в скорости произношения. При этом рецитация, подготовленная по скорости, на один шаг опережает неподготовленную. Это можно условно показать в таблице 42.

Таблица 43

Вид словесности	Вид речи	
	подготовленная	неподготовленная
Стихи, верлибры, художественная проза	+	-
Ораторская и деловая проза	+	+
Ответы на неожиданные вопросы в диалоге	-	+

РИТОРИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОЗДАНИЮ РЕЧИ

Риторические требования к созданию речи обусловлены стилистической классификацией качеств речи, которая выделяет следующие качества произношения: 1) полнота; 2) ясность; 3) громкость; 4) красота; 5) разборчивость; 6) быстрота.

Полнота произношения означает, что говорящий полностью выговаривает (не проглатывает) все звуки данного текста.

Ясность — говорящий артикулирует все звуки максимально отчетливо; при этом звуки, близкие акустически и артикуляторно, не смешиваются.

Громкость — говорящий соразмеряет силу голоса с условиями произнесения; при этом необходимо учитывать относительность этого понятия: даже когда голоса звучат вместе и говорящие находятся на одинаковом расстоянии от слушающего, один может быть слышнее другого.

Красота — говорящий обладает умением управлять определенными навыками эмоциональной выразительности своего голоса, позволяющими легко индивидуализировать человека по произношению.

Разборчивость произношения — это свойство четкого и ясного продуцирования каждого звука, содействующее удобству восприятия особенно в условиях помех.

Быстрота — характеристика речи, которую можно измерить числом произнесенных слогов в единицу времени, также влияющая на качество восприятия.

Перечисленные свойства частично противоречат друг другу. Так, полнота как будто бы противоречит быстроте, так как чем больше скорость произнесения, тем более вероятно проглатывание звуков и слогов. Ясность противоречит громкости, ибо чем громче говорит человек, тем возможнее слияния соседних звуков. Разборчивость произношения противоречит его красоте, так как эстетическая индивидуальность речи зачастую не соответствует общепринятым орфоэпическим стандартам.

Указанные свойства составляют пары противоречащих качеств, которые необходимо специально тренировать, чтобы достичь наиболее благоприятного сочетания, когда одно качество будет влиять на другое в минимальной степени (или подавлять его):

быстрота — полнота;
громкость — ясность;
красота — разборчивость.

В левом столбце объединены качества речи, которые определяют энергию воздействия говорящего на слушающего; в правом — те, которые желательны слушающему, так как помогают ему воспринимать речь. Быстрота, громкость и индивидуальная эстетика

речи соединяются вместе, и одно качество усиливает другое, но при этом стиль произношения как бы удаляется от воспринимаемости речи. Полнота, ясность и разборчивость как бы не претендуют на эффект эмоционального воздействия, но, объединяясь в комплекс, приближают стиль речи к большему удобству восприятия.

Таким образом, существуют качества речи, индивидуализирующие и специализирующие высказывание. При соблюдении полноты, ясности и разборчивости речи громкость способствует ее доходчивости. Быстрота не содействует доходчивости речи, а красота, обращая внимание слушающего на ее звучание, делает речь желательной или нежелательной слушающему независимо от ее содержания.

Содействуют доходчивости
речи

Полнота
Ясность
Разборчивость

Громкость

Противостоят доходчивости
речи

Быстрота
Красота

Таково объективное соотношение качеств стиля произношения.

ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧЕВЫХ ЗНАКОВ

Точно так же строго определенным образом организованы и физические характеристики речи с точки зрения способности нести смысл, т.е. в знаковых целях. Тремя ведущими физическими характеристиками речевых знаков являются: длительность, интенсивность и ритм.

Длительность — это временная протяженность акустического сигнала, выраженная в мерах времени (секундах и миллисекундах).

Интенсивность — энергия речевого сигнала, выраженная в мерах энергии (герцах).

Ритм — упорядоченные перерывы длительности звучания, т.е. паузы и/или упорядоченные изменения интенсивности звучания.

Речевой сигнал обусловлен связью таких параметров, как длительность и интенсивность. Эта связь прослеживается через ритм, который, являясь основой композиции звучания, связывает длительность и интенсивность в одно целое.

Высказывания следуют друг за другом с определенными вариациями быстроты произношения — темпом. Темповая характеристика отражает убыстрение и замедление звучания речи и создается ускорением и замедлением работы органов артикуляции.

Темп влияет на все физические характеристики: отождествление одних и тех же знаковых явлений речи, производимых в раз-

личном темпе и идущих от разных отделов органов артикуляции, принадлежащих людям с неодинаковой языковой подготовкой.

В пределах определенного темпа отдельные звуки предстают как результат выделенности в ритмических структурах по отношению к месту ударения и по отношению к длительности и интенсивности, характерной для данных классов звуков, различаемых по составу обертонов-формант.

В центре оценок длительности и интенсивности гласных находится понятие **ритмической структуры** (т.е. некоторый вид такта), представляющей фонетические границы слова на уровне его реализации в речи. Ритмическая структура состоит из ударного слога (слога с более высокой интенсивностью) и примыкающих к нему предударных (проклитиков) и заударных (энклитиков) слогов, не несущих ударения.

В пределах ритмических структур (слов) вычленяются ритмические позиции гласных, полугласных, согласных (определеняемых по составу и характеру обертонов), которые варьируют в зависимости от вхождения слова в состав фразы (колона) и места фразы в абзаце (периоде). Периоды и колоны различаются также соотносительным объемом пауз.

Наиболее слышимое варьирование наблюдается, когда строго выдержанна соотносительная длительность пауз, разделяющих фразы, колоны и периоды. Достигается наивысшая степень полноты, ясности и разборчивости: отсутствуют редукции каких-либо звуков, нет сближения тембров под влиянием излишней интенсивности, нет отклонений от обычной длительности звучания и пауз. В этом случае не действуют субъективно экспрессивные качества речи: громкость, быстрота и красота.

Одновременная реализация полноты, ясности и красоты как основы дохоччивости зависит от характера исполнения речи. Как мы уже отмечали, характер исполнения речи частично предопределяется типом аудитории (большой, средней, малой), рецитацией или собственной речью (по видам и разновидностям словесности), ее подготовленностью или неподготовленностью.

ВЫРАЖЕНИЕ РЕЧЕВЫХ ЭМОЦИЙ

Звучащая речь характеризуется также некоторыми **эмоциональными качествами**: аудитории может быть навязана определенная эмоция, которую как бы ощущает сам говорящий (что не всегда так и необязательно так). Эмоциональное состояние говорящего в принципе не должно становиться эмоциональным переживанием слушающего.

Человеческие эмоции — одна из форм познавательной деятельности, один из видов субъективного душевного переживания.

Они могут быть вызваны какими-либо внешними событиями, но вместе с тем и существовать как внутреннее состояние самого человека и тем самым как бы отделять его от внешних событий. Опыт таких переживаний формирует эмоциональную структуру личности.

Оценка эмоционального содержания речи с точки зрения аудитории — задача очень сложная, так как аудитория никогда не бывает однородной и не может одинаково судить об эмоциональных впечатлениях, которые она получила от услышанного. Эти впечатления могут быть сиюминутными, быстро забываемыми, но могут сохраняться долго. При этом длительность сохранения эмоционального впечатления не обязательно зависит от первоначальной силы эмоции.

Среди эмоций, которые могут быть обусловлены восприятием речи можно назвать следующие: 1) сострадание и страх; 2) любовь — ненависть; 3) физиологические эмоции; 4) этические эмоции; 5) эстетические эмоции; 6) рациональные эмоции.

Аристотель в «Поэтике» указывал, что главными, базовыми эмоциями речи являются сострадание и страх, а все колебания настроений человека происходят между ними.

Страх — это та эмоция, которую мы получаем практически при любом высказывании. Сострадание — эмоция, сопутствующая страху, когда несчастье, о котором говорится, обращено не на нас, а на другого человека: «сострадание бывает лишь к незаслуженно страдающему, а страх — за подобного себе»¹.

Таким образом, базовые речевые эмоции в большинстве своем относятся к разряду неприятных и трудных. Именно поэтому люди, профессионально занятые речевой деятельностью, особенно работающие в области деловой прозы, всегда подвержены риску: их здоровье страдает, так как они постоянно испытывают отрицательные эмоции, связанные с речью. Каждый из жителей большого города понимает: выйти из толпы, «уехать на природу» — это не только телесный, но прежде всего духовный отдых, когда исключаешь непосредственное соприкосновение с речью других людей.

В силу того что присущая речи базовая эмоция неблагоприятна, мы нуждаемся в красноречии. Лучше всего нейтрализует отрицательные эмоции художественная речь, ибо ее главная цель — усаживать и развлекать (тогда как цель прозы, особенно деловой, состоит в том, чтобы заставить кого-то сделать что-то). В поэзии отрицательные эмоции сокращаются и нейтрализуются; в прозе же они нередко выступают на первый план. Поэтому красноречие во многом характеризуется умением нейтрализовать базовую от-

¹ Аристотель. Поэтика // Соч.: В 4 т. — М., 1984. — Т. 4. — С. 658.

рицательную эмоцию сострадания и страха с помощью положительных эмоций.

Первой небазовой эмоцией, способной нейтрализовать базовую эмоцию (сострадание и страх), является эмоция любви — ненависти. Этот комплекс вызывает к жизни сам факт речевого контакта в виде членораздельной речи. Звуки речи способны излучать эмоции любви и привязанности. Прерывание речевого контакта обязательно рождает подозрение и ненависть. Таким образом, эмоция любви — ненависти обусловлена так называемой фатической (контактоустанавливающей) функцией речи. Действительно, если между людьми устанавливаются речевые отношения, то это предполагает, что у них возникала общность помыслов, намерений, чувств, интересов.

Для того чтобы добиться расположения человека, необходимо с ним говорить. Эмоции любви — ненависти, таким образом, нередко сопровождают базовые эмоции страха и сострадания.

Поскольку сами звуки членораздельной речи служат средством вызвать у слушающего чувства приязни и симпатии, то усилить их можно красотой произношения, т.е. правильностью и чистотой речи, верной интонацией, привлекательностью тембра.

С помощью определенного выбора слов можно вызвать эмоции физиологического характера, такие, например, как аппетит и отвращение к пище, жажду и стремление удовлетворить ее, чувство боли и его отсутствие и т.п. Для того чтобы слушатель ощущал эти переживания, необходимо прямо называть их словами. В известном рассказе А.П. Чехова «Сирена» изображена подобная ситуация: в совещательной комнате, где выносятся судебные решения, один из присутствующих начинает расписывать гастроэномические прелести грядущего ужина и этим побуждает всех оставить работу и разбежаться по домам.

Такой эффект легко может быть достигнут даже самым неквалифицированным оратором, так как физиологические эмоции вызываются прямым словесным указанием на предмет или явление определенного рода. Описание, скажем, того, как погиб под колесами машины человек, пробуждает физическое ощущение ужаса. На подобном принципе построены так называемые фильмы ужасов, только вместо слов там демонстрируют какое-нибудь чудовище или его жертву. Замечено: выражение страха у жертвы (в кино) действует сильнее, чем вид чудовища, внушающего этот страх.

Сложнее вызвать этическую эмоцию, состоящую в переживании чувства должного и в чувстве удовлетворения от исполненного замысла. Эти эмоции возникают, когда поступок, задуманный в речи, реализуется на деле: именно тогда человек испытывает удовлетворение; если же дело не сделано, то возникает чувство неудовлетворенности, неполноты жизни и т.п.

Слово само по себе есть определенный поступок, объединяющий ряд факторов: работу над словом в виде замысла, волевого напряжения, исполнение речи и других действий, связанных со словесной работой. Воздействие словом управляет этикой и рождает большую гамму этических переживаний.

Активное действие словом имеет и другую сторону — оно влияет на отношения людей, устраивает их. С данной точки зрения все словесные действия делятся на этически правильные, утверждающие благо, добро, справедливость, и неправильные, содействующие злу и несправедливости (например, ложь, клевета, сплетня, хвастовство, грубость и т.д.).

Пассивная словесная деятельность — это слушание и чтение, в процессе которых происходит усвоение некоего содержания. Сознательное или подневольное исполнение этого труда — восприятия речи — также рождает определенную этическую эмоцию: например, чувство исполненного долга от хорошо усвоенной и понятой речи или, наоборот, неудовлетворения от невнимательно прослушанной и неосознанной речи.

Аудитория всегда испытывает неудовлетворенность, когда высказанная мысль трудна для понимания: у слушающих возникает чувство неполноценности, а также недовольство оратором. Напротив, для того чтобы слушатели испытывали удовлетворение, их усилия по восприятию речи должны быть вознаграждены пониманием. При этом если понимание дается слишком легко, аудитория также недовольна, ибо она «приготовилась» совершить большую работу. Если затраченные усилия соответствуют ожидаемым, аудитория испытывает удовлетворение от самого факта усвоения речи.

Эти основные этические эмоции соединяются с этикетом речи, направленным на то, чтобы речевые действия оправданно и обоснованно продолжались, т.е. не прекращались. Этикет речи, таким образом, организует процессы говорения, слушания, писания, чтения, что позволяет сформировать целую гамму разнородных эмоций — уважение к опыту, снисхождение к слабому, восхищение ловкостью другого и своей собственной и т.п.

Не менее важна эстетическая эмоция, вызываемая оценкой тех или иных явлений. Дело в том, что всякий отрезок речи, всякое предложение не только высказывает какую-либо мысль, но обязательно содержит оценку мысли и предмета речи. Это происходит даже в тех случаях, когда речь специально строится так, чтобы избежать оценки, скажем, в информационных реферах; здесь скрытая оценка содержится в самом выборе источников информации.

Оценки бывают положительными, отрицательными и нейтральными. Однако в пределах этой шкалы существует множество градаций как по степени силы оценочных суждений, так и по их качеству.

Оценки содержатся в отдельных словах (*хорошо/плохо, так себе, замечательно, отвратительно*); в значениях, передаваемых словами (*дорогой друг, молодой человек, уважаемые граждане*); в суждениях (*хорошо бы, хорошо бы нам кита поймать большого*) и в больших высказываниях. В прямом и переносном употреблении все эти средства и их комбинации выражают оценку вне зависимости от этической компоненты значения, вне зависимости от физиологических эмоций, вызываемых предметным значением слов, и, наконец, вне фатической функции речи, выражющей эмоции любви — ненависти. По отношению к другим эмоциям эстетические оценки высказываются как объективно данные и поэтому относятся к категориям прекрасного и безобразного, полезного и бесполезного, вредного и безвредного, совершенного и несовершенного.

Еще один вид эмоций, вызываемых речью, — рациональная эмоция самый сложный и трудно формируемый в людях. Она возникает вследствие умения осуществлять логическую операцию в речи и вызывается оригинальным и полезным ходом мысли, простотой и эффективностью предложенных решений.

Рациональная эмоция доставляет высокое наслаждение, лучше всего украшает речь, но, к сожалению, доступна далеко не каждому как говорящему, так и слушающему. Кроме того, она обусловлена знанием предмета речи. Так, неграмотный, но мудрый старик испытывает удовлетворение, скажем, от ловкого использования в речи пословиц; математик — от экономно доказанной теоремы; коммерсант — от хорошо спланированной и осуществленной торговой операции и т. п.

Фатическая (любовь — ненависть), физиологическая, этическая, эстетическая, рациональная эмоции различаются в речи потому, что каждый из этих видов эмоциональных переживаний вызывается и выражается своими речевыми средствами. Их соотношения показаны в таблице 44.

Пять видов эмоций (со 2 по 6) сочетаются с базовыми эмоциями сострадания и страха (1). Искусство красноречия состоит преж-

Таблица 44

Виды эмоций	Речевые средства поведения
1. Сострадание и страх	Модальность речи
2. Любовь — ненависть	Речевой контакт
3. Физиологические эмоции	Выбор слов
4. Этические эмоции	Речь в отношении к действию
5. Эстетические эмоции	Речевая оценка
6. Рациональные эмоции	Образно-логическое содержание речи

де всего в том, что говорящий умеет вызывать у слушающих разного рода эмоции, тонко сочетать их, заставить слушающих переживать востребованные эмоциональные состояния. В целом все шесть эмоций могут породить бесконечное многообразие оттенков эмоционального переживания, и этот эмоциональный фон незримо присутствует в составе звучащей речи.

Речи доступно выражение только некоторых эмоций. Это связано с экспрессивными возможностями языка. Значимыми компонентами речевого контакта являются: сам факт речевой связи, ритм, тембр и интонация, динамика и модальность речи, ее образное и логическое построение, коннотативный смысл. Каждый из этих компонентов обладает особыми возможностями для выражения эмоций определенного типа.

ЛЕКЦИЯ 13

МОРФОНОЛОГИЯ

ПРЕДМЕТ МОРФОНОЛОГИИ

Предметом морфонологии является анализ связей между фонемным и морфемным составом слов конкретного языка. Морфонология определяет правила представления сочетаний морфем в виде цепочки фонем и устанавливает, что фонемы по отношению к морфемам выполняют две функции: сигнifikативную и перцептивную.

Под *сигнifikативной функцией* понимается построение из фонем плана выражения морфем и слов, осуществляемое по правилам, необходимым и достаточным для того, чтобы морфемы и слова были узнаваемы как принадлежащие к данному языку (русскому, латинскому, арабскому и т. д.).

Под *перцептивной функцией* выражается в том, что человек, говорящий на определенном языке, воспринимает единство морфемы в условиях разнообразия ее фонемного состава. Это становится возможным благодаря тому, что разные фонологические представления одной и той же морфемы, ее алломорфы сводятся в данном языке в единый инвариант.

Сигнifikативная функция фонем связана с типологическими характеристиками языка, которые определяются, в частности, его фонемной организацией, т. е. тем, каким образом в данном языке формируются последовательности фонем для создания плана выражения морфем и слов.

Перцептивная функция фонем обусловлена исторической эволюцией языка, в результате которой одна и та же морфема на разных этапах развития может получать различную представленность своего фонемного состава (ср., например, древнерусские и русские формы: *ру-е* ~ *рук-е*, *ноз-е* ~ *ног-е* и т. п.), и тем не менее эти разные формы в своем значении и функциях отождествляются.

Морфонология оперирует сведениями, полученными из фонетики и фонологии: это звуковые модификации фонем, объединение фонем в гиперфонемы, разного рода фонетические процессы, фактор ударения и редукция безударных гласных в фонетическом слове, т. е. явлениями, относящимися к синхронии языка. При изучении сигнifikативной функции морфонология обращается к типологическому сопоставлению языков, выбор которых не зависит

от происхождения языка, времени его эволюции и от конкретных единиц плана содержания. Такой подход к анализу языкового материала называется *п а н х р о н и я* (греч. παγχρόνιος ‘всевременной’).

В свою очередь перцептивная функция фонем связана с изучением *диахронии* (греч. διά ‘через’ + χρόνος ‘время’ — вневременной) языка. Диахронический подход объясняет, почему морфемы могут иметь разный (с точки зрения синхронии) фонологический состав и тем не менее отождествляться как целостная единица.

СИГНИФИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ФОНЕМНЫХ КОМПОЗИЦИЙ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

В разных языках конструкция фонетической системы оказывается различной: каждый своеобразен по способам соединения звука со смыслом.

Членораздельность речи проявляется в том, что у любого языка существуют свои, характерные для него способы использования звуков для выражения смысла и свои специфические модели комбинирования гласных и согласных звуков в слове.

Самая простая фонетическая модель минимального слова (и морфемы) представлена в китайском языке (схема 43).

Это деление обосновывается тем, что в китайском языке существуют слова меньшей длины; отнимая один звук можно получить новое слово: *уан* ‘заканчивать’, *ан* ‘спокойный’, *а* — междометие. Поэтому китайский слог, представляющий слово (или морфему), можно описать следующими терминами (схема 44).

Минимальное китайское слово или морфема имеют две части: инициаль и финаль; инициаль — всегда либо гласный призвук, либо ноль звука. Гласный (финаль) может быть монофтонгом, а также дифтонгом или трифтонгом — последние могут оканчиваться носовым гласным.

Эти термины применимы и к слогам других языков с более сложным фонетическим строением. Например, в русском языке для слова *хлеб*: *х* — инициаль, *л* — медиаль, *е* — централь, *б* —

Схема 43

Схема 44

терминал; и, соответственно, *х* — инициаль, *лев* — финаль, *ев* — субфиналь, *в* — терминал. Однако в русском языке такое деление относится только к слогам, но не к морфемам.

Состав фонем китайского языка

Согласные: b, p, m, f, d, t, n, l, g, k, h, zh, ch, sh, z, r, c, j, q, x, er.

Гласные: a, ai, an, ao, ang, ia, ian, iao, iang, ua, uai, uan, uang, kan, e, ei, en, ie, in, iu, i, u, ü, uo, wei, wen, weng, ue, un, iong.

Фонетическая формула слова или морфемы – **[R]**

Фонология языка обязательно сопрягается с его морфологическими особенностями, т.е. с характером выражения элементарных значений. Каждая китайская морфема (она же слог, а иногда и слово) записывается символом **IR** (консонантная инициаль + вокалическая рифма, финаль); каждая рифма потенциально может быть аранжирована одним из четырех тонов: 1 — ровный и высокий; 2 — восходящий (примерно от середины регистра вверх); 3 — нисходяще-восходящий; 4 — резко нисходящий (схема 45).

Всего в китайском литературном языке насчитывается 412 слогов и 1200 их тональных вариантов (без учета омонимов); каждый слог есть фонетическое представление какого-либо элементарного односложного слова (или морфемы). Этого числа фонетических разнообразий простых слов достаточно, чтобы выразить бесконечное количество смыслов. В принципе таков способ членораздельности в изолирующих аналитических языках.

Иную картину представляет хиналугский язык — один из восточно-кавказских языков; на нем говорят жители села Хиналуг (Кетш) Кубинского района Азербайджана (на границе с Дагестаном).

Состав фонем хинадзгского языка

Согласные: б, в, г, гъ, гІ, гІВ, д, дж, з, й, к, кк, кВ, къ, кІВ, къІ, кх, кххх, кхВ, л, лъ, м, н, п, пВ, пъ, р, с, ІВ, т, тт, тІ, тІІ, тІВ, ф, х, хъ, хІ, хъВ, І, Іъ, Ѣ, ѡ, ѡВ, ѡш, ѡІ, ѡІВ, ч, чч, чІ, чІВ, щ, щВ

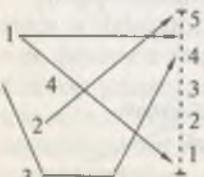
Гласные: а, аѣ, и, ы (е), ѹ, ѹѣ, ѹ, ѹѣ, ѧ, ы, ѧи, ѹи, ѹи.

Формула корня = $\mathbf{C}\mathbf{Y}$.

В этом языке согласные дифференцированы гортанной смычкой I, лабиализацией (огубленностью) B, ретрофлексной артикуляцией ڙ (кончик языка загибается назад к среднему нёбу: «средненёбность»), а также геминацией (удвоением). Локальные ряды хиналугских согласных те же, что и в русском языке, но осложнены дополнительными коартикуляциями. Всего в этом языке около 900 элементарных слов, составленных из согласного и гласного (CV) — типичный корень дагестанских, нахских языков.

Схема 45

Тоны слогов

Такая структура корня порождает высокую степень омонимии корней, а также развитие родственных значений одного корня; корень **СV** затем осложняется разными аффиксами, составленными из тех же звуков, а также сложными словами (композитами).

Состав фонем тюркского языка орхонских надписей¹

Согласные: k, g, t, d, p, b, j, n, ŋ, ŋ̄, c, ſ, ſ̄, z, nd, nc, ld.

Гласные: а, у, і, ү, е, о, ӓ, ӱ, і, ӱ, ё, ӧ

Формула корня – CVCC

Этот классический тюркский язык отличается сравнительно небольшим количеством фонем. В конечной позиции корня может быть любой согласный, но есть ограничения для начальной и предпоследней позиций. Тюркский корень может иметь 3—5 тысяч фонетических вариантов. Существует такая закономерность: чем беднее вокализм и консонантизм какого-либо языка, тем длиннее корень, и наоборот, чем короче структура корня, тем богаче вокализм и консонантизм такого языка.

Состав фонем тагальского языка (Филиппины)

Гласные: а, і, ү.

Формула корня – СУСУС

Тагальский язык, как и все малайско-полинезийские, является малофонемным, что имеет нормативным следствием длинный корень, состоящий обычно из пяти фонем; границы этого корня хорошо видны. Основной тип соединения морфем — агглютинация.

Фонологическая система японского языка четко упорядочена и хорошо укладывается в таблицу 45. Гласные встречаются только в определенной позиции и сочетаются с любым согласным звуком.

Таблица 45

Японский язык (слоговая азбука Годзюон)

	И	В	Р	Ј	М	Х	Н	Т	С	К	
А	—	Ва	Ра	Ја	Ма	Ха	На	Та	Са	Ка	А
И	—	—	Ри	—	Ми	Хи	Ни	Ти	Си	Ки	И
У	—	—	Ру	Ю	Му	Фу	Ну	Цу	Су	Ку	У
Э	—	—	РЭ	—	МЭ	ХЭ	НЭ	ТЭ	СЭ	КЭ	Э
О	—	О	Ро	Йо	Мо	Хо	Но	То	Со	Ко	О

¹ Орхоно-енисейские надписи VII—VIII вв. высечены на камнях в северной Монголии особым «руническим» письмом арамейского происхождения.

ком; каждый согласный сочетается с любым гласным и всегда занимает одну и ту же позицию.

В индоевропейских языках фонологические формулы морфем многообразны: корни и аффиксы могут строиться по формулам **У**, **С**, **CV**, **VC**, **CCV**, **VCC**, **CVCC**, **CCVC** и т. д. Это означает, что морфемы и слова не ограничены какими-либо правилами сочетания гласных и согласных фонем, и, главное, границы слогов не соотнесены с границами слов и морфем. Фонетическое слогоделение может нарушать границы морфем (ср.: *во-да* ~ «вод-а»).

Уникальной особенностью индоевропейских языков является то, что они не имеют определенной формулы построения корневой морфемы из фонем: корень варьирует в своем звучании под влиянием целого ряда разнообразных причин.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЗВУКОВ В РАЗНЫХ УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СИГНИФИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ФОНЕМ

В китайском языке каждый класс звуков занимает свою позицию в слове (морфеме): согласные только в начале (инициаль), полугласные — между начальным согласным и гласным звуком (медиаль), гласные звуки составляют часть субфинали (централь) и звуки [п] и [ң] только в конце полного слога (терминал). В нем развиты процессы аккомодации, но отсутствуют процессы ассимиляции. История китайского и подобных ему языков (синитических) показывает, что развитие тонов происходит именно благодаря процессам аккомодации.

Русский язык, напротив, характеризуется возможностью достаточно свободного комбинирования гласных и согласных звуков. В нем почти нет специальных правил, запрещающих какие-то звуковые сочетания; имеет место только привычка, определенное направление, настрой на то, чтобы создать тот или иной стиль звучания. В таком языке оказывается максимально возможным взаимное влияние соседних звуков и даже воздействие звука на звук при отсутствии прямого контакта между ними: разного рода аккомодации и ассимиляции.

Иная картина в арабском языке.

Состав фонем арабского языка

Согласные: ' (алиф), **b**, **t**, **t̄**, **g**, **h**, **h̄**, **d**, **d̄**, **r**, **z**, **s**, **š**, **š̄**, **f**, **t̄**, **z̄**, ' (айн), **ḡ**, **f̄**, **q**, **k**, **l**, **m**, **n**, **w**, **h**, **y**.

Гласные: **a**, **i**, **u**.

Формула корня — **C^{0/1} C^{0/1} C^{0/1}**.

В арабском и других семитских языках гласные могут меняться, вставляясь между согласными корня, могут исчезать из корня

(трансфиксы). Здесь любой гласный звук (или его отсутствие) может быть представлен перед и после любого согласного. Приспособление гласного к согласному в таких условиях невозможно, поэтому в арабском языке существует ассимиляция, но нет аккомодации. Фонетика классического арабского языка устанавливает 17 позиций произнесения звуков по направлению от губ к голосовым связкам. В эти позиции включены и гласные, и согласные звуки: арабская грамматика представляет их вместе в одной системе.

В китайском языке согласный не способен повлиять на другой согласный (в одном слоге согласные не контактируют), слог ограничен одним согласным и группой фонем, составляющих его вокалическую часть, т.е. допустима только аккомодация.

В тюркских языках невозможно скопление согласных в начале слова. Правильное тюркское слогоделение предполагает регулярное следование гласного за согласным; скопление согласных на границах морфем разделяется гласными и вводится дополнительный слог. Качество гласного в аффиксе зависит от качества гласного звука в корне (*сингармонизм* гласных). Если же возникает стечие гласных, то происходит *элизия*, т.е. опущение гласного. Таким образом, тюркские языки выдерживают правильное чередование гласных и согласных звуков.

Итак, бывают языки только аккомодирующие (китайский и ему подобные), но не ассимилирующие; языки только ассимилирующие, но не аккомодирующие (арабский и подобные ему семитские языки); наконец, языки (в том числе и русский язык), где равнозначны процессы аккомодации и ассимиляции.

Сравнение фонетических систем показывает, что ни в одном языке не реализуются все возможности речевого аппарата, т.е. каждый язык располагает определенными фонетическими резервами. В хиндуистском языке более 50 согласных фонем, но даже в нем реализованы не все возможности произнесения согласных, хотя он как бы максимально использует весь потенциал, отведенный органам артикуляции человека.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКА В СВЯЗИ С ХАРАКТЕРОМ СИГНИФИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ФОНЕМ

В каждом языке число морфем примерно одинаково и колеблется в пределах 3—5 тысяч.

Во всех языках, даже с высокой степенью культурного развития, имеются заимствования из других языков. Так, английский содержит до 70 % романских, т.е. слов латинского и старофранцузского происхождения. В японском около 70 % китайских. Усвоенные заимствования приспосабливаются в своей морфонологии

Таблица 46

I	II	III	IV	V
Хиналугский	Тагальский Японский	Китайский	Тюркский Арабский	Индоевропейские
901	2025	2520	58 956 – 21 952	∞

слова с формулой корня **CVCVCVC**; в арабском языке встречаются «четырехбуквенные» корни **С-С-С-С**.

Однако такое уточнение расчетов не может изменить числового порядка в потенциальных морфемах. Языки, взятые для примеров, с точки зрения числового порядка располагаются таким образом (табл. 46).

В хиналугском языке число слогов, представляющих отдельные морфемы, существенно меньше, чем число морфем, необходимых для функционирования языка. Назовем такой тип языка **морфонологически недостаточным**. В языках этого типа существует потребность в морфемном разнообразии. Морфемное разнообразие может быть достигнуто только двумя путями:

- в парадигматическом плане развитием морфемной полисемии и омонимии;
- в синтагматическом плане путем морфемных комбинаций (синтаксис морфем).

Синтаксис морфем равнозначен на создание сложных морфем из простых и на создание слов путем соединения простых и сложных корней и основ со служебными морфемами (по единым морфонологическим правилам). Такой тип языка назовем **морфонологически связанным**. Здесь широко представлены процессы аккомодации и ассимиляции, а выявление этимологий затруднено из-за полисемии и омонимии корней.

Позиции II и III в таблице 43 занимают языки, в которых слогоделение морфологически значимо (границы морфем совпадают с границами слогов). Но имеются и исключения: в некоторых случаях морфема может состоять из нескольких слогов. Грамматика таких языков построена по агглютинативному принципу, т.е. служебные морфемы прикладываются к знаменательным, не изменяя фонемного состава корней и основ. Словообразование осуществляется по принципам морфемосложения и словосложения. Процессы аккомодации представлены слабо или вообще не представлены.

В этих языках имеет место омонимия корней: от тагальского, где омонимия встречается сравнительно нечасто, через японский, где она представлена более широко, к китайскому, где корней-омонимов много. Такая градация корневой омонимии отвечает формулам: **CVCVC → CVCV(CV) → IR**. Назовем эти языки **морфонологически ограниченными**.

ческой структуре к правилам комплектования морфем из фонем, принятых в данном языке. Собственно, в этом и заключается усвоение заимствования.

Например, слово *семинар* было заимствовано из русского языка в китайский и получило там вид *си-мин-на-эра*: каждый слог выстроен по фономорфологическим правилам китайского языка и даже получил морфемное значение: *си-* ('подробно') *-мин* ('уяснить') *-на* ('принято') *-эра* (суффикс существительного). Русское слово *хлеб* в китайском *ле-ба* и т.п. При усвоении заимствований из фономорфологически подобных языков не происходит изменения их морфемного строя.

Принцип комплектования морфем из фонем является самой устойчивой чертой языкового типа и имеет количественные характеристики. Скажем, в китайском языке действует морфонологическая формула **IR**, т.е. $21 \times 30 \times 4 = 2520$ — потенциальных слогов и морфем; из них реализовано немногим более 1200. В хиналугском языке при формуле: **CV** — $53 \times 17 = 901$ слог-морфема. В тюркском языке орхонских надписей формула морфемы **CVCC**, т.е. $17 \times 12 \times 17 \times 17 = 58\,956$. При этом надо учесть, что не все согласные фонемы могут начинать слог или занимать предпоследнее место в слоге; и тем не менее число потенциальных морфем в этом языке значительно превышает реальную потребность. В тагальском языке, где фонологическая формула морфемы **CVCVC**, число потенциальных морфем составляет: $15 \times 3 \times 15 \times 3 = 2025$. В японском всего 45 слогов. Корневые и основные морфемы здесь двух- и трехсложные, их число сравнимо с числом потенциальных тагильских морфем: $45 \times 45 = 2025$.

В индоевропейских языках (в частности, в русском языке) количество потенциальных звуковых сочетаний для морфем не ограничено. Это объясняется тем, что в языках индоевропейской семьи число слогов в морфеме может сильно варьировать. Существует определенный баланс отношений между гласными и согласными звуками: в языках с большим числом согласных сравнительно мало гласных, в языках с малым числом согласных сравнительно много гласных, отсутствует стандартная фонетическая формула числа фонем в морфеме. Например, в арабском количеству потенциальных морфем вычисляется по формуле: **C^{0/V}C^{0/V}C^{0/V}** — $28 \times 28 \times 28 = 21\,952$.

При этих расчетах не учитываются неполные формы морфем. Например, формула полного тагальского корня: **CVCVC**; но в тагальском языке могут быть и сокращенные формы: **CV**, **V**, **CVC**, **CVCV**. То же относится и к семитским языкам, где наряду с «четырехбуквенными» корнем **С-С-С-С** существуют и «однобуквенные» **С** и «двуихбуквенные» **С-С**. В каждом языке имеется также некоторое количество слов, где состав фонем в корне больше, чем это представлено соответствующей формулой. Так, в тагальском языке есть

При тюркском и семитском типе комплектования морфем из фонем (позиция IV) число потенциальных фонемосочетаний на порядок превосходит потребность в морфемах. В силу этого омонимия корней здесь минимальна, порядок сочетания знаменательных и служебных морфем строго определен характером комплектования морфем из фонем; потенциальное число таких сочетаний количественно ограничено.

В тюркских языках гласные фонемы входят непосредственно в состав корней; это суффиксальные языки, где суффиксы присоединяются к корням по строгим правилам: от суффиксов с менее общим значением к суффиксам с более общим значением, отмечающим конец слова. Здесь широко представлены процессы ассимиляции.

В арабском языке «трехбуквенный» консонантный корень и грамматические значения передаются вокалическими трансфиксами.

Языки, в которых морфонологические потенции существенно превосходят потребность в морфемах, имеют строгую морфологическую упорядоченность либо по постаффиксальному, либо по трансфиксальному типам. Назовем этот тип языков **морфонологически упорядоченными**.

Морфонологический тип индоевропейских языков (позиция V) не предполагает определенной формулы порядка и числа фонем в морфеме. Здесь широко представлены процессы аккомодации и ассимиляции. Тип морфологии фузионный, когда фонемный состав аффиксов отражается на составе корня и наоборот. Ударение преимущественно подвижное и может влиять на процессы перераспределения границ морфем в слове. Морфемное членение слова не связано со слогоделением. Такой тип языка назовем **морфонологически свободным**.

ВАРЬИРОВАНИЕ МОРФЕМНОГО СОСТАВА СЛОВ ПРИ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Варьирование морфемного состава отражает историю формирования слов и развития грамматического строя языка по отношению к его современному состоянию и зависит от морфонологического типа языка. Так, морфонологически ограниченные и морфонологически упорядоченные языки не располагают возможностью широко варьировать фонемный состав морфем. Напротив, языки морфонологически связанные и морфонологически свободные демонстрируют многообразную вариативность морфем; здесь имеют место сложные правила выделения морфем из слов как фонемокомплексов. Тем не менее, по-видимому, нет языков, где фонематическое варьирование не имело бы места.

При словообразовании морфемное варьирование представлено четырьмя основными типами: супплетивизмом, удвоением (с возможной сменой звукового состава), усечением морфем и интерфиксами.

Супплетивизм: в общей парадигме выступают разнокоренные формы слов, объединяемые одной грамматической категорией. Например, степени сравнения некоторых прилагательных *хороший — лучше — наилучший* в индоевропейских языках:

греч. ἀγαθός — ἀμείνων — ἄριστος;
лат. *bonus* — *melior* — *optimus*;
фр. *bon* — *meilleur* — *le (la) meilleur(e)*;
гот. *gofs* — *batiza* — *batists*;
англ. *good* — *better* — *best*;
нем. *gut* — *besser* — *(am) besten*;
дат. *god* — *bedre* — *bedst* и т. д.

Ср. китайский *ды* — *чже* — *чжи*: служебные слова с относительным атрибутивным значением, которые могут пониматься как супплетивные формы (составляют одну парадигму, но имеют стилистические различия в употреблении).

Другим типом морфемного варьирования при словообразовании является удвоение морфем, при котором одна из них изменяет свой фонемный состав. Такое удвоение демонстрируют, в частности, тюркские языки: *шурум-бурум*, *яхши-махши* и т. д. Подобного рода удвоения возможны, в принципе, с любыми качественными и предикативными словами и их производными.

В русском языке также может встречаться удвоение морфем: *белым-бело*; но здесь чередование *-ым/-о* вряд ли может считаться меной аффиксов словаизменения.

И в китайском языке представлено удвоение качественных и предикативных слов: *хуту* 'глупый' — *хуту-хуту* 'глупый-преглупый' — *хули-хуту* 'глупейший'. Элемент *-ли-* не является морфемой и не выражает никакого значения, он представляет собой фонетическое изменение слова 'глупый' при удвоении в парадигме степеней сравнения.

Разнообразные формы удвоения с изменением состава фонем в морфеме широко представлены в индонезийском языке.

Третьим типом морфемного варьирования при словообразовании является усечение морфем в сложных словах. Например: *фото-* и *канцтовары*; морфема *канц-* представляет собой сокращенный вариант соответствующей морфемы в прилагательном *канцелярский*.

Сокращение морфем и формирование усеченных и сокращенных слов типично для процессов словообразования нового времени. Это явление широко распространено, в частности, в современных индоевропейских языках (ср., например, англ. *doctor* ~ *doc*).

Особым типом варьирования в словообразовательной морфологии являются фонетические вставки, соединяющие основы в сложных словах: *пар-о-ход*, *овц-е-бык*; ср. нем. *Prüfung-s-bericht* 'отчет об испытаниях' и т. п.

В тюркских и дравидийских языках гласные или сонорные вставки между корнем и аффиксами подчиняются закону правильно-го словообразования, но они также представляют собой морфемы с нулевым значением. Такие вставки называются и н т е р ф и к с а м и.

ВАРЬИРОВАНИЕ ФОНЕМНОГО СОСТАВА МОРФЕМ

Варьирование фонемного состава морфем, происходящее вне влияния фонетико-фонологических условий, главным образом представлено в индоевропейских языках. В языках иных морфонологических типов оно встречается значительно реже. Так, в китайском примеры типа *нэн* ~ *нун* (лэн) 'мягкий на укус зубами', по сути дела, единичны. Варьирование касается либо инициали (*I*), либо рифмы (*R*) и не может быть представлено в виде правила даже тогда, когда речь идет об этимологически родственных, но исторически разошедшихся морфемах и словах.

Иное дело в индоевропейских языках, где фонологическое варьирование корней и аффиксов имеет регулярный характер, и речь может идти об особых фонологических отношениях внутри морфем. Такие отношения называют «морфологическими чередованиями», а совокупность чередующихся фонем — «морфонемами»¹.

Выделяется несколько типов чередований подобного рода.

1. Чередование корневых морфем. Для русского языка условия чередований могут быть объединены следующими правилами, представленными в таблице 47².

2. Другим видом морфонологического варьирования является так называемая внутренняя флексия, имеющая две разновидности: аблaut и умлаут.

Аблaut (нем. *Ablaut*) или апофония (греч. ἀποφωνία < ἀπό 'от' + φωνή 'звук') — фонетически не обусловленное чередование гласных фонем в корневой морфеме слова, выражющее (самостоятельно или совместно с аффиксацией) словоизменительные и словообразовательные значения.

¹ «Каждое чередование находит соответствие в языковом сознании говорящих в виде морфонемы — морфонологической единицы, представляемой как совокупность фонем, участвующих в данном чередовании» (Трубецкой Н. С. Морфонологическая система русского языка // Избр. труды по филол. — М., 1987. — С. 88).

² См.: Широков О. С. Введение в языкознание. — М., 1985. — С. 205, 206.

Условия	Результат	Формула чередования	Примеры
1. Глагольная форма оканчивается на заднеязычный согласный	Мена фонема про-исходит во 2-м и 3-м лицах ед. ч., в 1-м и 2-м лицах мн. ч.	<К>/<Х> <Г>/<Ж>	пеку — печешь, печете; бегу — бежишь, бежите
2. Глагольные основы, оканчивающиеся на <т>, <д>, <с>, <з>	Мена фонема про-исходит в 1-м лице ед. ч.	<Т>/<Ч> <С>/<Ш> <З>/<Ж>	вертит — верчу; носит — ношу; возит — возжу
3. Изменение корня в знак принадлежности к другой части речи и к другой части речи или к другой частной грамматической категории	Отнесенность к другой части речи и к другой грамматической категории	г/з'/ж х/ш ск/ш зг/ж зд/ж зд'/ж ст/ш ст'/ш	друг — друзья — дружить; сухо — суша; треск — трещать; визг — визжать; опоздать — позже; ездить — езжу; простой — проще; пустить — пущу

Понятие «аблаут» было введено Я. Гриммом для описания грамматических систем индоевропейских и прежде всего германских языков; например: англ. (*to*) *sing* 'петь' ~ *sang* 'пел' ~ *sung* [причастие прошедшего времени] ~ (*a*) *song* 'песня'; нем. *schlägt* 'бьет' ~ *schlug* 'бил' ~ *geschlagen* [причастие прошедшего времени] ~ *Schlag* 'удар' (ср.: дат. *syng* 'петь' ~ *sang* 'пел' ~ *sunget* [причастие прошедшего времени] ~ *sang* 'песня'; *slä* 'бить' ~ *slog* 'бил' ~ *slæt* [причастие прошедшего времени] ~ *slag* 'удар') и т. д. В этих примерах аблaut — средство различия форм слов, но он может также сопровождать морфологическое формо- и словообразование (ср.: *спросить* ~ *спрашивать*, лат. *peco* 'убиваю' ~ *peceo* 'врежу' и т. п.).

Аблaut — одно из древнейших явлений индоевропейских языков, восходящее к общему для семьи праязыку; известен он и другим языкам, в частности семитским и картвельским.

Умлаут (нем. *Umlaut*, также термин Я. Гримма) или метафония (греч. μεταφωνία < μετά 'при' + φωνή 'звук') — особый вид перегласовки (внутренней флексии), похожий на аблaut, но более суженный. Чередуются только пары гласных фонем и при этом изменяется количественное значение. Например: англ. *man* 'мужчина' ~ *men* 'мужчины', *foot* 'нога' ~ *feet* 'ноги', *tooth* 'зуб' ~ *teeth* 'зубы'; нем. *Bruder* 'братья' ~ *Brüder* 'братья', *Tochter* 'дочь' ~ *Töchter* 'дочери' (мн. ч.) и т. п. Изменение качества гласного в

результате регressiveвой ассимиляции приводит к грамматическому результату. В этой функции умлаут структурно соотносится с аблautом.

3. Ч е р е д о в а н и е т е м а т и ч е с к и х г л а с н ы х , к о т о р ы е в с тавляются между основой и флексией. Например: санскр. *dev-a-s* 'бог' ~ *dev-a-sya* 'бога' (но *dev-esu* 'богах': отсутствие тематической гласной); греч. *φέρ-ο-μεν* 'несем' ~ *φέρ-ε-τε* 'несете' ~ *φέρ-ει* 'несет' — нет тематической гласной; в русском языке тематический гласный звук является показателем глагольного спряжения: *ч и т-а-ть* ~ *х од-и-ть*.

4. И с п оль з о в а н и е «б е г л ы х» г л а с н ы х , т.е. г л а с н ы х , в y п a д a ю щ y x p r i с k l o n e n i i o r s p r a j e n i i i : *с о н* ~ *с на* , *п е н ь* ~ *п н я* , *ж а с т ь* ~ *ж м у* , *п е т ь* ~ *п о ю* и т. п. Эти гласные представляют собой нерегулярную мену фонем, которая в современном языке сохраняется по традиции, и может быть объяснена закономерностями, имевшими место на прошлых этапах развития языка.

Чередование корневых морфем, внутренняя флексия, тематические и беглые гласные характеризуют разного рода грамматические условия существования морфем; они являются регулярными только для определенных групп слов, которые могут быть сведены в частные лексико-грамматические категории.

ПЕРЕНОС УДАРЕНИЯ

Ударение бывает тональным и силовым. В китайском языке изменение музыкального ударения связано с комбинацией тонов в потоке речи и не является морфонологическим явлением, а относится к фонологии. Лишь некоторые китайские корни имеют два музыкальных ударения, но это редкие исключения. В языках, где ударение фиксировано (как, скажем, во французском и венгерском), формируются фонетические слова, включающие в свой состав грамматические проклитики и энклитики.

В русском языке и в других языках, которым свойственна подвижное ударение, оно может играть либо стилистическую, либо смыслоразличительную роль. Изменение ударения по стилистическим причинам относится к фонации предложения. Так, в русской народной песне «Ах вы сени мои, сени» есть такие строчки:

Выходила молодá,
Выпускала соколá,
Выпускала соколá
Из правого рукава.

В данном случае перенос ударения (*соколá* вместо *сокола*, «правого» вместо «правого») вызван стихотворным метром.

Ударение в русском языке может быть средством словообразования и различать омонимы. Например, *знаком* (твор. п. от существительного «знак») и *знаком* (краткое прилагательное со значением 'быть знакомым'). И в случаях метрического переноса ударения и при различении омонимов чередование ударения не является морфологически обусловленным.

Фономорфологические варианты одних и тех же морфем по признаку ударности — безударности возникают тогда, когда перенос ударения противопоставляется отсутствию переноса при одних и тех же фонологических и грамматических условиях. Например: *жёны* ~ *жена*, *городá* ~ *города*, *сковородá* ~ *сковороды*, *дерéвня* ~ (*в*) *деревнáх*, *колéса* ~ *колесо* и т. п.¹.

Морфологические условия для переноса ударения и создания ударных и неударных морфем пока не до конца выяснены. Для конкретных слов возможности варьирования морфем определяются по словарю.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ МОРФЕМ

Стилистическое варьирование морфем может быть обусловлено разными причинами. Одной из них является сосуществование двух стилевых норм: более старой, торжественной, и более новой, склонной к просторечью.

Так, в обращениях церковнослужителей часто употребляется стилистически возвышенное выражение *братья* и *с[е]стры*, тогда как в обиходном стиле речи говорят: *братья* и *с[б]стры*; *в руци твои*, *Господи...* (начало молитвы) при обычном *в руки*. Подобного рода примеров много в современной церковной литературе.

Стилистическое варьирование морфем может быть вызвано творческим замыслом автора: «Дама вспорхнула в тот же час с необыкновенной поспешностью по откинутым ступенькам в стоявшую у подъезда коляску» (Н. В. Гоголь). Слово *вспорхнула* содержит морфему *вс-*, которая здесь является несомненным вариантом морфемы *в-* (ср. глагол *в-стать*, демонстрирующий иное членение: нельзя сказать «спорхнула», но можно сказать *стать*). Эти разные членения представляют стилистическое варьирование внутренней формы одной и той же морфемы.

Еще один вид стилистического варьирования состоит в разнообразии звучания одних и тех же слов, обусловленном территориальными обычаями произношения: петербургское произношение

¹ «К морфологически обусловленным чередованиям следует отнести и чередование ударения в русском, украинском, белорусском, сербохорватском, словенском, литовском и некоторых других языках» (Широков О. С. Введение в языкознание. — С. 213).

[ч] там, где в московском произношении принято [ш]: *коне[ч]-но* — *коне[ш]но*, *було[ч]ная* — *було[ш]ная*, [ч]то — [ш]то и т. д.

Или, например, отмечается различие в произношении частицы -ся у возвратных глаголов. «Твердую» <> содержат формы *не-сешься*, *берешься*, *моешься*, *стремишься*, *видишься* (хотя в последнее время все чаще стало допускаться произношение [стр'им'ыш'ь], [в'ид'иш'ь], даже [н'ис'ыш'ь] и т. п.)¹. В этом последнем случае речь идет о стилях произношения двух разных поколений.

Таким образом, стилистическое варьирование морфем может быть обусловлено:

- сосуществованием старой и новой литературной нормы;
- поэтическим переосмысливанием внутренних форм слов и морфем;
- территориальными нормами произношения;
- становлением новых норм произношения при их сосуществовании со старыми орфоэпическими навыками.

ЛЕКЦИЯ 14

ПИСЬМО

ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ ПИСЬМА

Филология в основном имеет дело с письменными текстами. Все действия в области устной речи, так или иначе, основаны на том, что в принципе она представима на письме: из любого текста можно выбрать определенный фрагмент и разделить его на части для последующего лингвистического исследования. Без письма расчленить поток речи на фонемы, морфемы, слова, предложения практически невозможно: разделить языковые уровни и тем более выделить на этих уровнях единицы нельзя, пока речь не записана. Собственно, лингвистика как наука начинается с того времени, когда образуется письменность.

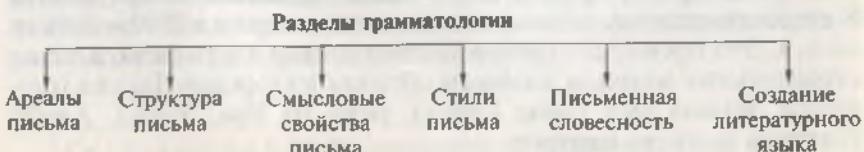
Создание знаков письма, образование письменной речи и сложение литературных языков составляют самый важный процесс в становлении цивилизации.

Общей теорией и историей письма занимается специальная филологическая дисциплина — **грамматология**. Она не ограничивается изучением письменных знаков и способов их соотнесения со звучащей речью. Помимо изучения устно-письменных отношений в пределах знаков письма, грамматология изучает также ареалы письма, структуру письма, смысловые свойства письменного языка в отличие от устного, стили письма, строение письменной словесности, историю образования письменных знаков (схема 46).

Это значит, что грамматология изучает культуру письменного языка и его роль в развитии общества.

Содержательная сторона процесса становления письменности состоит в изменении роли и удельного веса языка среди других

Схема 46

¹ Широков О. С. Введение в языкознание. — М., 1985. — С. 206.

форм культуры, каждая из которых имеет особую область содержания и применения.

Как известно, язык является средством связи между различными формами культурной жизни. За пределами своей культурной функции он обеспечивает практическую деятельность и реализацию норм культуры и в этом смысле дополнителен ко всем неязыковым формам культуры.

АРЕАЛЫ ПИСЬМА

Основных ареалов письма три — средиземноморский, индийский и дальневосточный. Это не значит, что письмо и письменность возникали только в этих ареалах. Время от времени письмо изобретается и сейчас, но цивилизации, ранее всех создавшие письмо, относятся именно к указанным районам Земли.

Старейшей письменной цивилизацией является средиземноморская. История ее может быть представлена так:

Этапы создания средиземноморского ареала письма

I этап: до появления греческого и латинского алфавитов.

II этап: до создания книжной графики.

III этап: до возникновения компьютерной графики.

Ареалы письма охватывают определенные историко-географические регионы, показывая единство культурного источника входящих в него языков. Иными словами, областью распространения письма становятся цивилизации, где представлены виды письменности, объединенные общим алфавитом (т.е. общей последовательностью письменных знаков) или разновидностями общего алфавита. Ощущение единства цивилизации во многом формируется за счет единства алфавитной системы, ибо алфавит — основное средство упорядочения языковой информации.

Согласно археологическим исследованиям, древнейшие письменные памятники человеческой цивилизации относятся примерно к XXV—XXIV вв. до н.э., выполнены они клинописью. Это шумерские документы и списки династий, составленные в северной и центральной части Южной Месопотамии.

Письменность шумерских памятников представлена почти исключительно хозяйственными и учебными текстами. С конца этого периода до нас дошли немногочисленные, очень короткие строительные надписи правителей, а также юридические документы. К старошумерскому периоду относятся памятники с 2500—2300 гг. до н.э. Это преимущественно хозяйственные документы, а также строительные надписи, главным образом из городов Лагаша (столицей Лагаша был город Гирсу), реже из Ура, Урука, Адаба, Ниппур и других центров.

К позднешумерскому периоду, охватывающему памятники от 2000 г. до н.э. и до конца существования устного живого шумерского языка, относятся, помимо многочисленных хозяйственных и юридических документов, дошедшие до нас записи разнообразных литературных текстов — эпических песен, гимнов, заклинаний, поучений, басен, пословиц и т.п.

Наконец, к «послешумерскому» периоду, т.е. ко времени, когда шумерским письмом и языком стали пользоваться семитские народы, условно относятся памятники, составленные после 1600 г. до н.э., — царские мемориальные надписи, религиозные и учебные тексты.

Форма клинописи была определена материалом письма: на таблицах из сырой глины выдавливали надписи, затем таблицы сушились, после чего они могли быть многократно использованы.

Шумерскую клинопись заимствовали аккадцы, семитские народы, пришедшие, согласно легенде, в междуречье Тигра и Евфрата из Северной Африки. Аккадцы приспособили клинопись к своему языку. От них клинопись как форма письма распространилась на индоевропейские народы — хеттов и иранцев, не получив, однако, дальнейшего продолжения. Клинописные памятники удалось расшифровать, в настоящее время они переведены и опубликованы¹.

Еще одной цивилизацией в регионе Средиземноморья была египетская; здесь использовалась иероглифическая письменность. Самыми древними памятниками египетской письменности являются «Тексты Пирамид царей V и VI династий» — свод магических формул и изречений заупокойного ритуала. Жанры египетской словесности складывались стихийно и еще не имели единого стержня, образующего литературный канон.

Древнееврейский религиозно-литературный канон Ветхий Завет по самой истории его сложения начинается от книг Моисея, который, согласно преданию, вывел евреев из Египта и противопоставил свое религиозное учение как египетским верованиям, так и верованиям соседних семитских народов. Дальнейшее развитие древнееврейской письменностишло по линии создания многочисленных комментариев Ветхого Завета.

Египетская литература оказывала влияние на древнееврейскую и греческую литературу, каждая из которых представлена своей системой письма. В результате сокращения числа знаков и закрепления за ними фонетических значений появляется система собственно фонетических знаков — букв алфавита. Алфавит есть совокупность букв, принятых в письменности какого-либо языка и расположенных в определенном порядке.

¹ См.: Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. — М., 1967.

Начало практически всем известным алфавитным письменностям положило финикийское письмо¹. Древние образцы финикийского алфавитного письма относятся к XII веку до н. э. Финикийская азбука состояла из 22 букв, обозначавших только согласные звуки; буквы были расположены в установленном алфавитом порядке, у каждой было свое название.

Далее письмо было заимствовано арамейцами, которые использовали некоторые буквы, обозначавшие согласные, для написания гласных звуков (например, согласный *W* для гласного *U*).

В IX веке до н. э. благодаря торговым связям с финикийцами этот алфавит, по-видимому, стал известен грекам. Преобразовав и дополнив его, греки создали основу всех европейских алфавитов. Те согласные буквы, которые не имели в греческом языке фонетического эквивалента, использовались для обозначения гласных звуков. Дополнительно были введены знаки *Φ*, *Χ*, *Ξ*, *Ω* — их не было у финикийцев. В 403 г. до н. э. в Афинах был официально принят ионический алфавит из 24 букв.

Греки, заимствовав свою графику из переднеазиатских письменностей, внесли одно важное дополнение: стали писать не только согласные, но и гласные, располагая все звуки — гласные и согласные — в одной строке. Уже у древних греческих авторов можно встретить ссылки на египетское происхождение своего письма. Так, Платон, говоря о генезисе письма, указывает на то, что письменность была изобретена «неким Тевтом». Тевт — видимо, египетский бог мудрости и письма *Thot(h)*².

Вот что пишет Платон в диалоге «Филеб»: «Первоначально некий бог или божественный человек обратил внимание на беспределность звука. В Египте, как гласит предание, некий Тевт первым подметил, что гласные буквы в беспределности представляют собой не единство, но множество; что другие буквы — безгласные, но все же причастны некоему звуку и что их также определенное число; наконец, к третьему виду Тевт причислил те буквы, которые теперь, у нас, называются немыми. После этого

¹ За исключением, быть может, корейского, а также армянского и грузинского, изобретенных самостоятельно, под влиянием арамейского и греческого письма. Мы не относим к числу алфавитных письменности индийской группы, являющиеся скорее слоговыми, но и они, через своего предка — письмо брахми, — по-видимому, восходят к арамейскому письму, а через него — к финикийскому. К арамейскому же письму восходит арабское. Непосредственно к финикийскому письму восходит греческое, а от него происходят дальнейшие ответвления — латинское, славянское, коптское, руническое и т. д.» (Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. — С. 362).

² По внешнему виду Тот напоминал ибиса или павиана. Согласно представлениям египтян, он приводил умершего в суд, записывал решение суда и отводил умершего к Осирису (египетскому богу мертвых). Бог Тот открыл египтянам законы и письменность.

он стал разделять все до единой безгласные и немые и поступил таким же образом с гласными и полугласными, пока не установил их число и не дал каждой в отдельности и всем вместе названия «буква» (στοιχεῖον). Видя, что никто из нас не может научиться ни одной букве, взятой в отдельности, помимо всех остальных, Тевт понял, что между буквами существует единная связь, приводящая все к некоему единству. Эту связь Тевт назвал грамматикой — единой наукой о многих буквах¹.

Как видим, перед нами описание работы фонолога. Фонолог разбирает «стихии» звучащей речи, двигаясь по иерархии от классов звуков к элементам этих классов. Затем составляет алфавит звуков, давая каждому название — словесное или в виде буквенно-символа. Далее звуки, составляющие алфавит, сводятся в систему, где каждый связан с другими прямо или опосредованно. Такая система и есть описание языка на фонологическом уровне.

Латинский алфавит происходит от этруского или западно-греческого (южно-итальянского) алфавита, в конечном итоге восходя, как уже говорилось, к финикийскому. В латинице буква *C* использовалась первоначально для обозначения *K* и *G*. В дальнейшем произошла дифференциация *C* и *G* путем добавления поперечной черточки: *C* → *G*. Реформой, проведенной в IV веке до н. э., римский алфавит был сокращен до 21 буквы. В этой форме с незначительными изменениями он распространился по всей Европе.

Другим важнейшим ареалом письменности был китайский, который формировался на основе иероглифического письма. Основу китайского литературного канона, начатого, по общепризнанной точке зрения, Конфуцием (Кунфу-цзы: 22.09. 551 — апрель 479 гг. до н. э.) в конце VI века до н. э., образуют классические книги конфуцианской школы, так называемые «основы ткани» («цзин»), по позднейшей версии — числом тридцать. В состав тридцати канонических книг вошли сочинения, излагающие ту или иную традицию учения Конфуция, и доконфуцианские памятники, редактированные и получившие истолкование от самого китайского «первоучителя» культуры, литературы, истории и науки.

• Канонические книги, относящиеся непосредственно к учению Конфуция, объединяются в «Четверокнижие» (*Сы шу*), куда входят:

Лунь юй («Суждения и беседы») — книга диалогов Конфуция и окружавших его лиц, в которых содержатся характеристики самого учителя как личности, а также излагаются основы его учения;

Дасюэ («Великая наука») — разъяснение основного натуралистического и этического понятия «дао» ‘путь’;

¹ Платон. Собр. соч.: В 4 т. — М., 1994. — Т. 3. — С. 15, 18bcd.

Чжунъюн («Учение о среднем пути») — описание претворения дао-пути в человеке;

Книга Мэн-цзы — книга писателя-историка и философа Мэн-цзы, виднейшего ученика Конфуция, развивающая его учение о народоуправлении.

• Доконфуцианские книги, вошедшие в состав канона, представлены прежде всего «Пятикнижием» (**Уцзин**), куда включаются:

Ицзин («Книга перемен») — здесь дается формальный аппарат истолкования картины мира и необходимые к нему комментарии;

Шицзин («Книга песен») — собрание древних народных песен, а также ритуальных, придворных песнопений;

Шуцзин («Книга исторических преданий») — сборник речей и изречений самих героев древней китайской истории, а также высказываний о них;

Лици («Книга установлений») — теория «ли», т.е. учение об этикете и поведении человека;

Чуньцю («Летописи царства Лу») — исторические хроники, построенные как диалоги между государственными деятелями.

• Дополнительную ступень конфуцианского знания составляют четыре канонических текста:

Или («Долг и установления») — изложение уставного поведения конфуцианского деятеля, включающее в себя совокупность обрядов;

Чжоули («Чжоуские установления») — утопическое описание древнего китайского государства, которым идеально управлял император Чжоу, давший людям правила церемониального этикета, самым совершенным образом организующие поведение людей;

Сюэ цзин («Сыновнее благочестие») — собрание речей, приписываемых Конфуцию;

Эръя («Близкая к канону») — словарь синонимов, встречающихся в архаических надписях и текстах, данный как тезаурус, в котором классифицируются и обобщаются явления и предметы мира.

• Дополнительно к конфуцианской развивается даосская литература. Основателем ее считается Лао-цзы, старший современник Конфуция, создавший книгу **Даодэ-цзин** («Канон пути и благочестия»). В духе идей этого канона развивается даосская литература, объединенная в своде Даоцзан («Сокровища пути»). Даосские памятники направлены на истолкование жизни отдельного человека, включая практические вопросы личного бессмертия, этики, медицины и физической культуры.

Со II века н.э. в Китае начинает распространяться буддизм. В литературе развиваются новые формы с новым содержанием; как следствие, в языке формируются разнообразные стили.

Еще одним древним ареалом письменности Востока является **индийский**.

Начало индийской литературной традиции составляют так называемые **Веды** (veda — ‘священное знание’) — гимны, молитвословия, в которых передаются откровения бога Брахмы. Временем становления ведийского языка и письменности считаются XV—X вв. до н.э.

Веды представлены четырьмя сборниками (*samhita*):

Ригведа (rigveda) — наиболее общий свод поэтических гимнов, обращенных к богам;

Самаведа (sāmaveda) — антология выбранных из Ригведы стихов, которые распевались во время религиозных обрядов; это веда мелодий и песнопений;

Яджурведа (yajurveda) — ритуальные изречения, заклинания и молитвы, необходимые для всей совокупности индуистских обрядов, и их догматическое толкование;

Атхарваведа (atharvaveda) — сборник заклинаний и заговоров на всякие случаи жизни: против болезней, демонов, опасных зверей, врагов — это как бы требник.

К каждому из этих сборников примыкают три вида трактатов: **Брахманы** (brāhmaṇa ‘объяснение брахмана’, т.е. знатока вед и жреца при жертвоприношениях) — прозаические тексты-объяснения к самхитам, излагающие правила и ритуалы; **Араньяки** (arāṇyaka ‘лесные трактаты’) — книги отшельников, предназначенные для лиц, удалившимся в уединение для благочестивых размышлений; **Упанишады** (upaniṣad — тексты-поучения, передаваемые от учителя к ученику).

С середины первого тысячелетия до н.э. по II—IV века н.э. формируется индийский поэтический эпос: **Махабхарата** (mahābhārata ‘Великая [битва] потомков Бхараты’) и **Рамаяна** (rāmāyaṇa ‘Странствия Рамы’). Древнеиндийский язык этих поэм называется **эпическим санскритом** (saṃskṛta ‘обработанный, доведенный до совершенства’).

Индийская письменность, будучи фонетической и звукобуквенной, отличается от средиземноморских письменностей тем, что отмечает слоги и границы слов. С самого начала создатели алфавита предусмотрели фонетическое членение письменной речи на гласные и согласные, которые стали писаться в разных строках: согласные пишутся в основном ряду графем, а знаки гласных добавляются в виде надписных и под丝丝 знаков. Поскольку согласные знаки сочетаются со знаками гласных не в одной строке, а по вертикали, возникает как бы перемножение всех одних знаков на другие: тем самым вертикальное членение письменной речи по буквам — всегда слог (реальный или потенциальный). По этой причине индийскую графику называют слоговым письмом. Однако надо отличать собственно слоговую графику (вроде япон-

ской азбуки Годзюон, в которой каждая графема записывает целый слог, а не его часть — фонему) от графики, где слог обозначен расположением фонем, но записывает все же отдельные фонемы (как в индийском письме).

Таким образом, в индийском письме гласные и согласные — всегда не только две фонетические парадигмы, но и две графические синтагмы, расположенные на разных линиях. Отсюда на каждой из линий (основной и дополнительных) можно видеть соответствующие синтагмы графем и звуков — синтагмы согласных и синтагмы гласных.

Графика наглядно представляет отношение гласного и гласного, согласного и согласного, гласного и согласного. Поскольку в реальном тексте они не находятся в таких отношениях, когда одному согласному соответствует один гласный и наоборот, постолику уже с самого начала становления письменной речи приходилось решать вопросы чередования графем из двух разных строк в одной линии звучания. Решение оказалось простым: был введен общий знак для гласного, инкорпорированный в основной согласной строке. За этим гласным закрепили значение общего гласного *a*. Прочие гласные по правилу надо произносить после того согласного звука, с которым знак гласного согласован по вертикали.

Порядок алфавита согласных отражает различение звуков по способу и месту образования, а каждая буква в порядке алфавита читается с общим гласным. Поэтому индийская алфавитная традиция с самого начала обнаруживает, что «линия» речи фонетически делится на слоги, а графически — на синтагмы и парадигмы графем, отражающие синтагмы и парадигмы фонем в системе языка. Такая структура индийского письма делала чрезвычайно удобными представление орфоэпических правил и лингвистический анализ.

Каждая письменная традиция получала свое развитие в ряде других языков. При этом знаки исходного письма адаптировались к новым устным языкам народов, приобщающихся к цивилизации. Так, латинский алфавит был приспособлен к большинству языков Европы (а затем и многим неевропейским языкам). Китайская иероглифика распространилась в Корею, Японию, Вьетнам. Санскритская графика послужила основой для бирманского, тибетского и многих других языков, в том числе и языка кави в Индонезии.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

В китайском, индийском и греко-латинском (или средиземноморском) ареалах письменности возникают и развиваются важнейшие для истории цивилизации грамматические традиции.

Китайская грамматическая традиция формируется на основе иероглифической письменности. Поэтому первые грамматические сочинения в Китае формулируют отдельно правила для создания знаков письменной речи — иероглифов и правила их чтения (произнесения), т. е. правила порождения соответственно письменной и устной речи. Это объясняется тем, что в основу иероглифики положено представление о целом слоге, а целый слог в китайском языке соотнесен с мельчайшим элементом смысла, и поэтому иероглиф записывает звучащее слово через смысл. Композиция знаков для записи смысла слов может не зависеть от композиции знаков для записи звучащей речи.

Индийская и греко-латинская грамматические традиции могут быть представлены в виде двух ответвлений некоей более широкой традиции. Эта грамматическая традиция строится на базе письменности, в основании которой лежит звукобуквенный алфавит. В его основу в свою очередь положено представление о звуке речи вне зависимости от его смысла. В этой традиции формировать правила порождения графических знаков в отрыве от правил порождения звуков невозможно. Именно поэтому звуки и графические знаки рассматриваются как какая-то единая сущность. При этом могут быть правомерными два способа рассмотрения:

- 1) за основу нормирования берется графический знак и через его посредство формулируется правильное произношение;
- 2) за основу берется звучание и по нему выводится правильный графический знак.

Там, где движение идет от графического знака к звучанию, мы имеем дело с индийской традицией. Индийская традиция прежде всего формулирует систему графических знаков. Далее эта система рассматривается в правилах их комбинаций, и все это служит для того, чтобы обеспечить правильное «озвучивание» письменных текстов.

В греко-латинской традиции античного Средиземноморья, отличающейся многообразием как алфавитов, развившихся, по-видимому, из общего источника, так и культурных языков, проблема ставится иначе. Здесь важно движение от звучания к графическому знаку, т. е. сначала необходимо установить, каковы правила изменения и создания новых слов в плане звучания, а затем соотнести их с правилами записи при помощи графических знаков.

Эти три традиции, вероятно, исчерпывают возможности самой проблемы формирования общих правил письменного языка. Если при создании письменного языка звук и смысл как бы разорваны, тогда можно рассматривать их отдельно, как это и сделали китайцы. Если они соединены, как это отражено в звукобуквенном письме, тогда надо двигаться либо от знака к звуку (индийская грамматика Панини), либо от звука к письменному знаку (Александрийская грамматика).

СТРУКТУРА ПИСЬМА

Состав существующих структур письма можно представить в виде схемы 47.

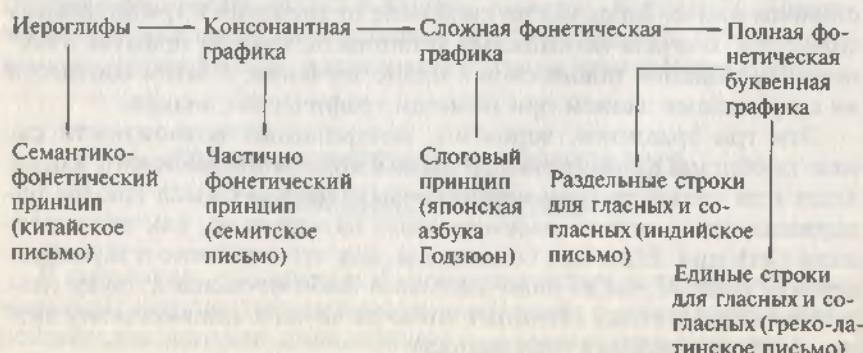
Существуют две исходные структуры письма:

- письмо иероглифическое, где знак обозначает слово или морфему, т. е. семантически значащую единицу языка;
- письмо фонетическое, где знак обозначает звук речи вне его прямого отнесения к значению слова или морфемы.

Между этими двумя исходными структурами (логографической и фонографической) располагается много различных переходных случаев. Скажем, египетское иероглифическое письмо содержит не только смысловые, но и фонетические обозначения; все другие системы иероглифики стремятся записать и смысл слов, и характер их звучания — таковы шумерское письмо, японское буквенно-иероглифическое письмо и другие виды письма. Все структуры письма, близкие к логографическому полюсу, фиксируют грамматическое искусство в виде записи слов и истолкования этой записи, т. е. подобно словарю; все структуры письма, близкие к фонографическому полюсу, фиксируют грамматическое искусство в виде совокупности правил записи и прочтения записанного вслух (разумеется, возможно объединение словарных и фонетико-формульных правил в пределах одной системы грамматического искусства). Примером наиболее последовательного словарного подхода является китайская грамматическая традиция; а наиболее последовательного фонетико-формульного — индийская грамматическая традиция.

Как это видно по археологическим материалам, египетская и шумерская письменность не образуют цельных грамматических систем, хотя существенные попытки составления систематических словарей и системно-грамматических комментариев для этих язы-

Схема 47

ков предпринимались в так называемых «домах жизни» (учреждениях, объединявших в себе, по-видимому, школу, скрипторий, архив и библиотеку).

Каждая исторически сложившаяся структура письма по-своему решает проблемы записи звука и смысла.

СМЫСЛОВЫЕ СВОЙСТВА ПИСЬМА

В отличие от устной речи письмо обладает особыми, присущими только ему психологическими, социальными и оперативными возможностями:

1. Обзорность.	Психологические свойства письма.
2. Возможность повторного обращения к тексту	
3. Моторный навык	Оперативные свойства письма
4. Возможность соединения с графикой технических наук	
5. Возможность рекомбинировать буквы и звуки	Социальные свойства письма
6. Создание графического выделения важных по смыслу элементов речи	
7. Хранимость текстов	
8. Воспроизводимость текстов	
9. Заочность бытования текстов	

Письменная и устная речь существенно отличаются друг от друга с точки зрения характера их движения во времени. Письменная речь обзорна: текст, созданный при помощи графических знаков, можно увидеть нацело, тогда как звуки гаснут сразу же по завершении их произнесения, — поэтому устный текст может восприниматься (распознаваться) только по элементам звучания. Кроме того, в отличие от устной речи, на письме темп восприятия текста не согласуется с темпом создания текста.

Другой особенностью движения рукописной речи во времени является то, что она может быть использована для повторного прочтения одним или многими лицами и потому срок ее использования теоретически неограничен. Следовательно, такая речь может прочитываться в то время, которое избрано получателем, а не создателем, как в устной речи; помимо этого, и сами тексты рукописной речи могут избираться получателем. Возможность повторного обращения к одному и тому же тексту углубляет понимание его содержания; более того, один и тот же человек, в разное время обращаясь к одному и тому же тексту, каждый раз может по-разному его интерпретировать. По сравнению с устными текстами речемыслительные операции с письменными текстами

становятся более точными, так как возможность многократно обращаться при письме и чтении к одному и тому же месту текста приводит к совершенствованию форм речи и развитию ее смысловой обобщенности, увеличению степени абстракции, углублению метафорики.

Рукописная речь требует определенной ручной работы над заранее подготовленными материалами с помощью предварительно созданных орудий. Рукописание — это особое ремесло, которому надо специально учиться; в ходе обучения вырабатывается необходимый моторный навык координированной последовательности элементов при начертании букв («дукт»). Человек, обученный рукописной речи, считается грамотным и проявляет себя в той или иной мере искусным в навыках грамотности.

Письменная речь, используя видеомоторный и слухопроизносительный каналы коммуникации, становится средством, не только дополняющим, но и в ряде случаев замещающим дописьменные формы культуры. Так, например, собрание примет, будучи записанным, дает картины жизни природы; гадать можно не только на разных предметах, но и путем комбинирования письменных знаков текста; знамения могут относиться к материалу и формам письменного языка; музыка может быть записана письменными знаками; предметы изобразительных искусств — подписаны; орнамент — составлен путем стилизации письменных знаков; предметы архитектуры и ремесла могут быть снабжены соответствующими надписями, равно как и эталоны измерения, ориентиры и команды — все это исполнено письменным текстом; синcretическое обрядовое действие или игра, получив письменный сценарий, превращается в театр. Таким образом, с появлением письменности язык начинает играть роль не только дополнения, но и смысловой замены, знакового называния практически всех ранних форм культуры.

Звучащая речь может соединяться с музыкой (пение), а графическая речь сочетается с разного рода графиками, рисунками, таблицами, техническими чертежами и т. п.: на письме слово вступает в контакт с изобразительными средствами иного рода и за счет этого обогащается.

В письменной речи возможна рекомбинация, перестановка отдельных графических элементов, расположение компонентов письменных знаков в иной конфигурации с изменением дукта (например: *a — a — a — a — A — A* и т. д.), или последовательности букв в графическом слове; возможна даже замена целых слов отдельными буквенными символами: *F* — форманта, *log* — логарифм, *%* — процент, *(a + b = c)* — формула, *§* — параграф, *&* — *and* (нем.) и т. п.

В звучащей речи средствами выделения служат ударение и интонация, в письменной речи выделения осуществляются гра-

фическими возможностями: изменением кегля (величины знака, его объема); наклоном (курсив); жирностью; разнообразными подчеркиваниями (волнистое, пунктирное, двойное, штриховое и т. п.); знаками препинания. Эти способы как бы имитируют динамические характеристики устной речи.

В отличие от устной письменная речь благодаря характеру своего материала позволяет сообщаться на неограниченном расстоянии; рукописный текст может существовать неограниченное время. Рукопись после создания отчуждается от своего творца и существует как продукт труда, который можно хранить, передавать из рук в руки и продавать. Это меняет структуру языковой коммуникации: один экземпляр текста (без переписывания) теоретически может получить большой круг читателей.

Благодаря возможности хранения письменная речь реорганизует память личности и общества: если раньше весь состав знаний, накопленный людьми, необходимо было буквально держать в голове, помнить, то с появлением письменности стало возможным записать текст и отложить в хранение до того времени, пока те или иные сведения потребуются. Иными словами, появилась возможность накапливать тексты, содержание которых значительно больше того, что способна вместить память отдельного человека. Огромным достоинством письменной речи является то, что она позволяет быстро и в любом объеме накапливать знания, формируя тем самым практически неограниченный резерв личной культуры.

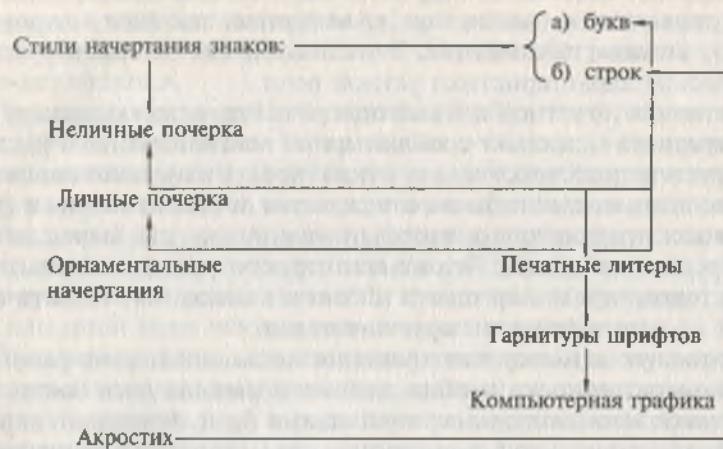
Письменные тексты могут многократно воспроизводиться, переписываться, буква в букву дублируя друг друга; с устными текстами (в частности, из-за ограниченности человеческой памяти) это невозможно.

Заочность бытования с помощью письменной речи означает возможность общения автора текста и его получателя (читателя) вне реального аудиовизуального контакта. Разные люди, живущие на большом (временном и пространственном) расстоянии друг от друга, преодолевают это расстояние с помощью письменной речи. Это, помимо прочего, означает способность языка консолидировать разрозненные племена в народы, а народы объединять в единую сферу управления: создание письменности стимулирует возникновение полноценных государственных образований.

СТИЛИ ПИСЬМА

Стилем письма называется речевой поступок, рассмотренный с точки зрения его графического исполнения в письменном тексте. Стиль письма предполагает следование определенному этике-

Схема 48

ту письменной речи, который предусматривает либо обращение к аудитории без стилистической персонификации автора текста, либо специальное выделение его авторства и особенностей стиля. Эти этикетные тенденции могут совмещаться и противопоставляться малоискусственному и, следовательно, малограмматному письму.

Являясь значимой характеристикой письменной речи и составляя с ней одно целое, стили письма делятся на определенные категории. Схема 48 отражает эти взаимосвязи.

Искусство письменной речи суть искусство исполнения рукописей. К общим требованиям, приложимым к любой рукописи, относится владение навыками правильного, эстетически совершенного письма, или искусством каллиграфии — мастерством начертания знаков письменности. В искусстве каллиграфии существуют две основные тенденции:

- совершенное следование стандартным прописям письменных знаков;
- образование индивидуального (личного) почерка.

В случае исполнения стандартных знаков в греческой и латинской (а также славянской) графике постепенно установились три стандартных стиля исполнения: 1) устав — полный стиль начертания знаков; 2) скоропись — сокращенный стиль начертания знаков; 3) полуустав — средний (смешанный) стиль начертания знаков.

Такое подразделение стилей свойственно всем культурам. В египетской письменности им соответствуют иероглифическое, демотическое и иератическое письмо; в китайской иероглифике — стили чжэншу, цаошу и цзяньбицы.

Уставные буквы пишутся отдельно друг от друга, всегда в полной строке, занимая одинаковое пространство: каждая из них представляет собой отдельное каллиграфическое произведение. В уставном почерке заполнение листа неплотное.

Полуустав — это стандартное написание букв с плотным использованием бумажного листа. Буквы своими частями могут образовывать три ряда начертаний: собственно строку, надстрочный ряд и подстрочный ряды. Знаки полуустава укладываются в среднюю строчку, а над ней выносятся надстрочные и подстрочные элементы буквенных начертаний — петли, дужки и т. п., которые всегда должны быть одинаковой длины как над строкой, так и под строкой. Начертание строки полууставом заполняет большую поверхность листа, чем при уставном почерке.

Скорописные начертания заполняют всю поверхность листа, отдельные графические знаки как бы сливаются друг с другом. При этом, как и в полууставе, части букв выносятся за основную строку и вводятся разного рода диакритики.

Исторически устав — самый ранний стиль письма. Наиболее торжественные и официальные тексты исполняются именно уставным письмом, а наименее важные, не претендующие на особую значимость, — скорописью; соответственно полуустав применяется для исполнения текстов, занимающих среднее положение.

Личные совершенные почерки, претендующие на каллиграфическую значимость, в европейской традиции развиты сравнительно слабо. Образование каллиграфически значимых личных почерков в Европе начинается со времени книгопечатания (XV в.), когда они стали противопоставляться стандартным печатным литерам как индивидуальное — общему. В иероглифических культурах Востока, напротив, личные почерки появляются очень рано. Каллиграфическое искусство личных почерков здесь достигает высокого совершенства. Следует иметь в виду, что личный почерк всегда как бы несет в себе дух своего создателя, определенным образом выражая некоторые особенности его личности (как индивидуальные особенности произношения в устной речи).

Помимо этих основных делений в каллиграфии существуют стили, приспособленные к нуждам эпиграфики, сфрагистики, нумизматики и палеографии, имеющие, помимо чисто языкового, еще и орнаментальное значение. В некоторых случаях орнаментальное начало становится ведущим. Так складывались, например, арабское куфическое письмо, славянская вязь, некоторые картические стили китайской иероглифики и т. п.

Элементы орнаментики могут проявляться не только в побуквенной, но также и в построчной организации текста: в частностях, в виде акростиха.

Акростих (греч. ἀκρος 'крайний' + στίχος 'ряд, строка') — стихотворение, в котором определенные (обычно начальные или

конечные) буквы строк образуют слово, фразу или имя, часто служащее посвящением:

АННА АХМАТОВА

Ангел лег у края небосклона,
Наклонившись, удивлялся бездне;
Новый мир был синим и беззвездным.
Ад молчал, не слышалось ни стона.
Алой крови робкое биение,
Хрупких рук испуг и содроганье
Миру снов досталось в обладанье
Ангела святое отраженье.
Тесно в мире, пусть живет, мечтая
О любви, о свете и о тени,
В ужасе предвечном открывая
Азбуку своих же откровений.

(Н. С. Гумилев)

ИСКУССТВО КНИЖНОЙ ПЕЧАТИ И КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКИ

Книгопечатание — новый способ создания письменных знаков. Суть этого способа состоит в создании стандартного по графическому исполнению тиража рукописного текста.

Возникновение и развитие книгопечатания — сложный и долгий исторический процесс, имевший значительные последствия для распространения и развития культуры. Изобретение книгопечатания нельзя приписать какому-либо одному лицу или народу.

Основой создания печатной книги является изобретение китайцами бумаги во II в. н. э. На бумаге в равной мере может быть воплощена и рукописная, и печатная книга. Вслед за изобретением бумаги в VII—VIII вв. был создан печатный станок, применяявшийся для тиражирования книг. Матрицей для печати служили медные или деревянные доски, на которых текст либо вырезался, либо вытравлялся кислотой по написанному от руки. С такой матрицы при помощи краски и печатного станка можно было сделать много оттисков одного и того же текста и таким образом создать тираж этого текста. Книги, созданные по матрицам, называются **ксиографами** и были основным видом изданий вплоть до XV в.

В XV в. Иоганн Гутенберг (J. Gutenberg, 1394/99—1468) изобрел шрифтолитейное устройство и типографский сплав (гарт). Этот сплав отличался твердостью и пластичностью — необходимыми качествами для создания набора. Европа, таким образом, стала родиной печати подвижным шрифтом.

Печатная речь развивается непосредственно из рукописной, изменяя формы бытования письменной речи, создавая новые ее качества. Она заимствует линейность и знаковый принцип письменной речи. Однако знаки письма изменяют свою форму в соответствии с условиями машинного производства. В частности, устанавливается количество и строгая номенклатура шрифтов. Современный шрифт предстает в ряде вариантов, которые используются для организации текста в печатном издании. Набор вариантов шрифта называется гарнитурой — совокупностью типографского наборного материала, имеющего одинаковый характер рисунка букв. В составе гарнитуры начертания вариантов шрифта различаются по некоторым параметрам: наклон (прямое, курсивное, наклонное начертание); ширина (узкое, нормальное, среднее); насыщенность (светлое, полужирное, жирное); пропорции букв применительно к их абсолютному размеру (кегль).

Такое оформление порождает собственную эстетику печатной формы, в которой индивидуальный характер создателя речи, так или иначе присутствующий в рукописной варианте, отчасти как бы уничтожается. Эта эстетика и особое членение речи (шрифтами, абзацами, пробелами и т. п.) воспринимаются как особые формы печатного языка, его особая «интонация».

Таким образом, автору письменного буквенного текста принадлежит лишь часть смысла этого текста — буквальный смысл. Оформление печатного произведения поручается художнику. Художник, пользуясь материалом письменной речи, создает образ печатного произведения, его образный смысл.

Художественный образ печатной книги способствует уяснению ее буквального содержания. Формируются стандартные правила орфографии, устанавливается словораздел при помощи пробелов, широко используются знаки препинания, абзацы, игра шрифтов и иллюстраций, которые вмешиваются в стандартизованные объемы книги, измеряемые в печатных листах и других типографских мерах. Все это создает предпосылки для разделения литературы на научную, художественную и журналистику.

В XX в. в общественно-языковую практику вводятся компьютеры, благодаря чему существенно расширяется сфера деятельности технических устройств рукописной и печатной речи. Компьютерная графика совмещает в себе свойства и той и другой.

Введение в практику компьютеров началось с построения информационно-поисковых систем. Со временем оказалось, что помимо информационного поиска, который удалось компьютеризировать, дав машинам большую память и быстродействие, компьютеры могут записывать и хранить в памяти слова и тексты.

Письменная речь, помимо записи и воспроизведения с помощью компьютеров и периферийных устройств (сканеров для автоматического чтения текстов и принтеров для автоматической

печати), обогатилась программами, позволяющими по-разному размещать текст на площади листа, подготавливать печатные матрицы, делать все операции по каллиграфическому исполнению текста различными шрифтами и любыми видами письма. Системы компьютерной графики позволяют создавать рисунки, мультфильмы (анимация) и геометрические изображения (графики, диаграммы, таблицы и т. п.). Более того, компьютерные системы звукового синтеза позволяют писать и анализировать музыку, образовывать новые классы музыкальных инструментов.

Можно сказать, что компьютерные системы охватывают все классы семиотической деятельности человека, кроме танца и обряда, так как они невозможны без живого участия человека, его тела. Компьютерные системы сочетают все классы языковой деятельности и почти все виды семиотики, созданные на базе слова.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ЯЗЫКОВ

В результате развития письма в обществе сформировалась письменная словесность и литература, следствием чего стало формирование донационального литературного языка.

Донациональные литературные языки основаны на рукописной традиции сочинений. Именно этим они отличаются от национальных письменных языков.

Письменные литературные донациональные языки, такие как древнеегипетский, санскрит, древнекитайский, древнегреческий, латинский и другие, в отличие от национальных письменных языков, характеризуются особой литературной традицией. Она прежде всего отражена в процессе непрерывной переписки сочинений. При этом чем энергичнее идет переписка и чем больше наличествует сочинений всех видов, тем меньше оснований для забвения этого литературного языка.

По времени и характеру возникновения, а также по отношению к современным литературным языкам и их письменной традиции донациональные литературные языки могут быть разделены на три большие группы — древние, классические и новые.

К первой группе (*древние языки*) относятся, в частности, древнеегипетский, шумерский, аккадский, хеттский, т. е. хронологически самые ранние литературные языки. Их особенность состоит в том, что созданная в них литературная традиция перестала развиваться, не нашла себе прямого продолжения, была заменена на территории их распространения иной литературной традицией на других языках.

К группе *классических языков* относятся, например, санскрит, древнекитайский, древнегреческий, латинский. Их литературная

традиция сохранилась до нашего времени и стала основанием для национальных литературных языков.

Новые донациональные литературные языки (старославянский, древнеармянский, древнегрузинский, старофранцузский, древневерхненемецкий и т. д.) — это так называемые «вульгарные» языки. Они имеют одну общую особенность: почти каждый из них принадлежит ареалу распространения какого-либо классического литературного языка, т. е. письменная традиция сочинений на этих языках соединяется непосредственно с письменной традицией одного из классических языков.

С появлением книгопечатания в дополнение к письменности и литературе на донациональных языках складываются национальные письменные литературные языки. Типографское тиражирование текстов сделало возможным расширение читательской аудитории и появление многообразных видов и жанров литературы. Это соответствующим образом изменило литературный канон и фактически сделало обязательным общее среднее образование на национальной основе и на национальном языке.

Национальные литературные языки могут сохранять донациональный языковый строй; таковы, в частности, иврит, китайский, арабский, некоторые другие языки. В Европе, напротив, национальные литературные языки потребовали смены языковой базы. От средневековой латыни, греческого, церковно-славянского языков стали отказываться в пользу английского, немецкого, французского, русского и т. д.

Введение компьютерных технологий вызвало к жизни формирование новой языковой действительности, которое пока происходит одновременно с развитием национальных письменно-литературных языков. Владельцы компьютеров могут устанавливать между собой прямую связь с помощью электронной почты, а также непосредственно общаться друг с другом в режиме реального времени через сеть «Интернет». Кроме этого, изменяются процессы культуропользования и способы хранения текстов: теперь они вводятся в память компьютеров. Как результат возникает интернациональное автоматизированное языковое общение. Данное обстоятельство, по-видимому, со временем приведет к тому, что языки, на которых создаются тексты компьютерной графики, обретут новый культурный статус — межнациональных языков.

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Типология устанавливает, что язык как общее понятие, равно как и конкретные естественные языки, способен при помощи конечного, относительно небольшого числа звуков передавать бесконечное разнообразие мыслей.

Предметом типологии является изучение грамматического строя языков с точки зрения безграничных возможностей создания разнообразных высказываний и способов их выражения.

Такое изучение осуществляется через сопоставление и сравнение языковых систем. При сопоставительном описании формы и категорий одного языка (или нескольких языков) ставятся в соответствие по смыслу формам и категориям другого языка. Таким образом, более развитые языки становятся инструментом совершенствования менее развитых языков. Скажем, в рамках европейской грамматической традиции совершенствование лексической и грамматической систем современных национальных языков так или иначе осуществлялось через сопоставление их с классическими языками, которые оценивались как эталонные.

Сопоставительным описаниям могли подвергаться и целые группы языков. Подобные описания выполнялись на материале одного текста: например, молитвы «Отче наш»: смысловое содержание оставалось единым, а языковые формы его воплощения были разными. Выбиралась определенная смысловая парадигма и сопоставлялись ее текстовые воплощения на разных языках (их могло быть до нескольких сотен), сравнивались все использованные слова, смысловые эквиваленты, а также разнообразные формы выражения одного и того же содержания.

Практикуется также сравнительный анализ разных языков через их системные описания, основанные на одинаковых или сходных принципах. Здесь объектом изучения становились общие закономерности строения языковых систем и особенности строя каждого конкретного языка. В задачи типологического описания в этом случае входит уточнение этих закономерностей, равно как и выявление своеобразия строения определенного языка.

Для наиболее адекватного и точного оформления результатов такого анализа современная лингвистическая типология выработала следующие методические понятия: «универсалии языкового строя», «язык-эталон», «типологические классификации» и «типологические закономерности».

УНИВЕРСАЛИИ ЯЗЫКОВОГО СТРОЯ

Универсалиями (лат. *universalis* ‘общий’) называются общие явления, представленные в какой-то области знания (скажем, понятие «энергия» представлено в любой естественной науке).

Универсалии языкового строя характеризуют строй всех языков и подразделяются на три разряда: универсалии языка, лингвистические универсалии и универсальные дефиниции.

Наиболее простыми являются универсалии языка. Они выводятся как результат прямого наблюдения над строем многих (сотен) языков и представляют утверждения вида: «Все языки содержат имена Бога или имена богов», «Во всех языках есть личные местоимения» и т. д. Большая их часть относится к философии языка и связана не со сравнительным языкознанием, а скорее с историей культуры человечества, но некоторые из них характеризуют именно языковой строй. Скажем, в наших примерах универсалия об именах Бога или богов относится к культуре, а о местоимениях — к языковому строю и отражает лингвистическое типологическое знание.

Следующий разряд составляют — лингвистические универсалии: они всегда относятся только к части языков, нередко к очень ограниченному их числу. Например, утверждение «Если в языке есть зубной кликс, то есть и боковой кликс» (кликсы — звуки, произносимые на вдохе) относится только к койсанским языкам — бушменскому и готтентотскому (юг Африки). Другим признаком лингвистических универсалий является то, что они могут выражать связь двух или более языковых особенностей. Однако эти особенности свойственны только названным языкам и никаким более. Например, «В языках с морфологической значимостью слогоделения нет флексий» (универсалия Е. Д. Поливанова): данное справедливо лишь для языков, в которых границы слов совпадают с границами морфем (китайского, вьетнамского, тайского и им подобных).

И, наконец, универсальные дефиниции, представляющие собой специальное теоретическое знание-вывод, касающееся аналитических средств лингвистики, исследования языка лингвистики. Иначе, это элемент (продукт) метаязыка лингвистики, построенный для целей типологического исследования. Лингвист-типолог обычно сравнивает языки именно через описания

Таблица 48

Различаемые понятия	Область интерпретации	Признаки языковой эмпирии	Метод дедукции
Универсальные дефиниции	-	-	+
Лингвистические универсалии	+	-	-
Универсалии языка	-	+	-

универсальных дефиниций, исполненных другими лингвистами. Лингвисты, составляющие подобные описания, зачастую исходят из разных принципов. Так, с точки зрения синолога Анри Масперо¹, в китайском языке нет частей речи. Этот вывод связан с тем, что А. Масперо критерием определения частей речи считал словоизменение по типу индоевропейских языков. Однако применение совокупности критерии — синтаксических, морфологических и лексико-семантических — позволило установить наличие частей речи и в китайском языке.

Универсальные дефиниции служат для проверки единобразия принципов лингвистического описания тех языковых систем, которые сравнивает типолог. Признаки средств анализа, т. е. универсальные дефиниции (иными словами, система понятий), по своей природе присущи не только языку, но и любой другой семиотической системе и вообще любой форме деятельности. Приведем пример универсальной дефиниции из совсем иной области знаний: «Если линейная последовательность содержит дистрибутивно различные элементы (элементы, характеризующиеся контрастной и дополнительной дистрибуцией), то есть и парадигмы».

И лингвистические универсалии, и универсальные дефиниции исходят из признаков языка, т. е. из одной и той же эмпирической области; но при этом первые основываются лишь на естественных языках и ограничиваются ими, а вторые только описывают средства лингвистического анализа. Лингвистические универсалии индуктивны, для их выведения необходимо обследовать языковые системы; универсальные дефиниции, напротив, дедуктивны, их можно интерпретировать на материале естественного языка и затем перенести на другие области семиотики.

Представим различия между тремя этими видами типологических универсалий в таблице 48.

¹ Масперо (Марсего) А. (1883—1945) — французский китаевед и специалист по языкам и истории Индокитая. Погиб в фашистском лагере смерти.

В графе «Область интерпретации» предполагается построение модели языкового явления, поэтому знаком «+» показано, что понятие обязательно приложимо в эмпирической области естественного языка.

В графе «Признаки языковой эмпирии» этот знак указывает на то, что берутся факты конкретных языков. Например: показатель падежа (флексия) обычно находится на конце слова; может ли падежная флексия находиться не в конце, а в середине или начале слова? Проверка показывает, что такого быть не может ни в одном языке. Коль скоро это так, то перед нами универсалия языка: «Падежная флексия всегда находится на конце слова». Однако, если мы устанавливаем, что сам факт появления падежного аффикса связан с определенной синтаксической конструкцией, то формулируется лингвистическая универсалия: «Если нормативный порядок слов какого-либо языка предполагает, что подлежащее и дополнение, позиционно чередуясь, располагаются в предложении перед сказуемым, то в таком языке должна быть категория падежа» (универсалия Дж. Гринберга). Эта закономерность подтверждается построением предложений во многих языках: тюркских, японском, дравидических языках южной Индии, языке кечуа в Латинской Америке (Боливия, Эквадор), тибетском, бирманском.

Констатация факта, что падежный аффикс всегда заканчивает слово, есть универсалия языка; констатация факта, что падежный аффикс обязательно появляется тогда, когда сказуемое стоит на конце предложения, есть лингвистическая универсалия. Особенno лингвистических универсалий в том, что они утверждают не какой-либо конкретный факт, а статистическое большинство случаев, в которых могут быть исключения (скажем, в персидском языке порядок слов в предложении требует постановки сказуемого в его конец, однако в этом языке нет падежей). Приведенное утверждение от этого не теряет своей значимости: оно просто констатирует некоторый факт, интерпретируя его как правило. Тем не менее важно знать, что указанное правило действует в значительной массе языков.

В графе «Метод дедукции» знаком «+» обозначены универсальные дефиниции. Это значит, что рассуждения, приводящие к констатациям универсалий вида «Во всех языках есть морфемы» или «Во всех языках части предложений могут состоять из слово-сочетаний», достигаются логическим рассуждением, которые выводятся (дедуцируются) из постулата о линейности и членораздельности речи.

Истинность универсальных дефиниций определяется только логической правильностью их выведения. Истинность же лингвистических универсалий и универсалий языка обусловлены тем, насколько они отвечают фактам языков, в связи с которыми вы-

водятся. Чтобы удостовериться в этом, достаточно рассмотреть перечень языков, использованных при их утверждении.

Универсальные дефиниции не могут быть выведены путем наблюдений над сравниваемыми системами. Для их построения нужна особая дедуктивная система (или системы), отвечающая требованиям поставленных задач, т.е. нуждам построения лингвистических универсалий и универсалий языка. Такая дедуктивная система получила название **язык-эталон**.

ЯЗЫК-ЭТАЛОН

Языком-эталоном называется система, созданная на основе серий постулатов о языке и вытекающих из них логических выводов. Язык-эталон — смысловое системное единство универсальных дефиниций. Он устанавливает связь между лингвистическими терминами и одновременно служит теоретической базой для построения универсальных дефиниций. При этом универсальные дефиниции должны быть построены по определенному, учитывающему условия системы образцу, например содержать утверждения следующего вида: «в некоторых языках существует явление А» (например, падеж); далее следует его определение (например: «Падежом является выраженная в форме слова связь между глаголом и именем или между именем и именем»). В соответствии с данным определением языки могут быть подразделены на классы — скажем, падежные и непадежные языки.

Однако для того чтобы охарактеризовать такое явление (тот же падеж), необходимо располагать более широким определением «В», на основании которого строится само понятие падежа как явления, различающего языки. В данном случае это указание на синтактико-морфологические отношения между именем и именем, именем и глаголом. Синтактико-морфологические отношения присутствуют во всех языках, а конкретная форма (падежи) — не во всех.

Это значит, что язык-эталон содержит два класса утверждений:

1) утверждения, объясняющие строение всех языков независимо от их типологических различий;

2) выводные утверждения, касающиеся универсальных дефиниций, различающих языки.

В сопоставительном языкоznании простейшим примером языка-эталона может служить, скажем, родной язык учащегося применительно к изучаемому им иностранному языку. При этом необходимо иметь в виду следующее. Сополагая тексты на разных языках, нельзя получить никакого эталона; но, имея на руках грамматику одного языка (т.е. текст, объясняющий систему) и поняв ее как целое, можно описать один язык через категории другого.

Текст, содержащий обычное описание системы языка (грамматика), всегда построен двухчастно: он содержит а) правила, б) примеры. Правила — это перечень языковых форм (их названий и объяснений); примеры — это образовые, эталонные высказывания.

При типологическом описании понятие эталонных высказываний изменяется: эталоном служит не пример, а правило. Нельзя перенести примеры из грамматики одного языка в грамматику другого, но можно (и это постоянно делается), сопоставляя, перенести правила. В случае такого переноса правило становится эталоном, мерой сравнения обоих языков.

Таким образом, язык-эталон есть система правил, по которым может быть построено описание любого языка: правила-эталоны в своей совокупности составляют язык-эталон, некоторый образчик для любого языка. Каждое высказывание на этом языке по содержанию является правилом, следующее высказывание — следующим правилом, вытекающим из предшествующего.

Язык-эталон не является естественным языком, однако это язык реальный. Он, так сказать, всеобщий язык, т.е. язык как средство человеческого общения при помощи членораздельных звуков. Единицы, его составляющие, могут быть обращены в пример из конкретного языка. Все примеры конкретных языков суть варианты, по отношению к которым фразы языка-эталона и его единицы оказываются инвариантами.

Это значит, что язык-эталон представляет собой свод терминов, пригодных для описания категорий любого языка. Вместе с тем он не объясняет особенности их грамматического строя, наоборот, он отвлекается от этих особенностей, а они, в свою очередь, становятся заметными на фоне языка-эталона.

Отвлеченност от типологических особенностей языков не означает того, что язык-эталон не считается с материей языка. Наоборот, он избирает из этой материи то, что имеется общего во всех языках: например, соотношение последовательности звуков и пауз, объединение знаменательных и служебных морфем в словах, взаимодействие слогов, морфем и последовательностей звукотипов в их отношении к составу слогов и морфем, смысловые области лексики в плане происхождения слов, интонационные конструкции и коммуникативные типы предложений и т.п. Таким образом, в языке-эталоне рассматриваются основные лингвистические признаки, без которых не бывает речи как языкового явления. Соотношения между этими признаками необходимо уяснить и отразить для каждого языка. Именно эти соотношения и фиксируются терминами языка-эталона.

Следовательно, в зависимости от целей типологического исследования язык-эталон можно создать для разных элементов языковой системы — членов предложения, частей речи, словообра-

зования, фонематической системы, подсистем в лексике, интонации и т. п. В этом смысле язык-эталон представляет собой инвариант языковой системы, в которой вариантами являются конкретные языки. Задача языка-эталона состоит в том, чтобы создать такую интерпретацию содержания лингвистических высказываний о языках, которая единообразным и непротиворечивым образом объясняла бы с типологической точки зрения все эти высказывания (разумеется, кроме абсурдных).

Выводы, полученные вследствие применения языка-эталона к материалу языковых описаний, составляют суждения о связи общих и особых черт каждой языковой системы или группы систем между собой.

Благодаря языку-эталону выведение лингвистических универсалий и универсалий языка позволяет строить типологические классификации языков, вследствие чего в описаниях может быть упорядочен весь массив языков мира. Типологические классификации фиксируют у групп языков характерные черты, позволяющие им выражать понятийные и образные смыслы. Эти характерные (типологические) черты делают языки переводимыми, т. е. способными выражать разными средствами принципиально однородные значения.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАССИФИКАЦИИ

Сопоставление различных лингвистических универсалий показывает, что они располагаются как бы пучками: некоторое количество таких универсалий помещается в одной и той же точке языкового пространства, т. е. соотносится с группой языковых систем, — это и есть *типологический класс языков*. Так выстраивают типологические классификации языков.

Можно сказать, что, представляя собой выводы из эмпирического исследования материала языков, лингвистические универсалии одновременно складываются в элементарные типологические классификации. Например, универсалия «Языки с морфологически значимым слогоделением не имеют флексий» фактически делит все языки на три группы: флексивные языки (например, русский), нефлексивные (например, монгольский), нефлексивные с морфологически значимым слогоделением (синитические языки). Поэтому элементарных типологических классификаций языков столько, сколько выведено лингвистических универсалий.

Такие элементарные классификации являются всего лишь констатациями фактического положения дел. Они не раскрывают причинных связей типологических характеристик языков между собой. Для раскрытия таких связей и истолкования обусловленности характеристик языкового строя необходимо создание сводных типологических классификаций, вбирающих в себя элементарные классификации, порожденные лингвистическими универсалиями. Приведем примеры типологических классификаций:

Общие:

- грамматическая В. Гумбольдта — А. Шлейхера,
- стадиальная И. И. Мещанинова,
- квантитативная Дж. Гринберга,
- проблемная Ч. Базелла.

Уровневые:

- фонологическая В. В. Шеворошкина,
- морфемная Э. Сепира,
- синтаксическая Ю. В. Рождественского.

ОБЩИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАССИФИКАЦИИ

Образцовую общую классификацию, направленную на раскрытие типологических особенностей языкового строя и различающую понятия: аморфные, агглютинативные, флексивные и дополнительно инкорпорирующие языки, — разработали Гумбольдт — Шлейхер¹.

Ее ядром является строение слова. Признаки языков берутся из отношений синтаксиса морфем к синтаксису слов. При сочетании слов в предложении для выражения целой мысли грамматические отношения могут быть выражены не определенным сочетанием морфем, а только порядком слов. В этом случае язык считается *аморфным*. Выделение аморфного типа языков фактически основано на непризнании в этих языках достаточных оснований для морфологической классификации слов по частным грамматическим категориям. Грамматические значения в языках такого строя выражаются порядком слов. При этом фонетическая организация слова как бы предполагает, что порядок слов воспроизводится в порядке фонем: ограничения на фонемную сочетаемость в принципе здесь такие же, как и ограничения на сочетания слов и на возможный порядок слов.

Сочетания морфем, выражающие частные грамматические категории и через них отношения между словами, тоже могут быть разными. Есть такие сочетания, при которых возникают непредсказуемые с точки зрения морфологии сочетания фонем — это флексия: в слове слитно выражены грамматическое и лексическое значения (словоформы дают совместное изменение звуков кор-

¹ См.: Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избр. тр. по языкоизнанию. — М., 1984; Schleicher A. Zur Morphologie der Sprache // Memoires de l' Academie des sciences de St. Petersbourg, serie VII. — 1859. — T. I. — № 7.

ней и аффиксов). Во флексивных языках аффиксы многозначны, а фонетический состав грамматических форм неопределен. Благодаря флексиям создается возможность для свободных синтаксических перемещений слова в предложении.

Есть и такие сочетания морфем, которые либо не затрагивают фонемного их состава, либо дают предсказуемые комбинации фонем при осложнении корня аффиксами — это *агглютинация*. В таких словах раздельно выражены и грамматическое, и лексическое значения (словоформы, отмечающие изменение грамматического значения слова, выраженного аффиксами, не влияют на звучание корня слова, который сам по себе, лишенный аффиксов, может быть отдельным словом). В языках агглютинативного строя аффиксы подобны служебным словам; здесь сам порядок отношений корней и аффиксов, их последовательность, повторяет последовательность членов словосочетания. Помимо этого, все агглютинативные языки имеют ограничения на сочетания фонем.

Инкорпорирующие языки представляют собой надстройку над этой классификацией, указывающую на способ отношения слова и предложения. Инкорпорация — способ образования слов с синтаксическими отношениями между компонентами посредством соединения морфем (в частности, включение именных и местоименных морфем, иногда в сокращенном виде, в глагольный комплекс). Инкорпорирующий строй обнаруживают, в частности, многочисленные языки американских индейцев, чукотско-камчатские языки, абазинский и некоторые другие: здесь слово и предложение с точки зрения грамматического строя принципиально едины, т.е. каждое предложение представляет собой внутренне грамматически организованное слово — внутрь слова внедряются (инкорпорируются) те грамматические элементы, которые необходимы для формирования высказывания.

Аморфные, флексивные и агглютинативные слова в той или иной пропорции присутствуют в каждом языке. Однако типологическая сложность конкретной языковой системы не означает, что в ней не действует общий основной принцип выражения лексического и грамматического значений в слове. Этот принцип составляет как бы «дух» языка, основу его внутренней формы. Например, в английском языке вследствие процессов заимствования и объединения германских и романских элементов преобладают слова аморфного и агглютинативного типов; но основное ядро словаря хранит в себе слабые и сильные глаголы и элементы флексивного изменения существительных (типа: *man* — *men*, *goose* — *geese*) и т. п. Поэтому английский язык должен быть признан по своей основной генетической сущности флексивным.

В русском языке флексивность занимает меньшее место в сравнении с агглютинацией; нормализация места ударения приводит

к сокращению объема флексивных слов в пользу агглютинативных. Тем не менее этимологическая основа языка представлена флексивными словами, поэтому русский язык также должен быть признан флексивным.

Обращение к этимологическому источнику для определения места языка в типологической классификации необходимо, потому что оно показывает основные его типологические черты. Расширение словаря, в частности, благодаря заимствованиям, особенно из языков с иными типологическими свойствами, может вносить в язык новые типологические качества.

РАЗЛИЧИЕ ОБЩИХ КЛАССИФИКАЦИЙ И ИХ НАЗНАЧЕНИЕ

Типологическая классификация Гумбольдта — Шлейхера, построенная в XIX в., признается основной, сохраняет свое значение и в настоящее время: ни одно лингвистическое исследование не может обойтись без этой классификации. Она отражает самое существенное для типологии — связь определенных аспектов языковой системы — фонетического, лексического и грамматического — в основной единице главного яруса языка — в слове. Слово рассматривается комплексно: с точки зрения фонологии, морфологии и синтаксиса. Уровни лингвистического описания взяты комплексно, в корреляции между уровнями. Поэтому все лингвистические универсалии прямо или косвенно возводятся к этой классификации.

Стадиальная классификация И. И. Мещанинова представляет собой средство описания исторического развития общества и мышления¹. В ней рассматриваются отношения между синтаксическим и морфологическим уровнями в ходе исторического (по стадиям) развития синтаксических структур разных языков с учетом степени развитости мыслительной деятельности на этих языках.

Первая стадия отражает период бесписьменных языков, которые ограничиваются простыми предложениями: назывными и элементарными двучленными; сложные синтаксические конструкции отсутствуют. Высказывания выстраиваются из слов-предложений, так или иначе грамматически оформленных. Подобный синтаксический строй характерен для примитивных в культурном отношении языков, которые И. И. Мещанинов назвал *полисинтетическими*. В первоначальные простые предложения вкладывается вся возможная гамма грамматических значений — модальность, время, лицо и т. д.

¹ См.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. — М., Л., 1945.

Вторая стадия характеризуется состоянием определенной развитости общественного интеллекта, когда человек обретает элементарную логику: возникает расчлененное именование в двучленных и связочных предложениях.

Третью стадию отличает формирование разнообразных второстепенных членов предложения; сами предложения становятся распространенными. Появляется возможность варьировать порядок слов в соответствии с изменением типа мысли.

Четвертая стадия представляет вершину языкового развития, когда создается нормированная литературная речь и возникают разнообразные типы сложных предложений.

Стадиальная теория Мещанинова связывает развитие языка с развитием форм мысли: схема четырех стадий развертывания и усложнения предложения положена в основание классификации языков и классификации народов (по степени их интеллектуальной и культурной развитости). Она построена на текстах этих языков.

Дж. Гринберг предложил так называемую **квантитативную классификацию**¹. Рассматривается текст на каком-либо языке, где слова различаются по пробелам; далее следует анализ словесных структур между пробелами: устанавливается, сколько на корень слова приходится аффиксов. Статистическое соотношение корней и аффиксов, представленное в выборке по текстам, дает определенные языковые классы: если аффиксов существенно больше, чем корней (скажем, 5:1), — это один тип языка; если аффиксов меньше, чем корней (1:5), — другой. При этом, однако, необходимо учитывать жанровую специфику текстов. Например, в научном тексте на русском языке число аффиксов, приходящихся на один корень, существенно выше, чем в текстах фольклорных. Таким образом, текстовая классификация Гринберга, конечно, отражает языковую систему, но одновременно (подобно классификации Мещанинова) устанавливает и степень развития видов словесности в конкретном языке. Доступ к пониманию предложенного варианта анализа языковой системы открывается только при рассмотрении однородных текстов (скажем, фольклорных). Если же в пределах одного и того же языка рассматриваться разные виды текстов, то складывается динамичная картина усложнения языковой культуры.

В XX в. количество типологических классификаций чрезвычайно возросло, их основания усложнились и стали необычайно разнообразными. Потребовалась даже специальная литература, описывающая эти классификации. Ч. Базелл предложил типологическую классификацию языков, основанную на недоумениях и труд-

¹ См.: Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии // Новое в лингвистике. — Вып. III. — М., 1963.

ностях других классификаций¹. Сравнив предшествующие классификации, он установил случаи, когда классификационные характеристики плохо (или почти не) соответствовали реальному языковому материалу. Можно сказать, что в определенном смысле любая типологическая классификация неудовлетворительна, ибо не учитывает какие-то языки или какие-то особенности отдельных языков. Так, русские слова могут быть представлены двумя группами: словами фузионно-флективного образования и словами агглютинативного образования, следовательно, русский язык в части слов фузионный, а в другой части агглютинативный. Базелл проанализировал подобного рода явления и дал критику типологических классификаций, а через нее и собственное суждение об особенностях языков.

Перечисленные классификации признаны фундаментальными, так как они представляют характеристики языка, языковой системы как целостного образования.

УРОВНЕВЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

Существуют также классификации, дающие типологическую характеристику языков по какому-нибудь одному уровню.

Примером может служить **фонологическая классификация** В. В. Шеворошкого². В ней отражено универсальное представление о том, как складываются сочетания фонем в морфемах, слогах и словах. На основе фонемной сочетаемости данных единиц построена классификация языков по важнейшим фонологическим признакам.

Образцовым примером типологической классификации языков на **морфологическом уровне** является также классификация Э. Сепира³, различающая языки по отношениям словообразования и словоизменения. Служебные морфемы по отношению к корням делятся на два типа: релятивные и деривативные. Соотношение релятивных (словоизменительных) и деривативных (словообразовательных) морфем позволяет выделить классы языков: обладающих релятивными морфемами — и не имеющих их, обладающих деривативными морфемами — и без таковых.

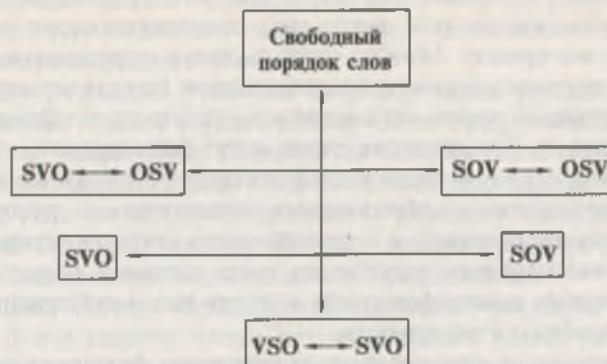
Классификация Ю. В. Рождественского построена по синтаксическим признакам. Она отражает правильные порядки слов в языковых системах. Синтаксическая классификация (схема 49) содержит следующие классы языков (S — подлежащее, субъект; O — дополнение, объект; V — сказуемое, глагол).

¹ См.: Bazell Ch. Linguistic Typology. — London, 1958.

² См.: Шеворошкін В. В. Звуковые цепи в языках мира. — М., 1969.

³ См.: Сепир Э. Язык // Избр. труды по языкоznанию и культурологии. — М., 1993.

Схема 49

Эта классификация основана на следующем принципе: если в языке достаточно ресурсов порядка слов для различения основных членов предложения, то нет необходимости в категориях, отмечающих отношения между основными членами предложения; и наоборот — если таких ресурсов недостаточно, то в языке должны быть категории, устанавливающие отношения между членами предложения (например, падежи) и тем самым различающие их.

Классификация языков по основным членам предложения строится как перечень всех возможных порядков слов. Сюда входят такие варианты:

- а) каждый из основных членов предложения может занимать любую позицию;
- б) на позиции одного или двух членов предложения наложены ограничения;
- в) каждый член предложения может занимать только одну позицию.

Языковые системы отличаются одна от другой степенью свободы позиций основных членов предложения. Максимальной степенью свободы будет обладать язык, где представлены все возможные комбинации: **SVO**, **SOV**, **OSV**, **OVS**, **VSO**, **VOS**. Это языки со свободным порядком слов (таков, в частности, русский). Минимальной степенью свободы порядка слов будут обладать языки, где типична только одна из указанных комбинаций. Возможны также промежуточные случаи.

Скажем, порядки **SOV**, **VSO**, **SVO** подчиняются формулировке универсалии: «Во всех языках объект, как правило, ставится после субъекта»; порядок **OSV** нарушает это правило: здесь имеет место инверсия (перестановка) объекта относительно субъекта. Это значит, что данная универсалия является статистически неполной и, как следствие, неприменимой к некоторым языкам (хотя и принципиально корректной).

В основу синтаксической классификации положены следующие признаки:

1. Положение глагола-сказуемого в предложении. Оно может быть: левым маргинальным (крайним), медиальным (центральным) и правым маргинальным.

2. Количество возможных порядков слов в данном языке: один порядок слов, два порядка слов, более двух (много) порядков слов.

Позициями **SOV** и **SVO**, поскольку в них представлен только один порядок слов, характеризуются языки с неизменным связанным порядком слов. При этом **SOV** — неизменный маргинальный порядок слов; **SVO** — неизменный медиальный порядок слов.

Формулы **SVO ← OSV** и **SOV ← OSV** представляют связанный соотносительный порядок слов: фиксируется обязательная пропозиция субъекта глаголу, а субъект и объект могут меняться местами. **VSO → SVO** отражает порядок слов с глагольной пропозицией, так как здесь глагол можно ставить на первое место в предложении. При этом **VSO → SVO** — строгая пропозиция, поскольку здесь порядок **VSO** имплицирует порядок **SVO** и только его; при нестрогой глагольной пропозиции такое ограничение отсутствует.

Соответственно этому можно предложить дифференциальные лингвистические признаки, определяющие систему, которая является в то же время типологической классификацией языков на синтаксическом уровне. Существенных признаков три:

- Возможность / невозможность переднего маргинального положения сказуемого.
- Возможность / невозможность заднего маргинального положения сказуемого.
- Возможность / невозможность только двух порядков слов — двух правил расположения основных членов предложения.

В таблице 49 представлены все типы порядка слов через указанные признаки.

Данная классификация строго различает каждую языковую систему: ни одна из них не может быть отнесена одновременно к двум выделенным этой классификацией областям.

Неизменный медиальный порядок слов характерен для языков банту, неизменный маргинальный порядок слов — для амхарского и персидского. Связанный соотносительный порядок слов представлен в китайско-тайских и мон-кхмерских языках, связанный несоотносительный — в тюркских, монгольских, японском, корейском, тибето-бирманских и многих кавказских языках. Строгая глагольная пропозиция характерна для классического арабского языка. Нестрогая глагольная пропозиция — для многих индоевропейских языков (в частности, для русского и исландского), а также для всего массива малайско-полинезийских языков.

Таблица 49

Порядок слов	Положение сказуемого		Только два порядка слов
	переднее маргинальное	заднее маргинальное	
Неизменный			
медиальный	—	—	—
маргинальный	—	+	—
Связанный			
соотносительный	—	—	+
несоотносительный	—	+	+
Глагольная препозиция			
строгая	+	—	+
нестрогая	+	+	—

Важно отметить, что место любого языка может быть точно определено в классификации, если перечислить порядки слов, характерные для этого языка.

Классификация языков на синтаксическом уровне имеет определенные соответствия с другими типологическими классификациями.

Исторические изменения типологических характеристик языка определяются терминами «синтез» и «анализ». Синтаксическая классификация языков позволяет подойти к объяснению этих явлений в языковом строе.

Под синтезом понимается преобладание числа и роли служебных элементов в слове (аффиксов). Под анализом — преобладание, в частности, порядка слов как средства выражения грамматического значения. Синтез и анализ как процессы модификации основной типологической характеристики языка исторически наблюдаются (так, в индоевропейских языках заметно усилились черты аналитизма по сравнению с их древним состоянием) и инициируют вопрос об их истории и причинности. Для выяснения причин таких изменений необходимо объединение данных о языке-эталоне, универсалиях и типологических классификациях языков.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Рассмотрение типологических свойств языка направлено на то, чтобы понять, как материал речи, организованный разными язы-

ковыми системами, может выразить смысл (любой или конкретный). Типологическая теория для объяснения этого предлагает понятия «членораздельность языка» и «способ членораздельности языка».

Членораздельность языка в типологии понимается как общие свойства организации материала речи. Для выражения смысла звуки должны быть организованы в их качественной определенности; должны быть определены правила сочетаний звуков, представляющих в своих соотношениях лексические и грамматические значения языка (членораздельность организации смысла).

Способ членораздельности языка представляет конкретную реализацию данных общих свойств: имеется в виду состав звуков определенного языка, их качественная значимость и правила сочетания в этом языке.

Соотношение собственно членораздельности и способа членораздельности определяет типологические свойства языка. Эта связь зафиксирована в корреляции языка-эталона и конкретного языка. Рассмотрение лингвистических универсалий показывает как бы позиции, в которых реализация одних черт способа членораздельности языка обусловлена присутствием других его черт. Если одна черта вызывает другую (например, морфологическая значимость слогоделения определяет отсутствие флексии), то это значит, что имеются связанные и свободные варианты типологических свойств языка. Изменение типологических черт языка начинается тогда, когда меняется позиционная обусловленность реализации некоторых из них. Скажем, если в китайском языке слогоделение перестанет быть морфологически значимым, то изменятся и остальные типологические признаки этого языка.

Рассмотрение совокупности лингвистических универсалий, приложимых к определенному языку, и соотнесение их с его местом в типологической классификации позволяет обнаружить типологическую особенность этого языка, от которой зависят все остальные его особенности. Такая типологическая черта называется **доминантой языкового строя** (термин предложен Г. П. Мельниковым). Скажем, доминантой строя арабского языка можно считать отсутствие процессов аккомодации, доминантой строя китайского языка — ярко выраженные процессы аккомодации и т. д. Характер фонетических процессов влияет на комплектование морфем из звуков речи при относительно ограниченном составе морфем любого языка. Тип фонетических процессов, обращенных на ограниченный состав морфем, определяет их фонетические особенности, т. е. способы образования морфем из звуков, и отношение морфемodelения к слогоделению.

Другой доминантой строя языка является синтаксическое строение предложения. Порядок слов как грамматическое средство

дополняется другими грамматическими средствами: падежами, служебными частями речи, интонацией.

Согласно типологической классификации, тип слова определяется соотношением фонетической и синтаксической доминант. Поэтому изменение характера фонетической или синтаксической доминанты (или их обеих) влечет за собой изменения в остальных типологических характеристиках языка.

Достоверность этого вывода устанавливается, во-первых, путем синхронного сравнения типологических черт разных языков, во-вторых, в результате наблюдений над диахроническими изменениями одного и того же языка.

Таким образом, типология показывает причинную связь организации материала разных ярусов языка.

ЛЕКЦИЯ 16

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (КОМПАРАТИВИСТИКА)

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Сопоставительное, сравнительно-историческое и типологическое языкоzнание реализуют три подхода при описании времени бытия языка: соответственно синхронический, диахронический и панхронический (сравнительное изучение языков вне зависимости от временных изменений). Соотношение этих трех подходов представлено в таблице 50.

Каждый из методов сравнительного языкоzнания выделяет в системе языка свой состав единиц. Сопоставительное языкоzнание в первую очередь рассматривает слово и предложение; сравнительно-историческое — фонемы и морфемы; типология изучает ярусы языковой системы и связи между ними. Таким образом, сравнительные методы охватывают всю языковую систему, состоящую из ярусов, которые, в свою очередь, выстраиваются из соответствующих единиц. Совокупно они дают детализированную, научно выверенную картину изучаемых языков¹. Эта картина оказывается выстроенной методологически единообразно.

Сравнительно-историческое языкоzнание рассматривает формирование конкретных значений (лексических и грамматических) и эволюцию их выражения в языковой форме в связи с историей данного языка. Оно дополняет типологию языков, которая исследует языковую форму как средство выражения значений.

Сравнительное языкоzнание, таким образом, не только решает проблемы фундаментальной теории языка, но и всегда ориентировано на их практическое приложение к системному описанию.

¹ На фоне этих научных дисциплин определяется предмет курса «Введение в языкоzнание», который служит для отбора и истолкования лингвистических понятий, связывающих между собой все языковедческие дисциплины. Это значит, что понятия, излагаемые в курсе, являются отправными для любого языковедческого исследования: термины науки о языке и их понятийное содержание остальные лингвистические дисциплины принимают без специального истолкования как заданные общей традицией развития научного языкоzнания.

Текущее состояние общественно-языковой практики, развитие массовой коммуникации и мультимедиа предполагают определенный тип отбора и интерпретации основных понятий лингвистики. Этот отбор делается для того, чтобы ученик-филолог мог с успехом работать в постоянно усложняющихся условиях современной жизни.

Таблица 50

Метод языкоznания	Лингвистическое время	Языковые явления	Результаты описания
Сопоставительный	Синхрония	Все части языка	Обогащение языка
Сравнительно-исторический	Диахрония	Генетически общие и не общие	Определение места языка среди родственных
Типологический	Панхрония	Структурно общие и не общие	Знание о структуре языка

ПРИНЦИПЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Метод сравнительно-исторического языкоznания базируется на следующих теоретических принципах:

1. Событие, имевшее место в языке, не может повториться. Это значит, что если, например, произошло какое-то изменение произношения, зафиксированное в языковой системе, то это изменение в данном языке больше никогда не произойдет (的独特性 новаций).

2. Событие в языке имеет место (гуманитарное) и время (относительное). Уникальность новации определяется местом и временем, которые понимаются не как физические (т.е. не как место и время материальной точки), а как гуманитарные явления: как некоторый этап истории (время) и становление самой языковой системы (место).

Языковая система существует в пределах пространства всего языка, т.е. везде и нигде с физической точки зрения, поэтому здесь требуется применение понятий «синхрония» (состояние взаимосвязанных явлений, их системы в определенный момент развития) и «диахрония» (состояние каких-нибудь явлений, их системы в истории, в процессе развития). Синхрония и диахрония характеризуют это физически не ощущимое место и не определяемое хронологией время (скажем, от Рождества Христова, от всемирного потопа и т.п.). Иными словами, это — условное место, характеризующее бытие языкового объекта, и условное время, определяющее этапы развития его истории.

3. Событие допускает этиологическое объяснение, но не допускает прогноза.

Этиология (греч. αἰτιολογία ‘исследование причин, разыскивание причинной связи’) — учение о причинах возникновения явлений. В нашем случае — это объяснение, обусловленное проис-

хождением: можно установить историю возникновения той или иной формы в языке — является ли она заимствованной, представляет ли собой результат внутреннего развития и т.п. Однако невозможно предсказать, как данная форма станет развиваться в будущем: это не может быть отслежено проспективно, допускается только ретроспекция.

4. Сумма событий в истории объясняет современное состояние языка. Данный принцип является следствием предыдущего: исторические события могут объяснить положение дел в настоящем — и только.

Эти четыре принципа приложимы к любому гуманитарному исследованию. В частности, здесь отражено и принципиальное различие между типологией и историей: типология имеет дело с материальными объектами, которые могут быть воспроизведены; в то время как история имеет дело с событиями, которые воспроизведены быть не могут. Анализ в сравнительно-историческом языкоznании начинается с определения языков, которые могут восходить к общему источнику (праязыку), т.е. предположительно родственных. Это значит, что оно занимается изучением языков, ведущих свое происхождение от общего предка: такого языка, который в настоящее время не существует как живой, но черты которого так или иначе представлены в сохранившихся письменных и бесписьменных языках.

ПРЕДПОСЫЛКИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРАВНЕНИЙ

Лингвистическая наука устанавливает сходство в звучании и значении слов разных языков: не тождество, а именно сходство — в случае тождества установить генетическое родство невозможно; языки, имеющие общее происхождение, не могут быть одинаковыми. До начала сравнительно-исторического исследования гипотеза о родстве группы языков поддерживается наличием некоторого количества слов, имеющих сходное звучание и значение.

рус.	ст.-слав.	болг.	серб.	словен.	чеш.	словац.	польск.
<i>Молот</i> ,	<i>млать</i> ,	<i>млать</i> ,	<i>млāт</i> ,	<i>mlat</i> ,	<i>mlat</i> ,	<i>mlot</i> ,	<i>mlot</i> ,
<i>Борода</i> ,	<i>брада</i> ,	<i>брада</i> ,	<i>брада</i> ,	<i>brada</i> ,	<i>brada</i> ,	<i>brada</i> ,	<i>broda</i> ,

общеслав.	<i>*moltъ</i> ,	<i>*borda</i> .		

Н.-нем.	гот.	др.-анг.	в.-нем.
<i>Water</i> ,	<i>wato</i> ,	<i>water</i> ,	<i>Wasser</i> ‘вода’
<i>weten</i> ,	<i>witan</i> ,	<i>witan</i> ,	<i>wissen</i> ‘знать’
<i>breken</i> ,	<i>brīkan</i> ,	<i>brekan</i> ,	<i>brechen</i> ‘ломать’

Однако факт сходства звучания и значения сам по себе еще не доказывает языкового родства, так как подобное сходство может

быть следствием культурного влияния. Например, в японском языке до 70 % слов — китайского происхождения, но это языки не родственные. Тем не менее, сходство словаря — исключительно важный признак возможного родства языков, ибо позволяет установить круг языков, подлежащих исследованию: гипотеза о возможном родстве ограничивает сравниваемый состав, отводя заведомо неродственные.

Сравнение предположительно родственных языков начинается с сопоставления словарей. В составе общего словаря могут находиться как исконные слова, так и заимствования. Для того чтобы исключить заимствования, в сближаемых языках берутся те смысловые группы, которые представлены словами, характерными для соответствующего уровня развития культуры, т.е. теми, которые по своему значению могли бы оказаться наиболее древними. Рассмотрению подлежат:

- 1) термины родства;
- 2) названия частей тела;
- 3) имена богов;
- 4) названия элементов ландшафта и явлений природы;
- 5) названия животных — диких и домашних;
- 6) названия растений — хозяйственных и дикорастущих;
- 7) названия хозяйственного инвентаря;
- 8) названия простых видов пищи;
- 9) простые числительные.

Особую группу составляют глаголы и прилагательные — слова со значением признаков предметов и явлений. В этой области лексики также есть своя иерархия. Так, глаголы чувствования, движения и действия входят в базисную часть словаря; к этой же части относятся прилагательные, обозначающие простейшие качества и основные названия цвета. Относительные прилагательные и сложные по образованию прилагательные, равно как и сложные глаголы, обозначающие тонко дифференцированные действия, считаются словами уже более высокого культурного уровня.

Устанавливается хронологическая иерархия смысловых групп: скажем, термины родства, названия частей тела, имена богов и названия частей ландшафта — хронологически более ранние, чем система числительных, которая в свою очередь относится к более раннему периоду, чем названия злаков и хозяйственного инвентаря.

Смысловые группы слов, объединяющие предположительно самые древние пласти лексики, должны быть равно представлены в сравниваемых языках, так как в бесписьменных языках отсутствует лексика, связанная с цивилизацией (слова, выражают понятия о государстве, гражданстве, относящиеся к документально-письменной речи и т.п.). Слова выделенных смыслово-

ых групп сравниваются в предположительно родственных языках, что дает возможность составить предварительное представление о вероятной степени родства между ними: чем ближе и чем «новее» общность лексики в смысловых группах, тем более близки языки.

Так формируется база сравнения языков. Построенная гипотеза требует последующего уточнения и проверки: установленный общий словарь сравниваемых языков подвергается морфологическому и фонетическому анализу. Для этого выработана серия специальных процедур.

ПРОЦЕДУРЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

Рассмотрим эти процедуры в порядке их следования.

I. Разделение близких по звучанию и значению слова на морфемы, для того чтобы выявить исконные части языка, чтобы сравнить их с подобными частями в родственных языках. Таковы являются морфемы, прежде всего окончания склонения и спряжения (флексии).

II. Сопоставление близких по звучанию и значению аффиксы в разных языках. При поморфемном сравнении обнаруживается, что у родственных языков системы склонения и спряжения однородны: они дифференцируют грамматические категории либо при помощи одних и тех же морфем, либо при помощи значимого пропуска какой-то морфемы.

Представленное в таблице 51 сопоставление слов из выбранных для анализа языков показывает их системную близость.

Таблица 51

Грамматическая категория лица	Сопоставляемые языки				
	Санскрит	Греческий	Латинский	Готский	Старославянский
Единственное число					
1-е	<i>bharv̥mi</i>	φέρω	<i>fero</i>	<i>baira</i>	верж-
2-е	<i>bharasi</i>	φέρεις	<i>fers</i>	<i>bairis</i>	верешь
3-е	<i>bharati</i>	φέρετ	<i>ferit</i>	<i>bairio</i>	вереть
Множественное число					
1-е	<i>bharatas</i>	φέρομεν	<i>ferimus</i>	<i>bairam</i>	веремъ
2-е	<i>bharatha</i>	φέρετε	<i>fertis</i>	<i>bairio</i>	верете
3-е	<i>bharanti</i>	φέρονται	<i>ferunt</i>	<i>bairand</i>	вержть

III. Проверка, возможны ли составить из этих аффиксов единую систему. Обычно аффиксы родственных слов при систематическом сравнении выстраиваются в определенную систему, где представлены общие и необщие элементы. Словоизменительные категории, т. е. склонение и спряжение, в каждом из родственных языков исследуются именно как системы. При этом определяющее значение имеет представленность или непредставленность рассматриваемой системы категорий в сравниваемых языках (например, во французском языке нет именного склонения, тогда как, скажем, в латинском, русском, санскрите она есть). Представленность тех или иных систем категорий позволяет расположить языки в хронологическом порядке (как в случае с наличием общей лексики — в хронологической иерархии смысловых групп). Это дает возможность построить на чисто грамматическом основании гипотезу о расположении языков в хронологическом порядке. Сравнение грамматической и лексической гипотез создает условия для их взаимного уточнения, а также уточнение места языковых систем в хронологической иерархии.

IV. Возможность построения единой системы, дает основание считать эту систему прототипом грамматики праязыка (языка-предка сравниваемых языков).

V. Сопоставление близких по звучанию и значению корней слов. Вслед за аффиксами сравниваются корни гипотетически родственных языков, что позволяет обнаружить фонетическое сходство и несходство рассматриваемых элементов:

санскр. *pitar*, др.-греч. *πάτερ*, лат. *pater* 'отец';
санскр. *matar*, др.-греч. *μήτηρ*, лат. *mater* 'мать'.

VI. На основании сходства и несходства корней слов разных языков устанавливаются их фонетические соответствия.

Степень родства языков определяется отношением количества общих морфем к количеству общих слов. Чем выше преобладание в таком соотношении морфем, тем более генетически близкими считаются рассматриваемые языки; и наоборот, если преобладают общие слова, то данные языки весьма далеки.

VII. Сопоставление близких по звучанию и значению корней и аффиксов, принадлежащих к разным синхрониям одного языка. Такое сопоставление раскрывает динамику происходящих в языке изменений.

VIII. Выведение фонетических законов, которые, в отличие от фонетических соответствий, представляют собой суждения вида: «если... то...» (импликации: «Если в языке *X* в позиции *I* находится звук *a*, то в языке *Y* в позиции *I* или в позиции *II* находится звук *b* или *g*»). Если устанавливается историческая преемственность сравниваемых языков, то соответствия в звуках общих слов, корней и аффиксов получают статус фонетических законов, которые устанавливаются сравнением звуков по их позици-

ям в словах и морфемах. При сравнении слов, объединенных родством в смысловых группах, а также корней и аффиксов, обнаруживающих материальное родство, можно увидеть определенные закономерности в заменах звуков, располагающихся на одних и тех же местах в сближаемых словах, корнях и аффиксах. Можно убедиться, что каждому такому звуку в одном языке соответствует некоторый определенный звук (или ноль звука) в другом языке.

В качестве примера рассмотрим — закон Я. Гримма, согласно которому:

1) индоевропейским глухим взрывным соответствуют германские глухие щелевые:

и.-е. *p* → общегерм. *f*
греч. *πός*, лат. *pes* → гот. *fu¹is* 'нога'

и.-е. *t* → общегерм. *φ*
санскр. *vartati*, лат. *verti* 'вертеть' → гот. *wairfan* 'становиться';

и.-е. *k* → общегерм. *h*
греч. *δέκα*, лат. *decem* → гот. *taihun* 'десять';

2) индоевропейским звонким придыхательным соответствуют германские звонкие взрывные:

и.-е. *bh* → общегерм. *b*
санскр. *bhrata* → гот. *brofar* 'брать';

и.-е. *dh* → общегерм. *d*
санскр. *dadhami* 'сделать' → гот. *gadeψs* 'действие';

и.-е. *gh* → общегерм. *g*
санскр. *ghu* 'издавать звуки' → гот. *giutan* 'лить';

3) индоевропейским звонким взрывным соответствуют германские глухие взрывные:

и.-е. *β* → общегерм. *p*
греч. *βαίτη* → гот. *paida* 'одежда';

и.-е. *θ* → общегерм. *t*
греч. *θόρακ*, лат. *edo* → гот. *θian* 'есть, кушать';

и.-е. *g* → общегерм. *k*
греч. *γόνυ*, лат. *genu* → гот. *kniu* 'колено'.

Такого рода регулярные соответствия (корреспонденции) подтверждают гипотезу о родстве германских языков с прочими индоевропейскими языками.

IX. Сравнение фонетических законов и фонетических соответствий, чтобы четко разделить производные явления и явления параллельного развития. Эволюция звуков, морфологического состава слова и фонетического состава морфем позволяет зафиксиро-

ровать историческую непрерывность и изменчивость языков. Все языки, гипотетически выделенные как родственные, признаются таковыми лишь тогда, когда доказана непрерывность эволюции их звуков и морфемного состава вплоть до современного состояния.

Х. Построение общей реконструкции фонетики прайзыка. Реконструкция — теоретическое (гипотетическое) описание некоторой языковой системы (ее частей, форм), к которым возводятся сближаемые языки. Общей называется реконструкция какого-либо яруса языка (например, реконструкция звукотипов фонетического яруса, реконструкция парадигм склонения и спряжения). Реконструируются состояния языка, не данные в памятниках письменности, но предполагаемые.

Так, известный немецкий компаративист К. Бругман (K. Brugmann, 1849—1919) реконструировал фонетический облик индоевропейского прайзыка, каким он должен был выглядеть перед началом распада на отдельные языки общеиндоевропейской языковой общности:

Гласные

В сонантной функции — i ī, u ū, e ē, a ā, ə,
В консонантной функции — j, ȳ.

Носовые

В консонантной функции — ɳ, ɳ̄, n, m,
В сонантной функции — ɳ ɳ̄; ɳ̄ ɳ̄; ɳ ɳ̄; m m̄.

Плавные

В консонантной функции — r, l,
В сонантной функции — ɻ ɻ̄; l̄ l̄.

Взрывные

p, b, ph, bh,
t, d, th, dh,
k, g, kh, gh,
q, ȝ, qh, zh.

Гортанная смычка (spiritus lenis) — i. -e.*¹estī, dr.-gr. ēstī.
Шелевые — s, z, j, v¹.

Реконструкция производится по данным двух и более языков, зафиксированных письменными памятниками. Так, для реконструкции общеславянского языка берутся звукотипы известных славянских языков и восстанавливаются (т. е. предполагаются) звукотипы общеславянского языка до его разделения на восточные, западные и южные славянские. Реконструкция представляет собой гипотетическую модель прошлой исторической реальности — модель, в которой отражена определенная сово-

купность черт ушедшего явления. Эта модель может быть более или менее достоверной.

ПРОБЛЕМА ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

Для приближения модели к подлиннику в общей реконструкции используются генеалогическая классификация языков, которая строится в два этапа.

1. Материально родственные языки объединяются в семьи. Средством обнаружения материального родства языков может выступать анализ языковых форм в их отношении к значению.

2. Внутри каждой семьи языки описываются как имеющие ту или иную степень близости, в соответствии с чем они подразделяются на группы, подгруппы и т. д.

В генеалогической классификации каждый язык располагается в определенных исторических отношениях к другим языкам. Так, современные романские языки развились путем непрерывной эволюции из латинского языка. Доказано, что расхождение (и в результате) этих языков началось с устно-разговорных диалектов латинского языка, существовавших одновременно с классической литературной латынью. В любом литературном языке фиксируются лишь некоторые черты устно-разговорного языка, который почти всегда имеет различия в диалектах. Тем не менее классический латинский в какой-то мере обобщает данные диалектов, существовавших с ним, и поэтому может интерпретироваться как романский прайзык.

В славянских языках дело обстояло иным образом. Старославянский язык, основанный на одном из диалектов древнеболгарского языка, оказал сильное влияние на другие известные славянские языки, однако они не могут быть связаны со старославянским отношением непрерывной эволюции. Поэтому приходится реконструировать гипотетический общеславянский язык-предок, объединяющий в себе черты всех славянских языков (в том числе и старославянского).

Приведенные примеры показывают, что предмет реконструкции (в нашем случае индоевропейских языков) зависит от:

- генеалогической классификации, разделяющей эти языки на группы — индийскую, иранскую, романскую, славянскую, германскую, кельтскую и т. д. (систематика языков дается как последовательное дробление широкого языкового пространства на все более мелкие группировки; пределом такого дробления являются системы отдельных языков);

- состояния письменной фиксации древних и новых языков и взаимного отношения современных языков.

¹ См.: Brugmann K. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. — Stassburg, 1886. — Bd. I. — S. 20.

Группировка языков в генеалогической классификации обусловлена их близостью друг другу и контролируется принципом непрерывности языковой эволюции, определяемой прежде всего по фонетическим законам: наиболее близкие языки должны иметь больше общих фонетических законов, причем эти законы должны были действовать в то время, когда эти языки представляли собой единство.

Поскольку фонетические законы реализуются каждый в определенном отрезке исторического времени и на своем языковом материале, постольку они подчеркивают общественно-исторический характер языка (например, законы естествознания, в отличие от фонетических, действуют как причинно-следственные отношения вне исторического времени и всегда одинаково).

Генеалогическая классификация языков представляет собой историю действия фонетических законов, и как реконструкция постоянно уточняется по мере раскрытия новых фактов, открытия новых языков данной системы, новых фонетических законов.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Материалы разных языков, служащие для реконструкции явлений, обобщаются по принципу восстановления инварианта по вариантам. При этом исходные данные считаются вариантами, а результат реконструкции — инвариантом. Для завершения процедур сравнительно-исторического метода требуется сделать следующие шаги (чтобы подчеркнуть взаимосвязанность процесса продолжаем нумерацию, начатую на с. 313—316).

XI. Сопоставить прототип грамматики праязыка с реконструкцией его фонетики и дать общее описание праязыка¹.

XII. Провести частную реконструкцию (реконструкцию слов) праязыка.

Частной называется реконструкция отдельных языковых единиц (например, конкретных аффиксов или корней, из которых выстраиваются слова), т. е. представляет собой реконструкцию слов, а не языковых систем. Общая реконструкция удается, если оказывается возможным логично выстроить картину частной реконструкции (скажем, 40 или 50 слов): это становится доказательным основанием для утверждения о генетическом родстве группы языков, базисный состав лексики которых, несомненно, восходит к реконструированной праязыковой.

¹ Первое полное описание индоевропейского праязыка как целостной системы форм представил выдающийся немецкий лингвист Август Шлейхер (1821—1868) в своей фундаментальной работе «Компендиум сравнительной грамматики индогерманских языков»: Schleicher A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. 1—2. — Weimar, 1861—1862.

и.-е. *p^[h]Ht^[h]er- 'отец':

тох. A *pācar*, B *pācer*, санскр. *pitār-*; авест. *pītar-*; арм. *hayr*, греч. *πατέρ*; лат. *pater*, др.-ирл. *athir*, гот. *fadar*, др.-анг. *fæder* (анг. *father*); др.-в.-нем. *fater* (нем. *Vater*).

и.-е. *māHt^[h]er- 'мать':

тох. A *mācar*, B *mācer*, санскр. *mātār-*; авест. *mātar-*; арм. *mayr*, греч. *μήτηρ*; лат. *mater*, др.-ирл. *máthir*, др.-в.-нем. *muoter* (нем. *Mutter*); др.-анг. *mōdor* (анг. *mother*); латыш. *māte*; прус. *mūti*, *mothe*; ст.-слав. *mati*.

и.-е. *p^[h]ot^[h]- 'муж, хозяин, господин':

тох. A *pats*; др.-инд. вед. *pāti-*; авест. *paiti-*; греч. гом. *πόσις*; гот. *brūp-faþs* 'жених'; лит. *pāts*; ст.-слав. *ропрēga* 'жена, разведенная с мужем'.

и.-е. *k^oen- 'жена, женщина':

тох. A *sām*, B *sána*; санскр. *jáni-* (ср. *gnā* 'богиня, жена бога'); авест. *jaini-*; перс. *zān*; арм. *kin*; греч. гом. *γυνή*; гот. *qinō*; др.-в.-нем. *quena*; др.-анг. *swene*; др.-ирл. *ben*, *bē*; алб. *zónjë*; прус. *gennō*, зват. п. 'жен-щина!'; ст.-слав. *žena*.

и.-е. *sujo- // *sūnu- 'сын':

тох. A *se*, B *soy*, род.п. *seyi*; греч. *νιός*, *νιός*; арм. *ustr* (по аналогии с *distr* 'дочь'); санскр. *sūnū-*; авест. *hunus*; гот. *sunus*; др. исл. *sunr*, др.-анг. *sunu* (анг. *son*); др.-в.-нем. *sunu* (нем. *Sohn*); лит. *sunūs*; ст.-слав. *synъ*.

и.-е. *d^[h]ug^[h] Ht^[h]er- 'дочь':

тох. A *ckācar*, B *tkācer*, санскр. *duhitār-*; авест. *dugədar-*, *duydar*, перс. *duxtar*, *duxt*; арм. *dustr*; греч. *δυγάτηρ*; оск. *fuitr*; гот. *daūhtar*, др.-в.-нем. *tohter* (нем. *Tochter*); др.-анг. *dohtor* (анг. *daughter*); прус. *duckti*; лит. *duktė*; ст.-слав. *dūsti* и т. д.!

Частная реконструкция создается на основе общей реконструкции. Для первой необходима общая реконструкция единиц нежелящего яруса, наличие в языках соответствующего материала и знание фонетических законов, которые связывают эти языки с праязыком. Частная реконструкция сложных единиц праязыка позволяет проследить судьбу их изменений в разных языках и благодаря этому объяснить строение единиц современных языков. Это значит, что сравнительно-исторический метод обращен на современные языки: чем далее в глубь истории прослежена судьба какого-либо языка, тем более обстоятельно и широко освещено его современное состояние.

ЭТИМОЛОГИЯ

Процедуры сравнительно-исторического метода завершаются этимологическим анализом.

¹ См.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1984. — Т. 2. — С. 758, 765—766.

XIII. На основании частной реконструкции приводится научная этимология как гипотеза, которая обосновывается:

- значениями слов в родственных языках;
- энциклопедическими значениями по текстам;
- фонетическими законами и соответствиями;
- морфологическим составом слова.

В этимологии рассматриваются соотношения (корреспонденции) между многими языками. Анализ начинается с выделения совокупности элементов, обнаруживающих системные отношения в пределах смысловой группы. Затем, сравнивая системы двух и более языков, анализируются смысловые отношения каждого из элементов одного языка к каждому из элементов другого или других языков. В результате устанавливаются семантические связи между сближаемыми элементами разных систем — этимологии — системы значений, объединяющих корреспондирующие формы. Совокупность этимологий дает возможность определить пути образования и изменения значений (в частности, таких как метафора, функциональное замещение и т. п.).

Принцип связи систем через их элементы, объединенные по этимологическому критерию, делает возможным сравнение любых систем при наличии их этимологического сближения. Совокупность этимологий какого-то одного языка раскрывает систему семантических связей этого языка со всеми прочими языками. Картина связей, формируемая сопоставлением этимологий, в отличие от той, которая представлена в универсальной грамматике, характеризуется двумя важными особенностями:

- совокупность этимологий одного языка является картину его материальных связей с другими языками через систему значений (универсальная грамматика материальные связи не исследует);
- совокупность этимологий в качестве единицы отсчета избирает материально представленную языковую систему (универсальная грамматика за единицу отсчета принимает систему не языка, а идеализированных понятий).

Сказанное наглядно демонстрирует различия методов универсальной грамматики и сравнительного языкознания.

Указанные особенности этимологии позволяют сделать следующие шаги. Здесь в принципе возможны два направления исследования.

Можно определять степень близости языков, не ориентируясь на особенности их внутреннего развития и изменения материала, а связывая языки в первую очередь с учетом наличия или, соответственно, отсутствия культурной общности народов, на них говорящих, наличия или отсутствия территориальной близости и т. п., т. е. в зависимости от интенсивности действия сугубо количественных факторов. В этом случае речь идет о языковых союзах и интерференции языковых систем. Количество и характер

этимологически сближаемых элементов разных языков демонстрируют иерархию связей внутри некоторой совокупности языков.

Другое направление исследования прежде всего считается с особенностями внутреннего изменения материала языков. Данный подход основан на установлении так называемого материального родства, которое уже само по себе служит основанием для определения уровня культурной общности народов, которые говорят на этих языках. При таком подходе количество соответствий между языками не играет решающей роли для установления их родства.

Принцип материального родства языков, которое воплощается в генеалогической классификации языков и реконструкциях, базируется на отделении от исконной лексики заимствований. После этого сравниваются только единицы исконной лексики, и степень близости устанавливается как по их количеству, так и по объему и иерархии изменений, произошедших в лексическом материале: чем больше обнаруживается изменений в материале исконной лексики, тем о большей удаленности одной языковой системы от другой они свидетельствуют.

Таким образом, этимология — это как бы общий итог применения сравнительно-исторического метода. Она является собой историческое обоснование внутренней формы современного языка, т. е. специфического для данного языка способа передавать звуками значения. Сравнительно-исторический метод раскрывает внутреннюю форму языка относительно всей совокупности связей звука и смысла: общих отношений способов выражения лексического и грамматического значений в слове, развития и видоизменения звуков речи, истории форм словаобразования.

Такова в принципиальном ее виде последовательность процедур сравнительно-исторического метода.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИМ МЕТОДОМ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СЕМЕЙ

Сравнительно-исторический метод развивался главным образом на материале индоевропейских языков, другие языковые семьи обследованы недостаточно, за исключением, возможно, семитской семьи. Степень изученности семей может быть условно представлена в таблице 52.

Как явствует из таблицы, наиболее развиты, как мы уже отмечали, исследования на материале индоевропейских языков. Описание других языковых семей, в лучшем случае, представляет собой усеченный вариант сравнительно-исторического анализа. Не-

Языковые семьи	Части метода					Этимология
	Морфологические соответствия	Фонетические соответствия	Фонетические законы	Общая реконструкция	Частная реконструкция	
Индоевропейские	+	+	+	+	+	+
Семитские	+	+	+	+	-	?
Тюркские	+	Частично	-	-	-	?
Монгольские	+	+	+	+	-	?
Китайско-тибетские	-	По диалектам	По истории литературного языка	+	+	+
Малайско-полинезийские	+	-	-	-	-	?
Банту		Частично		-	-	?
Дравидийские		Частично	Частично	-	-	?

которые языковые семьи и отдельные языки, не приведенные в таблице, либо только начинают изучаться, либо обследованы очень мало.

ПРИМЕНЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА К ИЗУЧЕНИЮ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА

Сравнение родственных языков дает чисто теоретическое знание, которое получает приложение не в лингвистике, а скорее в области этнической истории народов и в истории мировой культуры, отчасти в этнографии.

В области лингвистики практическое приложение сравнительно-исторического метода возможно в тех случаях, когда его принципы применяются к отдельному языку, для того чтобы описать многообразие его форм.

В полном объеме описанные процедуры применимы при изучении диалектов одного языка. Для этой цели обобщаются научные данные о диалектах, обычно путем анкетирования и прямых наблюдений над диалектами в полевых условиях. Собранные данные можно суммировать в географических атласах, после чего составляются диалектологические карты. На них наносится информация о лексических, грамматических и фонетических диалектизмах, отмеченных в том или ином языке. Сходные явления соединяются линиями — изоглоссами. Совокупность изоглосс демонстрирует границы каждого диалекта, а также области их пересечения: в тех случаях, когда явления, присущие одному диалекту, выходят на «территорию» другого.

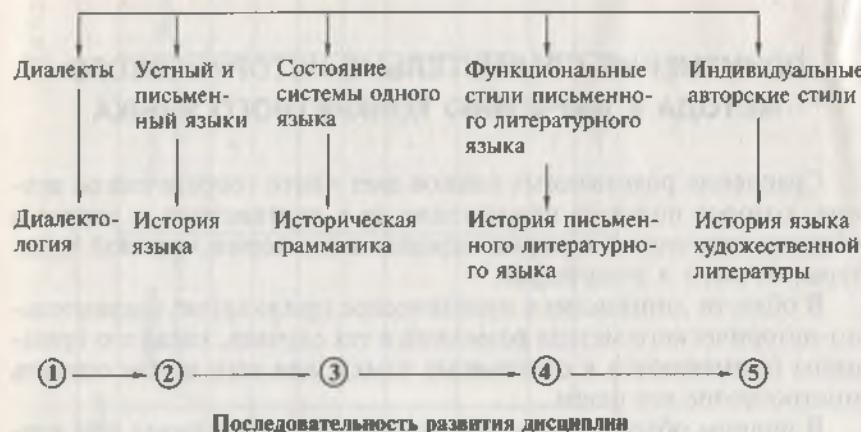
Эти исследования позволяют проследить фонетические и морфологические соответствия диалектов и наметить фонетические законы, действовавшие на данной территории до становления литературного языка. Так складывается предмет диалектологии¹.

Применение сравнительно-исторического метода позволяет определить взаимное соотношение диалектизмов и фактов литературного языка. Последние исследуются не только в письменной, но также и в устной форме: выделяется устный литературный язык со всеми присущими ему особыми нормами. При контакте устного литературного языка с диалектами вырабатываются различные формы просторечия. Они могут быть не только реконструированы по устным прецедентам речевого обихода, но и подтверждены памятниками письменности: прежде всего пись-

¹ Классическими трудами по русской диалектологии являются работы академика А. А. Шахматова и атлас русских диалектов, составленный под руководством Р. И. Аванесова: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова: В 2 ч. — М., 1957.

Схема 50

Внутренние сравнения в динамике исторического развития языков

менности эпистолярной, отчасти также текстами местной деловой прозы. Изучением отношений литературного языка и диалектов занимается филологическая дисциплина **история языка**.

Памятники письменности позволяют проследить историческую динамику письменного литературного языка. Литературное произношение регулируется нормами письма и поэтому слабо реагирует на эволюцию звукового строя, так как графика фиксирует нормативное произношение и тем самым замедляет процесс изменений в плане выражения. Однако в плане содержания литературный язык видоизменяется достаточно быстро, что прежде всего характерно для грамматических категорий и синтаксических конструкций.

Эволюция языкового строя письменных литературных языков является предметом изучения в рамках **исторической грамматики** — филологической дисциплины, объясняющей происхождение категорий и форм современного литературного языка. Первая историческая грамматика русского языка была создана Ф. И. Буслаевым (1818—1897)¹.

С этой дисциплиной связана **история письменного литературного языка**. Историческая эволюция форм и категорий письменного литературного языка зависит от характера текстов и их функционального назначения. Функциональное назначение текстов предопределяет необходимость соответствующих изменений в строе предложения, следствием чего оказывается неизбежный отбор новых морфологических форм. Этому содействует и характер лек-

сики, также обусловленный учетом функционального назначения текстов. Исследование лингвистических черт функциональных стилей и является предметом истории письменного литературного языка.

Словарь и фразеология литературного языка постоянно расширяются и совершенствуются благодаря творчеству писателей в области художественной литературы. Наиболее ярко это представлено в словарях языка писателей. Помимо этого, лексическое пополнение речевого состава и эволюцию языка художественных произведений отражает история становления художественной литературы. Исследования в этой области составляют предмет **истории языка художественной литературы**, фундаментально разработанный академиком В. В. Виноградовым (1895—1969)¹.

Развитие лингвистических дисциплин сравнительно-исторического цикла и их внутренние взаимосвязи представлены в схеме 50.

¹ См.: Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка: В 2 ч. — М., 1858.

¹ См.: Виноградов В. В. История русского литературного языка // Издр. труды. — М., 1978; Он же. О языке художественной прозы // Издр. труды. — М., 1980.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Лекционный курс «Введение в языкознание» в том виде, как он представлен в данном учебнике, читался начиная с 1987 г. моим учителем и наставником профессором Юрием Владимировичем Рождественским для студентов филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Последняя лекция датируется 15 мая 1997 г.

Высочайшее риторическое мастерство лектора, его уникальное умение просто и доходчиво излагать самые сложные проблемы в короткий срок сделали этот курс не только едва ли не самым популярным на факультете, но и широко известным в других вузах страны. Стала очевидной необходимость написания учебника.

Ю. В. Рождественский оказал мне честь, обратившись с предложением сотрудничества по созданию текста такого учебника.

Стратегическую цель курса мы сформулировали следующим образом: ознакомление слушателей и преподавание им системы понятий и терминов, которыми пользуется любая языковедная дисциплина, — это введение в весь цикл лингвистических, а отчасти также литературоведческих предметов.

Наш курс должен был исходить, во-первых, из истории и непрерывности традиций развития языкознания и, во-вторых, из современной практики контактов языковедных знаний с риторикой, поэтикой, философией, историей и теорией литературы, историей и теорией культуры.

С этой точки зрения под основной задачей курса мы понимали представление практики и теории обучения языкам в их разновидностях, итогом чего должно стать познание культуры и включение обучающегося в общественную жизнь. Поэтому сугубое внимание было уделено показу особой роли языка в обществе — роли посредника между всеми семиотическими системами и одновременно роли системы «общего пользования». Именно в этом своем качестве язык понимается как средство формирования и передачи мысли и как инструмент культуры.

В мою задачу как ассистента входила подготовка для лекций предварительных материалов, которые затем получали апробацию лектора, замена его в отдельных (единичных) случаях на лекциях и проработка всех принципиально важных и наиболее трудных тем курса на семинарских занятиях со студентами.

Эти занятия строились и велись в соответствии с программой данного курса, которую мне было поручено представить на одном из заседаний кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Заведующим кафедрой был Ю. В. Рождественский. С положительными рецензиями на эту программу выступили профессоры кафедры Олег Сергеевич Широков и Николай Георгиевич Комлев, которым я глубоко признателен за ряд ценных замечаний. Светлая память о них, уже ушедших из жизни, всегда будет с теми, кто их знал.

Итоги работы в семинарах по каждой теме курса обобщались мною в виде развернутых планов-конспектов, которые затем, после обсуждения с лектором и необходимой правки включались в общий текст учебника.

Беловой вариант рукописи в полном объеме Ю. В. Рождественский успел просмотреть и сделал последние замечания и исправления. Все они учтены и включены в окончательный текст учебника.

Юрий Владимирович Рождественский ушел из жизни 24 октября 1999 г., не дожив менее двух месяцев до своего 73-летия. Курс «Введение в языкознание», который он возродил и построил на новых принципах — принципах, ориентированных на развитие науки о языке в XXI в., был его любимым детищем. Настоящий учебник, содержательные достоинства которого целиком заслуга его творца, а все недостатки полностью лежат на мне, есть дань благодарной памяти замечательному ученому и независимому Учителю.

А. В. Блинов

ЛИТЕРАТУРА

- Античные теории языка и стиля. — СПб., 1996.
- Аристотель. Поэтика // Соч.: В 4 т. — М., 1984.
- Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка: В 2 ч. — М., 1858.
- Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике // Избр. труды. — М., 1975.
- Виноградов В. В. История русского литературного языка // Избр. труды. — М., 1978.
- Виноградов В. В. О языке художественной прозы // Избр. труды. — М., 1980.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М.; Л., 1947.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1984. — Т. 2.
- Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. III.
- Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избр. труды по языкоznанию. — М., 1984.
- Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. — М., 1967.
- Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Трунин-Донской В. Н. Общая и прикладная фонетика. — М., 1986.
- Кучеров В. Я., Лобанов Б. М. Синтезированная речь в системах массового обслуживания. — М., 1983.
- Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. — М.; Л., 1945.
- Платон. Собр. соч.: В 4 т. — М., 1990—1994.
- Пожарская С. К. Современный русский язык. Фонетика. — М., 1985.
- Сепир Э. Избр. труды по языкоznанию и культурологии. — М., 1993.
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. — М., 1985.
- Трубецкой Н. С. Избр. труды по филологии. — М., 1987.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — СПб., 1996.
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л., 1941.
- Шеворонкин В. В. Звуковые цепи в языках мира. — М., 1969.
- Широков О. С. Введение в языкоznание. — М., 1985.
- Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка. — М., 1985.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
От авторов	8
Лекция 1. Язык	9
Понятие «естественный язык»	9
Множественность языков	9
Знаковость языка	11
Семиотические системы	12
Семиотические свойства языка	18
Историко-культурное развитие языка	20
Язык как культурная ценность	22
Культура языка	23
Лекция 2. Речь, язык, языковая личность	25
Система речи	25
Язык как предмет лингвистики	36
Языковая личность	41
Лекция 3. Лингвистика в кругу филологических наук	44
Состав филологических наук	44
Прикладные науки	45
Фундаментальные лингвистические дисциплины	48
Нормативные науки. Проблема нормирования речевых отношений	52
Лекция 4. Метод лингвистики	56
Метод и методика в лингвистике	56
Речевая цепь	56
Однократность понимания	57
Коммутация и отождествление языковых единиц	58
Дистрибуция	59
Ярусы языковой системы	63
Уровни языка: лексика, фонетика, грамматика	68
Выбор и лингвистическое истолкование материала речи	70
Лекция 5. Именование	72
Номинация	72
Первичная номинация. Имена собственные	76

Вторичная номинация. Имена нарицательные	83
Терминотворчество	93
Виды терминов	95
Лекция 6. Словообразование	105
Образование слов. Этимология	105
Словотворчество. Народная (поэтическая) этимология	107
Словообразование	111
Словопроизводство	117
Словарная этимология	119
Научная этимология	122
История слов — литературная этимология	124
Смысловая структура отдельного слова	125
Лекция 7. Лексикологическая классификация слов	127
Пополнение словаря из речи	127
Идентификация слов	130
Источники пополнения словаря литературного языка	134
Пополнение словаря извне — заимствования	135
Пополнение словаря изнутри — ресурсы языка	136
Высокий и низкий стиль	137
Стилевые различия в текстах	138
Общая картина лексики	141
Лекция 8. Части речи	144
Общее понятие частей речи	144
Части речи в Александрийской грамматике	145
Части речи в «Грамматике Пор-Рояль»	147
Формальные признаки частей речи	149
Универсальная система частей речи	151
Универсальные грамматические значения в системе частей речи	153
Модель становления частей речи	155
Лекция 9. Синтаксис	159
Основные категории синтаксиса	159
Теория словосочетаний	160
Связь словосочетаний	164
Теория членов предложения К. Ф. Беккера	166
Усложнение предложения	169
Известное и сообщаемое в предложении	172
Универсальность членов предложения и различия языков	172
Предложение	174
Лицо в предложении	180
Классификация предложений	182

Лекция 10. Словоизменение	188
Отдельность и тождество слова	188
Грамматическая категория	190
Синтаксические и несинтаксические категории словоизменения	193
Предложное управление и роль послелогов	195
Синтетические и аналитические формы	196
Основные синтаксические категории словоизменения в их отношении к частям речи и членам предложения	198
Частные лексико-грамматические категории	200
Словообразование за счет словоизменения	205
Классификация грамматических категорий	208
Общие и частные лексико-грамматические категории	210
Синтаксические и несинтаксические грамматические категории	211
Лекция 11. Фонетика и фонология	214
Предмет фонетики	214
Формирование навыков членораздельной речи	214
Артикуляционная база	215
Анализ звуков речи	215
Систематизация звуков речи	221
Артикуляционная база конкретного языка	224
Понятие фонемы	226
Слог	227
Фонетические процессы	228
Ударение	229
Фонема как связь планов выражения и содержания	231
Применение фонологических и фонетических исследований	235
Лекция 12. Звучащая речь	240
Членение речи	240
Темп, громкость, метризованность речи	243
Личный стиль произношения	244
Произношение различных жанровых речевых форм	248
Риторические требования к созданию речи	250
Физические характеристики речевых знаков	251
Выражение речевых эмоций	252
Лекция 13. Морфонология	258
Предмет морфонологии	258
Сигнifikативная функция фонемных композиций в языках разных типов	259
Взаимовлияние звуков в разных условиях реализации сигнifikативной функции фонем	262

Типологические характеристики языка в связи с характером сигнifikативной функции фонем	263
Варьирование морфемного состава слов при словообразовании	266
Варьирование фонемного состава морфем	268
Перенос ударения	270
Стилистическое варьирование морфем	271
Лекция 14. Письмо	273
Предмет теории письма	273
Ареалы письма	274
Грамматическая организация письменной традиции	280
Структура письма	282
Смыловые свойства письма	283
Стили письма	285
Искусство книжной печати и компьютерной графики	288
Культурно-исторические классы языков	290
Лекция 15. Типология	292
Предмет и метод лингвистической типологии	292
Универсалии языкового строя	293
Язык-эталон	296
Типологические классификации	298
Общие типологические классификации	299
Различие общих классификаций и их назначение	301
Уровневые классификации языков	303
Типологическая теория	306
Лекция 16. Сравнительно-историческое языкоzнание (комparативистика)	309
Сравнительно-историческое языкоzнание по отношению к типологии языков и сопоставительному языкоzнанию	309
Принципы сравнительно-исторического языкоzнания	310
Предпосылки историко-культурных языковых сравнений	311
Процедуры сравнительно-исторического метода	313
Проблема генеалогической классификации языков	317
Лингвистические реконструкции	318
Этимология	319
Степень изученности сравнительно-историческим методом разных языковых семей	321
Применение сравнительно-исторического метода к изучению конкретного языка	323
Послесловие	326
Литература	328